Власть истории – История власти

Том 11. Часть 2. (№60)

The Power Of History – The History Of Power

Volume 11. Issue 2. (№60)

Свидетельство о регистрации средств массовой информации

ПИ № ФС77-61481 от 24 апреля 2015 г.

Эл № ФС77-61482 от 24 апреля 2015 г.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Власть истории – история власти» обязательна.

Рукописи рецензируются.

Журнал входит в Перечень **ВАК** (№ 694)

Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад в поддержку проекта.

ISSN 2415-7015
8 номеров в год
E-mail: etnosocium@mail.ru
Сайт: http://etnosocium.ru/vi
Язык: русский, английский.

Зам. гл. ред. С.В. Рыбаков
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500
Усл. п. л. 17

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «Этносоциум»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «Этносоциум»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Москва 2025

Certificate of registration of mass media

ПИ № ФС77-61481
Founded in April 24, 2015

Эл № ФС77-61482
Founded in April 24, 2015

The journal is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

"The Power Of History" aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

The journal is included in the list of **HAC** (№ 694)

We express our gratitude of the outstanding scientists and public figures, who made a financial contribution to the project.

ISSN 2415-7015
8 issues per year
E-mail: etnosocium@mail.ru
Website: http://etnosocium.ru/english/The-Power-Of-History-vi-iv
Languages: Russian, English

Deputy Chief Editor: Rybakov S.V.
Corrector: Belousova E.A.
Paper: offset
Types: Minion Pro
Format: 60x90
Copies: 500

The original layout was prepared by the International Publishing Center «Ethnosocium»
Printed in the printing house of the International Publishing Center «Ethnosocium»
105066, Moscow, Spartakovskaya st., 19, building 3.

Moscow 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Зам. Главного Редактора, руководитель проекта:

Рыбаков С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Долгенко А.Н., доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков. Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ненарокова М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков ИИЯ РУДН, ведущий научный сотрудник, отдел Классических литератур Запада и сравнительного литературоведения. Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ) РАН. Переводчик.

Нагорнова Е.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Никашина Н.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Клименко Д.А., кандидат филологических наук, специалист по Италии.

Мурашко С.Ф., кандидат психологических наук, профессор кафедры русского и иностранных языков. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Ивакин Г.А., доктор исторических наук, профессор, эксперт. Заместитель директора ФГБНУ «Психологический институт РАО».

Наумова Г.Р., доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ).

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Ковалева Н.А., доктор филологических наук, доцент. Профессор кафедры русского языка и литературы Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР).

Летуновский П.В., кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-кономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Варсонофьев В.В., кандидат политических наук, военный эксперт.

Чапкин С.В., почетный академик, президент «Академии экологии и права».

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Вражнова М.Н., доктор педагогических наук, профессор, МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Курбонзода Хонали, доктор исторических наук, Ректор Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования, Республика Таджикистан, г. Душанбе.

Платонова Н.М., доктор исторических наук. Доцент кафедры «Теория и история государства и права» Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный государственный университет путей сообщения» (г. Хабаровск).

EDITORIAL BOARD

Deputy. Chief Editor and Project Manager:

Rybakov S.V., Doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Ural Federal University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of National and Federal Relations of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Dolgenko A.N., Doctor of Philology. Head of the Department of Russian and Foreign Languages at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Nenarokova M.R., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, RUDN University, Leading Researcher, Department of Classical Literature of the West and Comparative Literature. Institute of World Literature RAN. Interpreter/Translator.

Nagornova E.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia.

Nikashina N.V., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia.

Klimenko D.A., Candidate of Philology, specialist in Italy.

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Expert. Deputy Director of the Federal State Budgetary Scientific

Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”.

Naumova G.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kovaleva N.A., Doctor of Philology, Associate Professor. Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Foreign Languages of Nanjing University (PRC).

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the A.M. Vassilevsky Soviet Union.

Varsonofiev V.V., Candidate of Political Science, Military expert.

Chapkin S.V., Honorary Academician, President of the “Academy of Ecology and Law”.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Vrajnova M.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Road Construction University (MADI).

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences, Rector of the «National Institute of professional development and training of educators».

Platonova N.M., Doctor of Historical Sciences. Associate Professor of the Department “Theory and History of State and Law” of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Far Eastern State University of Communications” (Khabarovsk).

Содержание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЛИНГВИСТИКА

Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Типичные ошибки при образовании множественного числа имен существительных в английском языке.....12

Унатлоков В.Х., Мишин Д.А., Куровский С.В. Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»).....21

Кропта О.А. Русская орфография: коммуникативный аспект.....32

Луговская М.Ю. Лексико-синтаксические окказионализмы М.И. Цветаевой как яркая примета ее идиолекта.....40

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Драматическая история установления государственных границ.....49

Упоров И.В. Территориальное устройство на местном уровне в истории России: основные тенденции развития.....60

Петрова С.И., Петров И.Ф. Экзистенциализм как символ культуры двадцатого столетия.....67

Напсо М.Б., Агирбов Т.Р. Информация, информационное воздействие в условиях особых свойств современной информационной среды.....76

Бобышев С.В., Лушкина Т.А. Процесс трансформации человеческой деятельности в условиях цифровизации общества.....88

Галаева З.С.-Г. Методология исследования миграционных процессов.....99

Залюбовская В.В., Буняева К.В. Немецкий оккупационный режим на территории Курской области: силы, средства и методы утверждения (1941-1943 гг.) (по донесениям советской агентуры).....108

Дегтярев А.П. Социальные вопросы воинских чинов и их семейств в решениях государственного совета России в последние десятилетия XIX - начале XX вв. (1881-1905 гг.).....116

Демидов А.В. Истоки смутного времени в Российском государстве в конце XVI - начале XVII веков.....127

Евдокимов И.Д. «Пятилетка пышных похорон»: эпоха политических интриг.....134

Кураев А.М., Самарец А.В., Клепиковский А.А.
Идеологические основы воспитания
офицеров на основе изучения военного опыта.....145
Нусипбекова А.А., Липунова Л.В.
Проблема объективного анализа деятельности
П.А. Столыпина, направленной на становление
парламентаризма в России и укрепление взаимодействия
между советом министров и государственной думой I и II созывов.....151
Шелудяков И.Ф. Торговля в калужской губернии
в годы НЭПа (по материалам газеты «Коммуна»).....157
Чернова Л.М. Ф.И. Тютчев
как политический мыслитель: исследование взглядов поэта
на ключевые события политической истории.....166
Черкасов А.В., Козлов М.Н.
Вариативность подходов к выделению
ключевых факторов становления человека современного
антропологического вида в работах крымских археологов XX в.....175
Галаева З.С.-Г. Мотивы и проблемы миграции населения.....181
Фельдман А.Л. Роль императора Петра 1
в зарождении нефтяного дела в России.....189
Попов А.В. Технический комитет
Главного интендантского управления Красной Армии накануне
и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.....198

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Долгушина П.С., Шостак В.А., Синегубов С.Н.
Истоки толерантности к деятельности Адольфа Гитлера
и направлениям нацизма в странах Европы. Генезис неонцизма.....206
Штоль М.В. Арктический регион
в политике циркумполярных стран в период разрядки
в международных отношениях в 70-е годы XX века.....213
Еэрфань Хайфэйцзы, Пэйцян Ни Исследование личного
обаяния Чжу Дэ с позиции теории харизматического лидерства.....226
Карпук О.К. Стратегическое сотрудничество
между Китаем и Советским Союзом 1949-1955 гг.....242

Аннотации.....251
Авторы.....266

Content

PHILOLOGICAL SCIENCES, LINGUISTICS

Murashko S.F., Rudakova S.V. Typical mistakes in the formation of plural nouns in English.....12

Unatlokov V.Kh., Mishin D.A., Kurovsky S.V. Comparative analysis of concepts in Russian and Chinese languages (based on the example of the concepts «soldier», «success», «study»).....21

Kropta O.A. Russian spelling: a communicative aspect.....32

Lugovskaya M.Yu. M.I. Tsvetaeva's lexical and syntactic occasionalisms as a vivid sign of her idiolect.....40

ACTUAL QUESTIONS OF HISTORICAL SCIENCES

Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The dramatic history of the establishment of state borders.....49

Uporov I.V. Territorial structure at the local level in the history of Russia: main development trends.....60

Petrova S.I., Petrov I.F. Existentialism as a symbol of twentieth-century culture.....67

Napso M.B., Agirbov T.R. Information, information impact in the conditions of special properties of the modern information environment.....76

Bobyshev S.V., Lushkina T.A. The process of transformation of human activities in the conditions of digitalization of society.....88

Galaeva Z.S.-G. Methodology for the study of migration processes.....99

Zalyubovskaya V.V., Bunyaeva K.V. German occupation regime in the Kursk region: forces, means and methods of approval (1941-1943) (according to reports from soviet agents).....108

Degtyarev A.P. Social issues of military ranks and their families in the decisions of the state council of Russia in the last decades of the XIX - early XX centuries (1881-1905).....116

Demidov A.V. The origins of the time of troubles in the Russian State in the late XVI - early XVII centuries.....127

Evdokimov I.D. «The age of magnificent funerals»: the era of political intrigue.....134

Kuraev A.M., Samarats A.V., Klepikovsky A.A. Ideological foundations of officers' training based on the study of military experience.....145

Nusipbekova A.A., Lipunova L.V. The problem of objective analysis of P.A. Stolypin's policy aimed at establishing parliamentarism in Russia and strengthening cooperation between the council of ministers and the State Government of the first and second convocations.....151
Sheludyakov I.F. Trade in Kaluga province during the NEP years (based on the materials of the newspaper «Commune»).....157
Chernova L.M. F.I. Tyutchev as a political thinker: a study of the poet's views on the key events of political history.....166
Cherkasov A.V., Kozlov M.N. Variability of approaches to the identification of key factors in the formation of a modern anthropological person in the works of Crimean archaeologists of the twentieth century.....175
Galaeva Z.S.-G. Motives and problems of population migration.....181
Feldman A.L. The role of Emperor Peter I in the emergence of the oil business in Russia.....189
Popov A.V. Technical Committee of the Main Quartermaster Directorate of the Red Army on the eve of and during the Great Patriotic War of 1941-1945.....198

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GENERAL HISTORY

Dolgushina P.S., Shostak V.A., Sinegubov S.N. Origins of tolerance to the activities of Adolf Hitler and the directions of Nazism in European countries. The genesis of neo-nazism.....206
Shtol M.V. The Arctic region in the politics of circumpolar countries during the period of detente in international relations in the 70-s of the twentieth century.....213
Yeerfan Haifeizi, Peiqiang Ni Research on Zhu De 's personal charm from the perspective of Charismatic leadership theory.....226
Karpuk O.K. Strategic cooperation between China and the Soviet Union 1949-1955.....242

Abstracts.....259
Authors.....269

Мурашко С.Ф.

Кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Рудакова С.В.

Кандидат психологических наук, доцент, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Типичные ошибки при образовании множественного числа имен существительных в английском языке*

Аннотация. Статья посвящена одной из сложных категорий грамматики английского языка – образованию множественного числа существительных и наиболее частым ошибкам, которые допускают изучающие английский язык. В статье рассмотрены различные способы образования множественного числа, даны примеры как правильного, так и неправильного употребления форм множественного числа слов, представляющих трудности, а также рекомендации, как избежать ошибок в речи.

Ключевые слова: множественного числа имен существительных, грамматическая категория, морфологическая модель, суффикс, лексическое заимствование.

Murashko S.F.

Candidate of Psychological Sciences, Professor of A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Rudakova S.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

* © Мурашко С.Ф., Рудакова С.В., 2025.

Typical mistakes in the formation of plural nouns in English

Abstract. The article is devoted to one of the complex categories of English grammar – the formation of the plural of nouns in English and the most common mistakes made by English language learners. The article examines various ways of forming plurals, provides examples of both correct and incorrect use of plural forms of words that present difficulties, as well as recommendations on how to avoid mistakes in speech.

Key words: the plural of nouns, grammatical category, morphological model, suffix, lexical borrowing.

Образование множественного числа имен существительных в английском языке кажется простой темой, но даже продвинутые ученики допускают ошибки. Некоторые слова меняются по стандартным правилам, другие — по исключениям, а третьи и вовсе не изменяются. Образование множественного числа в английском языке представляет собой системную, но не лишенную исключений грамматическую категорию. В отличие от русского языка, где множественное число образуется преимущественно через изменение окончаний по строгим морфологическим моделям, английская система сочетает в себе:

1. Стандартные правила добавления **-s/-es**.
2. Исторически сложившиеся исключения.
3. Заимствованные формы из других языков.
4. Лексические единицы с уникальным поведением.

Особую сложность для русскоязычных учащихся представляют:

- Несоответствие между написанием и произношением окончаний.
- Большое количество заимствованных слов с сохранившимися оригинальными формами.
- Контекстуальная зависимость некоторых случаев.

В данной статье мы систематизируем все случаи образования множественного числа, уделяя особое внимание:

- фонетическим особенностям;
- историческому развитию форм;
- типичным ошибкам русскоязычных учащихся;
- практическим приемам запоминания.

Неправильное произношение суффикса **-s/-es** множественного числа в английском языке является едва ли не самой распространенной ошибкой учеников. Суффикс **-s/-es** имеет три варианта произношения:

1. [s] после глухих согласных: *cats [kæts], books [bʊks];*

2. [z] после звонких согласных и гласных: *dogs [dɒgz], trees [triːz];*

3. [ɪz] после шипящих и свистящих звуков: *buses [ˈbʌsɪz], watches [ˈwɒtʃɪz].*

К типичным ошибкам при образовании множественного числа относятся: неразличение звонких и глухих вариантов, добавление лишнего слога там, где его нет и опущение суффикса, особенно часто это происходит в быстрой речи.

Рассмотрим морфологические модели образования множественного числа существительных. В большинстве случаев множественное число существительных в английском языке образуется с помощью суффикса **-s**. К таковым относится большинство односложных существительных и многосложные слова, не попадающие под особые случаи. *Например: car → cars, computer → computers.* Немые буквы в написании сохраняются: *knife → knives [naɪvz].*

Суффикс **-es** употребляется в том случае, если слова заканчиваются на:

1. **-s, -ss, -sh, -ch, -x, -z**: *box → boxes, quiz → quizzes*

2. **-o**: *tomato → tomatoes, potato → potatoes.*

Исключение: *piano → pianos, photo → photos.*

3. Некоторые исторически сложившиеся исключения в образовании множественного числа английских существительных. Это явление восходит к древнеанглийскому языку, где множественное число образовывалось через изменение корневой гласной.

Например: *foot → feet, goose → geese, man → men, tooth → teeth, woman → women.* Эти и подобные существительные вызывают особую сложность, поскольку относятся к частотной лексике, т.е. входят в группу слов, которые употребляются наиболее часто.

Несколько существительных при образовании множественного числа попринимают основообразующий суффикс **-n**, который восходит к окончанию **- an** древнеанглийского слабого склонения. К таким существительным относятся: *child → children, ox → oxen* (архаичная форма), *brother → brethren* (устаревшая форма, употребляется в религиозном контексте), *cow → kine* (архаичная или диалектная форма).

4. Английский язык обладает уникальной особенностью — он чрезвычайно открыт для *lexical borrowing* (лексических заимствований). Это связано с богатой историей Британских островов, в которой можно выделить следующие этапы:

- латинское влияние (римское завоевание, церковная латынь);
- скандинавские языки (эпоха викингов VIII-XI вв.);
- нормандское завоевание (французский как язык аристократии);
- эпоха колониализма (контакты с языками Азии, Африки, Америки).

Сохранение оригинальных форм множественного числа существительных в английском языке является прежде всего признаком образованности,

т.к. многие заимствованные слова пришли через научные труды и сохранили “академические” формы. Сохранение оригинальных форм также необходимо для смыслового различения — иногда оригинальная и англизированная формы приобретают разные значения. Наконец, не последнюю роль в этом играет языковой консерватизм — особенно в профессиональных сферах (медицина, юриспруденция, биология). Интересным является тот факт, что около 60% английской лексики имеет неанглийское происхождение, но лишь 10-15% сохраняют оригинальные формы множественного числа.

Многие слова латинского происхождения, относящиеся к ранним заимствованиям, пришли в английский язык через французский и полностью ассимилированы: *table* → *tables* (от лат. *tabula*), *mountain* → *mountains* (от лат. *montanea*).

Часто сохраняют латинские формы научные термины XVI-XIX вв.: *fungus* → *fungi, alumnus* → *alumni, cactus* → *cacti* / *cactuses* (допустимы оба варианта), syllabus → *syllabi/syllabuses*, *focus* → *foci* / *focuses* (в математике предпочтителен *foci*), *bacterium* → *bacteria* (в медицине только такая форма), *datum* → *data* (в лингвистике сохраняется различие). Хотя в современной тенденции слова типа “*data*” постепенно становятся неисчисляемыми существительными. Так, в IT-сфере принято говорить “*the data is*” вместо “*the data are*”. Некоторые существительные латинского происхождения образуют множественное число, используя модель **-a** → **-ae**: *formula* → *formulae* (в математике) / *formulas* (в быту), - *vertebra* → *vertebrae* (в анатомии), при этом **-ae** читается как [iː] в классическом варианте и упрощается до [eɪ] в американском английском.

Следует отметить, в профессиональной речи (биология, медицина) употребляются только латинские формы множественного числа, а в бытовой речи допустимы англизированные варианты.

Довольно значительный пласт заимствованной лексики от философии до науки в английском языке занимают слова греческого происхождения, сохраняя форму множественного числа языка заимствования.

Особенности грецизмов в английском языке заключаются в двойной транслитерации: через латинское посредничество и прямые заимствования в Новое время. Сферы употребления грецизмов включают философские термины, медицинскую номенклатуру и научные дисциплины.

Основные парадигмы образования множественного числа существительных можно описать следующим образом: **-is** → **-es** и **-on** → **-a** Например: *basis* → *bases, crisis* → *crises, analysis* → *analyses*; *criterion* → *criteria, phenomenon* → *phenomena.*

К частые ошибкам относятся *гиперкоррекция (*использование “*criteria*” как единственного числа) и *контаминация* (“*phenomenons*” вместо “*phenomena*”).

Другие языковые влияния: 1) французские заимствования: *bureau → bureaux / bureaus, tableau → tableaux / tableaus*; 2) итальянские термины искусства: *libretto → libretti, tempo → tempi* (в музыке).

Однако следует обратить внимание на такие современные тенденции, как демократизация языка, когда в СМИ и повседневной речи преобладают англизированные формы: "*stadiums*" вместо "*stadia*", "*octopuses*" вместо "*octopi*" и профессиональный жаргон: медицине сохраняется "*appendices*", а не "*appendixes*", а в юриспруденции — "*indices*" для юридических показателей.

Говоря о «неправильных» формах множественного числа в английском языке (*irregular plural forms*), следует отметить, что существует много существительных, множественное число, которые вообще не изменяются при образовании множественного числа. Рассмотрим некоторые из самых важных из них с примерами предложений, которые помогут запомнить эту форму:

aircraft, **hovercraft**, **spacecraft**, and other **"-craft"** vehicles

There are two aircraft prepared for landing.

bison: *The bison were grazing in the distance.*

cod: *The cod are known to migrate in large numbers.*

deer: *Deer are an easy prey for wolves.*

fish: *Three fish swim in the fish tank.*

moose: *Moose actually belong to the deer family.*

offspring: *The gave birth to five offspring.*

pike: *The pike are big freshwater predatory fish.*

salmon: *Salmon are often seen jumping over dangerous waterfalls.*

sheep: *Three sheep were grazing in the field.*

shrimp: *Shrimp are among the most commonly eaten animals.*

trout: *The trout are fish related to the salmon.*

Кроме того, есть несколько существительных, которые могут принимать как правильные, так и неправильные формы множественного числа:

boar: *He saw several boar(s) in the woods.*

buffalo: *I hope there aren't too many buffalo(e)(s) outside.*

swine: Форма *swine* употребляется, когда речь идет непосредственно о животных: например: *Swine are reared extensively in Europe.*

Когда же это относится к людям, множественное число может иметь форму *swines*, например: *Those swines spilled their drinks on my couch and now it's all dirty.*

В английском языке прилагательные, используемые для описания нации или этнической группы, могут использоваться как существительные во множественном числе (часто с определенным артиклем *the*), например:

The <u>British</u> are notorious in Europe for their terrible cuisine.

They could learn a lot from the French.

Nevertheless, most Chinese enjoy a different kind of cuisine.

Многие английские существительные оканчиваются на **-s** в единственном числе. Большинство из них не представляют никакой проблемы; мало кто скажет "*these kiss were beautiful*" вместо "*these kisses*". Однако есть несколько, которые обычно неправильно понимаются изучающими как имеющие форму множественного числа:

news/ новости

Хотя эквивалентное слово во многих языках было бы во множественном числе, *news* — существительное в единственном числе, поэтому следует говорить:

*The news **is** being broadcast by all major TV stations. (**correct**)*

*The news **are** being broadcast by all major NV stations. (**wrong**)*

lens/ линза

В отличие от слова *news*, слово *lens* является исчисляемым, поэтому можно попытаться запомнить, что если может быть *two lenses*, то должна быть и *one lens*:

*His new lens is big. (**correct**)*

*His new lens are big. (**wrong**)*

series/ серия

Ещё более запутанная ситуация с множественным числом слова series. Глагол в единственном числе употребляется, если мы говорим об одной конкретной серии, например:

My favourite TV series has been cancelled.

Глагол во множественном числе употребляется, если мы говорим о нескольких сериях одновременно, например:

All the series on the Unknown Channel are good.

means/ средство

Так же, как и series, means уже является как единственной, так и множественной формой существительного, например:

Railway is a means [singular] of transportation, but there are also several other good means [plural] of transportation.

bellows/ мех, сильфон

Bellows — это инструмент, используемый для нагнетания воздуха. Как и в случае с *series*, множественное число слова *bellows* также имеет форму *bellows*, поэтому следует использовать глагол в единственном числе, когда говоритс об одном *bellows*, и глагол во множественном числе, когда говорится о нескольких.

measles/ корь

Measles — это болезнь, и, как вы, вероятно, заметили из предыдущего предложения, это слово стоит в единственном числе:

*Measles **is** especially common among children. (**correct**)*

*Measles **are** especially common among children. (**wrong**)*

Естественно, это неисчисляемое существительно, нельзя иметь two measles.

Christmas/ Рождество

Christmas — существительное употребляется только в единственном числе, и, следовательно, глагол с ним употребляется в единственном числе:

*Christmas **is** a great time of year. (**correct**)*

*Christmas **are** a great time of year. (**wrong**)*

chess/ шахматы

Игра chess в английском языке имеет единственное число:

*Chess **is** an intellectually demanding game. (**correct**)*

*Chess **are** an intellectually demanding game. (**wrong**)*

Существительные, которые имеют только множественное число

Наконец, рассмотрим существительные, которые имеют только форму множественного числа. Эти существительные едва ли могут сбить с толку учащихся, т.к. эквивалентное выражение на их родном языке употребляется тоже во множественном числе:

jeans, tights, trousers, pants, panties

Все эти чулочно-носочные изделия (*hosiery*) употребляются только во множественном числе, поскольку они идут парами (на обе ноги), а в английском языке форма единственного числа постепенно вымерла.

*Her new jeans/tights/trousers/pants/panties **are** black. (**correct**)*

*Her new jeans/tights/trousers/pants/panties **is** black. (**correct, died out**)*

Слово *trousers* в британском английском означает любую одежду, которая носится ниже талии и покрывает обе ноги по отдельности, тогда как в США это называют pants (а слово *trousers* используется только для определенных видов брюк). В британском английском *pants* означает то же самое, что *underpants* или *knickers*, т. е. вид нижнего белья. В американском английском их также обычно называют *panties*.

tongs, scissors, pliers, glasses, binoculars

Слово *tongs* не следует путать со словом *thongs* (множественное число от *thong* - разновидность нижнего белья), — это инструмент для захвата и подъема предметов, также используются во множественном числе, наряду с похожими инструментами, которые идут парами:

*The tongs/scissors/pliers **are** not big enough. (**correct**)*

*The tongs/scissors/pliers **is** not big enough. (**correct**)*

Другие существительные, которые каким-то образом представляют неразрывную пару, также обычно существуют только во множественном числе, например, *glasses, binoculars*. Так же, как и в случае с *hosiery* (чулочно-носочные изделия), принято называть парой слов:

Peter has just got two new pairs of glasses.

Есть много других примеров существительных, которые существуют только во множественном числе. Ниже представлены некоторые из наиболее распространенных:

clothes: (not to be confused with cloths)

remains: (the rests of something)

goods: (items intended for sale)

stairs: (we say one step rather than one stair)

arms: (in the sense of weapons)

outskirts: (of a city)

shenanigans: (mischief, craziness, trickery)

Для успешного изучения образования множественного числа существительных в английском языке можно предложить следующие ***практические рекомендации***.

1. Для общего английского языка:

- учить англизированные формы множественного числа;
- помнить не менее 15-20 самых частых исключений.

2. Для английского языка академических целей:

- освоить основные латинские и греческие парадигмы;
- пользоваться словарями по специальности.

3. Приемы запоминания:

- Следует создать тематические группы слов;
- использовать этимологические справки;
- практиковать в профессиональном контексте.

Важно помнить, что не существует «единственно правильного» варианта — выбор формы зависит от регистра речи, аудитории и традиций конкретной профессиональной среды.

Практические рекомендации по изучению.

К методам запоминания можно отнести:

1. Группировка по типам:

- составить таблицы по моделям образования;
- выделить цветом исключения.

2. Этимологический подход:

- изучение происхождения слов;
- понимание закономерностей заимствований.

3. Мнемотехника:

- создание ассоциативных связей;
- рифмованные правила.

К типичным ошибкам русскоязычных учащихся относятся:

1. Гиперкоррекция:

- применение сложных правил к простым случаям;

- избыточное использование латинских форм.

2. Фонетические ошибки:

- неправильное произношение окончаний;
- игнорирование изменений в транскрипции.

3. Калькирование с русского:

- попытки прямого переноса моделей;
- неучитывание категории исчислимости.

Для углубленного изучения материала по образованию множественного числа существительных изучающим английский язык рекомендуется работать с аутентичными текстами и обращать внимание на употребление форм в контексте.

И хотя носители английского языка не всегда используют в повседневной речи формы множественного числа из заимствованного языка, а чаще используют англизированные формы (т. к. они проще для употребления), знать и употреблять их нужно и важно, если человек хочет выглядеть образованным, обладающим высокой речевой культурой.

Как отмечает лингвист Дэвид Кристал: «Грамматическая точность — это не педантичность, а забота о ясности мысли и уважение к собеседнику». В современном мире, где английский стал языком международного общения, такие знания превращаются из формального требования в конкурентное преимущество.

Библиографический список:

1. Jakub Marian: Most common mistakes in English. An English Learner's guide. Sewanstrasse 217, Berlin, 10319, Germany.
2. Rachel Mitchell: Common English Mistakes. Book 2. // URL: www.onlineBooky.com
3. Oxford Learner's Dictionary. Oxford University Press. // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/
4. Каушанская В.Л., Кожевникова О.Н., Цырлина Ф.Я. и др. A Grammar of the English Language / Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов, Айрис-Пресс, 2016.
5. Уиткат Дж., Гринбаум С. Словарь трудностей английского языка. Русский язык, 1990.
6. Штелинг Д.А., Бархударов Л.С. Грамматика английского языка. Едиториал УРСС, 2021.

Reference

1. Jakub Marian: Most common mistakes in English. An English Learner's guide. Sewanstrasse 217, Berlin, 10319, Germany.
2. Rachel Mitchell: Common English Mistakes. Book 2. // URL: www.onlineBooky.com
3. Oxford Learner's Dictionary. Oxford University Press. // URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/
4. Kaushanskaya V.L., Kozhevnikova O.N., Tsyrlina F.Ya. et al. A Grammar of the English Language / English Grammar. Handbook for students of pedagogical institutes, Iris-Press, 2016.
5. Whitcut J., Greenbaum S. Dictionary of English language difficulties. Russian language, 1990.
6. Shteling D. A., Barkhudarov L. S. English Grammar. Editorial URSS, 2021.

Унатлоков В.Х.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Мишин Д.А.
Руководитель редакционно-издательского отдела, ООО «Высшая Школа Образования».

Куровский С.В.
Руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования».

Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»)*

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках. Научная проблема, затрагиваемая в данной работе, заключается в отсутствии единого подхода к прикладному, теоретическому, сопоставительному лингвистическому анализу концептов в научно-исследовательском сообществе. Цель научного исследования – осуществление сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»). В статье приведены тенденции концептуальных специфических и общих характеристик картины русского и китайского мира, исходя из сопоставительного анализа выбранных концептов в русском и китайском сознании людей. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности более глубокого понимания русского и китайского менталитетов, формирования эффективных взаимодействий и диалога между КНР и РФ.

Ключевые слова: концепты, сравнительный анализ, семантическое поле, сопоставительный анализ, русский и китайский язык, сознание людей, прикладной лингвистический анализ.

Unatlokov V.Kh.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Kabardino-Circassian Language and Literature, Kabardino-Balkarian State University.

* © Унатлоков В.Х., Мишин Д.А., Куровский С.В., 2025.

Mishin D.A.
Head of the Editorial and Publishing Department. LLC "Higher School of Education".

Kurovsky S.V.
Head of the Research Department of LLC "Higher School of Education".

Comparative analysis of concepts in Russian and Chinese languages (based on the example of the concepts «soldier», «success», «study»)

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of concepts in the Russian and Chinese languages. The scientific problem addressed in this work is the lack of a unified approach to applied, theoretical, comparative linguistic analysis of concepts in the research community. The purpose of the scientific study is to carry out a comparative analysis of concepts in the Russian and Chinese languages (using the concepts of "soldier", "success", "study" as an example). The article presents the trends in conceptual specific and general characteristics of the picture of the Russian and Chinese world, based on a comparative analysis of the selected concepts in the Russian and Chinese consciousness of people. The practical significance of the study is the possibility of a deeper understanding of the Russian and Chinese mentalities, the formation of effective interactions and dialogue between the PRC and the Russian Federation.

Key words: concepts, comparative analysis, semantic field, comparative analysis, Russian and Chinese languages, human consciousness, applied linguistic analysis.

Введение.

Популярность в современном языкознании приобретают когнитивные, прикладные лингвистические исследования. Для отечественного языкознания, несмотря на то, что история когнитивно-лингвистических исследовательских работ насчитывает несколько десятилетий, она стала в современных условиях самостоятельной парадигмой [1, с. 55]. Вместе с тем когнитивные прикладные исследования в китайском языкознании не осуществляются в таком же объёме по сравнению с российскими исследованиями. Поэтому проведение сравнительного анализа концептов в русской и китайской картине мира представляется весьма актуальным научным направлением.

Единица лингвистического прикладного анализа – устойчивое выражение, слово, синтаксическая единица, словосочетание, текст. В когнитивном исследовании единицей анализа может быть та, которая содержит специфические национальные идеи языковой картины современного мира [2, с. 18]. Семантическое языковое пространство, отражающее специфические

национальные идеи, организует вокруг себя концепт. Его можно вербализовать на разном уровне посредством единиц языка [3, с. 74].

По своему содержанию, согласно лингвистической науке, концепт – это ментальное образование языка. С его помощью можно закодировать рациональное и эмоциональное познание людей, соответственно понятия, умозаключения и эмоциональное восприятие явления.

Следует заметить, что в научно-исследовательском сообществе отсутствует единообразная и универсальная дефиниция термина «концепт». Как отмечает Н.Д. Арутюнова, концепт представляет собой результат сочетания ценностей, образов искусства, фольклора, национальных традиций и идеологии [4, с. 3].

По мнению Ю.С. Степанова, в сознании людей концепт отражает культуру, её вхождение в ментальную структуру индивида. Кроме того, посредством изучения различных концептов личность также входит в определенную культуру, может воздействовать на неё [5, с. 43].

В соответствии с позицией Ю.Н. Караулова концепт подразумевает ключевой компонент концептуальной модели национального мира. Он относится к сверхпонятию, способному обобщить картину мира, сознание людей [6, с. 274].

В лингвистике концепт может определяться в качестве глобальной мыслительной единицы, кванта структурированного знания [7, с. 4]. По мнению С.А. Аскольдова, концепт предполагает обобщенный образ мысли человека, сформированный под воздействием многовекового народного опыта бытия и национального сознания [8, с. 267].

Целесообразно отметить, что любой концепт имеет структуру. Его центром выступает ядро, содержащее совокупность наглядных и предметных образов. Периферийное поле концепта включает абстракции, ассоциации, установки сознания личности. Несмотря на то, что обозначенные структурные составляющие концепта несколько противоречивы, однако, как правило, через них раскрывается концептуальная модель конкретного национального мира.

На основе концептов можно уточнить культурные факты, духовно-материальные ценности, специфические черты картины национального мира, взаимодействия нескольких наций, привести основополагающие элементы национального восприятия, направления коммуникаций людей.

Цель научного исследования - осуществление сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»).

Материалы и методы исследования.

Для проведения научного исследования применялись различные методы, в частности: дедукция, индукция, сопоставительный анализ, лингви-

стический анализ, сравнительный анализ, анализ толковых словарей русского и китайского языка.

Сравнительный анализ концептов в русском языке осуществлялся при помощи:

- Большого толкового словаря С. Ожегова;
- Большого толкового словаря В. Даля;
- Большого толкового словаря С. Кузнецова;
- Толкового словаря Г. Скляровой.

Сравнительный анализ концептов в китайском языке проводился на основе анализа материалов:

- древнекитайского словаря;
- современного китайского словаря;
- словаря мандаринского языка;
- словаря иероглифов Синьхуа.

Результаты и их обсуждение.

1. Сравнительный анализ концепта «солдат» в русском и китайском языках. Результат семантического анализа концепта «солдат» в русском языке приведен на рисунках 1, 2.

В русском сознании концепт «Солдат» выступает значимой темой многовековой истории. В XVII столетии появилось слово «солдат» в русском языке, раньше для выявления военнослужащих использовалось просторечное сокращенное слово «вой» [9].

Солдат в русской картине мира – выносливый, храбрый, верящий в победу воин, сын своего Отечества. Образ такого человека широко представлен в литературных произведениях, музыке, кино, посвященным военной тематике и патриотизму. Среди литературных произведений российских писателей можно выделить: Г. Чухрай «Баллада о солдате», А. Рыбаков «Неизвестный солдат», А. Митяев «Подвиг солдата». Кино: «Единичка», «Я - русский солдат», «Брат».

Образ солдата в русской картине мира глубокий и сложный, он воплощается в качестве символа патриотизма, стойкости и мужества.

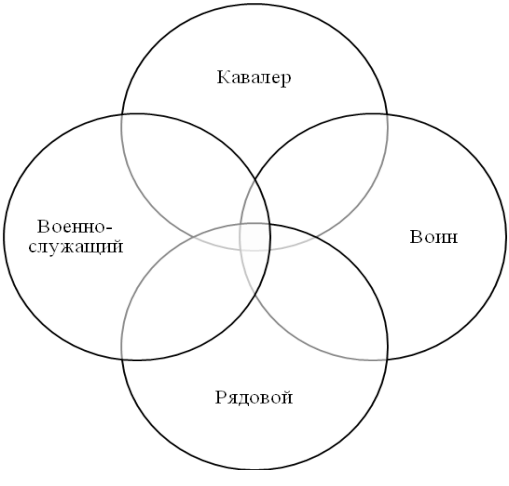


Рисунок 1. Ядро концепта «Солдат».

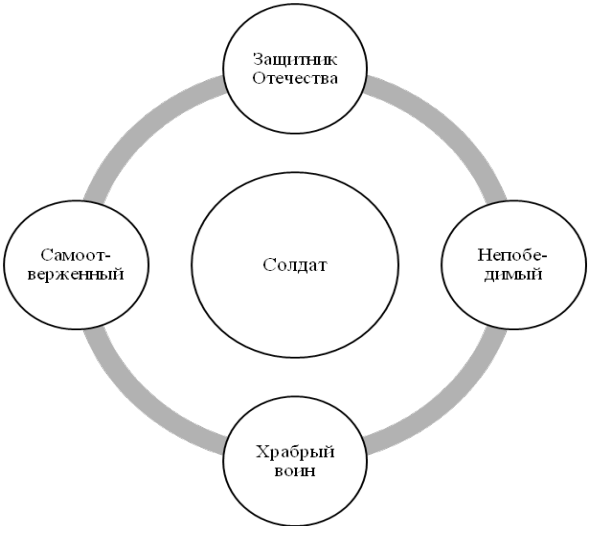


Рисунок 2. Периферийное поле концепта.

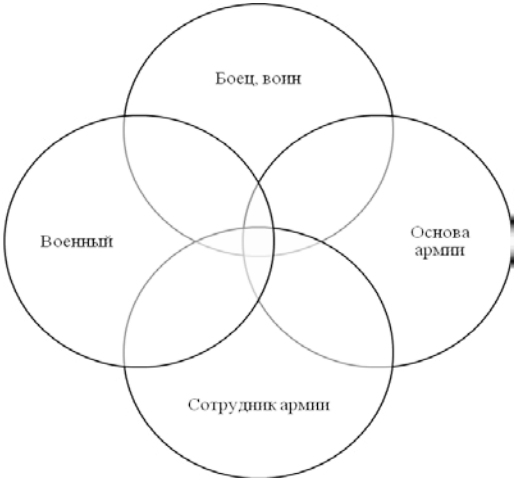


Рисунок 3. Ядро концепта «Солдат».

Результат семантического анализа концепта «солдат» в китайском языке приведен на рисунках 3, 4.

В китайской картине мира солдат олицетворяет армию и национальные войска. Аналогично российской картине мира в китайском сознании образ солдата широко представлен в литературных произведениях, музыке, кино, посвященным военной тематике и патриотизму. Кроме того, в русском и китайском языках солдат ассоциируется с храбростью, отвагой. Тем не менее, в китайском сознании встречается одна негативная коннотация концепта «солдат» - недостойное дело, которая объясняется стремлением китайцев уйти от выполнения воинских обязанностей в период феодализма, так как считали, что выполнение воинской повинности не является почётным делом.

2. Сравнительный анализ концепта «успех» в русском и китайском языках. Результат семантического анализа концепта «успех» в русском языке приведен на рисунках 5, 6.

Результат семантического анализа концепта «успех» в китайском языке приведен на рисунках 7, 8.

Для русской и китайской картины мира концепт «успех» является абстрактной категорией. Концепт обладает только положительными коннотациями, исходя из рисунков 6, 8. В периферийном поле концепта отмечаются культурологические различия между значениями концепта в русском и китайском сознании.

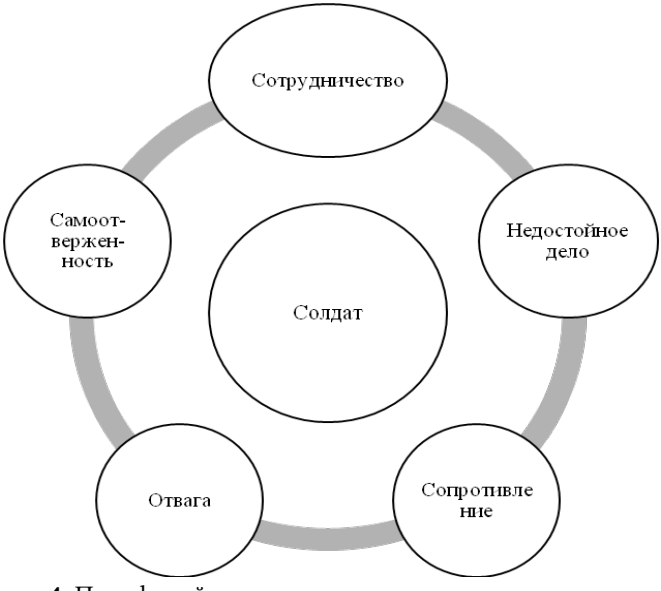


Рисунок 4. Периферийное поле концепта.

Рисунок 5. Ядро концепта «Успех».

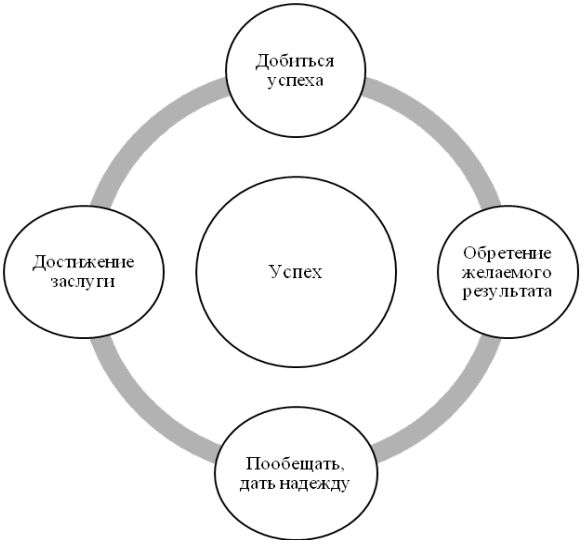


Рисунок 6. Периферийное поле концепта.

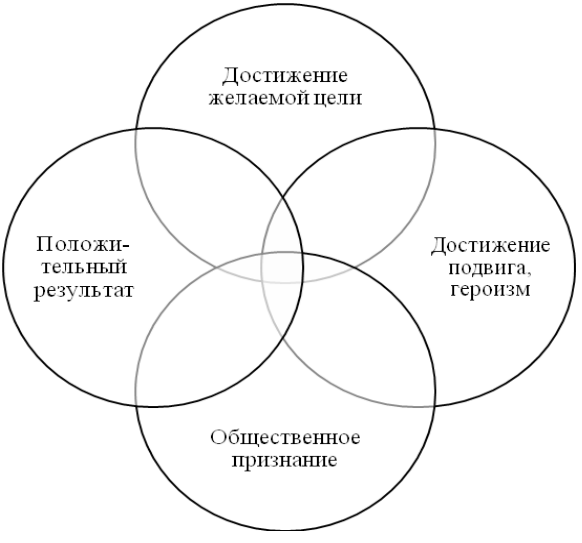


Рисунок 7. Ядро концепта «Успех».

В китайском менталитете успех определяется как способность получения желаемого результата, достижения поставленной цели, общественного признания. Вместе с тем успех сопоставляется с героизмом человека. Соответственно, успешность обусловлена тем, что человек целеустремлен в своём деле, не боится столкнуться с проблемами.

Для русского менталитета важностью обладает успешное завершение начатого дела. Человек успешен, если он достиг значительных результатов в трудовой и учебной деятельности. Стоит отметить, что в русском сознании успех взаимосвязан с удачей [10, с. 66].

3. Сравнительный анализ концепта «учёба» в русском и китайском языках. Результат семантического анализа концепта «учёба» в русском языке приведен на рисунках 9, 10.

Результат семантического анализа концепта «учёба» в китайском языке приведен на рисунках 11, 12.

В китайском и русском сознании ядром концепта «учёба» выступают

результаты и блага. Максимальная доля ядра концепта «учёба» была обнаружена у китайских студентов (48%). Соответственно, общий концептообразующий признак учёбы – результаты и блага.

Наиболее распространённые ассоциации концепта «учёба»: знания (общая ассоциация у русских и китайских студентов); ассоциации у русских студентов: стипендия, коммуникация, развитие, образование, опыт, работа; ассоциации у китайских студентов: прогресс, взросление, путь, свобода.

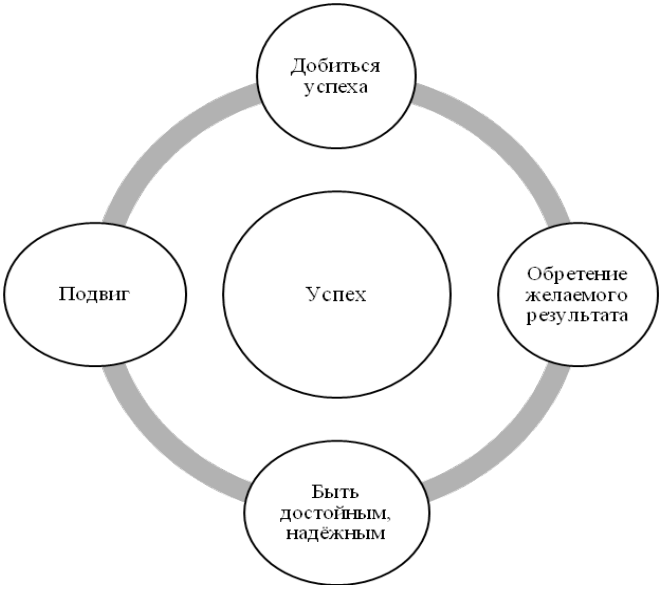


Рисунок 8. Периферийное поле концепта.

В первую очередь, для китайских и русских студентов концепт «учёба» ассоциируется с образованием и знаниями, тем не менее, результат

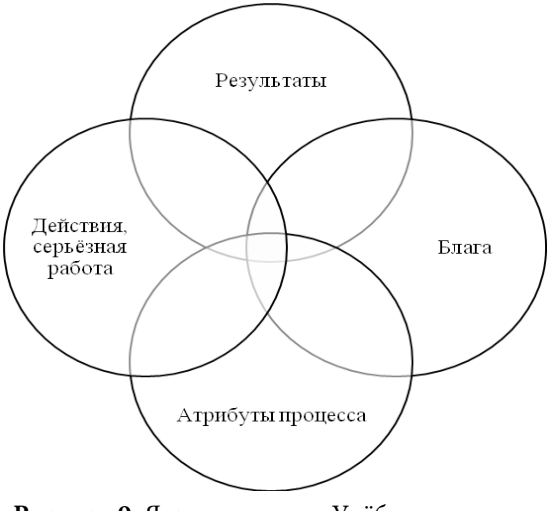


Рисунок 9. Ядро концепта «Учёба».

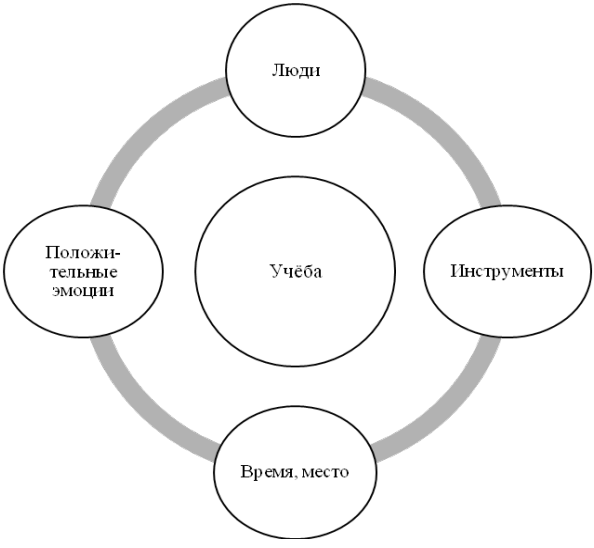


Рисунок 10. Периферийное поле концепта.

Рисунок 11. Ядро концепта «Учёба».

получения знаний и образования будет различаться. Поскольку китайцы максимально прагматичные, то они осуществляют действия для получения в будущем разных благ, обусловленных хорошим образованием. Это подтверждается такими реакциями китайцев, как счастье, свобода, богатство, деньги, будущее, мечтать, успех, выгода.

Вместе с тем тематический анализ показал, что ассоциативные реакции русских студентов отражают наименее прагматичное отношение к ситуации в отличие от китайцев: уверенность, информация, возможность, саморазвитие, профессия, кругозор, диплом, творчество. Учёба для русских студентов представляется как направление расширения кругозора, процесс получения определенных практических знаний для творчества и саморазвития. По сравнению с китайцами у русских студентов была зафиксирована лишь одна реакция, взаимосвязанная с получением материальных благ, - стипендия.

Выводы.

Языковые картины русского и китайского мира являются весьма непро-

стыми по содержанию и структуре. Отмечается сочетание традиционных основ языкознания и стремления идти в ногу со временем (актуализировать в исторически значимых темах и концептах современные аспекты языкознания).

Основные выводы проведенного научного исследования:

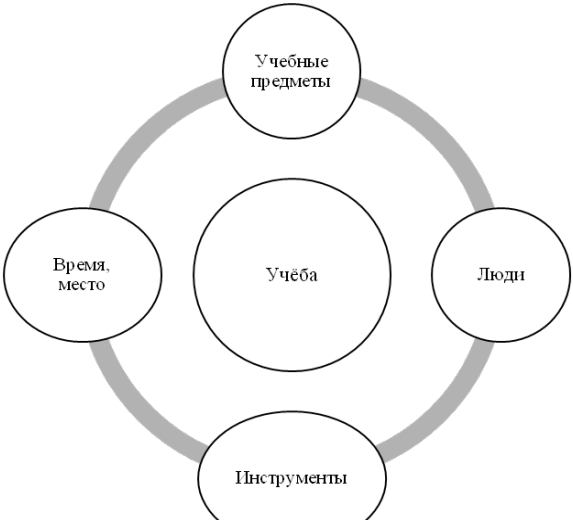


Рисунок 12. Периферийное поле концепта.

1. В китайской картине мира солдат олицетворяет армию и национальные войска. Аналогично российской картине мира в китайском сознании образ солдата широко представлен в литературных произведениях, музыке, кино, посвященным военной тематике и патриотизму. Кроме того, в русском и китайском языках солдат ассоциируется с храбростью, отвагой. Тем не менее, в китайском сознании встречается одна негативная коннотация концепта «солдат» - недостойное дело, которая объясняется стремлением китайцев уйти от выполнения воинских обязанностей в период феодализма, так как считали, что выполнение воинской повинности не является почётным делом.

2. Для китайской и русской культур концепт «успех» выступает абстрактной категорией, обладает положительными коннотациями. В китайском менталитете успех определяется как способность получения желаемого результата, достижения поставленной цели, общественного признания. Вместе с тем успех сопоставляется с героизмом человека. Соответственно, успешность обусловлена тем, что человек целеустремлен в своём деле, не боится столкнуться с проблемами. Для русского менталитета важностью обладает успешное завершение начатого дела. Человек успешен, если он достиг значительных результатов в трудовой и учебной деятельности. Стоит отметить, что в русском сознании успех взаимосвязан с удачей по сравнению с китайской картиной мира.

3. Учёба играет основополагающую роль в становлении и развитии китайской и русской культур. Общая ассоциация у российских и китайских студентов – знания. Тем не менее, результат получения знаний и образования будет различаться. Поскольку китайцы максимально прагматичные,

то они осуществляют действия для получения в будущем разных благ, обусловленных хорошим образованием. Учёба для русских студентов представляется как направление расширения кругозора, процесс получения определенных практических знаний для творчества и саморазвития.

Ограничения данного научного исследования: семантические поля выбранных концептов для сравнительного анализа изучались на малом объёме материалов (менее 8 словарных источников, отражающих русскую и китайскую языковую картину мира).

Перспективные направления научного исследования: сравнительный анализ концептов «успешный человек» и «успех» в русском и китайском сознании с учётом того, что последний концепт шире по своему содержанию в отличие от концепта «успешный человек»; тематический анализ периферийного поля концепта «солдат» на основе политических текстов и публичных выступлений в китайской и русской картине мира.

Библиографический список:

1. Эренбург Н.Р. Концепт успех и его репрезентация в русском языке новейшего периода: дис. ...канд.: 10.02.01 - русский язык: защищена 2006-12-22: утв. 2006-11-17 / Н.Р. Эренбург Воронеж: 2006. 234 с.
2. Шмелев А.Д., Зализняк А.А., Левонтина И.Б. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. – СПб.: 2016.
4. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. 448 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
6. Караулов Ю.Н. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1989. 247 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: 2007.
8. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: 1997.
9. Волков В.В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103-113.
10. Данилевская Н.В., Сяосюэ Х. «Успешная женщина» в русской и китайской картине мира (к вопросу о динамике языка в меняющемся мире) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3 (23). С. 60-68.

Reference

1. Erenburg N.R. The concept of success and its representation in the Russian language of the modern period: dis. ... cand.: 10.02.01 – Russian language: protected 2006-12-22: approved 2006-11-17 / N.R. Erenburg Voronezh: 2006. 234 p.
2. Shmelev A.D., Zaliznyak A.A., Levontina I.B. Key ideas of the Russian linguistic picture of the world. – M.: Languages of Slavic culture, 2005.
3. Zinovieva E.I. Lingvoculturology: from theory to practice. – SPb.: 2016.
4. Arutyunova N.D. Logical analysis of language. Mental actions. – M.: Science, 1993. 448 p.
5. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience. – M.: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 824 p.
6. Karaulov Yu.N. The Role of the Human Factor in Language. Language and Picture of the World. – M.: Nauka, 1989. 247 p.
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. – M.: 2007.
8. Askoldov S.A. Concept and Word // Russian Literature: From Theory to Text Structure: Anthology / edited by V.P. Neroznak. – M.: 1997.
9. Volkov V.V. The Linguocultural Concept “War”: Semantic Core, Aspects of Hermeneutic Research // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2017. № 1. P. 103-113.
10. Danilevskaya N.V., Xiaoxue H. “Successful woman” in the Russian and Chinese picture of the world (on the issue of the dynamics of language in a changing world) // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2013. № 3 (23). P. 60-68.

Кропта О.А.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный аграрный университет», г. Волгоград. SPIN-код: 7171-6756

Русская орфография: коммуникативный аспект*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения русской орфографии с точки зрения коммуникативного аспекта. Даётся обоснование того, что понятие «орфография» является важнейшей составляющей в письменной презентации информации и определяется автором статьи как свод правил, которые регулируют правописание слов. В статье даётся обоснование изучения орфографии, повышения орфографической грамотности.

Автор статьи говорит о корректном написании слов как знании языковых особенностей, что свидетельствует об уровне образованности и образования, а также о наличии или отсутствии ответственности, уважительного отношения к языку.

В данном исследовании идёт речь о современных системах поиска информации при сортировке тех или иных страниц, их использование возможно при знании орфографических правил. Именно поэтому текст, в котором имеется значительное количество ошибок, влияет на поисковые результаты.

Ключевые слова: орфография, коммуникативный аспект, орфографическая ошибка, орфографические модели, коммуникативная модель, традиционный принцип орфографии, принципы орфографии, орфографическая грамотность.

Kropta O.A.
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Professional Education. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Volgograd State Agrarian University, Volgograd. SPIN-code: 7171-6756

Russian spelling: a communicative aspect

Abstract. The article attempts to consider Russian spelling from the point of view of the communicative aspect. The rationale is given that the concept of "spelling" is the most important component in the written presentation of information and is defined by the author of the article as a set of rules that regulate the spelling of words. The article provides

* © Кропта О.А., 2025.

a rationale for studying spelling and improving spelling literacy.

The author of the article talks about the correct spelling of words as knowledge of linguistic features, which indicates the level of education and education, as well as the presence or absence of responsibility, respect for language.

In this study, we are talking about modern information search systems for sorting certain pages, their use is possible with knowledge of spelling rules. That is why the text, which has a significant number of errors, affects the search results.

Key words: spelling, communicative aspect, spelling error, spelling models, communicative model, traditional spelling principle, spelling principles, spelling literacy.

Исследователи, изучающие личность того, кто пишет, читает те или иные источники, не в полной мере рассмотрели в своих работах вопрос, связанный с функциональной составляющей языка. В частности, нам интересны вопросы о трудозатратах, а также временном промежутке с целью достижения орфографического единообразия, о том, как почерк пишущего является некоей преградой в орфографическом пространстве, об особенностях сокращений и прочие.

Орфографическая модель русского языка имеет предписывающий характер, то есть способствует организации деятельности человека, создающего письменный текст, другими словами, способствует выбору определённой орфограммы.

Отражательная модель русской орфографии соответствует не понятию «норма», а может быть применима к термину «правило» или соотносима с ним. Соответственно, изменение орфографической нормы вызывает ошибку и признаётся коммуникативным барьером. Совершённая ошибка всегда требует корректировки.

Изучение деятельности, связанной с нарушением орфографических норм, говорит о том, что этот фактор не способствует возникновению непонимания между коммуникантами ввиду того, что язык как в устной, так и письменной формах является таким организмом, который обладает самоорганизацией, предсказуемостью и устойчивостью.

Учитывая обозначенные выше явления, считаем возможным говорить о *коммуникативной, или деятельностной, модели* русской орфографии. Данная модель будет способствовать изучению языка как разностороннего явления. По утверждению Голева Н.Д., этот подход позволит изучать орфографию русского языка посредством соотнесения понятий «стихийное и рациональное, естественное и искусственное», «онтологическое и теоретическое, языковое и метаязыковое», «внешнее и внутреннее», «мотивированное и условное» [Голев, 1997].

Отметим, что в современной науке нет последовательной модели, кото-

рая бы способствовала изучению деятельностной орфографии, это определяет *актуальность* нашего исследования.

Пользуясь средствами графики, орфография устанавливает единообразное написание слов и их грамматических форм. Благодаря орфографии слова и их формы получают единый графический образ, который обычно связывается с определенным значением без посредства звуковой стороны слов и форм. Практическая роль орфографии – служить средством письменного языкового общения – делает орфографию социально значимой. По мнению Булыко А.Н., «для орфографии является вполне естественным постоянное отставание от развития звуковой системы языка, действующие орфографические правила остаются одинаково обязательными для всех пишущих, так как только при этом условии возможно вполне свободное общение между членами общества при помощи письменной речи» [Булыко, 2009: 67].

Зачастую изучение орфографических норм отождествляется с орфографическими правилами, а между наукой орфографией и языковой системой порою ставится знак равенство, что объяснимо «недостатками методов преподавания русского языка в школе, когда практически не различаются понятия: язык – грамматика – орфография» [Букчина, Калакуцкая, Чельцова, 1969: 54]. Так случается, что знания, получаемые на уроках по русскому языку, не способны у всех развить чувство грамотности.

Сложным вопросом является восприятие орфографического правила и формирование орфографического умения, которые не соотносимы во временных отрезках. Таким образом вероятно возникновение противоречия, возникающего в результате знания орфографического правила и при этом нарушения в орфографическом написании.

Так, обучающиеся, которые осваивают законы орфографии, далеко не всегда способны применить полученные знания на практике. Об этом в своих трудах говорили многие учёные: С.И. Львова, М.М. Разумовская, Н.Н. Алгазина и другие. Безусловно, об этом свидетельствует длительный процесс становления навыков орфографии, обусловленный временным фактором. К тому же, данная работа по формированию навыка требует соблюдения определённых этапов в работе.

Далеко не всегда педагог, осуществляющий обучение орфографическому правилу, соблюдает поэтапную проработку орфографического правила, не различая материал, не учитывая степени сложности. В связи с этим большинство обучающихся не достигает требуемых результатов, что впоследствии приведёт к значительным орфографическим пробелам.

Именно деятельностный подход в изучении орфограмм позволит полноценно освоить теорию орфографии, овладеть орфографическими умениями, стать грамотным в широком понимании слова.

Современная тенденция относительно восприятия орфографических нарушений такова: орфографическим промахам в социуме не придаётся столь значительного значения, о котором говорится в учебных заведениях, поскольку зачастую они не препятствуют восприятию информации и порою не видны тому, кто читает информацию. Что подтверждает нашу мысль относительно того, что частотность несоблюдения орфографической нормы не соотносится с его «помехообразующей способностью». Именно поэтому автор статьи убеждён в значимости допущенных «описок», имеющих непредсказуемый характер.

Бытующее мнение по поводу того, что орфографические просчёты негативно сказываются на понимании информации во многом имеет субъективный характер. В связи с рассматриваемым вопросом вспомним слова Ф. де Соссюра, утверждавшего так: «Ошибочно думать, будто, признав обманчивый характер письма, надо первым делом реформировать орфографию» [Соссюр, 1977: 72].

Речевое высказывание воспринимается, в первую очередь, посредством тех или иных знаков, что, по Павилёнису, «есть операции идентификации и различения. Естественная, или стихийная, орфография есть система правописных норм, закономерностей, складывающаяся в спонтанной речевой деятельности рядовых носителей языка» [Павилёнис, 1986: 383].

Говоря об избыточности информации, мы имеем в виду, «полное или частичное повторение сообщения, которое обычно сопровождает получение новых данных и которое служит проверкой и корректировкой наших предсказаний» [Гальперин, 1974: 32].

Отметим, что любое реформирование орфографии. Это не так. Мы за разумный консерватизм и абсолютно согласны с профессором С.М. Кузьминой в том, что «устойчивость орфографии – не просто большое достоинство, а необходимое условие существования культуры, неотъемлемой частью которой является письмо» [Кузьмина: 1]. Вся история письма подтверждает неизбежность изменений орфографии, но все изменения должны быть своевременны и предельно аккуратны. Кроме того, их должны предварять глубокие научные исследования и учет всех «орфографических тонкостей» русского языка.

Вся история письма подтверждает неизбежность изменений орфографии, но все изменения должны быть своевременны и предельно аккуратны. Кроме того, их должны предварять глубокие научные исследования и учет всех «орфографических тонкостей» русского языка. Необходимы согласованные действия всех заинтересованных ведомств при подобной работе. И, конечно, без уважения к труду ученых, выполняющих очень непростую миссию «вершителей судеб орфографических правил», реализация проектов, направленных на улучшение русского правописания, просто не

возможна. «Существующее в обществе недоверие к академической лингвистической науке (обусловленное и непониманием сути работы лингвистов, и отсутствием диалога между филологами и обществом) сочетается с повышенным вниманием к лженаучным идеям. В этом беда не только лингвистики – всей современной науки: ученые, ведущие кропотливую, но «скучную» научную работу и говорящие о сложных и не всегда понятных вещах, проигрывают информационную войну любителям-фантазерам, которые с готовностью предъявляют обществу одну сенсацию за другой, говорят на языке, понятном обывателю, и, как правило, дают ложные поводы для национальной гордости» [Сиривля, 2018: 11].

В орфографии выделяют такое понятие, как «орфографическая деятельность», под которой понимается врождённая грамотность, чутьё, чувство языка.

Понятие «коммуникативная норма» может быть определено как процесс коммуникации, который соответствует коммуникативной ситуации, результатом данного взаимодействия должно стать понимание.

Итак, понятие «орфография» является важнейшей составляющей в письменной презентации информации, определяется как свод правил, которые регулируют правописание слов. Безусловно, наличие орфографических просчётов приводит к ухудшению качества и порою недопониманию письменных источников. В противном случае качественно созданный с точки зрения орфографии текст будет способствовать улучшению коммуникативного взаимодействия. К тому же невозможно представить профессионально созданный текст с орфографическими ошибками, что, безусловно, скажется на возникновении сомнений со стороны читающего относительно уровня профессиональной компетенции того, кому этот текст принадлежит. Ошибки, вызванные незнанием орфографии, также являются свидетельством неуважительного отношения к собеседнику.

Фактор восприятия текста, его оценка зависят от того, насколько грамотен или безграмотен автор создаваемой письменной единицы: если текст создан без орфографических неточностей, то это станет свидетельством профессионализма автора. Однако обнаруженные орфографические просчёты станут доказательством авторской безграмотности и некомпетентности.

Сферы образования, деловых отношений требуют абсолютной грамотности. Так, без наличия орфографической компетентности человек не может быть назван профессионалом. Если вы владеете орфографическими навыками, то не возникнет коммуникативного барьера между вами и вашими коммуникативными партнёрами.

Говоря о корректном написании слов, мы имеем в виду знание языковых особенностей, что свидетельствует об уровне образованности и обра-

зования, а также о наличии или отсутствии ответственности, уважительного отношения к языку. Не стоит пренебрегать и речью устной (например, неправильная постановка ударения станет препятствием к пониманию смысла высказывания). Зачастую опечаткам, опискам придаётся небольшое значение, что неверно, на наш взгляд, ведь и они приводят к значительному смысловому искажению.

Современные системы поиска информации пользуются орфографическими правилами при сортировке тех или иных страниц. Именно поэтому текст, в котором имеется значительное количество ошибок, влияет на поисковые результаты.

Таким образом, отметим, что орфографическая грамотность значима и является важным аспектом в жизни каждого человека, поскольку делает письменную речь понятной, способствует созданию коммуникативного контакта. Отсутствие орфографических промахов характеризует языковую личность как серьёзного и грамотного человека, умеющего правильно выражать собственную позицию. Наличие орфографических неточностей мешает восприятию текста, делает его затруднительным для понимания. Именно поэтому так важно делать письменную речь безошибочной, тем самым формируя о себе хорошее и уважительное впечатление, демонстрируя в своём лице профессионала.

Итак, орфография есть важное средство, способствующее недопущению двойного смысла в словах, предложениях, текстах.

Рассмотрим типичные ошибки в орфографии. Так, слова, имеющие одинаковое звучание, но при этом различное правописание. Пунктуационная некорректность в предложении также приводит к искажению смысла, что отражается на смысловой неточности.

Орфография состоит из следующих категорий: изучение сокращений слов, рассмотрение фонематической (фонемной) цепочки, слитное / раздельное / дефисное написание, перенос слов. В связи с чем мы получаем определённые группы правил, которые определяют те или иные трудности в орфографии.

Определим рекомендации по совершенствованию орфографической грамотности: 1) следует читать и анализировать литературу. Безусловно, чтение текстов является одним из действенных способов, который позволяет повысить орфографический навык. Именно благодаря чтению мы запоминаем написание сложных слов; 2) обращение к лексикографическим источникам, в частности, к словарям. В данных изданиях содержатся примечания, сложные случаи и прочая информация, необходимая для повышения уровня грамотности; 3) систематическая корректировка тех ошибок, которые были допущены; 4) заучивание сложных случаев, примечаний, исключений, что удаётся сделать порою не за один раз. Исследовате-

ли рекомендуют создавать тезаурусы, содержащие сложные случаи, правила, запоминание которых вызывает затруднение; 5) обращение к филологу, редактору или лингвисту, они помогут вам в изучении правил.

Стоит осознавать, что повышение уровня орфографической компетентности есть трудозатратный процесс.

Реформа русского правописания жизненно необходима, указывает не только низкий уровень грамотности, обусловленный, в том числе, объективными трудностями усвоения русской орфографии, но и та регулярность, с которой в России создаются орфографические комиссии (только на протяжении XX века – семь раз). Можно смело предположить, что через десять – пятнадцать лет, а, может быть, и раньше, непременно соберется новая орфографическая комиссия, способная разрешить, наконец, все противоречия и добиться принятия такого свода орфографических и пунктуационных правил, который станет орфографическим законом.

Выводы

Орфография русского языка есть система, в которой все элементы имеют собственные коммуникативные задачи, обусловленные языковыми функциями. Говорить о том, что орфографические навыки в значительной степени влияют на коммуникативную целость предложения, нельзя, на наш взгляд, это утверждение будет иметь преувеличенный характер.

Однако орфографические умения и в целом действия, связанные с работой по созданию письменных текстов, играют значительную роль при характеристике успешности или неуспешности коммуникативной единицы.

Именно благодаря орфографии коммуниканты достигают или не достигают взаимопонимания как одного из главных элементов «коммуникативного успеха» или «коммуникативного промаха».

Библиографический список:

1. Букчина Б.З., Чельцова Л.К., Калакуцкая Л.П. Письма об орфографии / Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая, Л.К. Чельцова; отв. ред. А.А. Реформатский, Л.И. Скворцов [АН СССР. Ин-т рус. яз.]. – Москва: Наука, 1969. 136 с.
2. Булыко А.Н. Орфографический словарь с правилами русского языка / Булыко А.Н., Е.И. Артемьева – М.: Мартин, 2009. 357 с.
3. Гальперин П.Я., Кабыльницкая С.Л. Экспериментальное формирование внимания. Москва: Издательство Московского университета, 1974. 102 с.
4. Иванова В.Ф. Современная русская орфография / Учебное пособие для студентов-филологов / В.Ф. Иванова. – М.: Высшая школа, 1991. 190 с.
5. Киселёва О.А. Русская орфография в коммуникативном аспекте / Автореф. Дис. На соиск. Учен. Степ. К.филол.н., спец. 10.02.01 / Киселёва Оксана Анатольевна. – Барнаул, 2002. 18 с.
6. Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия 90-х годов и новая редакция свода правил русского правописания // URL: http://rus.1september.ru/ articlef.php?ID=200003801
7. Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. I V: Коллективная монография; отв. ред. Н.Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». — Кемерово: Издательство Кемеровского государственного университета, 2011. 481 с.

8. Павиленис Р.И. Язык, смысл, понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. – Вильнюс, 1986.
9. Сиривля М.А. Актуальные проблемы русской орфографии и пунктуации. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2018. 440 с.
10. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М: «Прогресс», 1977. 695 с.

Reference

1. Bukchina B.Z., Cheltsova L.K., Kalakutskaya L.P. Letters about spelling / B.Z. Bookchina, L.P. Kalakutskaya, L.K. Cheltsova; resp. ed. A.A. Reformatsky, L.I. Skvortsov [AS USSR. Institute rus. lang.]. – Moscow: Nauka, 1969. 136 p.
2. Bulyko A.N. Spelling dictionary with rules of the Russian language / Bulyko A.N., E.I. Artemyeva – M.: Martin, 2009. 357 p.
3. Galperin P.Ya., Kabylnitskaya S.L. Experimental formation of attention. Moscow: Moscow University Publishing House, 1974. 102 p.
4. Ivanova V.F. Modern Russian Spelling / A Textbook for Students of Philology / V.F. Ivanova. – M.: Higher School, 1991. 190 p.
5. Kiseleva O.A. Russian Spelling in the Communicative Aspect / Abstract of a Dissertation for a Cand. Sci. (Philology), Specialist. 10.02.01 / Kiseleva Oksana Anatolyevna. – Barnaul, 2002. 18 p.
6. Kuzmina S.M. The Spelling Commission of the 90s and the New Edition of the Set of Rules for Russian Spelling // URL: http://rus.1september.ru/articlef.php?ID=200003801
7. Everyday Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects. Part I V: Collective monograph; ed. N.D. Golev; State Educational Institution of Higher Professional Education “Kemerovo State University”. — Kemerovo: Kemerovo State University Publishing House, 2011. 481 p.
8. Pavilionis R.I. Language, Meaning, Understanding // Language. Science. Philosophy. Logical-methodological and semiological analysis. – Vilnius, 1986.
9. Sirivlya M.A. Actual problems of Russian spelling and punctuation. – Kostanay: Kostanay branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University”, 2018. 440 p.
10. Saussure F. de. Works on Linguistics. – M: “Progress”, 1977. 695 p.

Луговская М.Ю.
Кандидат филологических наук, доцент. Байкальский государственный университет, г. Иркутск. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Лексико-синтаксические окказионализмы М.И. Цветаевой как яркая примета ее идиолекта*

Аннотация. В исследовании описываются окказионализмы М.И. Цветаевой, образованные лексико-синтаксическим способом. Анализу подвергается природа, генезис и классификационные основания лексико-синтаксических окказионализмов поэта. В работе делаются выводы о большом влиянии иностранных языков (немецкого и французского) на языковое экспериментаторство М.И. Цветаевой, а также поэтики и словообразовательных моделей русского фольклора и словообразовательных образцов русского литературного языка в синхроническом и диахроническом аспекте. В статье приводится классификация лексико-синтаксических окказионализмов, рассматриваются наиболее наглядные структурные модели, а также присутствуют многочисленные примеры подобных единиц.

Ключевые слова: окказионализм, классификация окказионализмов, лексико-синтаксический окказионализм, теория окказиональности, неология, идиолект М.И. Цветаевой, трилингвизм, мультилингвизм.

Lugovskaya M.Yu.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Baikal State University, Irkutsk. ORCID: 0009-0000-1023-2559

M.I. Tsvetaeva's lexical and syntactic occasionalisms as a vivid sign of her idiolect

Abstract. The study describes the occasionalisms of M.I. Tsvetaeva, formed in a lexical and syntactic way. The nature, genesis and classification bases of the poet's lexico-syntactic accidents are analyzed. Russian Russian literature draws conclusions about the great influence of foreign languages (German and French) on the linguistic experimentation of M.I. Tsvetaeva, as well as poetics and word-formation models of Russian folklore and word-formation patterns of the Russian literary language in a synchronic and diachronic aspect. The article provides a classification of lexical and syntactic occasionalisms, discusses the most obvious structural models, and also contains numerous examples of such units.

Key words: occasionalism, classification of occasionalisms, lexico-syntactic occasionalism, theory of occasionality, neology, idiolect of M.I. Tsvetaeva, trilingualism, multilingualism.

* © Луговская М.Ю., 2025.

Введение

Лексико-синтаксические окказионализмы (ЛСО) в неологии квалифицируются как пограничные явления, располагающиеся на стыке двух языковых уровней – лексического и синтаксического. Языковой материал для анализа был собран в рамках диссертационного исследования автора статьи [1; 2] по Собранию сочинений в семи томах Марины Цветаевой, неизданным сводным тетрадям, семейной переписке и записным книжкам поэта и представляет собой дефиснооформленные единицы типа *вообще-ночь, четверть-звука, единственная здесь свидетельница, просто-любить*.

Гипотеза исследования: появление ЛСО у М.И. Цветаевой является результатом нескольких обособленных влияний (словообразовательной системы немецкого, русского, французского языков, поэтики фольклора), в творчестве автора порой переплетающихся и взаимодополняющих друг друга.

Методы исследования: анализ научной лингвистической литературы по теме исследования; лингвистический анализ текстов; метод сплошной выборки рассматриваемых лингвистических феноменов; описательный метод; метод систематизации; системно-структурный подход; нормативный анализ; функциональный анализ; словообразовательный анализ; элементы описательной статистики.

Основное содержание

М.И. Цветаева являлась трилингвом: с детства она совершенно свободно общалась, читала, писала и сочиняла на трех языках – русском, немецком и французском.

Полагаем, опираясь в том числе и на мультилингвизм поэта, что можно выделить несколько предположительных источников появления большого числа ЛСО у М.И. Цветаевой: 1) практика немецкого окказионального композитообразования, следование за традицией образования ЛСО у немецких поэтов и философов; 2) пластичность русского словосложения в области сращений (на синхроническом и диахроническом срезах); 3) фольклорная речитативная вязь, обусловленная устной произносительной практикой и ритмико-интонационными особенностями фольклора, синкретизирующая отдельные речевые единицы в обособленные комплексы; 4) некоторая готовность и французского языка создавать единицы, похожие на ЛСО, правда в меньшей степени, чем система немецкого словообразования.

Нужно уточнить, что не все эти факторы влияния на творчество М.И. Цветаевой и синтезирование в нем ЛСО являются равнозначными. Наибольшую важность демонстрируют два потенциогенных источника, характеризующихся высокой продуктивной возможностью практически неограниченно создавать ЛСО: система немецкого композитообразования и увлеченность автора фольклорной поэтикой.

А.А. Залевская, анализируя многочисленные отечественные и зарубежные научные изыскания, посвященные теме билингвизма, отмечает, что «исследователи игнорируют одну из важнейших характеристик знания как достояния пользующегося им человека: это живое знание, т.е. эмоционально-оценочно окрашенное знание-переживание. Это следует учитывать и при исследовании специфики овладения языком, в том числе вторым или иностранным» [цит. по 3, с. 712]. Именно эмоциональное отношение к тем языкам, которыми владела М.И. Цветаева, позволило ей творчески использовать их в рамках языкового эксперимента.

Основанием для предлагаемой в настоящей статье классификации ЛСО М.И. Цветаевой, таким образом, предлагается считать порождающий их источник – так называемые генетические «корни» подобных единиц, берущие свое начало в лингвистической одаренности поэта, способности к внимательному и вдумчивому усвоению языков. В случае с М.И. Цветаевой речь, как заявлялось выше, о русском, немецком и французском языках, располагающих потенциями создания лексико-синтаксических единиц узуального, потенциального и окказионального характера, которое и предлагается рассматривать как проявление мультилингвизма в языковом сознании поэта.

Квалифицируя, структурно-семантические особенности ЛСО М.И. Цветаевой, можно выделить четыре генетических словообразовательных профиля (группы) ЛСО в текстах поэта: использующие 1) словообразовательные модели русского языка, 2) фольклорную поэтику русской культуры, 3) словообразовательные модели немецкого языка, 4) образованные на основе возникших по аналогии с первыми тремя профилями, но уже сугубо оригинальные словообразовательные модели.

Целесообразно использовать изолированное рассмотрение каждой группы, что делается для усиления наглядности, однако стоит держать в уме, что творческое мышление индивидуума всегда более сложно и неоднозначно, нежели классификационные критерии и распределение лингвокреативных феноменов по кластерам. Очевидно, что цветаевские ЛСО образует континуум, который включает в себя как четко относимые к тому или иному профилю единицы, например, созданные по словообразовательным моделям немецкого языке, так и ряд переходных, с трудом поддающихся однозначному отнесению к той или иной группе единиц – среди таких нередки фольклорные лексико-синтаксические единицы (ФЛСЕ). Это такие лексические единицы, которые «становятся полем активного языкового творчества, выступая как квазислова» [4, с. 547].

Неизбежным представляется поэтому, что деление ЛСО на группы порой носит субъективно-интерпретационный характер. Это та плата, которая объективно имеет место быть, когда лингвистический феномен (ЛСО) исследуется на основаниях реконструктивной и проективной лингвистики,

«когда, – по выражению М. Ю. Гафуровой, – человеку необходимо выразить в языке не знание, а интуиции, догадки или даже незнание чего-либо. Для этого ему приходится преодолеть границы своего языка, переходить в другой язык, то есть реализовать языковую проективность» [5, с. 14].

Разворачивая тему континуальности генетических основ ЛСО М.И. Цветаевой, можно привести в качестве примера единицы образованные по модели Praep-S, встречающиеся сразу в трех группах ЛСО: такие возможны в русском и немецком языках, а также в поэтике фольклора. Сюда же относится ЛСО со структурой V-V, встречающиеся в фольклоре, немецком языке и реализующие оригинальные цветаевские структурные поиски. Синкретизм структур обнаруживается и внутри генетического профиля: окказионализм *вроде-дача,* образованный под влиянием немецкого языка, может рассматриваться и как Praep-S, и как Partikel-S; окказионализм *душа-дома,* имеющий оригинальную структуру, может трактоваться как S_rS_2 и как S_rAdv.

Классифицировать ЛСО по генетическому признаку предлагается, исходя из их структуры – частеречной принадлежности компонентов. В большинстве случаев дифференциация производится в соответствии с характером вставного (распространяющего) элемента структуры. Это позволяет обнаруживать структурно-семантические отношения между компонентами окказионализма в целом через определение той частной семантики, которая моделируется вставками-распространителями. Изучение характера распространяющего компонента (или компонентов) достаточно четко показывает, что структура ЛСО моделируется только при помощи определенных распространителей. Они создают довольно четкие структурно-семантические типы ЛСО, раскрывающие закономерности их создания. Только слова определенной частеречной принадлежности могут втягиваться в орбиту более сильных опорных слов, моделировать целостную семантику ЛСО.

Генетический профиль ЛСО, созданных в русле русского словосложения в области сращений (на синхроническом и диахроническом срезах), базируется на следующих словообразовательных моделях: 1) опорное прилагательное с уточняющим компонентом, выраженным наречием: *вечнозеленый, остродефицитный* [6, с. 327], причем этот способ особенно продуктивен при образовании прилагательных с последним компонентом, равным самостоятельному причастию или прилагательному; 2) наречия-сращения, так называемая «адвербиализация» – историческое возникновение наречий из сочетания служебного и знаменательного слов, например, Praep-S: *вверх (из в-верх), вдаль (из в-даль)* – ср. цветаевское *на-Марс.* Что касается орфографических правил оформления сращений на письме в русском языке, то узуальные единицы *(глубокоуважаемый)* отличаются слитным написанием, а ситуативные *(наглухо-застегнутый)* предполагают

вследствие противоречивости орфографических правил то слитное, то дефисное, то раздельнооформленное написание.

В целом модели, находящиеся на пересечении лексики и синтаксиса, менее разнообразны в русском языке и в целом менее распространены в нем по сравнению с немецким языком, в котором они располагают огромным потенциалом создаваемости. Но в применении к анализу языка М.И. Цветаевой важен сам факт потенциальной «подготовленности» русской языковой системы к производству или же к восприятию в качестве образца для производства моделей этого способа словообразования.

ЛСО М.И. Цветаевой, образованные по моделям русского языка, насчитывают 83 единицы, среди них: Adv-Adv (-Adv) – *внутри-юношески, дьявольски-наоборот, заведомо-верно;* Adv-Part – *вдаль-зыблящееся, вдруг-ворвавшееся, вообще-брошенная;* Adv-Adj – *дважды-римское, еще-детское, немножко-волчья;* Partic-Adj – *только-женское, якобы-безумными;* Praep-S – *до-Октября, перед-сном, со-сна* и т.д.

Генетический профиль ЛСО, созданных по образцам фольклорной речитативной вязи, обусловленной устной произносительной практикой и ритмико-интонационными особенностями фольклора, является многочисленным и разнообразным. Зрелый этап творчества поэта буквально пронизал фольклорными элементами, среди которых широко представлены и ЛСО (в разновидности ФЛСЕ). «Родство» творчества М.И. Цветаевой и фольклора проявляется на разных уровнях. Оно сказывается и в цветаевской графике, и в звучании стиха, и в поэтике, и даже в мировоззрении поэта. Уникальность фольклоризма М.И. Цветаевой в том, что она не просто использует фольклорные элементы (уже давно ставшие знаками определенной народной культуры), «она, – по замечанию В.Ю. Александрова, – конгениальна истинным древним творцам фольклора, при этом такая точность бессознательна и способна вызывать изумление у самого поэта. Фольклоризм Цветаевой – природный, натуральный, и это, пожалуй, наиболее адекватное описание его сути» [7, с. 9].

318 ЛСО, созданных под влиянием фольклорной поэтики, имеют следующие структуры (и это лишь часть образцов): соединение окказиональных имени-отчества – *Зорь-Лазаревна*; Praep-S – *до-люби*; перечисления – *часть-рябь-слепь-резь*; *белая-свет-пустыня*; предложения – *с колокольной-толкай-хошь-кровли* и т.д.

Генетический профиль ЛСО, созданных с опорой на практику немецкого окказионального композитообразования и следование за традицией образования ЛСО у немецких поэтов и философов – важная, центральная часть всего свода цветаевских ЛСО. Именно немецкое окказиональное композитообразование, будучи распространенным явлением в составе немецкого словообразования, стало тем фактором влияния, который обусло-

вил увлеченность поэта подобными креативными структурами.

По мнению Л.В. Зубовой, «явление художественного билигвизма принципиально важно в идиостиле М.И. Цветаевой: русский язык ее поэзии, обнаруживая свои предельные возможности вплоть до реализации ретроспективных и перспективных языковых потенций, преодолевает эти пределы и оказывается проницаемым для окказиональных заимствований» [8, с. 40]. Говоря о «поэтическом билингвизме», нужно принимать во внимание тот факт, что, отмечает Г.А. Левинтон, в «культурной памяти писателя существует такой момент, как иностранный язык или языки» [9, с. 31]. Тем самым мы включаемся в проблематику «межкультурных влияний», то есть влияний не только самого языка на язык воспринимающей культуры, но и на самое культуру (тексты на этом языке). В связи с этим некоторые языковые факты можно рассматривать как подтекст. В этом случае, по мнению Г.А. Левинтона, «язык становится темой текста» [там же]. В данном случае язык выступает как подтекст на уровне каждого лексико-синтаксического окказионализма, так как каждое из них скрывает в себе иноязычное слово (вернее иноязычную словообразовательную модель).

Немецкое словообразование характеризуется большой распространенностью словосложения, более того, композитообразование является одним из наиболее продуктивных путей языковой номинации этого языка. В.М. Жирмунский отмечает, что «обычно в современном немецком языке новые сложные слова образуются настолько свободно, что стоят на границе лексического объединения и синтаксической группы (словосочетания) и часто даже не отмечаются немецкими словарями в качестве самостоятельных лексических единиц, ввиду неограниченной возможности заново создавать подобные сочетания» [10, с. 355].

Наметим некоторые параллели немецкого словообразования («сложносинтаксических» слов – сдвигов) и лексико-синтаксических окказионализмов М.И. Цветаевой (85 единиц): Vint-Vinf – *жить-писать*, аналог *kennenlernen* «знатьучить»; Adv-Vinf – *бесконечно-нравиться, вспять-сказать*, аналог *fernhalten* «держатьвдали».

У М.И. Цветаевой есть и генетически немаркированный профиль ЛСО – такие окказионализмы созданы по аналогии с первым (русский язык) и третьим (немецкой язык) профилем. ФЛСЕ от них несколько дистанцированы в силу своей усиленной синтаксичности (так называемой формульности) и главенствующей роли ритмообразования. Можно сказать, что такие ЛСО образованы по оригинальным словообразовательным моделям. Их словообразовательной сутью является обход всех известных моделей, нарушение их как специфический творческий манифест, абсолютизирующий свободу как лингвистическое кредо. Довольно большое число цветаевских ЛСО поэтому имеют уникальные, подчас единичные структу-

ры. Такие ЛСО хоть и созданы по аналогии с вышеперечисленными двумя профилями, но уже ощутимо далеки от своих прообразов. В словообразовании аналогия проявляется не только в подражании уже имеющимся в языке моделям, но и в дальнейшем развитии их структурных возможностей. Однако первотолчком к созданию множества ЛСО, и это важно, является немецкий язык, его грамматической строй, высокий пиетет к нему М.И. Цветаевой. Немецкие модели как бы постоянно присутствуют в языковой памяти поэта. Только на этих условиях возможно воспроизведение модели в другом языке, которую можно квалифицировать как творческую интерференцию.

В текстах М.И. Цветаевой содержится 159 таких единиц, например, Neg-V – *не-быть, не-говорить, не-думать, не-жениться, не-жить*; Adv-Neg-V – *никогда-не-кончить*; Pron-Neg-V – *ничего-не-делать*; Neg-Pron – *не-вся, не-мои*; Neg-Num(-Adj) – *не-двадцать, не-одна*.

Отдельно стоит упомянуть, что на творчество поэта мог оказать влияние, и безусловно его оказал, второй иностранный язык, который Цветаева также знала с детства, – французский. Однако влияние это явно непрямое и не магистральное, что связано с особым характером французского композитообразования – номинативным, распространяющимся в основном на существительные, что мало похоже на цветаевские ЛСО, гораздо более разноплановые по частеречной принадлежности опорного слова. Эволюция французского языка исторически пошла по пути развития многозначности слова, а не по пути образования множества слов с различными семантическими оттенками, как в русском языке, и не по пути развития такой сложной и обширной системы словосложения немецкого языка, в котором для маркирования различной стилистической окраски используются экспрессивные (большие и сверхбольшие по размеру) композиты или нейтральные словосочетания, по значению идентичные этим композитам. Еще одним отличительным признаком сложных слов во французском языке, пишет В.М. Лейчик, является «несовпадение синтаксической функции сложного слова с его грамматической формой» [11, с. 30], а это принципиально важно, потому что для ЛСО совпадение носит тотальный характер. ЛСО М.И. Цветаевой никогда не меняют частеречной принадлежности ЛСО – она определяется исключительно по опорному слову мотивирующего словосочетания или предложения.

Во французском языке первой трети 20 века все еще силен дух консерватизма, сформированности, совершенства, отработанности норм, что дает нам основания усомниться в том, что французское словосложение могло оказать влияние на М.И. Цветаеву в плане заимствования словообразовательных моделей сращений. Впрочем, в языковом сознании М.И. Цветаевой происходили сложные процессы интерференции (языки взаимовлияли

друг на друга, смешивались, накладывались, дополнялись), потому нельзя проводить совершенно четких границ влияния иностранных языков на ее художественный язык. Доказательством тому служит цветаевский ЛСО на французском *chien-berger-quatre-yeux* в письме А.А. Тесковой от 17 октября 1930 г.: «...Оставила в Савое – в квартире запрещено – безумнолюбимую собаку, которую в память Чехии я окрестила: Подсэм (поди сюда?). Это был – chien-berger-quatre-yeux с вторыми желтыми глазами под глазами-бровями. Никого за последние годы так не любила» (Марина Цветаева Неизданное. Семья: история в письмах. – М.: Эллис Лак, 1997. с. 71). ЛСО *chien-berger-quatre-yeux* буквально представляет из себя следующее: «chien-berger» – фразеологизм, означающий «собака-пастух», т. е. пастушеская собака, т. е. овчарка; «quatre-yeux» переводится как «четырехглазый». Мы имеем окказиональное слово, образованное по структурной модели S-S-Num-S (вариант: S-Adj). Наличие этой конструкции (как и многих других подобных) в идиолекте М.И. Цветаевой свидетельствует о том, что лингвистическое мышление автора развило некий механизм синтезирования слитных, синкретичных форм – ЛСО и способно реализовать их не только на русском, немецком, в фольклорных формулах, но и на французском языке.

Резюме

Обобщая опыт синтезирования ЛСО М.И. Цветаевой, хочется отметить, что такого рода индивидуально-авторские новообразования в творчестве поэта стали ее яркой стилевой приметой, маркером мировоззрения, абсолютизирующего свободу самовыражения. Многочисленность ЛСО М. И. Цветаевой и то разнообразие словообразовательных моделей, по которым она их создавала, обращают на себя внимание как на важный аспект идиостиля поэта.

Можно сказать поэтому, что цветаевские ЛСО лингвоспецифичны. По замечанию О.В. Глуховой, «в отечественной лингвистике понятие лингвоспецифичности используется преимущественно по отношению к семантике слова. Лингвоспецифичными авторы называют лексические единицы, «заключающие в себе уникальную концептуальную конфигурацию, т.е. такую, которая не представлена ни в какой языковой единице других языков» [12, с. 725]. Именно такими в полной мере и являются ЛСО поэта.

Библиографический список:

1. Нарынская М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: автореф. дис. канд. филол. наук: Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.
2. Нарынская М.Ю. Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: Ростов-на-Дону, 2004. 216 с.
3. Зубкова О.С. Идентификация гастрономической метафоры в условиях естественного билингвизма /

О.С. Зубкова, Т.В. Максимова. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).711-718. – EDN XKYSMS // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 4. С. 711-718.
4. Китова Е.Б. Англоязычные аббревиатуры как сфера языкового творчества / Е.Б. Китова. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).547-552. – EDN OGCABP // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 3. С. 547-552.
5. Гафурова М. Ю. Социально-философский анализ феномена проективности языка (в «пространстве между» индивидуальным, социальным и общественным): автореферат дис. ... кандидата философских наук: Казань, 2008. 21 с.
6. Грамматика русского языка. Т. 2. / Под ред. акад. В.В. Виноградова и др. – Москва: Изд-во Акад. Наук СССР. 1960. 702 с.
7. Александров В.Ю. Фольклоризм М. Цветаевой: (Стихотворная поэтика, жанровое своеобразие): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – Москва, 1989. 16 с.
8. Зубова Л.В. Художественный билингвизм в поэзии М. Цветаевой // Вестник Ленинградского университета. – Сер. 2. Вып. 4. № 23. – Ленинград: ЛГУ, 1988. С. 40-45.
9. Левинтон Г.А. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния (Язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы. – Тарту: ТГУ, 1979. С. 30-33.
10. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1965. С. 354-362.
11. Лейчик В.М. О характере грамматической связи между компонентами сложного слова (На материале французского языка) // Исследования по французской лексикологии. – Уч. Зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 201. – Москва: МГПИ им. В.И. Ленина, 1967. С. 27-37.
12. Глухова О.В. Вопросы переводимости с позиций современной когнитивной лингвистики / О.В. Глухова. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).719-731. – EDN TUHAGC // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Т. 34. № 4. С. 719-731.
13. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. – Москва: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 1-7.
14. Цветаева М.И. Неизданное. Семья: история в письмах. – М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.
15. Цветаева М.И. Неизданное. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1999. 592 с.
16. Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки. – М.: Эллис Лак, 2002-2002. Т. 1-2.

Reference

1. Narynskaya M.Yu. Structural and semantic features of lexical-syntactic occasionalisms in the idiolect of M.I. Tsvetaeva: author's abstract. diss. candidate of philological sciences: Rostov-on-Don, 2004. 26 p.
2. Narynskaya M.Yu. Structural and semantic features of lexical-syntactic occasionalisms in the idiolect of M.I. Tsvetaeva: diss. ... candidate of philological sciences: Rostov-on-Don, 2004. 216 p.
3. Zubkova O.S. Identification of gastronomic metaphor in the context of natural bilingualism / O.S. Zubkova, T.V. Maksimova. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).711-718. – EDN XKYSMS // Bulletin of the Baikal State University. 2024. Vol. 34. № 4. P. 711-718.
4. Kitova E.B. English-language abbreviations as a sphere of linguistic creativity / E.B. Kitova. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(3).547-552. – EDN OGCABP // Bulletin of the Baikal State University. 2024. Vol. 34. № 3. P. 547-552.
5. Gafurova M.Yu. Social and philosophical analysis of the phenomenon of language projectivity (in the "space between" the individual, social and public): abstract of dis. ... candidate of philosophical sciences: Kazan, 2008. 21 p.
6. Grammar of the Russian language. Vol. 2. / Ed. by academician V.V. Vinogradov et al. – Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 1960. 702 p.
7. Aleksandrov V.Yu. Folklorism of M. Tsvetaeva: (Poetic poetics, genre originality): abstract of dis. ... candidate of philological sciences: Moscow state pedagogical institute named after V.I. Lenin. – Moscow, 1989. 16 p.
8. Zubova L.V. Artistic bilingualism in the poetry of M. Tsvetaeva // Bulletin of Leningrad University. – Series 2. Issue 4. № 23. – Leningrad: LSU, 1988. P. 40-45.
9. Levinton G.A. Poetic bilingualism and interlingual influences (Language as subtext) // Secondary modeling systems. – Tartu: TSU, 1979. P. 30-33.
10. Zhirmunsky V.M. History of the German language. – Moscow: Higher School, 1965. P. 354-362.
11. Leichik V.M. On the nature of the grammatical connection between the components of a compound word (Based on the French language) // Research in French lexicology. – Uch. Zap. MGPI im. V.I. Lenin. № 201. – Moscow: MGPI im. V.I. Lenin, 1967. P. 27-37.
12. Glukhova O.V. Issues of Translatability from the Standpoint of Modern Cognitive Linguistics / O.V. Glukhova. – DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(4).719-731. – EDN TUHAGC // Bulletin of Baikal State University. 2024. Vol. 34. № 4. P. 719-731.
13. Tsvetaeva M.I. Collected Works in Seven Volumes. – Moscow: Ellis Luck, 1994–1995. Vol. 1-7.
14. Tsvetaeva M.I. Unpublished. Family: A History in Letters. – M.: Ellis Luck, 1997. 640 p.
15. Tsvetaeva M.I. Unpublished. Summary notebooks. – M.: Ellis Luck, 1999. 592 p.
16. Tsvetaeva M.I. Unpublished. Notebooks. – M.: Ellis Luck, 2002-2002. V. 1-2.

Рябова Е.Л.
Доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Терновая Л.О.
Доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Драматическая история установления государственных границ*

Аннотация. Несмотря на то, что государства возникли в глубокой древности, их границы установились намного позже. Первоначально границы отличались крайней нестабильностью, что во многом отражало слабость государств. В тот отрезок европейской средневековой истории, когда слабости государственной власти противопоставлялась сила католической церкви, ложившаяся на ее плечи ответственность за безопасность территории, пагубно сказывалась на непосредственных задачах церкви. С формированием централизованных суверенных государств власти озаботились укреплением государственных границ. Но по мере роста мощи государственной власти возрастали ее геополитические аппетиты. Это потребовало выработки строгих правил договорного взаимодействия по вопросам государственных границ.

Ключевые слова: история, государство, церковь, граница, договор, международное право.

Ryabova E.L.
Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

* © Рябова Е.Л., Терновая Л.О., 2025.

Ternovaya L.O.
Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

The dramatic history of the establishment of state borders

Abstract. Despite the fact that states emerged in ancient times, their borders were established much later. Initially, the borders were extremely unstable, which largely reflected the weakness of states. In that period of European medieval history, when the weakness of state power was opposed by the strength of the Catholic Church, the responsibility for the security of the territory that fell on its shoulders had a detrimental effect on the immediate tasks of the church. With the formation of centralized sovereign states, the authorities became concerned with strengthening state borders. But as the power of state power grew, its geopolitical appetites increased. This required the development of strict rules for contractual interaction on issues of state borders.

Key words: history, state, church, border, treaty, international law.

Историю люди чаще всего представляют как линию времени, на которой отмечены события разной значимости. Чтобы придавать рассказу о последовательности развертывания этого хронологического свитка некоторую системность, вводилось его деление на определенные отрезки, различаемые особым состоянием жизни людей в эти периоды. С давних времен всего деление чаще происходило по принципу установления власти либо какой-то династии, либо выделения выдающихся правителей. Чем больше таких периодов, тем сложнее систематизация социально-экономических успехов и неудач, выявление причин, почему времена были мирными или страны вели войну со своими соседями, а то и совсем далекими от их собственных владений государствами. Для понимания всего этого в первую очередь требуется знание того, где располагалась та или иная страна, с кем она граничила, как была оформлена эта линия границы.

В прошлом невозможность контроля границы делала это понятие весьма размытым. Древние авторы, включая «отца истории» Геродота (около 484 до н.э. – около 425 до н.э.) воспринимали границу исключительно в виде предела распространения власти конкретного правителя[1]. Или же они называли границей цепь военных укреплений, которая, так же, как власть, не отличалась постоянством, а возводилась специально для защиты от

1 *Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П.* Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник. 1982. Т. 43 (68). С. 64.

определенного врага и на конкретный период. Как только у народов появлялась возможность перехода от символического восприятия границы к практическим действиям по ее демаркации, так одновременно с этим происходила поляризация отношений с соседями, находящимися по другую сторону границы. Рождались символические образы «мы» и «они», разделенные границей[2].

Значение комплекса взаимодействий, осуществляемых по поводу границ владений и в зоне приграничья для человека не только древнего, но и античного периодов было настолько велико, насколько мало находилось в его распоряжении реальных ресурсов для охраны границ. Поэтому требовалось подкрепление практической заботы о настоящей границе государства ее мифопоэтическим сопровождением. Такую заботу можно было найти в розных культурах. Например, китайский бог Чэнхуаншэнь — «Бог рвов и крепостных стен» или «Пограничный Бог» — поддерживал священность границ поселения. Более того, он часто отождествлялся с персоной основателя или местного героя. В Древнем Египте, косвенно к таким божествам можно отнести Сетха, который почитался как могучий бог природных стихий и песчаных бурь, хаоса и смерти. О его покровительстве границам говорит тот факт, что имя Сетха упоминается в самом раннем из дошедших до нас письменном международном договоре фараона Рамсеса II с хеттским царем Хаттусили III, известном как Вечное или Серебряное, а также Кадешское соглашение от 10 ноября 1259 г. до н.э.[3].

В древнегреческой мифологии забота об охране границ чаще всего возлагалась на бога Гермеса. Он более известен как посланник верховного бога Зевса и покровитель путешественников, но в таком понимании его попечительства защиты границ была отражена специфика греческого мира, стремящегося к расширению ойкумены. У древних римлян появился бог Терминус (лат. *Terminus*). Это божество покровительствовало знакам границы: пограничным камням и столбам, считавшимся священными. Установление этих знаков сопровождалось строго соблюдаемыми обрядами, что должно было гарантировать нерушимость проведенной линии.

После распада Римской империи об этой нерушимости пришлось забыть на несколько веков. Варварские королевства были крайне нестабильными образованиями, постоянно трансформировавшими. К внешним причинам, прежде всего, относились активные миграционные процессы

2 Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Differences / Ed. F. Barth. Boston: Little, Brown and Co, 1969.

3 Мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили / пер. Н.С. Петровского Н.С. // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Акад. наук. Ин-т народов Азии; под ред. акад. В.В. Струве и Д.Г. Редера; [предисл. И.С. Кацнельсона].: Изд-во вост. лит., 1963. С. 126-130.

на территориях бывшей империи. А внутри государства угрозой выступала слабость власти. Эти государства не только не имели четких границ, но и обходились без постоянных столиц[4]. В период феодальной раздробленности сеньория не просто конкурировала по мощи с государством, а часто побеждала в этой борьбе.

Скрепляющим отдельные территории началом выступала церковь. В ее представлении границы совпадали с пониманием канонической территории. И хотя этот термин был введен, во-первых, только в 1930-е гг., а, во-вторых, распространяется на православную традицию, его можно трактовать расширительно для всего христианства I тысячелетия, отталкиваясь слов апостола Павла из Послания к римлянам: «Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15:20), а также от канонов, запрещающих епископу епископствовать (рукополагать и принимать отлученного) вне своей епархии[5].

Однако в церкви происходили процессы, слишком быстро сближающие ее со светской властью. В период Каролингской империи аббаты, подобно светским князьям, вступали в вассальные отношения к государям. Причем речь шла не только о таком подчинении Императору Священной Римской империи или королям, но и феодалам низших рангов: герцогам, маркграфам, графам. Священнослужители приносили сюзеренам клятву верности и даже обязывались помогать им в ведении войн. Для этого им приходилось ставить в положение своих вассалов рыцарей, бывших профессиональными воинами. А за военную службу в качестве лена им передавались участки монастырской земли, населенные крестьянами[6]. Подобное положение вызывало недовольство части клириков. В X – XI вв. это стало аргументом для начала движения за реформу монашеской жизни, получившего название Клюнийского.

Укрепление католической церкви на всем пространстве Западной Европы, включая Англию, стало основанием для решения папы Римского Александра II (1010/1015 – 1073) поддержать претензии на английский престол Вильгельма Норманнского (1027/1028 – 1087), который в 1066 г. после победы в сражении с англо-саксонской армией при Гастингсе в объявленной им «священной войне» был провозглашен королем Англии Вильгельмом I.

Даже с возникновением национальных и суверенных государств, что

4 *Циркин Ю.Б.* История варварских государств. – СПб.: Академия исследования культуры, 2023.

5 *Приходько Г.* Епископ и каноническая территория I – XIII вв. – М.: Вече, 2022.

6 *Блок М.* Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

было немыслимо без осознания ими собственных границ, конфессиональное понимание власти оставалось настолько мощным, что Вестфальский трактат, завершавший Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648) был подписан в двух разных городах — Мюнстере и Оснабрюке — 15 мая и 24 октября 1648 г. Первый город был католическим епископством и там трактат утвердили католические правители во главе с католической Францией. А второй — протестантским епископством, соответственно, там собрались протестанты, лидером которых стала Швеция[7].

Далее, по мере укрепления суверенных государств, проблема определения и защиты границ превращалась в одну из задач государственной политики, которой неустанно занимались первые лица государств. Их заботило, чтобы четкая формулировка положений международных договоров выступала императивом стабильного развития отношений заключающих эти договоры сторон. Это общее правило особенно четко проявлялось на примере пограничных договоров. Более того, зафиксированные еще в XVII столетии в таких документах положения оказываются и через много лет после заключения соглашения своеобразным гарантом сложившегося порядка. Например, 7 ноября 1659 г. во время подписания Пиренейского мира (фр. *Traité des Pyrénées*, исп. *Tratado de los Pirineos*) на острове Фазанов, расположенном на реке Бидасоа, по которой проходила граница Франции и Испании, первый министр Франции кардинал Джулио Мазарини (1602 – 1661) и испанский военный и политический деятель Луис де Аро-и-Гусман (1603 – 1661) при формулировании пункта о передаче Франции нескольких приграничных населенных пунктов не посчитали необходимым уточнить формулировку, согласно которой речь шла только о деревнях. Однако среди тех поселений, что передавались Франции, была и Льивия, имевшая статус города. Этот крошечный городок не попал в перечисление населенных пунктов и остался испанским эксклавом на французской территории, на несколько сотен метров отдаленным от линии границы. Любопытно, что это положение стороны тщательно соблюдают. Когда в 1939 г. войска франкистов хотели занять Льивию, то сделать это они не смогли. Им помешало то обстоятельство, что до города от границы находилась французская территория. Поэтому в городке, в отличие от остальной Испании, продолжали функционировать республиканские институты власти.

Усиление национальных государств часто пробуждало их геополитические аппетиты, вызывало необоснованные претензии к территориям соседних стран, выливавшиеся в реализованные планы захватнических войн, но и требовало умения вести мирные переговоры и договариваться

7 *Веджвуд С.В.* Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И.В. Лобанова. – М.: АСТ, 2013.

о начертании границ[8]. Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский (1841 – 1911) предупреждал, что: «История не учительница, а надзирательница *magistra vitae* (наставница жизни): она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»[9]. Нельзя пренебрегать и историческим подходом к пониманию государственных границ. В нем существует деление границ на антецедентные (лат. *antecedens* — предыдущий, предшествующий), субсеквентные и реликтовые.

Первый тип границы прокладывается по еще не заселенным территориям, предшествуя дальнейшему заселению и развитию пространств, что они окружают. В качестве примера антецедентной границы можно обратиться к границе между США и Канадой, в период между 1782 и 1846 гг. устанавливавшейся по 49-й параллели, вокруг которой были крайне редко заселенные земли. Демаркация этой границы завершилась лишь в начале XX столетия.

Субсеквентные (лат. *subsequens* — последующий, более поздний) границы проводятся после заселения территории по уже освоенным территориям.

Реликтовые (лат. *relictus* — оставленный) границы напоминают о прошлых различиях территорий, сохраняя память о себе в исторических памятниках, ландшафтных отличиях, политической мифологии. Например, в России эти источники помогают устанавливать взаимосвязь и взаимозависимость формирования национальной территории с решением ее геополитических проблем, которые соответствовали возрастающим силам Русского государства и его вступлению в европейский «концерт наций» в статусе великой державы. Это: границы, возникшие в ход борьбе с кочевой степью; установление границ с Великим княжеством Литовским; продвижение на восток за Урал; присоединение к России Украины и Белоруссии; выход к Балтийскому и Черному морям[10]. Реликтовые границы свидетельствуют об изменении территории границ белорусских государств: Полоцкого княжества, Великого княжества Литовско-Русского, Белорусской ССР[11].

8 *Кюльман Ф.* Стратегия. Оборона государств. Мирные договоры и начертание границ. Прикрытие границ. Подготовительные операции. Разработка планов операций. Стратегическое наступление в маневренной войне: Пер. с франц. – М.: Гос. воен. изд., 1939.

9 Цит. по: *Леонтьев М.Ф.* Изречения и афоризмы В.О. Ключевского // Вопросы истории. 1965. № 7, Июль. С. 208.

10 Формирование территории Российского государства. XVI начало XX в. (границы и геополитика). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017. Электронная книга.

11 *Спаткай Л.* Рубцы на теле Беларуси. Когда и как изменялись границы наших государств. М.: Издательские решения, 2018. Электронная книга; *Темушев В.Н.* Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. – М.: Центрполиграф. 2018.

Еще один живой пример реликтовой границы — граница между бывшей Германской Демократической Республикой (ГДР) и Федеративной Республикой Германия (ФРГ), не только между «новыми» и «старыми» землями ФРГ, но и между двумя типами граждан: «осси» (нем. *Ossi*) и «весси» (нем. *Wessi*). На их основании возникли и вполне понятные неологизмы «остальгия» и «вестальгия», отражающие воспоминания о том, как жилось в этих частях Германии до объединения.

У некоторых реликтовых границ обнаруживается фантомный характер. Под фантомной границей (нем. *Phantomgrenze*) подразумевается сохраняющаяся в настоящем память о ранее существовавшей границе. Но это не просто воспоминания, указывающие на наличие реально подтверждаемых этнических, социальных, экономических и иных различий по обе стороны ныне существующей государственной границы. Существование фантомных границ определено и долгими геокультурными и геополитическими последствиями распада крупных, часто имперских, государств. В зависимости от того, как происходил этот распад, фантомная граница может подпитывать тлеющий конфликт, или, наоборот, способствовать продуктивному взаимодействию соседних стран[12].

Один из примеров наличия фантомной границы продемонстрировал премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в 2022 г. на чемпионате мира по футболу в Катаре, когда появился в раздевалке национальной сборной в подаренном ему болельщиком шарфе с изображением карты «Великой Венгрии». На этом аксессуаре были обозначены территории, до 1920 г. принадлежавшие Венгрии, а ныне входящие в состав Румынии, Хорватии, Словакии, Сербии, Австрии и Украины. Позже Орбан опубликовал в соцсетях фотографию с этим специфическим фанатским аксессуаром. Фантомная граница отсылает к 1920 г., когда был заключен Трианонский договор (англ. *Treaty of Trianon*), согласно положениям которого Венгрия, как одна из стран-правопреемниц проигравшей в Первой мировой войне Австро-Венгрии, потеряла 72% своей территории, а три миллиона этнических венгров оказались за границей. Память об этих потерях жива. Хотя Будапешт де-юре признает установленные в 1920 г. границы, но среди венгров сильны ирредентистские настроения[13].

12 *Колосов В.А.* Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 5. С. 3-11.

13 *Аблонци Б.* Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы / Пер. с венг. О.В. Хавановой. М.: Институт славяноведения РАН; – СПб.: Нестор-История, 2020; *Пеганов А.О.* Обсуждение ревизии чехословацко-венгерской границы на страницах венгерской межвоенной публицистики (1918 – 1939) // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII – XX вв. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 79-84.

Фантомные границы и сейчас отдаются болью в конфликтах Востока и Запада на древней земле Леванта (ср.-франц. *Soleil levant* — восход солнца) — Сирии, Ливана, Палестины, Малой Армении, Кипра и других государств Восточного Средиземноморья. Сложность природы этих конфликтов и путей их разрешения заключена в принудительном изменении духовных и политических границ государств[14].

При всей четкости понятия «государственная граница» поражает не только многообразие способов ее обозначения в реальной жизни и на картах, но и наличие множества недосказанности по поводу того, какими они могут быть. Если проведение границ по суше и воздуху урегулировано положением международного права, то с границами внутри земли существуют загадки. Такая подземная граница позволяет включать в рамки территории государства все недра, по суше отграниченные официальной линией и уводить их вглубь до самого центра Земли. Однако встречаются случаи нарушения подземных границ, например, когда прорывают туннели на территорию другого государства. Также издревле известны примеры добычи полезных ископаемых, при которых горняки не разбирались, чья земля находится над их головами. Остатки такого солевого промысла можно встретить в австрийском городе Халляйн, известном одновременно и как один из древнейших центров добычи соли, и как родина знаменитого рождественского христианского гимна «Тихая ночь» (нем. *Stille Nacht, heilige Nacht* — «Тихая ночь, святая ночь»), созданного в 1818 г. хоровым дирижером этого городка Францем Ксавером Грубером (1787 – 1863). Туннели из Австрии распространились на территорию соседней Германии. Однако выйти на поверхность там соледобытчики не могли просто потому, что не существовало выходов.

Длительная история не только самого формирования рисунка государственных границ, но и их правового закрепления отразилась в том обстоятельстве, что договорная база по пограничным вопросам приобрела особую стабильность. Если в практике межгосударственных отношений многие договоры могут прекращать свое действие в связи самим разными причинами, например: с истечением срока, на который договор был заключен; прекращением существования субъекта договора; возникновением состояния войны; наступлением отменительного условия; денонсацией, отменой договора, его новацией и аннулированием, причем в одностороннем порядке, то действие же договоров о границе не попадает под эти условия. В договорах о государственных границах нет положений об их денонсации. В них так же, как правило, не указывается срок действия. Более того, хотя

14 *Груссе Р.* Империя Леванта. Древняя земля тлеющего конфликта между Востоком и Западом / Пер. с фр. В.Е. Климанов. – М.: Центрполиграф, 2022.

война является выражением крайней формы конфликта между сопредельными государствами, военные действия не приводят к необходимости немедленного прекращения действия договора о границе. В международном праве к договорам о границе не применима клаузула «*rebus sic stantibus*» (буквально — оговорка о вещах, остающихся в том же положении), т.е. подразумеваемое или прямо оговоренное условие договора, согласно которому он остается в силе до тех пор, пока остаются неизменными обстоятельства, которые обусловили его заключение и действие (п. 2 ст. 62 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.[15]).

Важно и то, что исторически государства могут меняться (изменяются их названия, политический режим, национальная идеология и пр.), но государственные границы, ранее установленные договором, и их режим не затрагиваются правопреемством. Каждое государство-правопреемник обязано соблюдать заключенные договоры[16].

Отмеченные правовые положения были направлены на создание благоприятных условий для реализации принципов международного права о нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств, закрепленных в основополагающих международно-правовых документов, в частности, в ст. 2 Устава ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 1 августа 1975 г.[17] Однако в мире, где западные государства все более настойчиво продвигают не приверженность принципам международного права, а порядок, основанный на правилах (англ. *rules-based order*), нарушение положений этих актов, касающихся государственных границ, престает быть единичным фактом.

---

15 Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

16 Международное право: Учеб. по специальностям «Правоведение (междунар. право)», «Междунар. отношения», «Междунар. экон. отношения» / Б. М. Ашавский, К.Г. Борисов, В.Г. Бояршинов и др.; Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов; Дипломат. акад., Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Международные отношения, 1998. С. 99-100.

17 Действующее международное право: В 3 т. / Моск. гос. ин-т (ун-т) междунар. отношений, Моск. независимый ин-т междунар. права; Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 1: Разд. 1 – 13. Понятие международного права, его источники, принципы, субъекты. Территория. Население. Международные договоры. Правопреемство. Дипломатическое и консульское право. Международные организации и конференции. Ответственность в международном праве. Мирное урегулирование международных споров. М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. С. 9, 65-79.

Библиографический список:

1. Аблонци Б. Трианонский мирный договор 1920 года: Факты, легенды, домыслы / Пер. с венг. О.В. Хавановой. М.: Институт славяноведения РАН; – СПб.: Нестор-История, 2020. 168 с.
2. Блок М. Феодальное общество / Пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой, Е.М. Лысенко. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 503 с.
3. Веджвуд С.В. Тридцатилетняя война / Пер. с англ. И.В. Лобанова. – М.: АСТ, 2013. 519 с.
4. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
5. Груссе Р. Империя Леванта. Древняя земля тлеющего конфликта между Востоком и Западом / Пер. с фр. В.Е. Климанов. – М.: Центрполиграф, 2022. 591 с.
6. Действующее международное право: В 3 т. / Моск. гос. ин-т (ун-т) междунар. отношений, Моск. независимый ин-т междунар. права; Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 1: Разд. 1 – 13. Понятие международного права, его источники, принципы, субъекты. Территория. Население. Международные договоры. Правопреемство. Дипломатическое и консульское право. Международные организации и конференции. Ответственность в международном праве. Мирное урегулирование международных споров. – М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. 858 с.
7. Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник. 1982. Т. 43 (68). С. 64-73.
8. Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии [// Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 5. С. 3-11.
9. Кюльман Ф. Стратегия. Оборона государств. Мирные договоры и начертание границ. Прикрытие границ. Подготовительные операции. Разработка планов операций. Стратегическое наступление в маневренной войне : Пер. с франц. – М.: Гос. воен. изд., 1939. 546 с.
10. Леонтьев М.Ф. Изречения и афоризмы В.О. Ключевского // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 208-214.
11. Международное право: Учеб. по специальностям «Правоведение (междунар. право)», «Междунар. отношения», «Междунар. экон. отношения» / Б.М. Ашавский, К.Г. Борисов, В.Г. Бояршинов и др.; Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов; Дипломат. акад., Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т). 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Международные отношения, 1998. 617 с.
12. Мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусили III / пер. Н.С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока / Акад. наук. Ин-т народов Азии; под ред. акад. В.В. Струве и Д.Г. Редера; [предисл. И.С. Кацнельсона]. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 126-130.
13. Пеганов А.О. Обсуждение ревизии чехословацко-венгерской границы на страницах венгерской межвоенной публицистики (1918 – 1939) // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII – XX вв. Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 79-84.
14. Приходько Г. Епископ и каноническая территория I – XIII вв. – М.: Вече, 2022. 400 с.
15. Спаткай Л. Рубцы на теле Беларуси. Когда и как изменялись границы наших государств. М.: Издательские решения, 2018. Электронная книга.
16. Темушев В.Н. Русско-литовское пограничье. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. – М.: Центрполиграф. 2018. 256 с.
17. Формирование территории Российского государства. XVI начало XX в. (границы и геополитика). – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017. лектронная книга.
18. Циркин Ю.Б. История варварских государств. СПб.: Академия исследования культуры, 2023. 452 с.
19. Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Differences / Ed. F. Barth. Boston: Little, Brown and Co, 1969. 153 p.

Reference

1. Ablonczy B. The Treaty of Trianon of 1920: Facts, Legends, and Speculations / Translated from Hungarian by O.V. Khavanova. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; – St. Petersburg: Nestor-History, 2020. 168 p.
2. Blok M. Feudal Society / Translated from French by M.Yu. Kozhevnikova, E.M. Lysenko. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2003. 503 p.
3. Wedgwood S. V. The Thirty Years' War / Translated from English by I. V. Lobanova. – Moscow: AST, 2013. 519 p.
4. Vienna Convention on the Law of Treaties. Adopted on May 23, 1969 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
5. Grousset R. The Levantine Empire. An Ancient Land of Smoldering Conflict between East and West / Translated from French by V.E. Klimanov. - M .: Centerpoligraf, 2022. 591 p.
6. Current International Law: In 3 volumes / Moscow State Institute (University) of International Relations, Moscow Independent Institute of International Law; Comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Vol. 1: Sections 1 - 13. The concept of international law, its sources, principles, subjects. Territory. Population. International treaties. Suc-

cession. Diplomatic and consular law. International organizations and conferences. Responsibility in international law. Peaceful settlement of international disputes. – M.: Publishing house of the Moscow independent institute of international law, 1996. 858 p.
7. Dunod J.-F., Arignon J.-P. The concept of "border" in Procopius of Caesarea and Constantine Porphyrogenitus // Byzantine time. 1982. Vol. 43 (68). P. 64-73.
8. Kolosov V.A. Phantom borders as a phenomenon in political geography [// Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. 2017. № 5. P. 3-11.
9. Kühlmann F. Strategy. Defense of states. Peace treaties and the drawing of borders. Covering borders. Preparatory operations. Development of operational plans. Strategic offensive in a maneuver war: Per. from French. – M.: State Military Publ., 1939. 546 p.
10. Leontiev M.F. Sayings and Aphorisms of V.O. Klyuchevsky // Questions of History. 1965. № 7. P. 208-214.
11. International Law: Textbook. in the specialties "Jurisprudence (International Law)", "International Relations", "International Economic Relations" / B.M. Ashavsky, K.G. Borisov, V.G. Boyarshinov et al.; Responsible. editors Yu.M. Kolosov, V.I. Kuznetsov; Diplomat. acad., Moscow state institute of international relations (university). 2nd ed., supplemented and revised. – M.: International Relations, 1998. 617 p.
12. Peace Treaty between Ramses II and the Hittite King Hattusili III / trans. N.S. Petrovsky // Reader on the History of the Ancient East / Acad. of Sciences. Institute of the Peoples of Asia; edited by Acad. V.V. Struve and D.G. Reder; [preface by I.S. Katznelson]. – M.: Publishing House of Eastern Literature, 1963. P. 126-130.
13. Peganov A.O. Discussion of the revision of the Czechoslovak-Hungarian border on the pages of Hungarian interwar journalism (1918 - 1939) // Caucasus-Carpathians-Balkans: geopolitical, ethno-confessional and local components of the national mentality in the 18th - 20th centuries. Stavropol: SKFU, 2015. P. 79-84.
14. Prikhodko G. Bishop and canonical territory of the 1st - 13th centuries. - M .: Veche, 2022. 400 p.
15. Spatkai L. Scars on the body of Belarus. When and how the borders of our states changed. M .: Publishing solutions, 2018. E-book.
16. Temushev V.N. Russian-Lithuanian borderland. Gomel land in the late 15th - first half of the 16th century. – M.: Centerpoligraf. 2018. 256 p.
17. Formation of the territory of the Russian state. XVI - early XX century (borders and geopolitics). – M.: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2017. electronic book.
18. Tsirkin Yu.B. History of barbarian states. SPb.: Academy of Cultural Research, 2023. 452 p.
19. Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Differences / Ed. F. Barth. Boston: Little, Brown and Co, 1969. 153 p.

Упоров И.В.
Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Территориальное устройство на местном уровне в истории России: основные тенденции развития*

Аннотация. В статье представлен обзор развития территориального устройства на местном уровне в истории России. Хронологические рамки охватывают период от XVIII в. до рубежа 1990 г. Отмечается, что на системном уровне эти вопросы стали регулироваться, начиная с эпохи Петра I, когда были сформированы восемь губерний, состоявших из городов, разрядов и приказов. В дальнейшем на местном уровне появлялись другие территориальные единицы, в XIX в. такими были также города, уезды, округа, отделы, края, волости, станицы. При этом органы местного самоуправления в силу ограниченных полномочий не влияли на территориальное устройство. Аналогичным было и положение в советском государстве, где мнение населения не учитывалось в решении данных вопросов. Ситуация стала меняться накануне распада СССР, и далее в Конституции России 1993 г. была заложена правовая основа территориальной организации местного самоуправления с учетом современных требований. Однако соответствующие нормы недостаточно конкретны, и, соответственно, требуется более развернутое развитие этих вопросов в текущем федеральном и региональном законодательстве.

Ключевые слова: территория, губернии, уезды, районы, империя, СССР, население, закон, власть.

Uporov I.V.
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Territorial structure at the local level in the history of Russia: main development trends

Abstract. The article presents an overview of the development of territorial structure at the local level in the history of Russia. The chronological framework covers the period from the 18th century to the turn of 1990. It is noted that at the systemic level, these issues began to be regulated, starting from the era of Peter I, when eight provinces were formed, consisting of cities, categories and orders. Later, other territorial units appeared at the

* © Упоров И.В., 2025.

local level, in the 19th century such were also cities, counties, districts, departments, territories, volosts, stanitsas. At the same time, local government bodies, due to their limited powers, did not influence the territorial structure. The situation was similar in the Soviet state, where the opinion of the population was not taken into account in resolving these issues. The situation began to change on the eve of the collapse of the USSR, and then the 1993 Constitution of Russia laid the legal basis for the territorial organization of local government, taking into account modern requirements. However, the relevant norms are not specific enough, and, accordingly, more detailed development of these issues in the current federal and regional legislation is required.

Key words: territory, provinces, districts, regions, empire, USSR, population, law, power.

Современное состояние территориальной организации местного самоуправления в России имеет свою предысторию, при этом особенности административно-территориального деления государства обуславливаются физико-географическими характеристиками пространства, культурно-историческими предпосылками, принятыми политическими моделями и экономическими факторами. Эволюция административно-территориального деления России насчитывает несколько этапов, начиная – на системном уровне - от реформ Петра I. До Петра I территория России делилась на уезды, затем с 1708 г. были сформированы восемь губерний, состоявших из городов, разрядов и приказов. В дальнейшем число губерний неуклонно росло. Так, к 1775 г. в стране было 23 губернии, 65 провинций и 276 уездов. Тем не менее, они оставались обширными, значительно разнились по численности своего населения и были неудобными для управления и сбора налогов. Разукрупнение губерний было проведено в ходе Екатерининской реформы в 1775 г. – тогда был издан закон «Учреждения для управления губерний», по которому размеры губерний уменьшались, их количество увеличивалось вдвое, ликвидировались провинции (в ряде губерний вместо них были выделены области), изменилась нарезка уездов. Несколько позже, с изданием «Городового положения» (1785 г.) на уровне городов стало вводиться местное самоуправление [1;2]. Однако органы местного самоуправления в Российской империи имели ограниченные полномочия и не влияли на формировании территориальной организации на местной уровне – это было прерогативой государственной власти.

Следующий этап развития административно-территориального устройства России связан с расширением института местного самоуправления, когда в 1864 г. было издано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». В XIX в. административно-территориальное деление России было сравнительно устойчивым: империю составляли губернии, генерал-губернаторства и области. Всего их число составляло 81 единицу.

Большинство областей (обычно пограничных) входили в состав генерал-губернаторств: Иркутского, Приамурского, Степного, Туркестанского. Территориальными единицами были также города, уезды, округа, отделы, края, волости, станицы. Столичные и крупные портовые города управлялись отдельно от губерний [3;4].

После Октябрьской революции 1917 г. некоторое время функционировала прежняя территориальная система. Первая советская реформа в этой сфере прошла в 1920-е гг. и была направлена на создание более масштабных административно-территориальных единиц, в результате в России (РСФСР) осталось 40 таких единиц (края, области, округа, города, села). Однако противоречие между идеями регионализации хозяйства и его индустриализацией через отраслевые ведомства, плохая управляемость больших краёв и областей быстро стали причиной их разукрупнения. В дальнейшем происходили изменения непринципиального характера, и в итоге к концу существования СССР имелись следующие основные административно-территориальные единицы в союзных республиках, в том числе в РСФСР: автономные республики, края, области, города, районы, поселки и сельсоветы [5;6].

Как видно, административно-территориальное устройство в истории России довольно активно изменялось, при этом за основу брались сначала военный фактор (при империи), затем экономический (при СССР). Вместе с тем следует подчеркнуть важнейший момент: применительно и к истории империи, и к истории СССР формирование административно-территориальных единиц осуществлялось административным путем, то есть по решению властей, без учета мнения населения, и соответственно до начала 1990-х гг. нет оснований говорить о понятии территориальной организации (территориальных основах) местного самоуправления, речь шла исключительно об административно-территориальном устройстве административными методами. Кроме того, нужно иметь в виду, что в СССР (РСФСР) к местному уровню власти относились не только города, районы, поселки и сельсоветы, но также края и области в составе союзных республик, установление и изменение границ которых тем более не требовало никакого согласования с проживающим там населением.

Ситуация стала меняться на рубеже 1990 г., то есть с завершающего этапа существования СССР. И уже тогда сразу стали возникать проблемы, решение ряда которых до сих не осуществлено. Так, в ходе разработки Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [7] в 1990 г., а в последующем и при разработке проекта Конституции Российской Федерации в постсоветской России дискуссию вызвали, например, принципы правового регулирования территориального устройства на местном уровне [8, с. 97-100]. Как заметил один из участников тех дискуссий А.Я. Слива, «дело в том, что, если мы объявляем, разрешаем, га-

рантируем местное самоуправление, это означает одновременно административно-территориальную реформу в рамках субъектов ... Эта система приспосабливалась совсем для других целей, и дело в том, что она в большинстве случаев не обеспечивает самодостаточность бюджета, прежде всего» [9, с. 164]. Согласно другому мнению «проблемы перехода к реальному местному самоуправлению - это в основе своей проблемы административно-территориальной реформы, об опасности которой до сих пор продолжают говорить не только большевики ... Это проблема, на которую мы натолкнулись как на первейшую, но трогать ее опасно и колебать не нужно» [9, с. 227]. Характер дискуссии показывает, что публично-территориальная проблема была довольно сложной.

Следует заметить, что в упомянутом Законе СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» 1990 г., который был первым в новейшей истории нашей страны, привнесший принципиально новые направления в развитии местных органов власти (таковыми были местные Советы народных депутатов), но одновременно сделал это половинчато, «с оглядкой» назад, в прошлое. В частности, в этом законе депутаты так и не решились предоставить самому населению решать конкретные вопросы территориального устройства. В ст. 2 закона было указано: «Первичным территориальным уровнем местного самоуправления могут быть сельсовет, поселок (район), город (район в городе). С учетом местных условий и национальных особенностей союзные и автономные республики определяют и другие уровни местного самоуправления … Сельские населенные пункты, поселки, города в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов могут объединяться в ассоциации» [7]. Однако в такого рода вполне демократичных положений не предусматривались какие-либо полномочия местного самоуправления по вопросам территориальной организации.

Накануне распада СССР в республиках местные элиты стали активно обсуждать пути дальнейшего государственного развития, а в его рамках и развития института местного самоуправления. В результате в РСФСР был подготовлен компромиссный вариант, в котором члены Конституционной комиссии (по изменениям действующей и разработке новой конституции) попытались сблизить альтернативные проекты, и 24 мая 1991 г. Съезд народных депутатов РСФСР принял Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР в связи с реформой местного самоуправления» [10].

Согласно этому решению была отменена ст. 137 Конституции РСФСР, где местные Советы относились к органам государственной власти. Вместо исполкомов местных Советов народных депутатов вводился институт местной администрации. Вместе с тем не была включена норма о самостоятельности местного самоуправления и одновременно была сохранена

норма о возможности отмены актов нижестоящих местных Советов вышестоящими Советами в административном порядке. Особенно наглядно компромиссность была видна в новой редакции ст. 85, где, с одной стороны, указывалось, что местные Советы входят в систему представительных органов государственной власти, а с другой стороны они входили в систему местного самоуправления.

Именно в таком ключе был разработан и принят Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» [11], на основе которого начался процесс реформирования местных органов власти, формирования системы местного самоуправления в России. Данный закон сделал некоторые шаги вперед в части совершенствования законодательной базы по вопросам территориальной организации местного самоуправления, однако принципиального решения в итоге принято все же не было.

Заслуживают внимания следующие нормы этого закона. Так, согласно ст. 2 Закона «Местное самоуправление осуществляется в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктов». И далее очень важное положение: «Образование, упразднение, объединение, установление границ районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктов осуществляется в соответствии с законодательством, исходя из исторически сложившегося расселения, перспектив социально - экономического развития, демографической ситуации и иных местных особенностей … Города, поселки, сельсоветы, сельские населенные пункты в целях более эффективного осуществления своих прав и интересов могут объединяться в ассоциации» [11].

Здесь также нет четкого указания на полномочия, какими располагают органы местного самоуправления вообще и различных территориальных единиц в частности в процессе административно-территориального устройства субъектов Федерации. При этом полномочия самих субъектов Федерации указываются, так, согласно ст. 9 данного закона «органы государственной власти и управления края, области, автономной области, автономного округа обязаны содействовать развитию системы местного самоуправления на своей территории. В этих целях они … решают предусмотренные законом вопросы административно-территориального деления» [11].

Вместе с тем роль местных органов власти все же усматривается. Так, согласно ст. 49 поселковый, сельский Совет «вносит представления в соответствующий Совет об установлении и изменении границ территории поселка, сельсовета, о выделении в его распоряжение дополнительного земельного фонда, о переименовании населенных пунктов» [11]. Аналогично решается вопрос о полномочиях других территориальных единиц местного уровня. Так, городской Совет «решает в соответствии с законодатель-

ством вопросы административно - территориального устройства; вносит представления в вышестоящие органы государственной власти и управления об установлении и изменении границ города, границ и правового режима пригородной зоны; утверждает генеральный план развития города и правила его застройки» [11].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что поселковые и сельские Советы, а также городские Советы участвуют в решении вопросов территориальной организации местного самоуправления лишь на уровне рекомендаций, а решение административно-территориального устройства оставляется на усмотрение органов власти субъекта РСФСР, и в этом смысле ситуация принципиально, если иметь в виду полномочия местных территориальных единиц, не изменилась. Однако нельзя не отметить и того, что органы местного самоуправления получили несколько больший объем полномочий при решении административно-территориального устройства внутри соответствующих территорий (прежде всего это касается района) по сравнению с предшествующим законом, регулирующим этот вопрос.

Дальнейший вектор законодательного развития института правового регулирования вопросов территориального устройства местного самоуправления был задан принятой в декабря 1993 г. Конституцией России. Так, согласно ст. 12 Конституции России «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». При такой постановке допустить, что вопросы территориальной организации местного самоуправления решаются без участия местного самоуправления невозможно и, более того, участие органов государственной власти (в данном случае органов государственной власти субъектов Федерации) должно быть минимальным. Определенным подтверждением этому, хотя и недостаточно четким, является ключевое положение, содержащееся в ч. 2 ст. 131 Конституции России: «Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий в порядке, установленном федеральным законом» [12]. В совокупности конституционные нормы заложили законодательную базу регулирования вопросов территориальной организации местного самоуправления в современной России. Вместе с тем такие нормы недостаточно конкретны, не учитывают многих факторов, на что обращается внимание в литераторе [13;14;15 и др.], и, соответственно, требуется более развернутое развитие этих вопросов в текущем федеральном и региональном законодательстве.

Библиографический список:

1 Белёвцева Е.В. Административно-территориальное деление России, его изменение с течением времени. – М.: 2007.

2. Административно-территориальное устройство России. История и современность / Отв. ред. А.В. Пыжиков. – М.: 2003.
3. Асанов Р.Ф. Территориальная организация местного самоуправления второй половины XIX века // Правовое государство: теория и практика. Общественно-политический и научно-правовой журнал. 2007. № 2. С. 28-32.
4. Саломаткин А.С. Административно-территориальное устройство Российской Федерации (вопросы теории и практики). – М.: Манускрипт, 1995.
5. Щекочихин В.В. История развития административно-территориального деления России // Проблемы экономики и менеджмента. 2016. № 12. С. 72-78.
6. Административно-территориальное устройство России: История и современность / Под общ. ред. А.В. Пыжикова. – М.: 2003.
7. Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» от 09.04.1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267.
8. Васильев В.И. Местное самоуправление. – М.: 1999.
9. Конституционное совещание: Стенограммы, материалы, документы. – М.: 1995. Т. 13.
10. Закон РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР в связи с реформой местного самоуправления» от 24 мая 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 778.
11. Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 28.02. 2025).
13. Иванов Р.Н., Рубцов В.А. Теоретические подходы и аспекты к исследованию пространственного развития городских территорий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2024. № 4. С. 482-490.
14. Бучакова М.А. Проблемы формирования территориальных основ местного самоуправления // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 2. С. 6-10.
15. Жиляев А.В. Промежуточные итоги реформы территориальных основ местного самоуправления в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 2. С. 153-157.

Reference

1 Belevtseva E.V. Administrative-territorial division of Russia, its change over time. – M.: 2007.
2. Administrative-territorial structure of Russia. History and modernity / Ed. A.V. Pyzhikov. – M.: 2003.
3. Asanov R.F. Territorial organization of local self-government in the second half of the 19th century // The rule of law: theory and practice. Socio-political and scientific-legal journal. 2007. № 2. P. 28-32.
4. Salomatkin A.S. Administrative-territorial structure of the Russian Federation (theoretical and practical issues). – M.: Manuscript, 1995.
5. Shchekochikhin V.V. History of the development of the administrative-territorial division of Russia // Problems of Economics and Management. 2016. № 12. P. 72-78.
6. Administrative-territorial structure of Russia: History and modernity / Under the general editorship of A.V. Pyzhikov. – M.: 2003.
7. Law of the USSR "On the general principles of local self-government and local economy in the USSR" of 04/09/1990 // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. № 16. Art. 267.
8. Vasiliev V.I. Local self-government. – M.: 1999.
9. Constitutional Conference: Transcripts, materials, documents. – M.: 1995. T. 13.
10. Law of the RSFSR "On Amendments and Additions to the Constitution of the RSFSR in Connection with the Reform of Local Self-Government" of May 24, 1991 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 22. Art. 778.
11. Law of the RSFSR of July 6, 1991 "On Local Self-Government in the RSFSR" // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 29. Art. 1010.
12. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS "ConsultantPlus" (28.02. 2025).
13. Ivanov R.N., Rubtsov V.A. Theoretical approaches and aspects to the study of spatial development of urban territories // Bulletin of Udmurt University. Series "Biology. Earth Sciences". 2024. № 4. P. 482-490.
14. Buchakova M.A. Problems of formation of territorial foundations of local self-government // Problems of law enforcement. 2024. № 2. P. 6-10.
15. Zhilyaev A.V. Interim results of the reform of territorial foundations of local self-government in Russia // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2. P. 153-157.

Петрова С.И.
Кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Петров И.Ф.
Доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Экзистенциализм как символ культуры двадцатого столетия*

Аннотация. Экзистенциальное мировоззрение с его акцентом на уникальность человеческого бытия, на проблемах свободы, ответственности, одиночества, страдания и смерти пронизывает собой значительную часть философских и художественных исканий прошлого столетия. В статье показывается, что в целом экзистенциализм стал одним из магистральных течений культуры XX века, обогатившим ее новыми темами, образами и выразительными средствами. Экзистенциализм дал мощный импульс развитию модернистской литературы, театра абсурда, интеллектуального кинематографа, заставив людей иначе взглянуть на собственную жизнь.

Ключевые слова: экзистенциализм, философия, культура, искусство, литература, творчество, кинематограф, человек.

Petrova S.I.
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Petrov I.F.
Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

Existentialism as a symbol of twentieth-century culture

Abstract. The existential worldview with its emphasis on the uniqueness of human existence, on the problems of freedom, responsibility, loneliness, suffering and death permeates a significant part of the philosophical and artistic searches of the last century. The article shows that, in general, existentialism has become one of the main currents of twen-

* © Лысикова И.В., 2025.

tieth-century culture, enriching it with new themes, images and expressive means. Existentialism gave a powerful impetus to the development of modernist literature, theater of the absurd, and intellectual cinema, forcing people to look at their own lives differently.

Key words: existentialism, philosophy, culture, art, literature, creativity, cinema, man.

Экзистенциализм — это философское течение XX века, которое ставит в центр внимания человеческое существование, свободу и ответственность индивида. Согласно экзистенциалистам, человек сам определяет смысл своей жизни через свои действия и решения. В отличие от других философских направлений, экзистенциализм фокусируется на субъективном опыте отдельного человека, на его переживаниях тревоги, отчаяния, одиночества перед лицом абсурдности бытия. Основоположниками экзистенциализма считаются Серен Кьеркегор, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю. Они подчеркивали, что человек «заброшен» в этот мир, не имея предзаданной сущности или предназначения. Человек обречен быть свободным и сам несет полную ответственность за свои поступки и за то, кем он становится. Свобода выбора порождает экзистенциальную тревогу, но в то же время является необходимым условием для самореализации и обретения подлинности существования.

Ж.-П. Сартр утверждал, что существование предшествует сущности - сначала человек появляется в мире, потом он сам определяет, кем ему быть через свои действия. М. Хайдеггер вводит понятие «бытие-в-мире», указывая на неразрывную связь человека с окружающей действительностью. А. Камю размышлял об абсурдности человеческого существования и бунте как способе принятия жизни вопреки ее бессмысленности. Экзистенциальные темы одиночества, отчуждения, поиска смысла жизни, нашли широкое отражение в науке и творчестве. Через призму экзистенциализма часто рассматривают произведения Франца Кафки [1], Фёдора Достоевского [2; 3], Симоны де Бовуар [4]. В психологии и психотерапии экзистенциальный подход делает акцент на принятии человеком ответственности, осознании своей свободы, стремлении к самоактуализации и поиску смысла даже перед лицом страдания и конечности бытия.

Критики экзистенциализма указывают на присущий ему индивидуализм, пессимизм, недооценку социального измерения человеческой жизни. Однако экзистенциальная философия оказала большое влияние на интеллектуальную жизнь XX века и существенно обогатила представления о природе человека, смысле его существования, свободе и ответственности личности в современном мире.

Идеи экзистенциализма нашли широкое отражение в культуре, особенно в литературе, театре и кинематографе. Многие писатели и философы-

экзистенциалисты, сами были авторами художественных произведений, в которых выражали свои философские взгляды. В романах и пьесах экзистенциалистов часто изображаются герои, сталкивающиеся с абсурдностью мира, переживающие кризис идентичности, тревогу, отчуждение. Они ищут смысл своего существования, делают сложный выбор, берут на себя ответственность за свою жизнь. Произведения Ж.-П. Сартра «Тошнота», «Экзистенциализм — это гуманизм», «Мухи», А. Камю «Посторонний», «Чума» стали классикой экзистенциальной литературы. Экзистенциальные мотивы можно найти в творчестве многих писателей, таких как Франц Кафка, Федор Достоевский, Райнер Мария Рильке, Сэмюэл Беккет. В театре идеи экзистенциализма развивались в рамках «театра абсурда». Пьесы абсурдистов изображали бессмысленность человеческого существования, крах рационального мышления, некоммуникабельность людей. Яркими представителями этого жанра были Эжен Ионеско, Сэмюэл Беккет. В кинематографе элементы экзистенциализма прослеживаются в фильмах Ингмара Бергмана, Микеланджело Антониони, Жана-Люка Годара, Вуди Аллена. Их картины часто исследуют темы одиночества, тревоги, кризиса духовности, проблемы самоопределения личности. Таким образом, экзистенциализм стал одним из важнейших интеллектуальных течений, оказавших значительное влияние на культуру и искусство двадцатого века.

Тема экзистенциализма в культуре остается актуальной и в наши дни по нескольким причинам. Во-первых, вопросы смысла жизни, свободы, ответственности, одиночества, которые поднимали экзистенциалисты, являются вечными философскими проблемами, волнующими людей во все времена. В современном мире, характеризующемся быстрыми изменениями, нестабильностью, размыванием традиционных ценностей и ориентиров, многие люди испытывают экзистенциальную тревогу, ощущение абсурдности и бессмысленности существования. Идеи экзистенциализма помогают осмыслить эти переживания, побуждают к поиску собственного пути и индивидуальных решений. Во-вторых, экзистенциальный подход к человеку как к свободной, ответственной личности, преодолевающей внешние обстоятельства, созвучен современным представлениям о самореализации, личностном росте, психологическом благополучии. В-третьих, в искусстве и массовой культуре XXI века по-прежнему ощущается влияние экзистенциализма - в фильмах, спектаклях, литературных произведениях, посвященных кризису идентичности, проблемам выбора, отчуждению в современном обществе, трагизму человеческого удела. Таким образом, экзистенциальные темы продолжают находить отклик у современной аудитории, стимулируют рефлексию о фундаментальных вопросах бытия.

Экзистенциальные мотивы можно найти во многих произведениях современной культуры. В кинематографе яркими примерами являются

фильмы Вуди Аллена, такие как «Энни Холл», «Матч Пойнт», «Полночь в Париже», где герои размышляют о смысле жизни, любви, смерти, своем предназначении. Фильмы Ларса фон Триера «Меланхолия», «Нимфоманка», «Дом, который построил Джек» исследуют темные стороны человеческой природы, депрессию, отчаяние, вину. Кристофер Нолан в фильмах «Помни», «Начало», «Интерстеллар» поднимает вопросы памяти, реальности, времени, одиночества человека во Вселенной. В литературе экзистенциальные темы разрабатывают такие писатели как Мишель Уэльбек «Элементарные частицы», «Покорность», Фредерик Бегбедер «Любовь живет три года», «Уна и Сэлинджер», Харуки Мураками «Норвежский лес», «Кафка на пляже», Чак Паланик «Бойцовский клуб», «Удушье». В их романах персонажи сталкиваются с утратой смысла, потребительским образом жизни, нереализованностью, внутренней пустотой. Театральные постановки по мотивам пьес Ж.-П. Сартра, А. Камю, С. Беккета по-новому раскрывают экзистенциальную проблематику, адаптируя ее к современным реалиям. В музыке экзистенциальные настроения выражают альтернативный рок, пост-панк, готик-рок, металл, гранж - направления, в которых звучат темы отчуждения, протеста, надрыва, душевных метаний. Таким образом, идеи экзистенциализма продолжают вдохновлять представителей разных видов искусства, находя новые формы выражения, созвучные умонастроениям и тревогам наших современников.

Как уже говорилось, об экзистенциализме в культуре писали многие выдающиеся философы XX века. Среди них следует особо отметить Жан-Поля Сартра, который не только разработал философские основы экзистенциализма, но и дал блестящие образцы экзистенциальной прозы и драматургии. Другой ключевой фигурой был Альбер Камю. В своих художественных и философских произведениях А. Камю исследовал темы абсурда, бунта, одиночества человека. Также большое влияние на развитие экзистенциализма оказали немецкие мыслители Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс, которые анализировали проблемы человеческого существования, временности, отношения человека к собственной смерти. Важный вклад в философию экзистенциализма внесли и религиозные авторы - Серен Кьеркегор, Габриэль Марсель, Николай Бердяев, для которых на первом плане стояли вопросы индивидуальной веры, свободы, трансцендентного.

Жан-Поль Сартр был одним из ключевых философов, развивавших идеи экзистенциализма в культуре XX века. В своих философских трудах, таких как «Бытие и ничто» [5] и «Экзистенциализм — это гуманизм» [6], Ж.-П. Сартр утверждал, что существование человека предшествует его сущности. Согласно Ж.-П. Сартру, человек абсолютно свободен и несет полную ответственность за свою жизнь, за то, кем он становится. Эта свобода порождает у человека глубокую тревогу, но в то же время является

источником его достоинства. Ж.-П. Сартр подчеркивал, что человек «приговорен быть свободным» и не может избежать необходимости постоянно делать выбор, наполнять свою жизнь смыслом. В своих художественных произведениях, таких как роман «Тошнота», пьесы «Мухи» и «За запертой дверью», Ж.-П. Сартр демонстрирует, как его философские идеи воплощаются в конкретных жизненных ситуациях и переживаниях героев. Он показывает людей, сталкивающихся с абсурдностью бытия, испытывающих отчаяние и тошноту перед лицом своей свободы и ответственности, но способных придать своему существованию смысл через осознанные решения и поступки. Таким образом, Ж.-П. Сартр не только теоретически обосновал принципы экзистенциализма, но и выразил их средствами литературы, оказав огромное влияние на культуру своего времени.

Мартин Хайдеггер, один из самых влиятельных философов XX века, также оказал огромное влияние на развитие экзистенциализма, хотя сам он не причислял себя к этому течению. В своем главном труде «Бытие и время» [7] М. Хайдеггер исследует фундаментальные вопросы человеческого существования, вводя понятие «Dasein» (вот-бытие, присутствие) для обозначения человеческого бытия, которое отличается от бытия других сущих своей открытостью, способностью вопрошать о смысле бытия. По М. Хайдеггеру, человек «заброшен» в мир, он изначально находится в состоянии падения, затерянности в повседневности с ее усредненностью и безличностью. Однако человек способен обрести подлинность своего существования через осознание своей конечности, через переживание ужаса (Angst) перед лицом неизбежности смерти и через решимость принять свою судьбу. М. Хайдеггер подчеркивает временность человеческого бытия, его устремленность в будущее, проективность. Такие экзистенциальные темы и понятия М. Хайдеггера, как забота, решимость, совесть, вина, страх, ужас, бытие-к-смерти оказали большое влияние на философов-экзистенциалистов, таких как Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс. Хотя взгляды М. Хайдеггера нельзя однозначно отнести к экзистенциализму, его идеи о подлинности и неподлинности человеческого существования, о необходимости осознания своей конечности для обретения свободы стали неотъемлемой частью экзистенциальной мысли и оказали глубокое воздействие на культуру и мировоззрение двадцатого века. Философия М. Хайдеггера, уходящая корнями в феноменологию Э. Гуссерля, но радикально переосмысливающая ее, открыла новые возможности для постижения человека и его места в мире.

Карл Ясперс, наряду с М. Хайдеггером, считается одним из основоположников экзистенциальной философии. В своих работах он исследует проблемы человеческого существования, свободы, выбора, коммуникации [8]. К. Ясперс полагал, что человек не дан самому себе как завершенная сущность, а должен постоянно созидать себя, реализуя свои возможности. Центральными поня-

тиями философии К. Ясперса являются «экзистенция», «пограничная ситуация», «коммуникация», «объемлющее». Экзистенция, по К. Ясперсу, — это не просто существование, а подлинное бытие человека, связанное со свободой, ответственностью, выбором самого себя. Достичь экзистенции человек может, оказавшись в «пограничной ситуации» - перед лицом страдания, борьбы, вины, смерти. Именно перед лицом своей конечности, в моменты глубочайших потрясений человек способен осознать шаткость и ненадежность всего того, на что он опирался в повседневной жизни, и совершить прорыв к подлинному бытию. Большое значение К. Ясперс придает коммуникации как глубинному общению между людьми, благодаря которому человек обретает самого себя. В своих культурологических работах К. Ясперс рассматривает духовную ситуацию эпохи, говорит о кризисе культуры и о необходимости обновления человека. Идеи К. Ясперса о самобытие, пограничных ситуациях, экзистенциальной коммуникации оказали большое влияние на духовную культуру, искусство, литературу, психологию и психотерапию.

Серен Кьеркегор считается предтечей экзистенциализма и оказал огромное влияние на развитие этого философского направления в XX веке. В своих работах он подчеркивает уникальность и неповторимость человеческого существования, которое не может быть познано с помощью абстрактных философских категорий [9]. С. Кьеркегор противопоставляет безличному и объективному знанию субъективность человека, его переживания, страсти, внутренний выбор. Он полагает, что человек должен не просто познавать мир, но быть страстно вовлеченным в свое существование, совершая экзистенциальный выбор. Проблема выбора - одна из центральных у С. Кьеркегора. Человек постоянно оказывается перед лицом выбора, который он должен совершить самостоятельно, не опираясь на какие-либо внешние критерии. Выбор этот часто бывает мучительным, совершается в отчаянии и страхе, но только так, через преодоление страха и отчаяния человек может обрести самого себя. С. Кьеркегор описывает три стадии человеческого существования: эстетическую, этическую и религиозную. На эстетической стадии человек живет непосредственными желаниями и наслаждениями, не задумываясь о смысле жизни. Этическая стадия связана с подчинением нравственному закону и осознанием долга. Но высшей является религиозная стадия, на которой человек делает абсолютный выбор, связанный с верой в Бога. Однако к Богу нельзя прийти просто путем рассуждений, это требует жизненного усилия, страстной веры, «прыжка в неизвестность». В своих работах С. Кьеркегор полемизирует с рационалистической философией и абстрактным гегельянством, которые упускают из виду конкретного человека. Он подчеркивает значение индивидуального выбора, субъективности, страсти и веры перед лицом тревоги, отчаяния, абсурда человеческого существования. Неслучайно С. Кьеркегора называют «рыцарем веры» и

«поэтом экзистенции». Его идеи получили глубокий отклик в философии и культуре, оказав влияние на таких мыслителей как К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю и других представителей экзистенциализма.

Габриэль Марсель, один из ключевых представителей христианского экзистенциализма, рассматривал проблемы человеческого существования через призму культуры и искусства [10]. По его мнению, культура и различные формы творческого самовыражения играют важнейшую роль в осмыслении экзистенциальных вопросов и поиске смысла жизни. Г. Марсель полагал, что через приобщение к культуре, через восприятие произведений искусства человек соприкасается с глубинными основами бытия, которые невозможно выразить в чисто рациональных философских категориях. Искусство и культура позволяют пережить опыт трансцендентного, выходящего за пределы повседневности. Они дают возможность ощутить сопричастность к чему-то высшему, вечному, открывают человеку путь к самому себе. В то же время Г. Марсель предостерегал от сведения культуры лишь к развлечению или эстетической игре. Подлинное искусство всегда экзистенциально, оно затрагивает самые глубокие и сокровенные вопросы человеческого бытия - о жизни и смерти, любви и одиночестве, надежде и отчаянии. Поэтому для Г. Марселя культура неотделима от духовных исканий, от стремления постичь смысл своего существования. Он также подчеркивал важность диалога и коммуникации как неотъемлемых составляющих культуры. Через диалог с другим, через интерсубъективное общение человек обретает себя и свое место в мире. В целом, Г. Марсель видел в культуре и искусстве ключ к постижению тайны человеческого бытия, способ преодоления отчуждения и соприкосновения с трансцендентным смыслом, лежащим в основе экзистенции.

Николай Бердяев, один из виднейших русских философов XX века, также уделял большое внимание вопросам экзистенциализма и его проявлениям в культуре [11]. Для Н. Бердяева культура представляла собой воплощение духовных исканий человека, его попыток осмыслить свое место в мире и обрести высший смысл существования. Философ полагал, что подлинная культура всегда экзистенциальна по своей сути, она рождается из глубин человеческого духа, из опыта переживания пограничных ситуаций - одиночества, страдания, смерти. В этом смысле культура противостоит обыденности, мещанскому благополучию и самодовольству. Она пробуждает в человеке «тоску по трансцендентному», заставляет его выходить за пределы повседневности и обращаться к вечным вопросам бытия. Н. Бердяев считал, что искусство, философия, религия являются различными путями экзистенциального самопознания и самовыражения человека. В творческом акте личность соприкасается с иными измерениями реальности, прорывается сквозь оболочку эмпирического мира к сверхвременным

духовным сущностям. Творчество для Н. Бердяева — это всегда прорыв в царство свободы, преодоление детерминизма природы и социума. В то же время он предостерегал от абсолютизации эстетического начала, превращения искусства в самодовлеющую ценность. Культура, оторванная от духовных корней, вырождается в пустую игру форм, в декадентство и нигилизм.

Главный пафос экзистенциальной философии культуры Н. Бердяева заключался в утверждении примата личности и свободы над любыми внешними условностями и детерминациями. Он призывал к творческому дерзновению, к реализации божественного потенциала, заложенного в каждом человеке. Только на этом пути возможно достижение подлинности существования, обретение полноты бытия и спасения от властвующего в мире зла. Культура, питаемая живыми экзистенциальными истоками, способна преобразить жизнь, очеловечить социальные отношения, указать человечеству путь к богочеловеческому идеалу. В этом Н. Бердяев видел ее высшее предназначение и неиссякаемую ценность.

Альбер Камю один из самых ярких представителей экзистенциализма в литературе [12]. Его творчество пронизано идеями этой философии, которые нашли воплощение в знаменитых романах «Посторонний», «Чума», «Падение», а также в философских эссе, самым известным из которых является «Миф о Сизифе». А. Камю показывает в своих произведениях человека, остро ощущающего абсурдность бытия, раздираемого противоречиями, мучительно ищущего опору и смысл в хаотичном и безразличном мире. Его герои - будь то Мерсо, доктор Риэ или Жан-Батист Кламанс - сталкиваются с пограничными ситуациями, которые обнажают экзистенциальную сущность их существования. Перед лицом смерти, страдания, вины они осознают свое одиночество и свободу, необходимость делать выбор и нести за него ответственность. Размышляя об абсурде как изначальном условии человеческой жизни, А. Камю видит единственный достойный выход в бунте - не примирении, а противостоянии миру, героическом утверждении собственного достоинства вопреки бессмысленности бытия. В то же время он подчеркивает важность солидарности между людьми, сочувствия и поддержки друг друга, способных смягчить трагизм существования. Своим творчеством А. Камю не только выразил ключевые экзистенциальные темы, но и придал им особую художественную силу и глубину, сделав свои книги актуальными для многих поколений читателей, пытающихся найти себя в непростом и противоречивом мире.

Таким образом, экзистенциализм оказал колоссальное влияние на культуру двадцатого века, пронизав своими идеями самые разные сферы творчества. Философия существования, утверждающая абсолютную свободу и одновременно трагическое одиночество человека в чуждом и абсурдном мире, стала созвучна мироощущению многих художников эпохи. Писате-

ли, поэты, драматурги воплотили экзистенциальное видение в образах своих героев - растерянных, страдающих, мечущихся в поисках смысла жизни. Через призму экзистенциализма по-новому раскрылись вечные вопросы о границах человеческой свободы, об ответственности личности, о подлинности бытия перед лицом небытия. Острота этих тем, смелость их трактовки не только обновили проблематику искусства, но и оказали глубокое влияние на умы современников. Экзистенциализм дал мощный импульс развитию модернистской литературы, театра абсурда, интеллектуального кинематографа, заставив людей иначе взглянуть на собственную жизнь и переосмыслить свое место в мире. Идеи этой философии, шокирующие и притягательные одновременно, затронули самые глубинные струны человеческой души, став неотъемлемой частью духовного опыта ушедшего столетия. Экзистенциализм предстал не просто как отвлеченная умозрительная доктрина, но как страстная попытка найти истину о человеке, постичь сокровенную суть его бытия через искусство. Поэтому влияние этого интеллектуального течения вышло далеко за рамки академической философии, органично слившись с художественной тканью культуры и сделав экзистенциализм одним из символов эпохи.

Библиографический список:

1. Кафка Ф. Процесс. – Москва: Текст, 2021. 272 с.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья: повесть. – Москва: Мартин, 2023. 269 с.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Москва: Дрофа, 2008. 607 с.
4. Бовуар С. Де. Гостья. – Москва: Эксмо, 2021. 480 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической. – Москва: Республика, 2004. 639 с.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Жан-Поль Сартр пер. с фр. М. Грецкого. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1953. 42 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – Москва: Ad Marginem, 1997. 451 с.
8. Ясперс К. Разум и экзистенция. – Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.
9. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». – Москва: Акад. проект, 2012. 607 с.
10. Марсель Г. Трагическая мудрость философии: избранные. – Москва: Изд-во гуманит. лит., 1995. 215 с.
11. Бердяев Н. Философия свободного духа. – Москва: Республика, 1994. 479 с.
12. Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. – Москва: Политиздат, 1990. 414 с.

Reference

1. Kafka F. The Trial. – Moscow: Text, 2021. 272 p.
2. Dostoevsky F.M. Notes from Underground: story. - Moscow: Martin, 2023. 269 p.
3. Dostoevsky F.M. Crime and Punishment. – Moscow: Drofa, 2008. 607 p.
4. Beauvoir S.De. Guest. – Moscow: Eksmo, 2021. 480 p.
5. Sartre J.-P. Being and Nothingness: A Phenomenological Experience. – Moscow: Respublika, 2004. 639 p.
6. Sartre J.-P. Existentialism is a Humanism / Jean-Paul Sartre trans. from French by M. Gretsky. - Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1953. 42 p.
7. Heidegger M. Being and Time. – Moscow: Ad Marginem, 1997. 451 p.
8. Jaspers K. Reason and Existence. – Moscow: Kanon+, ROOI “Rehabilitation”, 2013. 336 p.
9. Kierkegaard S. Concluding Unscientific Afterword to “Philosophical Fragments”. – Moscow: Acad. project, 2012. 607 p.
10. Marcel G. The Tragic Wisdom of Philosophy: Selected. – Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1995. 215 p.
11. Berdyaev N. Philosophy of the Free Spirit. – Moscow: Respublika, 1994. 479 p.
12. Camus A. The Rebellious Man: Philosophy. Politics. Art. – Moscow: Politizdat, 1990. 414 p.

Напсо М.Б.
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.
Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Информация, информационное воздействие в условиях особых свойств современной информационной среды*

Аннотация. В статье проблематика информационного воздействия рассматривается в контексте основных свойств информационной среды, особенностей оборота информации, имеющих постоянно меняющийся характер. Исходя из этого, авторы делают акцент на таких особенностях современного оборота информации, как контролируемый характер информационно-коммуникационных технологий, используемых в том числе для сбора, анализа и использования больших данных; информационный переизбыток, рост объемов некачественной, синтезированной, преобразованной, фейковой информации, информации в стиле перформанса. Проблема противодействия информационному воздействию на индивидуальном и государственном уровне представляет сложность в силу всепронивающего характера технологий и сверхдоверия им, объемности информационных отношений, постоянного совершенствования технологий и изменения качества и условий функционирования информационной среды, количества и существа риск-факторов, а также догоняющего правового и социокультурного регулирования. В таких условиях особую актуальность приобретают безопасные стратегии информационного поведения, основанные на информационной культуре индивида и общества, развитых компетенциях в сфере информационной безопасности и устойчивом информационном иммунитете.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная культура, информационный иммунитет, информационный переизбыток, некачественная информация, искусственный интеллект, дипфейк.

Napso M.B.
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus State Academy.

* © Напсо М.Б., Агирбов Т.Р., 2025.

Agirbov T.R.
Student of the North Caucasus State Academy.

Information, information impact in the conditions of special properties of the modern information environment

Abstract. The article examines the problems of information impact in the context of the basic properties of the information environment, the features of information turnover, which are constantly changing. Based on this, the authors focus on such features of modern information turnover as the controlled nature of information and communication technologies, used, among other things, for the collection, analysis and use of big data; information oversupply, the growth of low-quality, synthesized, transformed, fake information, information in the style of performance. The problem of countering information influence at the individual and state levels is complex due to the pervasive nature of technology and the over-reliance on it, the volume of information relations, the constant improvement of technology and changes in the quality and conditions of the information environment, the number and nature of risk factors, as well as catching up legal and socio-cultural regulation. In such conditions, secure information behavior strategies based on the information culture of the individual and society, developed competencies in the field of information security and stable information immunity become particularly relevant.

Key words: information impact, information culture, information immunity, information overabundance, low-quality information, artificial intelligence, deepfake.

Введение

Утверждение информационно-технологической инфраструктуры в качестве главного источника сведений, знаний, информации, а также среды обитания, усиливает ее влияние и зависимость индивидов от нее. Эффект информационного воздействия в условиях развивающихся технологий имеет особый характер: с одной стороны, это расширяет возможности и горизонты мышления и действия, а с другой, усиливает отрыв от социальной реальности, уход в мир образов, фантомов, иллюзий. Все чаще индивид сталкивается с такого рода угрозами, как информационный перегруз, информационный стресс, информационное давления, негативное воздействие которых обусловлено не только внешними факторами, но и внутренними, порождаемыми самой личностью, предпосылками. Среди них неготовность к самостоятельной критической работе с информацией, серьезной аналитической работе, к сложному труду по формированию знаний; неразвитость умений и навыков безопасной работы с информа-

цией, низкий уровень информационной культуры. Но главное - чрезмерная самоуверенности, переоценка своих возможностей и неоправданное сверхдоверие технологиям на фоне неосведеомленности о глубинных механизмах управления ими и с их помощью. Индивид и может и должен осознавать опасный потенциал, обратную сторону технологий, способных изменить его вплоть до полного переформатирования в случае их злонамеренного использования. То, что индивид не только субъект информационной деятельности, творящий свое информационно-коммуникационное пространство, но и объект изучения, наблюдения, контроля, слежки, уже давно не секрет. Как и факт того, что информационно-психологический аспект как информационного воздействия, так и противоборства ему приобретает все большее значение. Сила современного информационного воздействия в равной мере зиждется на использовании управляемых и контролируемых технологий и взращивании, эксплуатации особых индивидуальных качеств, свойств поколений новой генерации. В силу этого информационно-психологический подход, представляющий собой «целый комплекс завуалированных идеологических и манипулятивных методик по воздействию на психику и поведение людей, общества в целом, а также контрмеры по борьбе с таким влиянием» получает все большее распространение. Он включает в себя «как агрессивные инструменты: например, распространение фейковых новостей, слухов, генерацию страхов…, так и сложную стратегическую работу по … надлому бытующих в массовом сознании стереотипов, вплоть до перевода населения на другую картину мира», по смене характера социального поведения, психологических парадигм, по подведению к выбору нужных стратегий[1].

Теоретический анализ

В условиях, когда информация приобрела интегральный характер, пронизав все сферы жизнедеятельности индивида и общества, проблемы обеспечения ее качества, противодействия искажениям и использованию в противоправных целях и в качестве мощного средства воздействия приобретают все более актуальный характер. Информационная среда все в большей мере приобретает черты неблагоприятной и используемой в целях воздействия. Основные опасности информационного воздействия таятся в лавинообразном увеличении объёмов всех видов информации («информационный взрыв»), в отсутствии необходимой информации; в нарушении прав личности в сфере доступа к информации; в воздействии

1 *Жеглова Ю.Г., Перова О.К.* Особенности информационного противоборства в актуальных условиях трансформации медиасферы // Universum: Общественные науки : электрон. научн. журн. 2019. № 3 (54). С. 4-7. С. 5.

информации сомнительного характера, вредоносной информации, дезинформации, непроверенной, ошибочной и искаженной информации; двойственной информации[2]. В такой ситуации особое значение приобретают наличие и постоянное развитие не только технических возможностей, но и способностей индивидов определять и блокировать отрицательное информационно-психологические влияние, минимизировать степень его воздействия, обеспечивать свои права и свободы[3]. Сложность регулирования совокупности информационных отношений, множество риск-факторов в информационно-коммуникационной среде, постоянное изменение качества и условий ее функционирования приводят к пониманию необходимости использования механизмов социокультурной регуляции, что связано с развитием 1) информационной культуры как единства ценностных установок, способностей, знаний, умений и устойчивых навыков информационной деятельности и ориентации в информационном обществе; 2) культуры информационной безопасности; 3) информационного иммунитета личности, который представляет собой невосприимчивость к информационному и иному деструктивному психологическому влиянию, внутреннюю защиту от информационно-психологического воздействия[4]. Таким образом акцент делается на «активном, субъектном начале, возможности саморегуляции самим человеком своей информационно-психологической безопасности»[5].

Информационная среда развивается по пути «неконтролируемого развития искусственной среды обитания», все большее значение приобретает семантическое воздействие информации на индивида, то, в какой мере чрезмерное усиление информационного давления, неосознанное и осознанное информационное загрязнение влияют на психику и поведение личности[6]. Востребованными способами информационно-психологического воздействия и манипулирования информацией являются утаивание важ-

2 *Костюк А.В., Примакин А.И.* Информационно-психологическая безопасность личности: проблемы и подходы// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. 3 (79) С. 227-230. С. 228, 229-230.

3 *Рерке В.И., Бубнова И.С.,Демаков В.И.* Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция // Научно-педагогическое обозрение.2022. Вып. 5 (45). С. 202-211.

4 *Голушко Т.К.* Информационный иммунитет как ключевое понятие информационно-психологической безопасности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 6. С. 1483-1495.

5 *Ежевская Т.И.* Основные направления и подходы к исследованию информационно-психологической безопасности личности в отечественной науке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: педагогические науки. 2010. № С. 193-199. С. 197.

6 *Дружилов С.А.* Современная информационная среда и экология человека: психологические аспекты // Гигиена и санитария. 2018. № 97 (7). С. 597-603. С. 598.

ной информации или ее вкрапление в инфопоток; намеренное упрощение и целенаправленный повтор; изменение смысла понятий; акцентирование и поиск негатива; использование «фейков». Преобразование информационного потока осуществляется путем сглаживания деталей, что придает основной идее более масштабный характер, заострения внимания через включение дополнительных деталей, придающих эмоциональную окраску и смысловую наполненность, и приспособление контента под стереотипы, установки и ожидания аудитории, - таким образом «психологическое содержание информации может в корне меняться». Для усиления негативного информационно-психологического воздействия активно используются отдельные психологические приемы манипулирования сознанием масс и целевых групп – прием разрыва «шаблона», апеллирование к авторитетам, прием накопления согласия, иллюзия выбора[7]. В условиях растущего влияния цифровой коммуникации, чрезмерной увлеченности ею, смешивания реальности и виртуальности, жизни и имитации жизни индивид утрачивает способность «в должной мере обнаруживать оказываемое на него воздействие и противостоять ему». Проблема не только в том, что индивид испытывает большие информационные и эмоциональные нагрузки из-за огромных давления объемов информации, сложности выбора, невозможности сконцентрироваться и т.д. Интернет-пространство обладает широкими возможностями за видимой объективностью сформировать определенную картину действительности и ее восприятия. И одним из факторов усиления эффектов информационного воздействия в Интернет-пространстве является создание эмоционального фона, импрессинг. «На его фоне эффекты информационного воздействия способны принимать форму сильного впечатления, социокультурные последствия которого характеризуются устойчивостью во времени»[8]. В условиях психоэмоционального воздействия на объект отрыв индивида от реальности и социума перерастает в опасность.

Став средой обитания, информационное пространство все в большей мере используется в качестве инструмента управления, влияния, средства конкурентной борьбы. Решающее значение здесь имеет фактор сверхдоверия технологиям на фоне отсутствия у пользователей множества устройств, систем, сетей глубоких знаний о том, как они устроены и работают, кем и как контролируются и управляются. Вследствие этого владельцы и раз-

7 *Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л.* Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75-89. С. 80-81, 83.

8 *Викторова Е.В., Бадаева Е.Р.* «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. 2019. Том 7. № 1. С. 100-112. С. 101, 102, 109.

работчики цифровых платформ получают неограниченные возможности воздействия на сознание и поведение людей, участвующих в обороте информации. Такие платформы, как Facebook, Twitter, Instagram активно используют автоматическую цензуру. «Она включает в себя сложные методы фильтрации контента… Эти инструменты работают в реальном времени и явно не уведомляют пользователя, что делает их незаметными. Приватизированная цензура технологических компаний может также приводить к манипуляциям, распространять ложные новости, подавлять голоса несогласных в своих коммерческих и политических интересах»[9]. Летом 2024 г. соцсеть Х И. Маска была уличена в том, что с целью обучения нейросети использовала сообщения пользователей сети без их ведома. Людей повсюду окружают системы слежения, сканирования и т.п., получаемая таким образом информация формирует огромное число баз данных. Главный риск оборота информации в форме баз данных как в получении, так и в дальнейшем использовании информации без ведома лиц, учета их интересов. Свобода информационной деятельности для одних оборачивается бесправием для других, для тех, кто становится ее объектом. Проблема усугубляется тем, что на законодательном уровне вовсе не берется в расчет факт неравенства сторон, наличия явных преимуществ (материальных, экономических, манипулятивных и т.п.) у лиц, обрабатывающих данные.

Серьезное информационное воздействие имеют информационные перегрузки и увеличение нерелевантной информации (информационного мусора, «информации без значения», фейковой информации, ложных сведений и иных информационных помех), что ведет к изменению качества информации и информационной среды и растущего информационного воздействия. Введенное Д. Шенком понятие смога данных как оборотной стороны обилия информации как нельзя лучше соответствует состоянию информационной среды, когда большие объемы информации усложняют для индивида ее восприятие, отделение фактов от вымысла, сбивают его с толку, задают ложные направления. Неосмысленная информация превращается в информационный шум. Индивид сталкивается с тем, что усвоение и понимание им информации в информационном потоке значительно снижается, что не позволяет накапливать надежные знания, несмотря на постоянно растущие объемы информации. Дезориентированный индивид, блуждающий в потоке разноречивой информации, подвержен сомнениям, влияниям, легко впадает в зависимость в том числе от меняющихся новомодных трендов, увлечений, потребностей. При этом следует брать в расчет и тот немаловажный факт, что информационные

9 *Комлев Ю.Ю.* Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С.113-116. С. 115.

потребности, как и иные, искусно формируются, создавая у индивида впечатление невозможности существования без них, ассоциируя с ними современные атрибуты жизни. Поэтому информационное загрязнение не следует оценивать лишь с количественной стороны. С.А. Дружиловым прав, утверждая, что нужно учитывать и семантическую (связанную со смыслом) и прагматическую (связанную с влиянием на поведение людей) составляющие, что позволяет охарактеризовать степень и эффект «загрязнения» информации на формирование системы отношений человека и побуждение его к действиям [6, с. 11][10]. Такой подход более чем продуктивен. Множество разновидностей недостоверной, вредной информации: паническая, провокационная, дезинформационная, оскорбительная, пропагандистская, деструктивная, травмирующая и т.д. - с очевидностью говорит о том, что свойства информации предопределены преследуемыми целями и ожидаемыми последствиями. Так, масштабы и интенсивность распространения информации используются для целей пропаганды; манипулятивный контент основывается на достоверных фактах, приправленных ложными; фейк представляет собой моделирование информации о псевдореалиях; изложение информации в форме частного мнения призвано нивелировать сам факт и представить вместо него его интерпретацию.

Главной проблемой распространения информации в условиях ее массовости является привлечение внимания. Для этого акцент делается на эмоционально-антуражной форме подачи информации, на придании фактам характера события. Привыкнув к такой манере подачи и восприятия информации, индивид реагирует на эмоции и отвечает в большей мере эмоционально, чем рационально. Эмоциональность контента призвана привлечь внимание, «зацепить» индивида. Такой подход востребован как в силу существования среди большого количества информации, так и интересами и целями информационного воздействия. Именно «эмоциональная перенасыщенность» информации, оперирующей не столько фактами, сколько взывающей к чувствам, запускает механизм превращения информации в движущую силу. Поэтому в ходу не просто информация, а информация в виде перформанса, интерактивной, игровой коммуникации, в виде образа, имеющих целью вызвать эмоции, вовлечь в переживание и тем самым не только транслировать смысл, но и сподвигнуть к действию. На этом основано действие многих фейков. Гипертрофирование эмоциональной составляющей и формы в ущерб содержательной – один из способов преобразования информация, когда форма последовательно обособляется

10 *Дружилов С.А.* **Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 59. С. 11.**

от содержания (вплоть до ее самостоятельного существования). Так, мемы как информация с предельно упрощенной информацией, воспринимаемой на основе узнаваемой формы, позволяют распространять любую информацию в обход законодательным запретам, основанным на характере содержания информации, и таким образом продвигать идеи, призывать к действиям и т.д. Основу психологического манипулирования составляет именно умелое развитие эмоциональной сферы и управление эмоциями, восприятиями, создание моментальных реакций на любой инфоповод. Провоцирование заданного эмоционального отклика позволяет моделировать личное и общественное мнение, создавать нужную палитру настроений, канализировать ответную реакцию.

Все активнее используется контент нового свойства – синтезированная информация. Ее автоматически создает искусственный интеллект (ИИ), распознавая образы, классифицируя данные, обрабатывая и анализируя тексты на естественном языке, их тональность, контекст запроса. Так, нейросетевая модель ChatGPT «может генерировать тексты на более чем 90 языках», Midiourney используется «для обработки текстовой информации и ее трансформации в визуальные изображения»[11]. Набирает обороты использование созданных ИИ изображений, в том числе звуковых, фото- и видео дипфейков (deep fake), синтезирующих голоса и цифровые копии людей. Рискогенный потенциал таких технологий наглядно демонстрирует следующий пример. Во время пандемии коронавируса, цифровые двойники умерших применялись главным образом для терапевтических целей (число пользователей в мире в 2020-2021 гг. превысило 10 млн. чел.). Однако обнаруженный позднее эффект возникновения сильной эмоциональной привязанности позволил использовать эту технологию в манипулятивных целях. Рискогенный потенциал технологии дипфейков достаточно высок, как и в целом искусственного интеллекта «ИИ позволяет…и позволит в гораздо большей мере в будущем сделать явные и скрытые кампании информационно-психологического воздействия более эффективными и опасными». Уже сейчас злонамеренное использование ИИ может заставить индивида и аудиторию «видеть то, что не существует», «видеть то, что существует, но в ложном свете» и «видеть то, что существует, но реагировать неадекватным способом», провоцируя на неадекватную реакцию, ложную интерпретацию, существенным и опасным образом усиливая или уменьшая реакцию. Для этого используются технологии 1) «deep fakes» для создания достоверных цифровых копий; 2) «Fake People», синтезирующих

11 *Мельникова Д.А., Лопаткин Д.С., Кожева А.А.* Искусственный интеллект как способ создания нового контента // Успехи в химии и химической технологии. 2023. Т. XXXYII. № 1. С. 43-47. С.44-45, 47.

портреты несуществующих людей посредством создания не только их черт, но и эмоций, настроений; 3) «отравленных данных» для случайного или умышленного искажения информации; 4) анализа тональности для выявления эмоциональной окраски текстов, что впоследствии позволит создать программные модули, способные вводить людей в определенные состояния, апеллировать к их чувствам, привычкам; 5) разработки и расширения повестки дня для искусственного продвижения контента и формирования его восприятие как важного; 6) целевой трансформации образов в страшные, зловещие картины, что позволяет «многократно и быстро увеличить и направить вал негативных образов на целевые аудитории в любой точке мира, быстро подстраиваясь под ее скрытые и часто неосознанные ожидания, увеличивая эффективность воздействия»[12].

Информационное влияние приобретает характер психологического воздействия в случае его использования в целях манипулирования, последовательного вторжения в эмоционально-волевую сферу, систему воззрений, поведенческих установок. Навязывание идей, мотивов, установок, целенаправленное их переформатирование с целью формирования новых стереотипов путем принуждения или мягкого подталкивания не новость. Изменились условия, создана идеальная для этого среда – единое информационное пространство, виртуальные мир и коммуникации, лишенные управления и регулируемого воздействия. Нераспознание, невосприятие, неиспользование качественной, ценной, достоверной информации происходит не только из-за информационного перегруза и объективных пределов пропускной способности индивида к приему информации, но и вследствие манипулирования данными: их изложения в определенной последовательности, сокрытия всей полноты данных, сознательного акцентирования, завуалирования истинных смыслов, отвлечения внимания так называемыми дополнительными или доминирующими раздражителями и т.п. Масса Интернет-феноменов (шок-стриминг, треш-стриминг, троллинг, хейтинг, шейминг, более десятка разновидностей буллинга и т.п.) позволяют спровоцировать и канализировать разные формы активности, агрессию, гнев, раздражение, что сказывается на состоянии эмоционально-мотивационной сферы, на восприятии себя и окружающих, формах и круге общения. Проблема в том, что сила информационного воздействия обусловлена действием и субъективных факторов, но порожденных объектными условиями современной цивилизации и информационной среды.

12 *Пашенцев Е.Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Выпуск № 76. С. 279-300. С. 283-284, 285-289.

Они последовательно взрастили личность с характеристиками, идеально подходящими для осуществления влияния. Это человек с меняющимися предпочтениями, без укорененных ценностей, сверхмобильный в широком смысле, заостренный на новизне, креативности, лидерстве, пребывании в тренде и в курсе всего, особо ценящий легкость и быстроту получения, обмена информацией и коммуницирования, комфорт, удовольствия. Жизнь в потоках меняющейся информации, в мире совершенствующихся гаджетов сделала его восприимчивым и готовым демонстрировать эту восприимчивость. Выросший в худших традициях информационно-виртуальной среды индивид – идеальная мишень для манипулирования. «Массовый человек, упрощенный, усредненный, повышенно внушаемый, становится этим искомым объектом. Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано немногими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, который определяет и регламентирует реакции, оценки, поведение публики»[13].

Выводы

Информационная среда трансформируется и трансформирует общество и индивида, создавая новые механизмы социализации, коммуникации, оборота информации и формирования знаний. Информация, информационные потребности, информационные технологии стали неотъемлемой частью психосоциокультурного и образовательного пространства современного человека, они формируют его знания, мировоззрение и образ жизни, но при этом механизм развития и управления ими находится далеко за пределами его влияния. Проблема человека, окруженного гаджетами, технологиями, потоками информации, ему неподвластными, приобретает все более острый характер. Его физическое и психологическое самочувствие не просто находится под их влиянием, но и впадает от них в полную зависимость по мере информационно-технологического развития. Современные информационные технологии позволяют оказывать неограниченное влияние на информационную среду, направлять информационные потоки, управлять информационным воздействием. Технологии обработки информации, ее фильтрации, цензурирования, дозирования, синтезирования, модификации активно используются для оказания влияния во всех сферах жизнедеятельности на микро- и макроуровнях, предоставляя экономи-

13 *Федорова О.Н.* Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета: электронное периодическое издание. 2011. № 2 (7). С. 21-34. С. 26.

ческие, политические, статусные и иные преимущества. На них основаны механизмы «обретения власти» над индивидами, манипулирования ими. «Умные» технологии повсеместного сбора информации превращают социум в «общество наблюдения», личность - из субъекта в объект, а лиц, оперирующих большими данными, наделяют неограниченными ресурсами влияния. Индивид последовательно меняется не только сообразно закономерностям своего внутреннего развития и развития информационной среды, но и вследствие придания этим процессам определенной направленности. Он не только развивается, используя возможности информационной среды, но и программируется ею сообразно заданным форматам. Широкая поступь технологий, особенно искусственного интеллекта, создает качественно новые риски. Противодействие им предполагает как защиту индивида извне, так и его самозащиту, что требует от каждого качественных изменений в подходах, глубоких знаний, компетенций, приверженности этическим нормам и социальной ответственности. Неготовность индивида противостоять воздействию во многом обусловлена восприятием информационно-виртуальной среды как зоны комфорта, удобств, как источника новизны, креатива, удовольствий, как способа самовыражения, избегания проблем. Он превратился в массового потребителя с заранее просчитанными потребностями и легко определяемыми реакциями.

Библиографический список:

1. Викторова Е.В., Бадаева Е.Р. «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. 2019. Том 7. № 1. С. 100-112.
2. Голушко Т.К. Информационный иммунитет как ключевое понятие информационно-психологической безопасности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 6. С. 1483-1495.
3. Дружилов С.А. Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2018. Т. 11. № 59. С. 11.
4. Дружилов С.А. Современная информационная среда и экология человека: психологические аспекты // Гигиена и санитария. 2018. № 97 (7). С. 597-603.
5. Ежевская Т.И. Основные направления и подходы к исследованию информационно-психологической безопасности личности в отечественной науке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: педагогические науки. 2010. С. 193-199.
6. Жеглова Ю.Г., Перова О.К. Особенности информационного противоборства в актуальных условиях трансформации медиасферы // Universum: Общественные науки : электрон. научн. журн. 2019. № 3 (54). С. 4-7.
7. Комлев Ю.Ю. Социальный контроль в VUCA-мире и «обществе наблюдения»: состояние, тренды и этические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 113-116.
8. Костюк А.В., Примакин А.И. Информационно-психологическая безопасность личности: проблемы и подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79) С. 227-230.
9. Мельникова Д.А., Лопаткин Д.С., Кожева А.А. Искусственный интеллект как способ создания нового контента // Успехи в химии и химической технологии. 2023. Т. XXXYII. № 1. С. 43-47.
10. Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. Выпуск № 76. С. 279-300.
11. Рерке В.И., Бубнова И.С., Демаков В.И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция // Научно-педагогическое обозрение.2022. Вып. 5 (45). С. 202-211.
12. Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л. Психологические аспекты

деструктивного информационно-психологического воздействия // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75-89.
13. Федорова О.Н. Информационно-психологическая безопасность личности в информационном обществе // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета: электронное периодическое издание. 2011. № 2 (7). С. 21-34.

Reference

1. Viktorova E.V., Badaeva E.R. “New” and “old” socio-cultural effects of information impact on the individual in the Internet space // Communicology. 2019. Vol. 7. № 1. P. 100-112.
2. Golushko T.K. Information immunity as a key concept of information and psychological security of the individual // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2022. Vol. 27. № 6. P. 1483-1495.
3. Druzhilov S.A. Negative impacts of the modern information environment on a person: psychological aspects // Psychological research: electronic scientific journal. 2018. Vol. 11. № 59. P. 11.
4. Druzhilov S.A. Modern information environment and human ecology: psychological aspects // Hygiene and sanitation. 2018. № 97 (7). P. 597-603.
5. Ezhevskaya T.I. Main directions and approaches to the study of information and psychological security of the individual in domestic science // Scientific notes of the Zabaikalsky State University. Series: pedagogical sciences. 2010. P. 193-199.
6. Zheglova Yu.G., Perova O.K. Features of information confrontation in the current conditions of the transformation of the media sphere // Universum: Social sciences: electronic. scientific journal. 2019. № 3 (54). P. 4-7.
7. Komlev Yu.Yu. Social Control in the VUCA World and the “Surveillance Society”: Status, Trends, and Ethical Issues // Bulletin of Economics, Law, and Sociology. 2022. № 2. P. 113-116.
8. Kostyuk AV, Primakin AI Information and Psychological Security of the Individual: Problems and Approaches // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3 (79). P. 227-230.
9. Melnikova DA, Lopatkin DS, Kozheva AA Artificial Intelligence as a Way to Create New Content // Advances in Chemistry and Chemical Technology. 2023. Vol. XXXYII. № 1. P. 43-47.
10. Pashentsev EN Malicious Use of Artificial Intelligence: New Threats to International Information and Psychological Security and Ways to Neutralize Them // Public Administration. Electronic Bulletin. 2019. Issue № 76. P. 279-300.
11. Rerke V.I., Bubnova I.S., Demakov V.I. Information and Psychological Security as a Research Definition // Scientific and Pedagogical Review. 2022. Issue. 5 (45). P. 202-211.
12. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vakhnina V.V., Boeva O.M., Grishchenko L.L. Psychological Aspects of Destructive Information and Psychological Impact // Psychology and Law. 2019. Vol. 9. № 4. P. 75-89.
13. Fedorova O.N. Information and psychological security of the individual in the information society // Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University: electronic periodical. 2011. № 2 (7). P. 21-34.

Бобышев С.В.
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория, история государства и права». Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Лушкина Т.А.
Доцент кафедры «Философия, социология и право». Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Процесс трансформации человеческой деятельности в условиях цифровизации общества*

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной трансформации деятельности человека в условиях цифровизации - как основном условии глубинной медиатизации социального пространства. Электронно-цифровое общества выступает в качестве культурно-исторического контекста, изменяющего деятельность человека: образование, труд, игру, коммуникацию.

Ключевые слова: информация, искусственный интеллект, медиа-пространство, трансформация, деятельность, сознание, труд.

Bobyshev S.V.
Doctor of Historical Sciences, Professor. Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

Lushkina T.A.
Associate Professor of the Department of Philosophy Sociology and Law. Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

The process of transformation of human activities in the conditions of digitalization of society

Abstract. The article examines the problem of social transformation of human activity in the context of digitalization, stating the deep mediatization of social space. The emergence of an electronic-digital society as a cultural and historical context that changes human activity: education, work, play, communication.

* © Бобышев С.В., Лушкина Т.А., 2025.

Key words: information, artificial intelligence, media space, transformation, activity, consciousness, labor.

Социальные трансформации, происходящие в современном мире, ставят человека в состояние неопределенности. С точки зрения информационных технологий растет востребованность специалистов интеллектуального труда, информация превратилась в главный ресурс, а глобальные сети вызывают необходимость новых форм управления деятельностью человека. Изменяется и сама деятельность человека: образование, труд, игра, коммуникация.

По мере того как определяющей во всех сферах жизни общества стала информация, начиная от бизнеса и государства, до каждой отдельно взятой квартиры и человека, особое значение приобретают компьютеры и сверхкомпьютеры-машины, предназначенные для сверхбыстрой обработки информации, изучения и моделирования самых сложных и важных процессов. В обществе и в мире, в целом, происходит глубинная медиатизация социального пространства. Возникло электронно-цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Виртуальная реальность имитирует реальный мир. Она позволяет создавать различные формы человеческой активности, не существующие раньше. Индивид погружается в виртуальную среду симуляций, в иллюзорный мир, несмотря на осознание того, что эта среда условная. Происходит замещение социальных практик симуляциями и развитие нового информационно-цифрового общества, изменяющего все сферы жизни индивида.

Социальные институты тоже подменяются симулякрами и имитациями, что несет серьезную угрозу для духовности человека. Меняются социальные нормы и ценности. Сознанием людей хитро и умело манипулируют, что наводит на мысль о поисках новой парадигмы развития будущего. Кризис социальной системы требует изменения мировоззренческой позиции индивида в мире. Изменение самого человека, уровня его сознания и самосознания, ценностей и мотивов поведения являются необходимостью настоящего времени. Все вышесказанное акцентирует наше внимание на противоречивости происходящих процессов.

Фактором успешной социализации индивида и становления личностной зрелости, роста самосознания и самосовершенствования выступает познавательная и профессиональная деятельность. Следовательно, качественное переосмысление понимания процесса образования и профессиональной деятельности является значимым и необходимым, так как оно наполняется более емким содержанием, включающим процесс духовного и

интеллектуального формирования личности, а также процесс самореализации и самоактуализации индивида.

Виртуальная реальность оказывает влияние на психическую и социальную деятельность человека, а в условиях включения в информационные технологии приводит к значительным внутренним изменениям. Психика человека перегружена информацией. Информационные потоки постоянно нарастают и усиливаются. Человек не успевает справиться со скоростью поступления информации, что оказывает негативное влияние на его здоровье. Один из основоположников философской антропологии - Гелен называет это - «избыточная нагрузка» [10]. Более того, погружение индивида в виртуальную среду, сопровождается замещением социальных практик симуляциями.

Наш современник не мыслит своего существования без Интернета. Легкий доступ к любой информации упрощает ее поиск, но и во сто крат ускоряет все процессы, происходящие как на уровне производственной, так и на уровне повседневной жизни человека. Стала абсолютно привычной приобщенность к современным мобильным мессенджерам. Кто-то зависает в Инстаграмм, обменивается информацией в Whats App, а кто-то, впадая в медиа-зависимость, подсаживается на компьютерные игры. Видео-индустрия в один момент стала очень многообразной, доступной и поглощающей свободное время современного человека: фильмы, компьютерные игры, переписка со знакомыми. Виртуальная реальность привела к подмене реального общения, но и смогла предоставить скучающему индивиду массу развлечений. Массовая культура, направленная на удовлетворение сиюминутных потребностей человека уже не затрагивает социальные проблемы и не воспитывает на высоко-духовных идеалах. Усредненность, развлекательность, коммерциализация поглотили общество. Феномен обмана пронизывает все социальные коммуникации. Огромный поток информации не позволяет отделить правду от лжи. Средства массовой информации превратились в искусный инструмент манипуляции, который становится с каждым днем все опаснее.

Диалектика бытия подсказывает, что во всем есть свои положительные и отрицательные свойства. Нас же заботит следующее: какова будет завтрашняя реальность на уровне сознания человека и общества? Информационные процессы усиливаются, ускоряются, что ведет к эмоциональной и психологической перегрузке сознания человека. Здоровое понимание происходящего наводит на мысль о том, что многочасовое пребывание в компьютерной реальности не лучшим образом сказывается на самом человеке. Да и само общество, несмотря на многообразие прогнозов будущего развития цивилизации, находится в состоянии разорванности и нестабильности.

В современных условиях духовного кризиса проблема переизбытка ин-

формации предполагает охват всего исторического развития человеческой цивилизации. С точки зрения социальной философии и истории следует учитывать неразрывное единство эстетического, нравственного, политического, экономического в развитии общества, что помогает определить пути и методы социального прогнозирования. Корректное прогнозирование развития цивилизации становится все более актуальным.

Современная техногенная цивилизация приносит человеку комфорт, но не избавляет от сложных проблем и кризисных явлений. Деградация сознания, выбор материальных ценностей и их приоритет уводят человека от истинного предназначения и поиска подлинного смысла жизни. Люди бегут в хаосе и суете, стараясь удовлетворить сиюминутные потребности, не успевая задумываться, о том ради чего они живут. Прав был Рей Бредбери, описывающий в своей книге «451 градус по Фаренгейту» реальность, где человека окружают мониторы, а книги находятся под запретом. Нам сложно понять, как автор фантастического романа, написанного в 1953 году, сумел предвидеть глобальное развитие мультимедиа, рекламы, медицинских технологий, а также и связанного с данным процессом духовного обнищания и потери ценностей культуры человеком, остается загадкой [2]. Например, использование нейросетей позволяет быстро и качественно систематизировать информацию, создавать видеоряд, сочинять стихи, играть в шахматы, но все это лишь подчеркивает искусственность и иллюзорность. Вполне вероятно, что в будущем искусственный интеллект заменит профессии учителей, бухгалтеров, рабочих и врачей. Таким образом, существует опасность, что он вытеснит миллионы человеческих профессий с рынка труда.

Компьютерные системы способны, уже сегодня, выполнять наисложнейшие операции, применяемые в медицине, образовании, финансовой сфере, на производстве. Виртуальные работники (которых создают на отдельных предприятиях) выполняют рутинные задачи по определенному, описанному сценарию. Всеобщая автоматизация, роботизация, телекоммуникация и сотовая связь применяются повсеместно. В современном обществе информация является основой повседневной жизни, бизнеса, торговли, медицины и образования. Новые технологии развиваются с огромной скоростью, что может вызывать зависимость человека от машин и снижение когнитивных способностей субъекта.

Действительно, применение алгоритмов в образовательном пространстве может вести к быстрой систематизации и машинному обучению, ускорению принятия решений на различных уровнях. Искусственный интеллект умеет быстро формировать контент, сочинять стихи и музыку, создавать видеоряд, выполнять однотипные задания и создавать презентации. Это упрощает подготовку к занятиям и помогает учитывать специфику,

как например, в работе с иностранными студентами. Происходят изменения в познавательной деятельности, в образовании, поиске информации, повышении квалификации и тому подобное. Процесс обучения связан с использованием новых технологий. Передача электронной информации и поиск необходимых сведений осуществляется легко и быстро, в чем несомненный плюс цифровизации.

С другой стороны, целью преподавателя-педагога является не только передача определенной информации, но и воспитание личности. Зрелая личность активна в познавательной деятельности. Ее характеризует аутентичность, то есть целостность познавательного и нравственного уровней. Воспитание высоко-духовной личности – процесс сложный и здесь необходим комплексный подход со стороны профессорско-преподавательского состава любого образовательного учреждения. Воспитать человека с высоким уровнем сознания невозможно при помощи искусственного интеллекта. Всевозможные тесты, направленные на проверку знаний не могут подметить подлинно одаренного, талантливого ученика. Излишний механицизм, автоматизм и искусственность отрывают человека от реальности, что ведет к снижению когнитивных способностей.

Также и в творчестве искусственный интеллект может обогатить, дополнить человеческую мысль, но вряд ли заменит человеческую эмоциональность и способность восприятия и оценки информации. Ведь, творческие идеи возникают именно в сознании человека и носят характер субъективности, а уж потом становятся достоянием общества. Трансформируется творческая деятельность - как создание нового, не бывшего ранее. Компьютерные технологии проникают в искусство и кинематограф. Используются всевозможные световые и шоу-эффекты. Но все-таки, творчество-чисто человеческий фактор, указывающий на тонкости когнитивной деятельности и способности человеческого сознания находить идеи, извлекая их из сверх-сознания, через интуицию. Об этом пишет Анри Бергсон в произведении «Творческая эволюция», где он указывает на то, что эволюционировать может только человеческое сознание. Благодаря интуиции и активному познавательному процессу творчество развивает самого творца, изменяя его сознание к лучшему, возвышая – производя валаризацию.

Произошли изменения и в коммуникативной деятельности. Наряду с реальным общением, люди контактируют и обмениваются информацией в социальных сетях, что заменяет подлинную жизнь, изменяя общение с друзьями, родственниками и коллегами. В медиа-пространстве происходят новые знакомства, сотрудничество, поиск единомышленников, планируются путешествия и культурные мероприятия. Живое общение, уходит на второй план.

Можно констатировать изменения потребности в профессиональной деятельности. Труд, как основа человеческой жизни, меняет свои черты, соединяя хобби, услуги и творческую деятельность воедино. Интеллектуальный труд связан с профессиональной реализацией, и он ориентирован на сокращение рутинных операций, благодаря всеобщей компьютеризации и цифровизации. Мы видим, как быстро происходит процесс трансформации деятельности человека в условиях цифровизации, изменение смысла и научной трактовки категории - труд. Следует отметить, что оно наполняется более емким содержанием, включающим процесс духовного и интеллектуального формирования личности, процесс самореализации и самоактуализации индивида. Труд, сущностный признак человека, носит характер амбивалентности и вызывает двойственное отношение и переживание, так как расценивается с одной стороны как ощущение дисгармонии, неизбежности, тяжелой обязанности, а с другой стороны, как способ самосозидания, конструирования духовности человека, как смысл жизни и главную ее цель [12, 13]. Об этом писали Бердяев Н.А., С.Н. Булгаков, Маслоу А., Фромм Э. В отличие от животного, человек способен к целесообразной деятельности. Человек обладает сознанием. Труд - социальное явление, связывающее человека и природу. На современном этапе развития философии, в рамках рассматриваемой нами проблемы, несомненный интерес продолжают представлять работы философов, среди которых особенно хотелось бы отметить И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса и Ф. Энгельса, Н.А. Бердяева и Ж.-П. Сартра и др. Именно ими была заложена идея активности субъекта, дана трактовка категории «труд» как самосозидающей детерминанты, человека творчески и свободно совершенствующего не только окружающий мир, но и самого себя. Познавательная и профессиональная деятельность выступает как фактор становления личности в условиях цифровизации общества и всех происходящих в нем процессов.Труд - принцип деятельности человека, характеризующий суть и сущность человека и помогающий повышать самосознание, труд как дисциплинирующий аспект, ведущий к самосовершенствованию и становлению личности. Деятельность человека определяется не биологически заданными потребностями, не генетической программой, а в первую очередь и главным образом исторически сформированными социокультурными программами. Первые же попытки теоретического осмысления человеческой деятельности убеждают нас в том, что это весьма сложное, многомерное явление, включающее в себе элементы, резко различающиеся по своей природе. Труд – детерминанта развития человека. Труд как воспроизводство материальной, духовной и социальной деятельности играет определяющую роль в становлении личности.

И, наконец, это изменения в проведении досуга (новые компьютерные игры, развлечения, новости, просмотр кинофильмов, прослушивание

музыки). В условиях всеобщей цифровизации происходит изменение потребностей личности, изменение субъектно-объектных отношений, трансформируется целеполагание и в быту и в профессиональной деятельности. Новая социальная реальность трансформирует ценностный мир личности, подменяя его навязанными с экрана телевизора или монитора компьютера представлениями. Пропагандируемые рекламой вещи становятся частичкой образа жизни, которые так тщательно навязывает Запад через глобальную паутину Интернет.

В связи с началом военной операцией на Украине и развязыванием прокси-войны коллективного Запада против России обострилась информационная война за умы и сознание граждан. Использование фейков, обман при подаче информации, пропаганда и злоупотребление не имеют своих границ. Информация несет прямую угрозу гражданам нашей страны, что особенно остро активизирует борьбу за умы молодежи. Длительный период зависимости России от Западных ценностей привел к аномии, к разброду и шатанию в умах подрастающего поколения. Американизация сознания, вестернизация и отсутствие устойчивых ценностей в мировоззрении людей приобрело черты фрагментарного сознания, что всегда грозит потерей личностной идентичности граждан нашей страны.

Сегодня эти процессы отразились на изменениях экзистенциальных основ личности. Произошло формирование нового типа личности. И весь этот процесс только начинает ускоряться, и продолжит по мере прокладки новых оптико-волоконных сетей и развития цифровизации. Все эти изменения сопровождается совершенствованием электронных масс-медиа. Трехлетние дети прекрасно управляются с гаджетами, легко осваивают новые формы коммуникации. Процесс социализации происходит через виртуальную среду. Не социальные институты, а Интернет воспитывает человека. Критическое отношение к информации зачастую отсутствует, поэтому возникает необходимость изменения самого человека, уровня его сознания и самосознания, ценностей и мотивов поведения.

Все вышесказанное акцентирует наше внимание на противоречивости происходящих процессов. Ученые-футурологи представляют будущее человеческой цивилизации в мрачном свете, и на то имеются определенные основания. Отношение современного человека к окружающей среде крайне негативное, а бездумное использование технологий непоправимо ведет к уничтожению.

Наиболее острой проблемой является вербовка украинскими службами молодых людей и совершение террористических актов, направленных на подрыв инфраструктуры городов, крупных сооружений, уничтожение мирных граждан в нашей стране. Активное развертывание информационной мошеннической деятельности, с территории Украины, направлен-

ной на прямой грабеж граждан России, с использованием средств личной коммуникации стал серьезной проблемой современности. Важной задачей является стремление государства защитить людей от профессионально действующих в Интернете мошенников, поэтому активно формируется правовая база для оценки, не предусмотренных ранее, Интернет-преступлений. Проводится ежедневное юридическое консультирование со стороны средств массовой информации, направленное на систематизацию правильного поведения незащищенных слоев населения (пенсионеров, детей и их родителей).

Информационное общество приобрело совершенно новые черты. Симулякры повсюду – это подделки, вымыслы. В результате, человек, действуя бессознательно, включается в информационную среду и начинает проживать неподлинную, навязанную извне жизнь. Влияние Запада на культуру всего мира (Европоцентризм) привело к победе материальных, индивидуалистических ценностей, превративших человека в роботизированное существо, стремящееся только извлечь пользу и выгоду от потребления вещей и товаров. Общество потребления, в том числе, и потребления информационной массовой культуры, превращается во все возрастающую угрозу для выживания человечества. Сотни миллионов людей из разных стран постоянно пополняют категорию материалистов и потребителей. Система ценностей связанная с вещами и предметами формирует утилитарный подход к жизни. На первое место ставятся предметные, а не духовные ценности. Люди живут одним днем, не задумываясь о своем предназначении, стремясь удовлетворить свои мелкие потребности, и совершенно теряют подлинный смысл жизни, погружаясь в абсурдность бытия. Куда бы мы ни приехали, в какой бы части света мы ни путешествовали бы – везде заметны одни и те же культурные тенденции в музыке, моде, искусстве. Массовая культура, направленная на усредненный идеал и быстрое получение денег воспитывает в человеке гедонизм и легкомыслие. Фильмы Голливуда пестрят однообразием сюжетов, навязывают стереотипы культуры потребления и отсутствия нравственных норм, пропагандируя откровенную агрессию и нетрадиционные ценности. Мода развивается в масштабе всей планеты: люди носят джинсы и брендовую одежду, забывают свою национальную культуру и говорят по-английски. Английский язык используется в финансовых и бизнес-кругах, в искусстве и культуре и стремится стать языком всей планеты. Именно через язык навязывается всему миру позиция Европоцентризма и гегемонии Западной цивилизации. Как следствие, стремление навязать стандарты своей культуры и цивилизации всему миру, благодаря Интернету, сотовой связи и всеобщей компьютеризации и цифровизации.

Происходят изменения и в экономике. Как отмечает А.Н.Козырев

«Цифровая экономика – это огромная область исследований и консультационных услуг, связанных между собой общим предметом изучения»… [6,5-19] Сегодня, не принимая в расчет общих тенденций мировой экономики, невозможно рассматривать экономику одной отдельной страны в целом. Финансовый кризис в одной стране неизбежно затрагивает все страны. Так, Элвин Тоффлер, не случайно, говорит о трёх «волнах» технического развития, подчёркивая информационную сущность современности (у Д. Белла – постиндустриальность): аграрная волна →индустриальная волна → информационная волна [9].

Еще недавно, мы все были свидетелями зарождения единой планетарной экономики. Об этом ясно свидетельствовал подъем Евросоюза. Веками воевавшие европейские государства объединились вместе, сосредоточив в ЕС больше всего капиталов на планете. В дальнейшем другие страны, видя невозможность сохранять конкурентоспособность в одиночку, продолжают объединяться в экономические блоки. Даже Таможенный союз Беларуси, России и Казахстана был продиктован этой необходимостью. Сегодня геополитическое пространство претерпевает мощные изменения. Мир уже не является однополярным. Стремление к многообразию и создание альтернативных Евросоюзу объединений стран Тихоокеанского региона Россия, Индия, Китай противостоят гегемонии Евросоюза и США в экономике мира, создавая новые союзы, такие как БРИКС - межгосударственное объединение Федеративной Республики Бразилии, Российской Федерации, Республики Индии, Китайской Народной Республики и Южно-Африканской Республики. С 1 января 2024 г. к БРИКС присоединились Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия.

Сегодня мы наблюдаем: источником капитала стала информация. Богатство стран теперь измеряется электронами, бегающими по всему миру по проводам. Уже сейчас вокруг нас повсюду используются и развиваются интернет-платежи, электронные валюты, криптовалюты, такие как, нашумевший Bitcoin.

Пандемия короновируса covid – 19 привела к глобальной трансформации процессов образования, к переходу на дистанционные формы обучения. Изменился быт. Покупки товаров в магазинах «онлайн» стали нормой, доставка готовой еды и продуктов питания через Интернет и курьеров легко вошли в обыденную жизнь. Люди вынуждены были меньше общаться в реальности, что изменило, во-многом, и сами способы общения.

Социально-экономические проблемы в мире сопровождаются все усиливающейся энтропией (Экологическим дисбалансом в природе, усилением парникового эффекта, загрязнением промышленными отходами воды, воздуха и почв, повышением уровня мирового океана, увеличением количества конфликтов и локальных войн, усилением угрозы ядерной войны,

появлением новых искусственно созданных болезней и вирусов), что в итоге может нас и погубить. Сегодня, как никогда близко, человечество подошло к угрозе мировой ядерной войны. Военная операция на Украине – это по сути третья мировая война, где страны альянса НАТО воюют руками украинцев против России, видя в нашей стране угрозу своему суверенитету, но не стесняясь при этом говорить о развале Российской территориальной целостности. Это локальная война, которая может перерасти в глобальную войну, где не будет победителей.

Космолог Мартин Рис дает отрезвляющую оценку шансов на успешное преодоление этих проблем. Терроризм, создание бактерий и вирусов, достижения биоинженерии и другие технологические кошмары – одна из сложнейших проблем человечества. В своей книге «Наш последний час. Будет ли 21 век последним для человечества?» Мартин Рис предоставляет аргументы, основанные на научном подходе с реальными выводами, касающимися различных социальных, политических, военных и промышленных форм поведения человека, таких как войны, терроризм, научно-технические эксперименты и так далее. Автор также принимает во внимание гипотезы, связанные с разрушительными стихийными бедствиями, таких как извержения вулканов или столкновения с астероидами. Все это сопровождается анализом текущей ситуации, а также возможных будущих поведенческих эволюций, связанных с развитием технологий в биологии, ядерной физике, робототехнике, сфере информационных технологий, космической деятельности и тому подобное[14]. Рост глобальных проблем не фиксирует, каково же место человека в условиях нарастания мирового кризиса. В футурологическом романе А.А.Зиновьева речь идет о «западоиде», никчёмном существе, которое опустилось вниз по лестнице развития. Деградация общества, обнищание духа, вседозволенность и развращенность ведут к разрушению института семьи, отупению, отсутствию интеллектуального развития, ведь все логические операции выполняет компьютер. Он предрекает социальные явления: ложь, тотальный контроль со стороны государства, безработица, социальное неравенство на фоне технологического прогресса. Это вызовы современной техногенной цивилизации в условиях социальной трансформации. «Духовная жизнь есть лишь способ развлечения, отвлечения масс от глубокого духовного поиска, способ удовлетворения психически-инстинктивных потребностей, которые низводят человека до уровня «мыслящего животного» в прямом смысле слова (встречалось определение, что человек — это животное вида Homo sapiens)» [4].

Библиографический список:

1. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности – М.: Изд-во «Флинта». 1999.
2. Большая Российская энциклопедия, (2-е изд. перераб. и доп.). – М.: 2000.

3. Бредбери Р. «451 градус по Фаренгейту». – М.: Изд-во «Детская литература», 1983.
4. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – М.: 2000. // URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5658/5664
5. Иноземцев В.А., Ивлев В.Ю., Иноземцева Ю.В. Влияние информатизации и развития информационно-оммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности. Гуманитарный вестник, 2020. Вып. 4. // URL: http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-4-669.
6. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической перспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1 (1).
7. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280 с.
8. Судаков К.В. «Информационный феномен жизнедеятельности» – М.: 1999.
9. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. 800 с.
10. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983.
11. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. – М.: Изд-во «Люкс», 2004.
12. Шкуркин А.М. «Амбивалентность труда в координатах духовности» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск: изд-во ДВГУПС, 2011. № 3.
13. Шкуркин А.М. (соавт.). Инстинкты человека и его труд / О.Е. Мачкарина, А.М. Шкуркин // Власть и управление на Востоке России, 2014. № 1.
14. Revista de libros. // URL: http://www.revistadelibros.com/articulos/nuestra-hora-final-de-martin-rees (Дата обращения: 22 апреля 2021)

Reference

1. Berdyaev N.A. “About a Man, His Freedom and Spirituality” – M.: Flint Publishing House. 1999.
2. The Great Russian Encyclopedia, (2nd revised and enlarged edition). – M.: 2000.
3. Bradbury R. “451 degrees Fahrenheit”. – M.: Children’s Literature Publishing House, 1983.
4. Zinoviev A. On the way to a super-society. // Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies. – M.: 2000. // URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5658/5664
5. Inozemtsev V.A., Ivlev V.Yu., Inozemtseva Yu.V. The influence of informatization and the development of information and communication technologies on the formation of a new social reality. Humanitarian Bulletin, 2020. Issue 4. // URL: http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-4-669.
6. Kozyrev A.N. Digital Economy and Digitalization in Historical Perspective // Digital Economy. 2018. № 1 (1).
7. The Newest Philosophical Dictionary: 3rd ed., corrected. – Mn.: Book House. 2003. 1280 p.
8. Sudakov K.V. “Information Phenomenon of Life Activity” – M.: 1999.
9. Toffler E. Third Wave. – M.: AST, 2010. 800 p.
10. Philosophical Encyclopedic Dictionary. – M.: Soviet Encyclopedia. Edited by: L.F. Ilyichev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. 1983.
11. Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnological Revolution. – M.: Lux Publishing House, 2004.
12. Shkurkin A.M. “Ambivalence of Labor in the Coordinates of Spirituality” // Social and Humanitarian Sciences in the Far East. – Khabarovsk: DVGUPS Publishing House, 2011. № 3.
13. Shkurkin A.M. (co-author). Human Instincts and His Labor / O.E. Machkarina, A.M. Shkurkin // Power and Management in the East of Russia, 2014. № 1.
14. Revista de libros. // URL: http://www.revistadelibros.com/articulos/nuestra-hora-final-de-martin-rees (April 22, 2021)

Галаева З.С.-Г.
Аспирант Исторического факультета. Ингушский государственный университет.

Методология исследования миграционных процессов*

Аннотация. Изучение проблем миграции населения является одним из наиболее актуальных вопросов современной науки. В статье рассматриваются основы различных методов анализа миграционных процессов и их потенциальных направлений для улучшения исследовательской практики. Исследование показало эффективность использования многообразия подходов и методик для более точного описания миграционной ситуации.

Ключевые слова: миграция населения, методы исследования, мигранты, переселение, миграционные потоки, абсолютные показатели, относительные показатели.

Galaeva Z.S.-G.
Graduate student of the historical faculty of The Ingush State University.

Methodology for the study of migration processes

Abstract. The study of population migration problems is one of the most pressing issues of modern science. The article discusses the basics of various methods of analyzing migration processes and their potential directions for improving research practice. The research has shown the effectiveness of using a variety of approaches and methodologies for a more accurate description of the migration situation.

Key words: population migration, research methods, migrants, resettlement, migration flows, absolute indicators, relative indicators.

Человек с первых дней своего существования находится в постоянном движении. Одним из его видов является территориальная подвижность, представленная переселением людей внутри конкретного региона либо за его пределы. Иными словами, это пространственная мобильность (миграция-

* © Галаева З.С.-Г., 2025.

ция населения), являющаяся одним из наиболее актуальных вопросов современных дискурсов научного и общественно-политического характера.

В сущности, миграция населения представляет собой естественное явление, вызванное экономическими, политическими, демографическими и другими факторами. Она свойственна всему миру, всем странам и народам, однако состав и интенсивность миграционного движения серьезно отличаются в зависимости от исторической эпохи, уровня экономического развития и т.п.

Проблемы миграции, волнующие в настоящее время нашу страну, уходят в глубокую древность. Еще в начале становления Древнерусского государства наблюдалось расселение общества, в том числе в целях колонизации соседних территорий, часто выражавшейся в мирном заселении новых мест. Особенно активно миграционная политика стала развиваться в XVII-XVIII веках, когда создавались полки «иноземного строя», происходило обучение «недорослей», и все это требовало, по мнению правящих лиц, привлечения иностранных специалистов. В свою очередь, государственное регулирование процессов миграции было ограничено и, в частности, осуществлялось в интересах руководящих кругов. А началом становления государственной миграционной политики Российского государства можно считать манифест «О свободном поселении иностранцев в России» 1762 года. Чуть позже был подписан Указ «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, селиться, где пожелают». Иностранцы, поселившиеся на территории Российской империи, освобождались от уплаты налогов, воинской повинности, обладали свободой вероисповедания и имели возможность проведения религиозных обрядов. Но иностранные переселенцы обязывались вступить в российское подданство. Помимо иммиграции активно развивалась и внутренняя миграция. Проявлялась она в основном среди крестьян.

Особенно рост миграционного движения наблюдался после крестьянской реформы 1861 года и требовал совершенствования миграционной политики Российской империи. Однако на законодательном уровне государство должным образом не регулировало процессы миграции населения.

Предметом научного изучения миграционные процессы стали в эпоху Просвещения, а в XIX веке немецкий и британский демограф Эрнст Георг Равенштайн разработал «законы миграции»[1], которые характеризуют факторы, влияющие на пространственную мобильность. Исследования в этой области осуществляют представители разных научных направлений: историки, демографы, социологи, экономисты, политологи и др. К проблемам

1 *Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, Vol. 48. № 2. (June, 1885). P. 167-235.

миграции обращались Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые делали главный акцент на миграции пролетариата. Изучение проблем миграции велось и такими западными учеными, как М. Гринвуд, К. Кэри, А. Роджерс, С. Стоуффер, М. Тодаро, Дж. Харрис и др. Кроме того, представляется необходимым отметить работу Кэролайн Бреттел и Джеймса Холлифилда «Миграционная теория»[2], в которой они рассматривают взаимосвязи различных дисциплин в вопросах миграции, а также подходы к ее изучению.

Среди отечественных исследований в области миграционных процессов, в первую очередь, стоит обратить внимание на труды А.А. Кауфмана[3], И.Л. Ямзина и В.П. Вощинина[4]. Авторы, используя статистические данные и проводя сравнительный анализ, подробно описали активность миграционных процессов XIX-XX веков, выделив их основные причины.

Значительный вклад в изучение миграции населения внесла Т.И. Заславская, ставшая автором множества работ по сельско-городской миграции. В труде под редакцией Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной приводится методология и методика комплексного изучения и прогнозирования развития деревни[5]. В монографии В.И. Переведенцева «Методы изучения миграции населения»[6] проанализированы проблемы методологии и методики изучения миграционных процессов. Л.Л. Рыбаковский в своем труде «История и теория миграции населения»[7] охарактеризовал основные события, влиявшие на развитие миграционных процессов на протяжении человеческой истории. Немалую роль в изучении миграции населения сыграли и такие авторы, как Ж.А. Зайончковская, В.И. Дятлов, И.Н. Молодикова, С.В. Рязанцев.

Чтобы построить объективное представление о миграционных процессах, обратимся к методологической составляющей их анализа. При изучении миграционных процессов ученые часто задаются вопросом – какие существуют методы их исследования? Безусловно, любая исследовательская работа начинается с постановки проблемы. При выборе методов изучения миграции населения, для детального исследования, по мнению автора,

2 *Caroline B.* Brettell and James F. Hollifield. Migration Theory: Talking across disciplines. – New York. 2000. P. 41-43.

3 *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. IX, 349, 81 с.

4 *Ямзин И.Л., Вощинин В.П.* Учение о колонизации и переселениях: учебное пособие. М.; Л.: Гос. Изд-во, 1926. VI, [2], 328 с.

5 Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука., 1980. 344 с.

6 *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. – М.: 1975. 232 с.

7 *Рыбаковский Л.Л.* История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 210 с.

необходимо рассматривать ее во взаимосвязи с различными факторами, оказывающими серьезное влияние на ее течение. Примерами служат демография, экономика, политическая ситуация в конкретном регионе, этнический и религиозный вопросы и прочее. Поэтому целесообразен комплексный анализ трудов по самым разным научным направлениям.

За сравнительно небольшой период истории был разработан целый ряд подходов и методов изучения миграции населения. Так, В.А. Ионцев, проанализировав отечественную и зарубежную литературу, выделил 17 различных подходов к исследованию миграционных процессов, которые, в свою очередь, включают 45 научных направлений и концепций[8]. Одним из наиболее важных, по мнению автора статьи, является исторический подход. Н.А. Нуралиев считает, что исторический метод анализа переселений объединяет совокупность исследований, объектом изучения «которых была история миграционных движений на отдельных территориях: регионах, государствах и в мировом масштабе»[9].

Историки в своих трудах чаще всего обращаются к количественным и качественным методам анализа данных. Не являются исключением и процессы миграции населения. Несомненно, применение количественных и качественных методов серьезно расширяет круг источников по рассматриваемой теме. В процессе исследования историками анализируются различные документы, в числе которых переписи населения, данные о выдаче паспортов, об иммиграции и эмиграции, архивные документы различных организаций, даже автобиографии и письма могут служить источниками ценной информации. Историки рассматривают миграцию населения на разных уровнях, анализируя ее мотивы, социально-экономические, политические и другие условия места постоянного проживания людей, принявших решение о переселении, а также условия принимающей мигрантов стороны. Внимание историков, в частности, акцентируется на развитии миграционных процессов в разные исторические эпохи через призму конкретных событий, таких как колонизации, социально-экономических и политических кризисов, войн и т.д. Количественные методы, в свою очередь, помогают выявить причинно-следственные связи и дать оценку тенденциям развития миграции.

Количественные методы включают в себя *статистический анализ, демографические исследования, картографирование* миграционных потоков населения и др.

Вопрос изучения миграционных процессов является традиционным в

8 *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и истории изучения. – М.: Диалог – МГУ, 1999. С.19.

9 *Нуралиев Н.А.* Классификация подходов в исследовании миграционных процессов. Наука и новые технологии. 2014. № 3. С.207.

статистической практике. Выделяют прямые и косвенные способы (методы) учета статистической информации. Прямые методы предполагают регистрацию каждого отдельного случая миграции, в рамках же косвенных методов изучаются данные переписей населения и выборочных обследований (этот способ носит оценочный характер).

В.А. Ионцев считает, что ни в одной стране при помощи прямых методов нельзя вычислить точное число нелегальных мигрантов, «для определения масштабов отдельных категорий мигрантов, например – рабочих-фронтальеров – косвенные методы играют решающую роль» – пишет он[10]. Тем не менее, результаты исследований на основе косвенных методов могут предоставить далеко не полные данные о миграции и лишь совместное использование прямых и косвенных методов может дать более точную картину о ней.

Метод статистики предполагает использование данных за определенный период по количеству мигрирующих лиц и учитывается среднегодовая численность постоянного населения региона или страны. В результате вычисляются показатели, характеризующие интенсивность миграционных потоков. Эти показатели можно разделить на две группы – абсолютные и относительные. К абсолютным показателям относят: 1. число прибывших в город (регион, страну) людей; 2. число выбывших; 3. разница между иммигрантами и эмигрантами, иными словами сальдо миграции.

При помощи абсолютных показателей исследователь может определить, какую роль играет миграция в формировании населения конкретного региона, рассчитать объемы миграционных потоков и провести анализ сезонных миграционных колебаний. Однако абсолютные показатели дают отнюдь не полное представление о численном изменении населения, поэтому целесообразно применять данные и относительных показателей. Они, в отличие от абсолютных показателей, фиксируют интенсивность и результативность процессов миграции: коэффициент въезда отражает данные о том, какое количество людей прибывает в рассматриваемый регион, делая расчеты на каждую тысячу человек в год; коэффициент выезда показывает среднюю величину количества выбывших из региона так же на каждую тысячу человек в течение года; коэффициент сальдо выявляет величину итогового прироста населения на тысячу человек.

Демографическое исследование. Главными его задачами являются, во-первых, определение структуры мигрирующего населения, а именно его половозрастные, семейные, этнические и другие составляющие, во-вторых, прогнозирование демографических изменений на кратко- и долгосрочную

10 *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и истории изучения. М.: Диалог – МГУ, 1999. С.50.

перспективу, в-третьих, разработку мер государственной политики в области демографии.

При поиске данных о народонаселении демографическая статистика применяет различные виды источников информации, такие как перепись населения, регистрация миграционного движения, списки мигрантов, предоставляющих дополнительные данные для анализа.

Важную роль в изучении процессов миграции играет картографирование. Оно отражает распределение населения по территориям и статистическую информацию о мигрантах.

Существует несколько видов карт, в которых фиксируются миграционные потоки: 1. *демографические карты*, предоставляющие информацию о половозрастном составе населения, а также о естественном и миграционном движении; 2. *карты расселения*, отражающие информацию о размещении мигрантов по историко-генетическим, производственным и другим критериям; 3. *социально-экономические*, показывающие социальную составляющую, уровень жизни, образования населения и использование им трудовых ресурсов; 4. *этнографические* – отображают национальный состав, элементы материальной и духовной культуры; 5. *экологические* – раскрывают взаимодействие народонаселения с окружающим миром, т.е. информируют о том, как мигранты размещаются в зависимости от природно-географических, климатических и других условий. Таким образом, картографирование позволяет визуализировать миграцию и дать ей количественную оценку, поэтому данный метод незаменим в исследованиях демографов, социологов, историков.

Значительную роль в понимании миграционных процессов играют качественные методы. С их помощью можно проводить более подробный анализ социальных, профессиональных статусов мигрирующих лиц, и сегрегацию на рынке труда. Это позволяет исследователям получить более полное представление о миграции и ее роли в жизни общества.

Для качественного анализа миграционных процессов широко используются этнографический и биографический методы. Этнографический разбор мотивов, этапов и последствий миграции предоставляет исследователю возможность ознакомиться с культурой мигрантов, поскольку они имеют свои обычаи, традиции, языки. Кроме того, благодаря этнографическому описанию исследователь выявляет социокультурные динамики, особенности миграционных процессов и процессов адаптации мигрантов в конкретных условиях.

Основными техниками сбора данных в этнографическом исследовании являются наблюдение, анализ архивных документов и полевые исследования. Перечисленные методы позволяют изучать и анализировать качественные данные, которые отражают трудности миграционных про-

цессов. Так, в условиях, когда миграция становится причиной политических разногласий и культурных коллизий, исследователю важно изучать не только переселенцев, но и их взаимоотношения с местными сообществами. Это является одной из особенностей этнографического подхода. Также стоит отметить, что данный подход применим к событиям исторической давности.

Биографический подход предполагает исследование жизненного пути и опыта людей на определенных этапах их социального развития. Поэтому источниками информации обычно становятся дневники, мемуары, письма, записки, при изучении которых основное внимание уделяется переездам.

Примером биографического исследования миграции может служить работа с мигрантами, покинувшими свою страну в результате экономического кризиса. Исследователю важно проанализировать их опыт во время кризиса, переселения и адаптации к новым условиям.

При использовании биографического метода следует помнить, что каждая история уникальна, и исследователю необходимо быть готовым к ответам информанта. Нельзя оставлять без внимания и тот факт, что большое число мигрантов сталкивается с различными барьерами, в числе которых отсутствие социальных связей, культурные и языковые различия. Биографический метод позволяет понять, какое влияние оказывают подобные трудности на жизнь мигрантов и как они с ними справляются.

Таким образом, биографический метод можно назвать одним из наиболее важных в изучении миграционных процессов, поскольку с его помощью исследователь не только осуществляет сбор данных, но и анализирует человеческий опыт.

Среди методов изучения миграционных процессов видное место занимает *фокус-группа,* представляющая собой групповое обсуждение наиболее важных вопросов целевой аудиторией. Данный метод позволяет изучить процесс адаптации мигрантов к новым условиям проживания, а также отношение к ним принимающей стороны. Кроме того, метод фокусированного интервью помогает анализировать ситуацию межэтнических отношений (диалог культур) и, что немаловажно, провести моделирование способов разрешения возможных противоречий.

Фокусированное интервью в соответствии с заранее разработанным планом управляется модератором. Как правило, фокус-группа начинается с вводной части, в которой модератору необходимо выделить цели и правила беседы, после чего участникам предоставляется возможность построить краткий рассказ о своем миграционном опыте. Также респонденты вправе поддерживать или оспаривать мнения друг друга. Именно групповая динамика является одним из преимуществ данного метода.

Стоит отметить, что работа группы обычно фиксируется в виде аудио-

и/или видеозаписей, которые впоследствии могут применяться в количественных исследованиях. В беседе используются различные методики, позволяющие оценить действительное отношение населения к предмету исследования, поскольку респондентам нужно не просто выбрать варианты ответов, но и объяснить свою позицию.

В настоящее время метод фокус-групп получил большое распространение, «особенно он популярен в маркетинговых исследованиях, однако, и при изучении социальных процессов, в том числе и миграции, фокусированные интервью могут дать немало ценной информации»[11].

Кейс-стади – еще один метод изучения миграционных процессов, предполагающий анализ конкретного случая для подробного разбора исследуемой проблемы. Ключевыми техниками сбора данных этого метода являются включенное наблюдение и интервьюирование. В отличие от количественных методов, одной из целей которых является сбор статистической информации, кейс-стади предоставляет подробные данные о факторах и последствиях миграции путем изучения личных историй переселенцев, их социальных и культурных адаптаций. Однако кейс-стади, как и многие другие методы, имеет свой недостаток – он малоэффективен при исследовании общественных явлений исторического прошлого.

В процессе любого исследования важно получить максимально объективную и достоверную информацию об изучаемом процессе или явлении для последующего ее использования в практике, а также для разработки способов разрешения поставленной проблемы. Для получения более точных данных при изучении миграционных процессов, по мнению автора статьи, важно использование различных подходов:

1. применение методов дескриптивной статистики, позволяющих описывать структуру миграционного движения по полу, возрасту, регионам происхождения и т.п.;

2. интеграция различных источников данных, предполагающая восполнение пробелов в полученной информации (учет регистрационных записей в социальных органах, данных трудовой деятельности);

3. учет особенностей места проживания мигрантов и форм миграционных процессов;

4. картографирование и моделирование миграционных потоков (внедрение новых технологий) и т.д.

Настоящие рекомендации могут стать основой для будущих исследований историков, социологов, экономистов в области изучения миграции населения.

---

11 Методология и методы изучения миграционных процессов; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: 2007. С. 287.

Библиографический список:

1. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и истории изучения. – М.: Диалог – МГУ, 1999. 256 с.
2. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. IX. 349. 81 с.
3. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск: Наука., 1980. 344 с.
4. Методология и методы изучения миграционных процессов; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. – М.: 2007. 369 с.
5. Нуралиев Н.А. Классификация подходов в исследовании миграционных процессов. Наука и новые технологии. 2014. № 3. С. 205-209.
6. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: 1975. 232 с.
7. Рыбаковский Л.Л. История и теория миграции населения. Книга первая. Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 210 с.
8. Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях: учебное пособие. – М.; Л.: Гос. Изд-во, 1926. VI, [2]. 328 с.
9. Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. Migration Theory: Talking across disciplines. – New York. 2000. P. 41-43.
10. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, June, 1885. Vol. 48. № 2. P. 167-235.

Reference

1. Iontsev V.A. International migration of the population: theory and history of study. – M.: Dialog – MSU, 1999. 256 p.
2. Kaufman A.A. Resettlement and colonization. – St. Petersburg: Type. T-va “Obshchestvennaya Polza”, 1905. IX. 349. 81 p.
3. Methodology and methods of systemic study of the Soviet village / Responsible. ed. T.I. Zaslavskaya, R.V. Ryvkina. - Novosibirsk: Science., 1980. 344 p.
4. Methodology and methods of studying migration processes; edited by J. Zayonchkovskaya, I. Molodikova, V. Mukomel. – M.: 2007. 369 p.
5. Nuraliyev N.A. Classification of approaches to the study of migration processes. Science and new technologies. 2014. № 3. P. 205-209.
6. Perevedentsev V.I. Methods of studying population migration. – M.: 1975. 232 p.
7. Rybakovsky L.L. History and theory of population migration. Book one. World migrations: historical fragments and their determinants. - M.: Publishing house “Econ-Inform”, 2016. 210 p.
8. Yamzin I.L., Voshchinin V.P. The doctrine of colonization and resettlement: a textbook. – M.; L.: State Publishing House, 1926. VI, [2]. 328 p.
9. Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. Migration Theory: Talking across disciplines. – New York. 2000. P. 41-43.
10. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London, June, 1885. Vol. 48. № 2. P. 167-235.

Залюбовская В.В.
Преподаватель, аспирант. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Буняева К.В.
Кандидат юридических наук, доцент. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Немецкий оккупационный режим на территории Курской области: силы, средства и методы утверждения (1941-1943 гг.) (по донесениям советской агентуры)*

Аннотация. Немецко-фашистская оккупация Курской области в 1941-1943 годах занимают видное место в исторических исследования отечественных специалистов в силу важности развернувшихся там событий. Реконструкция происходивших в этой области Центрального Черноземья событий в годы Великой Отечественной войны осуществлена основании впервые водимых в научный оборот архивных материалов территориального управления НКВД СССР. Архивные документы, привлеченные для написания данной статьи, представляли донесения советской агентуры, поступавшие руководству УНКВД по Курской области из оккупированных немецкими войсками районов Курской области, обзоры профашистских печатных изданий, выходивших на захваченных вермахтом городов и районов этой области. Анализ исторических документов свидетельствует, что немецкие оккупанты для утверждения нацистского «нового порядка» использовали значительные силы и средства. Основными методами достижения поставленных целей на территории оккупированных районов Курской области немецкие захватчики избрали тотальный террор.

Ключевые слова: немецкая оккупация, Курская область, немецко-фашистский оккупационный режим, тотальный террор.

Zalyubovskaya V.V.
Lecturer, postgraduate student. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

Bunyaeva K.V.
Candidate of Law, Associate Professor. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

* © Залюбовская В.В., Буняева К.В., 2025.

German occupation regime in the Kursk region: forces, means and methods of approval (1941-1943) (according to reports from soviet agents)

Abstract. The Nazi occupation of the Kursk region in 1941-1943 occupies a prominent place in the historical studies of domestic specialists due to the importance of the events that unfolded there. The reconstruction of the events that took place in this area of the Central Black Earth Region during the Great Patriotic War was carried out on the basis of archival materials of the territorial administration of the NKVD of the USSR, which were brought into scientific circulation for the first time. The archival documents used to write this article represented reports from Soviet agents received by the leadership of the NKVD in the Kursk region from the areas of the Kursk region occupied by German troops, reviews of pro-fascist printed publications published in the cities and regions of this region captured by the Wehrmacht. An analysis of historical documents shows that the German occupiers used significant forces and means to establish the Nazi "new order". The German invaders chose total terror as the main methods of achieving their goals in the occupied areas of the Kursk region.

Key words: German occupation, Kursk region, Nazi occupation regime, total terror.

Одна из тем истории России в XX столетии, которая по-прежнему продолжает оставаться в центре внимания широкой общественности – события Великой Отечественной войны. На протяжении длительного периода времени целый ряд эпизодов 1941-1945 гг. оставался в наименьшей степени изученными специалистами. Несмотря на то, что в отечественной исторической литературе внимание преимущественно было уделено планам немецкого командования по захвату территории СССР, преступным средствам и методам достижения целей нацистской Германии, методам борьбы с антифашистским подпольем и партизанским движением, массовым акциям геноцида советского населения, в то же время целый ряд вопросов оказался фактически не исследованным.

Среди этих проблем: отличительные особенности оккупационных режимов с гражданским управлением и в зоне ответственности армейских подразделений, силы, средства и методы немецких спецслужб по утверждению немецкого «нового порядка» на временно оккупированной территории Советского Союза, роль и участие коллаборационистских органов гражданского управления и репрессивных структур, созданных из числа советских граждан, перешедших на сторону гитлеровской Германии и принявших участие в утверждении нацистского оккупационного режима.

В современных условиях интерес к проблемам немецкого «нового порядка» и добровольного сотрудничества отдельных советских граждан с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, в оче-

редной раз переживает подъем научного интереса. При этом острота проблемы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны отнюдь не осталась в прошлом, а эпизодически подпитывается различными событиями, происходящими как в общественной, так и в научной сферах жизни современного общества.

Наиболее отчетливо это проявилось в политике героизации участников ОУН-УПА, увековечивании памяти бывших военнослужащих 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина», батальонов «Нахтигаль» и «Роланд» в современной Украине, «лесных братьев» в Прибалтике. Одновременно в многочисленных публикациях украинских, прибалтийских, западноевропейских и североамериканских авторов предпринимаются попытки поставить знак равенства между СССР и гитлеровской Германией в развязывании Второй мировой войны, обвинить партизан в грабежах, насилии и массовых убийствах гражданского населения на оккупированной вермахтом территории, принизить или вовсе игнорировать решающую роль Советской Армии в разгроме фашизма. Особую остроту данные проблемы приобрели после начала специальной военной операции, начатой Россией на территории Украины 24 февраля 2022 г.

Дополнительный исследовательский интерес к обозначенной проблематике исследования подпитывается еще и тем обстоятельством, что история Великой Отечественной войны была и продолжает оставаться объектом многочисленных фальсификаций, нередко откровенной лжи. Поэтому представляется возможным утверждать, что обозначенная в настоящей диссертации проблематика научного исследования является далеко не исчерпанной и продолжает вызывать острые споры и дискуссии.

Еще одним из аспектов, серьезно актуализирующих проблематику настоящего диссертационного исследования, выступает ее региональное звучание. Данная статья восполняет ряд пробелов в истории Великой Отечественной войны на примере одного из стратегически важных регионов Центрального Черноземья – Курской области. На территории этой области на протяжении сравнительно продолжительного отрезка времени (конец сентября 1941 – начало сентября 1943 гг.) сохранялся чрезвычайно жесткий немецкий оккупационный режим. Особенности которого были предопределены близостью к линии фронта и высокой степенью антифашистского сопротивления. Как результат особой жестокости немецких захватчиков – сокращение числа гражданского населения на захваченной немцами и их союзниками территории Курской области (до оккупации 3076,4 тыс. чел., после оккупации – 1671,5 тыс. чел.). Таким образом, сокращение составило 1404,9 тыс. чел. или 27,8% [1, с. 29-31].

Актуальность настоящей работы усиливается также и тем, что в работе использованы различные документы, извлеченные их архивов регио-

нальных управлений Федеральной службы государственной безопасности (УФСБ РФ), которые вводятся в научный оборот впервые и с которых сравнительно недавно был снят гриф секретности. Это обстоятельство создало дополнительную возможность реконструировать историческое прошлое Курской области на одном из самых драматичных этапов ее развития – в годы немецкой оккупации (ноябрь 1941- сентябрь 1943 гг.).

Оккупация Курской области немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны привлекала к себе внимание отечественных специалистов уже давно. Первые публикации специалистов, попытавшихся рассмотреть эти события, были предприняты сразу же после окончания Великой Отечественной войны [2, с. 75-83].

В 1950-60-е гг. изучению этого периода были посвящены работы местных историков А.И. Залесского, И.З. Кузнецова, В.М. Плотникова, В.П. Прусакова [3]. Именно в этих исследованиях была предпринята попытка впервые ввести в научный оборот доступные архивные материалы, освещающие события Великой Отечественной войны, в т.ч. оккупацию фашистами Курской области. В последующие десятилетия (с конца 1960-х г. и до начала 1990-х г.) сколько-нибудь значимых исторических исследований, посвященных изучаемой теме, не появилось. Новый взлет научного интереса к данной проблематике нашел свое подтверждение в научных изысканиях И.Г. Гришкова, Ю.А. Бугрова, В.Г. Карнасевича, А.В. Третьякова, А.В. Шевелева, В.В. Коровина, увидевших свет с начала 1990-х гг. [4]

Новейшими диссертационными исследованиями, раскрывающими сущность и особенности фашисткой оккупации и коллаборационизма на территории Курской области, явились работы курских историков В.В. Коровина, С.А. Никифорова, А.В. Шевелева, А.Р. Бормотовой, А.В. Коровина и белгородского автора Б.С. Мартынова [5].

Перейдем к особенностям немецкой оккупации Курской области. Немецкий оккупационный режим на территории Курской области просуществовал от 7-ми (в восточных районах) до 23-х месяцев (в юго-западных районах). Девять районов находились в оккупации до 23 месяцев, два района – до 18 месяцев, тридцать три района – от 17 и 22 до 8 месяцев. Четырнадцать районов области в виду неустойчивости линии фронта оказывались под властью немецких оккупационных властей два раза [6, л. 1].

Изучение значительного массива исторических источников позволяет выявить определенную типологию оккупационных режимов на захваченной немецкими войсками и их союзниками советской территории, которая предопределялась, прежде всего, близостью к линии фронта. При этом от близости к линии фронта напрямую зависела жесткость устанавливаемых немецких оккупационных порядков. Это очень наглядно проявилось на территории Курской области, особенно в тех населенных пунктах (напри-

мер, Белгородский и Шебекинский районы), которые располагались вблизи зоны боевых действий.

Особенностью немецкого управления на оккупированной территории в зоне боевых действий являлось то, что вся полнота властных полномочий была сосредоточена в руках армейского руководства.

Согласно документам советской агентуры, поступавших руководству УНКВД по Курской области, для утверждения и поддержания немецко-фашистского оккупационного режима на захваченной гитлеровцами территории Курской области использовались различные силы и средства, имевшиеся в распоряжении гитлеровской Германии (регулярные части вермахта, полевые и гарнизонные комендатуры; служба безопасности – СД (сокр. от нем. SD – SicherheitsDienst); подразделения армейской разведки – Абвера (от нем. Abwehr – оборона, отражение); внешние команды тайной полевой полиции – ГФП (от нем. GeheimeFieldPolice); карательные команды СС (от нем. абр. SS - от Schutzstaffel – первоначально отряды охраны) – айнзацгруппы, айнзацкоманды и зондеркоманды) [7, л. 43].

Основным органом поддержания немецкого «нового порядка» на оккупированной территории СССР являлись комендатуры. Они в свою очередь подразделялись на главные полевые, полевые и гарнизонные. Задачами комендатур на оккупированной территории Курской области были: организация всей системы управления на захваченной территории; назначение бургомистров, сельских старост из числа местного населения; набор персонала на работу в гражданские административные учреждения, а также в русскую вспомогательную полицию. В среднем каждая полевая комендатура контролировала 15-20 районов оккупированных областей. На захваченной немецкими войсками и их союзниками территории Курской области все властные функции были сосредоточены также в руках военных комендатур. Военным комендантами Курска последовательно были: майор Фляг (с ноября 1941 г. до июля 1942 г.), генерал-майор Марселл (с июля 1942 г. по январь 1943 г.). Во главе немецкой комендатуры в Белгороде был назначен оберст Бабингер [8, с. 4]. Власть военных комендатур распространялась на воинские части, расквартированные на данной территории, жандармерию, полевую полицию, органы службы безопасности. Кроме военных комендатур были созданы еще и гражданские комендатуры.

Еще одно ведомство, созданное в конце 1930-х гг. в нацистской Германии, было предназначено для выполнения широкого перечня обязанностей по обеспечению безопасности фашистского режима – Тайная полевая полиция (ГФП).

Первые сообщения советской резидентуры, поступавшие руководству УНКВД о деятельности внешних команд ГФП на территории Курской области, датируются уже первыми месяцами 1942 г. В конце января 1942 г. в го-

род Льгов прибыли офицеры подразделения ГФП в количестве 5 человек. Чуть позже к ним присоединился один из русских эмигрантов – барон И.И. фон Ливен, который руководил агентурной сетью этого подразделения ГФП. Затем туда же прибыли остальные служащие этого подразделения примерно в количестве от 40 до 100 человек [9, д. 132, л. 92; д. 237, т. 1, д. 81-81 об.].

Команды ГФП в захваченных немцами районах Курской области регулярно контролировали железнодорожные станции, подъезды к населенным пунктам, рынки и транспортные узлы. Караулы, посты и полосы безопасности предназначались для защиты важных объектов от налетов, наведения разведывательных отрядов и допросов пленных, захваченных при проведении антипартизанских операций. Тайная полевая полиция на каждом участке операции не только принимала заявления от гражданских лиц, но и активно создавала собственную агентурную сеть. «Учитывая размах и активность партизанского движения на оккупированной территории Курской области, наибольшая активность профашистской агентуры, связанной с ГФП, была зафиксирована именно в Валуйском, Грайворонском, Дмитриевском, Рыльском, Суджанском, Щигровском, Шебекинском районах» [10, с. 57].

В отчетных документах 4-го отдела УНКВД по Курской области уже на самом начальном этапе ее оккупации немецкими войсками и их союзниками отмечалось, что свою деятельность активизировали разведывательные, контрразведывательные и карательные подразделения захватчиков [11, л. 43]. Во многих районных центрах оккупированной Курской области начали свою деятельность отделы «1-Ц» Абвера. В отдельных населенных пунктах оккупированной Курской области были созданы разведшколы Абвера. Наиболее многочисленными из них были в Курске, Белгороде, Рыльске [12, л. 20-22].

Однако утверждение и поддержание немецко-фашистского оккупационного режима на столь значительной территории, как Курская область, оказалось не гитлеровцев чрезвычайно сложно без привлечения к сотрудничеству определенной части лояльно настроенных к ним части местного населения.

Архивные документы, сосредоточенные преимущественно в ведомственных архивах УФСБ РФ свидетельствуют о том, что из числа лояльно настроенных советских граждан немецкие оккупационные власти сформировывали местные органы гражданского управления, которым были переданы полномочия по обеспечению функционирования восстанавливаемых промышленных предприятий, сельского хозяйства, налогов и финансового сектора. Однако наибольшее внимание немецких оккупантов было уделено созданию и укомплектованию местными коллаборационистами репрессивных структур.

Однако масштабы и интенсивность постоянно усиливавшегося партизанского движения на территории региона заставляли немецкое командование отвлекать значительные силы на борьбу с партизанскими отрядами.

Это вынудило немецкие оккупационные власти пойти на создание Локотского самоуправления – профашистского государственного образования на территории отдельных районов Курской и Орловской областей.

Основными методами достижения поставленных целей на территории оккупированных районов Курской области немецкие захватчики избрали тотальный террор. Любые действия, направленные против оккупационных порядков, подлежали строжайшему наказанию; вводилась практически круговая порука и коллективная ответственность населения захваченного населенного пункта за покушение на жизнь или убийство немецких военнослужащих. Тактика «выжженной земли» довольно часто применялась подразделениями вермахта и при оставлении населенных пунктов Курской области.

Таким образом, сегодняшние попытки немецких историков отрицать политику геноцида нацистской Германии на оккупированной вермахтом советской территории в отношении гражданского населения Курской области беспочвенные и не соответствует историческим фактам.

Библиографический список:

1. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: сборник статей / отв. ред. и сост. Г.Ф. Кривошеев [Текст]. – СПб.: Буланин, 1995. 199 с.
2. Родной край / Под ред. Ф.С. Максименко и П.К. Староверова. – Курск: Курская правда, 1946. С. 75-83.
3. Залесский А.И. Борьба колхозного крестьянства Курской области за сохранение и возрождение колхозов во время Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М.: 1950. 496 с.
4. Гришков И.Г. Фашистский оккупационный режим // Курский край. История и современность: Учебное пособие. – Курск, 1993. 114 с.
5. Коровин В.В. Партизанское движение на территории Курской области в 1941-1943 гг.: дис. … канд. ист. наук. - Курск, 2000. 251 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7021. Оп. 29. Д. 1049.
7. Архив управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУ ФСБ РФ по Курск. обл.) Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 136.
8. Белгородская правда. 1941. 16 ноября. № 2.
9. АУ ФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 132; Д. 237. Т. 1.
10. Богданов С.В., Остапюк В.Г., Залюбовская В.В. Агентура русской вспомогательной полиции на оккупированной немецкими войсками территории Курской области. По материалам архивно-следственных дел территориальных управлений КГБ СССР // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 57-67.
11. АУ ФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 2.
12. АУ ФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 4-го отдела УНКВД КО. Д. 140.
13. Кузнецов И.З. Курские партизаны в Великой Отечественной войне (июнь 1941 - март 1943 г.) // 1917-1957. Статьи, воспоминания, очерки. – Курск, 1957. С. 333-348.
14. Плотников В.М. Помощь курян Советской Армии в битве под Курском // Краеведческие записки. Вып. 1. – Курск, 1959. С. 70-122.
15. Прусаков В.П. Дневники суровых лет. – Курск: Курское кн. изд-во, 1963. 78 с.
16. Бугров Ю.А. Оккупация (краткий историко-публицистический очерк) // История Великой Отечественной войны в документах и судьба (по материалам Курской области) / Отв. ред. и сост. А.Ю. Друговская. – Курск, 1995. С. 91-101.
17. Карнасевич В.Г. Антигерои или жертвы войны? // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны. – СПб.: Нестор, 1999. С. 79-81.
18. Никифоров С.А., Манжосов А.Н., Крамаренко А.Д. Кадровая политика немецко-фашистских оккупантов в Курской области в 1941-1943 гг. // Курский край. Научно-историч. журнал. 1999. № 5 (8). С. 6-26.
19. Третьяков А.В., Шевелев А.В. Печатные периодические издания городских властей в период оккупации Курска (по материалам УФСБ РФ по Курской области) // Непобедимые сыны отечества. Сб. науч. статей / Под ред. Н.А. Постникова. – Курск, 2003. С. 292-296.

20. Коровин В.В. Поднимались воины народа: Сопротивление в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в 1941-1943 гг. – Курск, 2007. 512 с.
21. Никифоров С.А. Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941-1943 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2003.
22. Шевелев А.В. Разведывательные, полицейские и пропагандистские формирования оккупационных властей на территории Курской области в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2004. 253 с.
23. Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области: дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2010. 230 с.
24. Коровин В.А. Коллаборационизм на территории Курской области в 1941-1943 гг.: формы проявления, политико-правовые и социальные последствия: дис. … канд. ист. наук. – Курск, 2015. 515 с.
25. Мартынов Б.С. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм на территории южных и юго-восточных районов Курской области (октябрь 1941 – август 1943 гг.): дис. …канд. ист. наук. – Белгород, 2017. 212 с.

Reference

1. Human losses of the USSR in the Great Patriotic War: a collection of articles / ed. and compiled by G.F. Krivosheev [Text]. – St. Petersburg: Bulanin, 1995. 199 p.
2. Native land / ed. by F.S. Maksimenko and P.K. Staroverov. – Kursk: Kurskaya Pravda, 1946. P. 75-83.
3. Zalessky A.I. The struggle of the collective farm peasantry of the Kursk region for the preservation and revival of collective farms during the Great Patriotic War (1941-1943): dis. ... candidate of historical sciences. – Moscow: 1950. 496 p.
4. Grishkov I.G. The fascist occupation regime // Kursk region. History and modernity: Textbook. – Kursk, 1993. 114 p.
5. Korovin V.V. Partisan movement in the Kursk region in 1941-1943: dis. … cand. hist. sciences. – Kursk, 2000. 251 p.
6. State Archives of the Russian Federation (GA RF). F. 7021. Op. 29. D. 1049.
7. Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation for Kursk Oblast (AU FSB RF for Kursk. oblast) F. of the 4th department of the NKVD KO. D. 136.
8. Belgorodskaya Pravda. 1941. November 16. № 2.
9. AU FSB RF for Kursk. oblast F. of the 4th department of the NKVD KO. D. 132; D. 237. V. 1.
10. Bogdanov S.V., Ostapyuk V.G., Zalyubovskaya V.V. Agents of the Russian auxiliary police in the territory of the Kursk region occupied by German troops. Based on the materials of the archival and investigative files of the territorial departments of the KGB of the USSR // Bulletin of the Archivist. 2021. № 1. P. 57-67.
11. AU FSB RF for Kursk. region. F. of the 4th department of the NKVD KO. D. 2.
12. AU FSB RF for Kursk. region. F. of the 4th department of the NKVD KO. D. 140.
13. Kuznetsov I.Z. Kursk partisans in the Great Patriotic War (June 1941 - March 1943) // 1917-1957. Articles, memoirs, essays. – Kursk, 1957. P. 333-348.
14. Plotnikov V. M. Help of Kursk residents to the Soviet Army in the Battle of Kursk // Local history notes. Issue 1. – Kursk, 1959. P. 70-122.
15. Prusakov V. P. Diaries of harsh years. – Kursk: Kursk book publishing house, 1963. 78 p.
16. Bugrov Yu. A. Occupation (a brief historical and journalistic essay) // History of the Great Patriotic War in documents and fate (based on materials from the Kursk region) / Responsible. editor and compiler A. Yu. Drugovskaya. – Kursk, 1995. P. 91-101.
17. Karnasevich V. G. Antiheroes or victims of war? // Current issues in the history of the Great Patriotic War. – SPb.: Nestor, 1999. P. 79-81.
18. Nikiforov S.A., Manzhosov A.N., Kramarenko A.D. Personnel policy of the German fascist occupiers in the Kursk region in 1941-1943 // Kursk region. Scientific and historical journal. 1999. № 5 (8). P. 6-26.
19. Tretyakov A.V., Shevelev A.V. Printed periodicals of city authorities during the occupation of Kursk (based on materials from the UFSB of the Russian Federation for the Kursk region) // Invincible sons of the fatherland. Collection of scientific articles / Ed. by N.A. Postnikov. – Kursk, 2003. P. 292-296.
20. Korovin V.V. The warriors of the people arose: Resistance in the rear of the Nazi troops in the territory of the Central Black Earth Region in 1941-1943. – Kursk, 2007. 512 p.
21. Nikiforov S.A. The policy of the occupation authorities in the territory of the Kursk region in 1941-1943: diss. … candidate of historical sciences. – Kursk, 2003.
22. Shevelev A.V. Intelligence, police and propaganda formations of the occupation authorities in the territory of the Kursk region during the Great Patriotic War: diss. … candidate of historical sciences. – Kursk, 2004. 253 p.
23. Bormotova A.R. Printing of the Great Patriotic War Period in the Kursk Region: Diss. … Cand. of History. – Kursk, 2010. 230 p.
24. Korovin V.A. Collaborationism in the Kursk Region in 1941-1943: Forms of Manifestation, Political, Legal and Social Consequences: Diss. … Cand. of History. – Kursk, 2015. 515 p.
25. Martynov B.S. The Nazi Occupation Regime and Collaboration in the Southern and South-Eastern Districts of the Kursk Region (October 1941 – August 1943): Diss. … Cand. of History. – Belgorod, 2017. 212 p.

Дегтярев А.П.
Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Социальные вопросы воинских чинов и их семейств в решениях государственного совета России в последние десятилетия XIX - начале XX вв. (1881-1905 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению в высшем законосовещательном органе власти России – Государственном совете - вопросов социального обеспечения офицерского состава и нижних чинов в действующей регулярной армии и в отставке в конце XIX - начале XX вв. Анализу подвергнуто и социальное попечение их семейств, в том числе в условиях русско-японской войны 1904-1905 гг., первой русской революции. Динамика прохождения вопросов социальной тематики в отношении российских воинов в изучаемые периоды свидетельствует о росте внимания государственных инстанций к нуждам защитников Отечества в условиях военных действий и острой социальной напряженности в стране. Показан постепенный процесс унификации законодательства о специальных льготных условиях для гражданских специалистов и военных чинов в отдельных местностях их службы и работы.

Ключевые слова: Государственный совет, департаменты, Военное министерство, офицеры, нижние чины, военные ведомства, денежное содержание, социальное обеспечение семейств, война, расходы, пенсия.

Degtyarev A.P.
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History. The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky.

Social issues of military ranks and their families in the decisions of the state council of Russia in the last decades of the XIX - early XX centuries (1881-1905)

* © Дегтярев А.П., 2025.

Abstract. The article is devoted to the consideration by the supreme legislative authority of Russia, the State Council, of issues of social security for officers and lower ranks in the active regular army and retired in the late 19th and early 20th centuries. Russian Russians also analyzed the social care of their families, including during the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the first Russian Revolution. The dynamics of the passage of social issues in relation to Russian soldiers during the studied periods indicates an increase in the attention of state authorities to the needs of defenders of the Fatherland in the context of military operations and acute social tension in the country. It shows the gradual process of unification of legislation on special preferential conditions for civilian specialists and military officials in certain areas of their service and work.

Key words: State Council, departments, War Ministry, officers, lower ranks, military departments, salaries, social security of families, war, expenses, pension.

Ушедшая в прошлое «освободительная» эпоха Александра II впитала в себя в преобразовательном процессе, помимо реформ в гражданской сфере, целый комплекс военных изменений, которые по праву можно назвать не просто милютинскими, а милютинско-константиновскими[1]. Помимо крупномасштабных трансформаций, связанных с формированием нового облика Вооруженных сил и системы комплектования, создания многомиллионного запаса армии и флота, осуществлялись меры социального порядка в отношении военнослужащих. Были образованы военно-сухопутная и морская эмеритальные кассы, которые, наряду с пенсионными выплатами из казны, несколько улучшили положение военных. Росло число построенных казарм, вводились социальные выплаты для офицерского и унтер-офицерского составов, нижних чинов. Осуществлялось «призрение» в отношении семей погибших военнослужащих.

Но многие социальные проблемы решались медленно. Жизненный уровень офицеров был далек от требуемых норм, сохранялся значительный некомплект унтер-офицеров по причине низких материальных условий службы и бытового положения сверхсрочнослужащих. Численность казарменных помещений не охватывало и половины количественного состава

1 Преобразовательный курс в различных сферах государственной жизни проводили команды реформаторов, опекаемые младшим братом нового императора великим князем Константином Николаевичем Романовым. В их числе и состав управленцев во главе с военным министром генералом от инфантерии Д.А. Милютиным. Именно влияние вышеназванного великого князя – либерала позволило осуществить задуманное в различных областях осуществлявшихся преобразований (от крестьянской до военной). Особенно активно эта поддержка была оказана на заседаниях Государственного совета, когда «милютинцы» и «константиновцы» защищали положения Устава о всесословной воинской повинности от нападок высокопоставленной оппозиции (См.: Дегтярев А.П. Переход к всесословной воинской повинности и дебаты в Государственном совете России // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 59-63).

войск. Общественность возмущала жалкое денежное содержание солдата, трехрублевая пенсия (в расчете на год!) военных инвалидов. Данная ситуация с тяжелым материальным положением служилых людей объяснялась огромными расходами на осуществление реформ в стране. Дефицит бюджета даже способствовал продаже восточных территорий государства.

По весьма понятным причинам новый император Александр III взял курс на ужесточение бюджетных порядков, финансовой дисциплины в высших органах власти, ведомствах. Не случайно в своих выступлениях С.Ю. Витте назвал царя – «миротворца» «идеальным государственным казначеем»[2], сумевшим впервые обеспечить бюджетный профицит в невоюющей стране на протяжении своей довольно короткой эпохи правления.

В этих условиях государственные инстанции ослабляют внимание к социальным проблемам военных лиц. Главный законосовещательный орган власти России – Государственный совет[3] вынужден был, за отдельными исключениями, заниматься мелкотемными социальными законопроектами. Выделялись средства на воспитание детей офицерского состава, выплачивались пособия офицерским собраниям. Издавался журнал для нижних чинов и пр.[4]

В то же время привлекает исследовательское внимание решение государственными учреждениями ряда вопросов, представлявших интерес для всей армейской и флотской общественности. Шло постепенное унифицирование законодательства о специальных льготных условиях для гражданских специалистов и военных чинов в отдельных местностях их службы и работы. В основу осуществляемых усилий Военное министерство и комиссия Госсовета во главе с Е.А. Перетцем положили принципы единообразия в выплате льгот, одинаковые условия в отношении льготных преимуществ разных категорий офицерского состава, чиновников. К числу льгот для военных лиц относились: пособие на адаптацию (обустройство на новом месте службы, до годового оклада жалованья); проездные (прогонные) деньги (одинарные, полуторные, двойные); прибавочные выплаты к денежному

2 *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. С. 266-267.

3 Государственный совет (сокращенно – Госсовет) – высший законосовещательный орган власти России с 1810 (с 1906 г. – законодательный) по 1917 гг. Состоял из общего собрания, Государственной канцелярии, департаментов и постоянных комиссий. Кроме того, при нём действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии (Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 1. Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 618-620.

4 См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 1, оп. 1, д. 41040, л. 18-27; Отчет по делопроизводству Государственному совету за 1883 г. – СПб., 1884. С. 233-237; Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1884 г. – СПб., 1886. С. 603-604.

жалованью (четверть оклада после прохождения пятилетнего срока службы); пособия единовременного порядка после выслуги 10-летней службы; специальные пособия на воспитание детей; право на отпускное время (в случае особых оснований, через каждые три года); особые преимущества по пенсиям. В последнем случае предоставлялись права на сокращение сроков службы для выхода на пенсию, увеличение пенсионных выплат. К тому же выдавались пособия семьям военных чинов в случае их гибели (смерти) во время выполнения служебных обязанностей и пр.

Получив в 1887 г. высокую оценку соединенных департаментов законов и государственной экономии[5], разработанный законопроект по вышеназванным льготным основаниям в то же время натолкнулся на критические оценки руководителей финансового и контрольного ведомств. Так, руководитель первого Н.Х. Бунге соглашался на льготных выплатах лишь офицерам на административных должностях. Его попытки сбережения денежных средств лишали преимуществ чинов строевого состава. На департаментских заседаниях ему противопоставили особые позиции, доказывая очень суровые условия военной службы в отдельных отдаленных районах (под ними подразумевались отдельные территории с суровыми климатическими условиями: Якутская, Приморская и Амурская области, Туруханский край, Енисейская, Тобольская и Архангельская губернии, остров Сахалин) командующие войсками Иркутского (генерал-лейтенант А.П. Игнатьев) и Приамурского (генерал-адъютант А.Н. Корф) военных округов. В качестве доводов они, помимо сложного климата, указывали на дороговизну продуктов, острую проблему с кадровым обеспечением, многочисленные примеры суицидов среди военнослужащих и т.д.

Бунге поддерживал Государственный секретарь Д.М. Сольский, указывавший, что благодаря эмеритальным выплатам общий размер пенсионных начислений военным чинам в целом ряде районов страны превышает выплачиваемые пенсии гражданскому персоналу. Ответ командующих был ожидаем и логичен: выплаты из эмеритальных касс являются страховыми суммами специального назначения. А их обеспечение осуществляется постоянным внесением офицерами взносов в казну во время самой регулярной службы. В конечном счете победила позиция военных[6].

Несмотря на попытки частных решений социальных вопросов в эпоху «царя-миротворца», положение офицерского состава, нижних чинов и их семей оставалось нелегким. Помимо этого, половинный запас продовольствия и фуража в западных пограничных районах тревожил командова-

5 Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1890 г. – СПб., 1891. С. 205-217.

6 Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1887 г. – СПб., 1888. С. 135-163; Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899-1900 гг. – СПб., 1900. Т. 1. С. 572-576.

ние всех уровней. По-прежнему не хватало казарм для личного состава. Ощущалась острая нехватка денежного довольствия у значительной части офицеров. Незначительное повышение окладов армейскому офицерству после Крымской войны в дальнейшем в течение четырех десятилетий застопорилось и размеры жалованья не менялись. Только в конце XIX столетия (1899 г.) удалось увеличить у ряда категорий офицеров годовой оклад (от 400 до 550 рублей в соответствии с конкретным чином[7].

Улучшение финансового состояния страны в результате экономического подъема в эпоху правления Александра III позволило его сыну Николаю II Александровичу Романову приступить к решению некоторых кардинальных вопросов социального обустройства служилых людей. В их числе следует назвать вопрос обеспечения офицерского состава квартирами. Основное их число продолжало иметь места проживания, полученные от земских структур в виде постойной повинности у населения. В конечном итоге, последняя была большой тягостью для жителей, особенно пограничных губерний. Дело доходило до курьезных случаев, когда обыватели, в попытке избавиться от постоя военных, приводили в негодность полы, трубы, печи. Более того, разбросанность офицерских и нижних чинов в домах местных жителей негативно отражалась на состоянии боевой готовности воинских подразделений, когда военные находились в разных деревнях, дворах, часто без каких-либо занятий, отсутствия контроля со стороны самого начальства[8].

Сановниками Госсовета постепенно осознавалась потребность денежного сбора (квартирных денег) в губерниях на постой армейских частей. Но этот процесс, в первую очередь, за счет земских инстанций, растянулся на десятилетия.

Кардинальные изменения в квартирной повинности отмечены в 1872-1874 гг. Ее денежная форма, как выплата из государственной казны, вобрала в себя оплату самой квартиры (помещения), находящейся здесь мебели, отопления и освещения квартиры. Оклады различались по регионам страны с их разрядами[9].

Последующее время отмечено ростом цен в стране, включая и на жилье. Потребовалось провести определенную работу по пересмотру размеров квартирных окладов для войск. Над этим вопросом в середине 90-х гг. в целом безрезультатно работала спецкомиссия, образованная при Мини-

7 *Тиванов В.В.* Финансы русской армии (XVIII век - начало XX вв.). – М.: Государственная финансовая академия, Военный финансово-экономический факультет1993. С. 115.

8 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 722, оп. 1, д. 432, л. 2-168.

9 *Дневники Д.А.* Милютина: В 4 т.: Т. 1. – М.: Госбиблиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. 1947. С. 155.

стерстве финансов. Единственное, что ей удалось – это определить размеры квартирных помещений для офицерских и солдатских чинов.

В последующем представленный в Государственный совет министром финансов С.Ю. Витте проект закона ввел в практику с 1900 г. временные расписания квартирных окладов. Сановники данного органа власти предусмотрели возмещение из казны городам соответствующей разницы между «старыми» и «новыми» окладами, когда осуществлялось использование их дополнительных денежных средств при расквартировании воинских чинов[10].

Первое время руководства Российской империей Николаем II ознаменовалось «милостями» различным слоям населения, в т.ч. военным. В их числе – выплата добавочного (дополнительного) денежного содержания некоторым категориям военных, улучшение продовольственного обеспечения и льготы в отношении пенсий. Отметим в этой связи попытку улучшить материальное положение сверхсрочнослужащих лиц морского ведомства. Департаменты государственной экономии и законов на своих соединенных заседаниях провели законопроект о выплатах в ежегодном исчислении морским чинам кондукторских званий[11] добавочного содержания по 180 рублей каждому[12].

Стало улучшаться продовольственное обеспечение солдатской и матросской массы. 3 млн рублей в год новый император повелел выделить на увеличение приварочного довольствия нижним чинам. Рассмотрение этой обсуждаемой суммы денег в Госсовете натолкнулось на поиск источников выделения средств. Дело в том, что в конце XIX - начале XX вв. в военно-сухопутном ведомстве действовал предельный бюджет[13]. Сановники были вынуждены решать вопрос о том, каким образом данный расход реализовать: за счет внутренних средств министерства (в размере предельного бюджета), или погасить расход путем дополнительного ассигнования из государственной казны.

В Госсовете не оказалось единства. Меньшая его часть (18 человек),

10 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897-1898 гг. – СПб., 1998. С. 511-518.

11 Кондуктор - высшее звание унтер-офицера флота. Его обладатели пользовались рядом преимуществ перед остальным старшинским и рядовым составом срочной и сверхсрочной службы флота. – А.Д.

12 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896-1897 гг. – СПб., 1897. С. 508-511.

13 Предельный бюджет был установлен для Военного министерства в конце XIX в. на каждое пятилетие с тем, чтобы возможные остатки поступали в распоряжение Военного министерства (См.: Дегтярев А.П. Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и комплектования армии и флота (1810-1917 гг.): Монография. – М.: Военный университет, 2004. С. 136-150).

поддерживая позицию Военного министерства во главе с П.С. Ванновским (последний заявлял, что ведомство в состоянии выделить только 750 тыс. рублей), настаивала на отпуске необходимых средств из казны. Ее представители ссылались на традиционную нехватку финансовых средств у армии и требовали государственной поддержки.

В то же время, большинство членов Государственного совета (35 человек) требовали последовательного соблюдения правовых норм о предельном бюджете, необходимости использования дополнительных средств только в исключительных случаях. Их позиция предусматривала раздел денежной выплаты между Военным министерством и госказначейством в равных половинных долях (по 1,5 млн рублей). При этом само ведомство должно было свою часть выплатить из специального запасного капитала. Император поддержал позицию военных, и соответственно, меньшинства членов Госсовета[14].

Николай II принял меры к улучшению пенсионного состояния лиц военного духовенства, нижних чинов и их семей. В отношении пенсий священнослужителей столкнулись позиции министра финансов С.Ю. Витте (выступавшего за ограничение финансовых расходов и соответствующее уменьшение пенсионных окладов, предложенных в законопроекте Военного министерства) и обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева (последний признавал их низкими и высказывался за увеличение).

Своеобразный компромисс был представлен в переработанном законодательном проекте военного министра Ванновского, позицию которого поддержал Госсовет. В конечном счете обе стороны объединила потребность моральной закалки молодых воинов. Эта приоритетная задача побуждала к направлению в армейские и флотские ряды наиболее патриотически настроенных деятелей церкви. По законодательному акту священникам, а также церковнослужителям, имеющим «беспорочную» выслугу в военном ведомстве 20 и более лет полагалась после ухода в отставку треть пенсионного оклада. В свою очередь, прошедшие службу 30 лет имели право на две трети пенсионного оклада. Полный оклад пенсии полагался военному духовенству с выслугой 35 лет и более[15].

В последнее десятилетие XIX в. и в начале следующего столетия по прежнему острой была проблема материальной нужды отставных нижних чинов. Она обсуждалась в различных общественных инстанциях, кругах, освещалась в литературе и публицистике. Принимались определенные меры по улучшению материального состояния семейств бывших нижних

14 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896-1897 гг. – СПб., 1897. С. 360-375.

15 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1900-1901 гг. – СПб., 1902. С. 2-8.

чинов (в их числе – неспособные к трудовой деятельности, увечные, больные и пр.). Новый законодательный акт в 1902 г. позволял назначать вдове погибшего в невоенный период при исполнении служебных обязанностей солдата половину денежного содержания ее мужа. Но такое очень плачевное содержание нижнего чина с окладом всего в 2 рубля 70 копеек в год ни в какой степени не могло обеспечить даже скудного сосуществования человека. Поэтому Государственный совет поддержал предложение двух военных ведомств выдавать вдовам солдат пенсии по 36 рублей в год[16].

Активизации социальной поддержки населения способствовали ход и результаты русско-японской войны 1904-1905 гг., грозные события Первой русской революции 1905-1907 гг. Нужны были меры по дополнительному призрению не только офицерских, но и отставных и запасных нижних чинов, поддержке детей офицерского состава, осиротевших как в ходе войны, так и революционных событий и пр. Требовалось улучшить бытовые условия личного состава воинских частей.

Пенсионные пособия отставных нижних чинов были очень малы. Речь шла о тех, кто получил инвалидность во время несения службы. Само делопроизводство по отпуску данных средств обставлялось большими бюрократическими процедурами, что приводило к тому, что часть отставников не получали и отведенное им по закону.

Новый руководитель Министерства финансов В.Н. Коковцов разработал очередные временные правила, которые определяющим образом меняли сам порядок получения пособий в сторону облегчений для просителей. Если раньше чины в отставке ходатайствовали о пособиях, самом процессе призрения только к военным начальникам, то в новых условиях прошения могли поступать и к земским начальникам, самоуправленческим органам крестьян, в уездную полицию (естественно, к соответствующим должностным лицам). Вышеназванные органы управления обязаны были по закону представлять полученные ходатайства в местные воинские присутствия. Таким образом, вводился более упрощенный порядок, связанный с освидетельствованием в случаях, когда утрачивалась трудоспособность отставными солдатами.

В дальнейшем департаменты Государственного совета на своих соединенных заседаниях продолжали производство выше названного упрощенного порядка для военных, одновременно переводя временные правила в положение постоянных. К тому же, по их предложению так называемое переосвидетельствование нижних чинов стало осуществляться в непосредственных местах их проживания (а не самих центральных городах уездов,

16 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1902-1903 гг. – СПб., 1904. Т. 1. С. 26.

куда отставникам трудно было по состоянию здоровья попасть). А сами министерства и ведомства обязаны были готовить проекты, которые вели к облегчению положения семей служилых людей, которые лишались поддержки их со стороны главы семейства[17].

Продолжавшаяся война потребовала от казны взять на себя социальное обеспечение детей офицеров и нижних чинов в условиях, когда их отцы пожертвовали собой и ушли из жизни в военных действиях. Был создан специальный Главный комитет по императорскому указу в июне 1905 г., получивший наименование «Алексеевский». Особое совещание (во главе с главой департамента государственной экономии и председателем Совещания Д.М. Сольским), образовавшее вышеназванный комитет, представило проект законодательного положения, которое преследовало цель обеспечения детей тех, кто погиб в военных сражениях с Японией. Более того, представителями соединенных департаментов (с участием гражданского департамента, законов, госэкономии) была высказана мысль о необходимости руководителям частного бизнеса, городским и земским структурам самоуправления, монастырским служителям прийти на помощь казначейству в благородном деле социального обеспечения семейств военных.

Расширился список групп лиц, дети которых получали право на социальную выплату благодаря новому законопроекту. В их числе были названы добровольцы, дружинники, которые выполняли по договору (вольному найму) служебные обязанности на военных кораблях. Проект выделял довольно большую денежную сумму в размере почти 1,9 млн. рублей в год на социальную поддержку детей солдатской и матросской массы. Причем, расчет исходил из 18 рублей в год в форме денежного пособия на одного ребенка нижнего чина. Всем было ясно, что последняя сумма явно была недостаточна на необходимые потребности (при внушительной общей сумме размера проекта). Поэтому департаменты Госсовета, соглашаясь с выделяемой суммой, сделали своеобразное примечание, что Главный комитет по своей инициативе может подготовить специальное представление в Госсовет для увеличения размера пособия более 18 рублей.

Вниманием не обошли и сирот нижних чинов. За ними сохранялись наделы земли. К тому же они освобождались от выкупных платежей. Их обязаны были обеспечивать теплой одеждой, учебными средствами, обувью. Назначалась и выдача пособий деньгами на обучение и воспитание детей офицеров, погибших в ходе боевых действий. Сами суммы разнились от возраста: 75 рублей для детей до 6 лет, 125 рублей – до 10 лет, 300 рублей в

17 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1904-1905 гг. – СПб.. 1906. С. 23-31.

год для детей до 18 лет (или до того времени, когда они завершат курс обучения в среднем учебном заведении[18].

Вышеприведенная позиция Госсовета столкнулась с иной установкой Алексеевского комитета, который предложил высшему законосовещательному органу власти собственные соображения о социальном обеспечении детей офицеров, которые не достигли десятилетнего возраста в плане как выдачи денежных пособий, так и самих пенсий. В результате Государственный совет вынужден был довольно тщательно обсуждать льготный порядок социального обеспечения детей до 10 лет, с возможностью его перенесения на детей-сирот старше этого возраста. Дискуссия разделила взгляды сановников. Их треть (25 человек, в их числе: И.Я. Голубев, К.И. Пален, С.В. Рухлов и др.), учитывая финансовый резерв казны, высказалась в сторону расширения льгот по возрасту. Но вдвое большая часть членов Госсовета (50 сановников, в их числе: Н.М. Чихачев, П.П. Семенов, Н.С. Таганцев и др.) выступали за более рачительное выделение денежных средств для тех, кто реально нуждался в помощи государства. Они считали, что именно дети до 6 лет нуждаются в первейшей помощи. В результате, большинство, принимая проектное законоположение Алексеевского комитета, вместе с тем, указывало, что последний в праве подготовить дополнительное представление для новых выплат, в случае необходимости. Позицию основной части Госсовета поддержал император[19].

Таким образом на стыке веков Государственный совет России продолжал выполнять функции, направленные на социальную поддержку военнослужащих. Отсутствие крупных войн и военных конфликтов привело к определенному снижению интереса членов высшего законосовещательного органа власти к социальным аспектам. Но последовавшие боевые действия русско-японской войны побудили сановников Госсовета расширить спектр решаемых социальных вопросов, в числе которых была поддержка как самих отставных военных, так и членов их семей.

Библиографический список:

1. ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 432, л. 2-168.
2. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 41040, л. 18-27;
3. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 1. Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 618-620.
4. Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1883 г. – СПб.: 1894. С. 233-237.
1. Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. С. 266-267.
2. Дегтярев А.П. Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и комплектования армии и флота (1810-1917 гг.): Монография. – М.: Военный университет, 2004. С. 136-150.

18 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1904-1905 гг. – СПб., 1906. С. 32-40.

19 Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905-1906 гг. – СПб., 1906. С. 50-56.

3. Дегтярев А.П. Переход к всесословной воинской повинности и дебаты в Государственном совете России // Военно-исторический журнал. 2005. № 1. С. 59-63.
4. Дневники Д.А. Милютина: В 4 т.: Т. 1. – М.: Госбиблиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей. 1947. С. 155.
5. Тиванов В.В. Финансы русской армии (XVIII век - начало XX вв.). – М.: Государственная финансовая академия, Военный финансово-экономический факультет. 1993. С. 115.
6. Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1884 г. – СПб.: 1886. С. 603-604.
7. Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1887 г. – СПб.: 1888. С. 135-163.
8. Отчет по делопроизводству Государственного совета за 1890 г. – СПб.: 1891. С. 205-217.
9. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1896-1897 гг. – СПб.: 1897. С. 360-375, 508-511.
10. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1897-1898 гг. – СПб.: 1898. С. 511-518.
11. Отчет по Государственному совету за сессию 1899-1900 гг. – СПб.: 1900. Т. 1. С. 572-576.
12. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1900-1901 гг. – СПб.: 1902. С. 2-8.
13. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1902-1903 гг. – СПб.: 1904. Т. 1. С. 26.
14. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1904-1905 гг. С. 23-31.
15. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1904-1905 гг. – СПб.: 1906. С. 32-40.
16. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1905-1906 гг. – СПб.: 1906. С. 50-56.

Reference

1. GARF, f. 722, op. 1, d. 432, l. 2-168.
2. RGVIA, f. 1, op. 1, d. 41040, l. 18-27;
3. Domestic history: encyclopedia: In 5 volumes: v. 1. Editorial board: V.L. Yanin (editor-in-chief) and others. – Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1994. P. 618-620.
4. Report on the office work of the State Council for 1883 – St. Petersburg: 1894. P. 233-237.
1. Witte S. Yu. Selected memoirs of 1849-1911. – M.: Mysl, 1991. P. 266-267.
2. Degtyarev A.P. Activities of the State Council of Russia in the Field of Budget Financing and Manning the Army and Navy (1810-1917): Monograph. – M.: Military University, 2004. P. 136-150.
3. Degtyarev A.P. Transition to All-Estate Military Service and Debates in the State Council of Russia // Military History Journal. 2005. № 1. P. 59-63.
4. Diaries of D.A. Milyutin: In 4 volumes: Vol. 1. – M.: State Library of the USSR named after V.I. Lenin. Manuscript Department. 1947. P. 155.
5. Tivanov V.V. Finances of the Russian army (18th century - early 20th centuries). – Moscow: State Finance Academy, Military Finance and Economics Faculty. 1993. Page 115.
6. Report on the office work of the State Council for 1884 – St. Petersburg: 1886. Pages 603-604.
7. Report on the office work of the State Council for 1887 – St. Petersburg: 1888. Pages 135-163.
8. Report on the office work of the State Council for 1890 – St. Petersburg: 1891. Pages 205-217.
9. Report on the office work of the State Council for the session of 1896-1897 – St. Petersburg: 1897. Pages 360-375, 508-511.
10. Report on the work of the State Council for the session of 1897-1898. – St. Petersburg: 1898. P. 511-518.
11. Report on the work of the State Council for the session of 1899-1900. – St. Petersburg: 1900. Vol. 1. P. 572-576.
12. Report on the work of the State Council for the session of 1900-1901. – St. Petersburg: 1902. P. 2-8.
13. Report on the work of the State Council for the session of 1902-1903. – St. Petersburg: 1904. Vol. 1. P. 26.
14. Report on the work of the State Council for the session of 1904-1905. P. 23-31.
15. Report on the work of the State Council for the session of 1904-1905. – St. Petersburg: 1906. P. 32-40.
16. Report on the work of the State Council for the session of 1905-1906. – St. Petersburg: 1906. P. 50-56.

Демидов А.В.
Кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Истоки смутного времени в Российском государстве в конце XVI - начале XVII веков*

Аннотация. В статье рассматриваются причины, приведшие к возникновению в Россию в конце XVI – начале XVII веков Смутного времени. Рассматривается роль высшего московского боярства в появлении феномена самозванчества и в провоцировании иностранной интервенции. Особое внимание обращается на роль таких видных представителей высших кругов тогдашнего российского общества, как князья Шуйские и бояре Романовы.

Ключевые слова: Смута, Смутное время, царь, Димитрий, Борис Годунов, самозванец, самозванчество, Польша, Литва, Григорий Отрепьев, бояре Романовы, Лжедмитрий, Земский собор, Василий Шуйский, Семибоярщина, королевич Владислав.

Demidov A.V.
PhD in Political Science, Associate Professor. Moscow Humanitarian and Economic University.

The origins of the time of troubles in the Russian State in the late XVI - early XVII centuries

Abstract. The article examines the reasons that led to the emergence of the Time of Troubles in Russia in the late XVI – early XVII centuries. The role of the highest Moscow boyars in the emergence of the phenomenon of imposture and in provoking foreign intervention is considered. Special attention is paid to the role of such prominent representatives of the highest circles of the then Russian society as Princes Shuisky and boyars Romanov.

Key words: Troubles, Time of Troubles, tsar, Dimitri, Boris Godunov, impostor, phenomenon of impostor, Poland, Lithuania, Grigory Otrepyev, Romanov boyars, False Dmitry, Zemsky Sobor, Vasily Shuisky, Semiboyarschina, Prince Vladislav.

* © Демидов А.В., 2025.

В истории нашей страны случалось немало сложных периодов. Были среди них и такие, что на повестку дня выдвигался даже вопрос о выживании Государства Российского.

Одним из таких периодов, в ходе которого Российское государство испытало сильнейшее потрясение, поколебавшее его глубинные основы, без всякого сомнения, был период Смутного времени или Смуты, продолжавшийся целых пятнадцать лет[1] (1598 – 1613 гг.) По свидетельству известного русского историка В.О.Ключевского, это время было «великой разрухой Московского государства» [4, с. 130]. В результате Смуты Российское государство оказалось на грани распада.

Представляется интересным взглянуть на те причины, что привели к возникновению рассматриваемого явления и, особенно, на то, какие силы, какие слои тогдашнего русского общества своими действиями способствовали возникновению всех тогдашних потрясений.

Первые признаки расстройства в государстве проявились еще при жизни последнего царя династии Рюриковичей – Федора Иоанновича. Безвольный царь, оказавшись на московском престоле, попал под влияние умного и сильного человека, который стал настоящим хозяином его воли. И таким человеком был Борис Годунов.

Возвышение этого деятеля неразрывно связано с гибелью в Угличе младшего сына Ивана Грозного – Димитрия. Молва тут же возложила всю вину за эту гибель на Годунова. И, действительно, никто как Годунов не был столь заинтересован в угасании династии Рюриковичей – династии Ивана Грозного. Ведь пресечение этой династии, после смерти ее последнего бездетного царя открывало путь к трону для самого Б.Годунова, приобретшему большую силу при Федоре Иоанновиче.

Но воцарение Б.Годунова, проявившего себя самостоятельным правителем, вызвало неприятие как среди родовитых бояр, считавших, что московский царь должен исполнять их волю, быть «боярским царем», так и среди рядовых жителей России, посчитавших Бориса самодержцем незаконным.

Бориса обвиняли в чрезмерном властолюбии, в склонности полагаться на наушников и преследовать без суда и следствия оболганных людей. И, действительно, доносы, клевета приобрели в Москве огромный размах. Люди всех классов доносили друг на друга люди, даже духовные; члены семей боялись говорить друг с другом, страшно было произнести имя царя – приставы хватали и доставляли на пытки в застенок [5, с. 31].

Утверждению негативного восприятия царя в народе поспособствовали невзгоды, обрушившиеся на страну при Годунове – страшный голод

1 Общепризнанно, что Смутное время длилось с 1598 по 1613 гг. Правда, некоторые историки считают, что концом Смуты надо полагать 1618 г. – *Прим.автора.*

(1601 – 1603 гг.), ставший результатом как сильнейшего налогового гнета властей, так и стихийными бедствиями, упадком российского сельского хозяйства, вызванным дотоле невиданными неблагоприятными изменениями погодных условий (значительное похолодание) [10, с. 143].

И если в период нахождения на троне царя Федора Иоанновича гибель царевича Димитрия не вызывала иных эмоций как скорбь по убиенному отроку, то после восшествия на престол «неправедного» царя Бориса, призрак Димитрия ожил и превратился в «законного» наследника законного царя – Ивана Грозного. Явственно проявился феномен самозванца.

Возникают вопросы, связанные с истоками самозванчества. Принято считать, что самозванца, назвавшегося именем чудесным образом спасшегося царевича Димитрия, выдвинули в Польше с тем чтобы облегчить таким образом завоевание России. Но так ли это на самом деле?

Мы не знаем, кто на самом деле выдавал себя за спасшегося царевича Димитрия. Но московские власти в чисто пропагандистских целях именовали его Григорием Отрепьевым. В своем письмо венскому императору Б. Годунов утверждал: «До своего пострижения Юшка (Григорий Отрепьев – А.Д.) был в холопах у дворянина нашего Михаила Романова [13, с. 20].

Итак, официально заявлялось, что под именем царевича Димитрия скрывается беглый монах Григорий Отрепьев. Но если, как вытекает из послания царя Бориса, Григорий Отрепьев был холопом у бояр Романовых – одних из самых непримиримых противников царя Бориса, то напрашивается вполне логичный вывод, что, кем бы самозванец ни был на самом деле, идея самозванчества выкристаллизовалась в кругу высшего московского боярства, не ладившего с Борисом. Как писал В.Ключевский, самозванец «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве» [4, с. 136].

Не Романовы ли и близкая к ним группировка московских царедворцев выдвинули не только и не столько Отрепьева в самозванцы, сколько были и авторами самой идеи самозванчества? Как иначе объяснить то, что Отрепьев, взятый из монастыря к патриарху в книгописцы, вдруг еще до бегства в Литву с чего-то начал говорить, что он, пожалуй, будет и царем на Москве. Ведь кто угодно за такие слова мог быть подвергнут как минимум заточению в дальнем монастыре. Тем не менее, какие-то сильные люди не допустили его преследования в России и дали бежать в Литву [5, с. 30].

Недаром Годунов, когда узнал о появлении Лжедмитрия, прямо заявил боярам, что это их рук дело, что именно они создали самозванца [4, с. 136].

Тем не менее, после смерти Бориса Годунова в апреле 1605 г. и последующей гибели его сына Федора, 30 июля 1605 г. в Москве на царство был венчан самозванец Лжедмитрий I под именем царя Дмитрия Иоанновича.

Высшее московское боярство, присягнувшее самозванцу, прекрасно понимало, что новый царь не имеет никакого отношения ни к убиенному

царевичу Димитрию, ни к династии Ивана Грозного. Виднейший и знатнейший московский боярин, «коновод боярского заговора» князь Василий Шуйский не скрывал, что он признал Лжедмитрия царем только для того, чтобы избавиться от Б.Годунова [5, с. 32]. Преданнейший слуга Лжедмитрия П.Ф.Басманов тайком признавался иностранцам, что царь – не сын Ивана Грозного, но его признают царем потому, что… лучшего царя теперь и не найти [5, с. 31].

Лжедмитрий усидел на престоле менее года (июль 1605 г. – 17 мая 1606 г.). Он не оправдал боярских ожиданий, не хотел быть орудием в руках бояр, действовал слишком самостоятельно, окружал себя иностранцами, проявлял склонность к католичеству [5, с. 32], и вскоре был убит [4, с. 135].

После царя-самозванца, 19 мая 1606 г. новым царем был «выкликнут», т.е. провозглашен царем без избрания Земским собором, Василий Иванович Шуйский как самый знатнейший среди всех бояр. Уже 1 июня 1606 г. В.Шуйский был венчан на царствие в Успенским соборе Московского Кремля.

В.О. Ключевский характеризует Василия Шуйского следующим образом: «Это был пожилой, 54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изынтриганившийся…» [4, с. 138].

Свержение и смерть самозванца Лжедмитрия I не принесли успокоения стране. Фигура Василия Шуйского на московском троне также вызывала недовольство. Основаниями для недовольства были неправедный путь В.Шуйского к престолу, а также очевидная зависимость этого царя от кружка бояр, его избравших [5, с. 37].

А раз имеется недовольство царем, нужно воспользоваться проверенным методом – выдвинуть нового самозванца. Соответственно, по России были запущены слухи о чудесном спасении теперь уже царя Димитрия Иоанновича [5, с. 37]. В стране начались народные восстания – против царя Василия поднялись Северская земля и города Путивль, Рязань и Тула.

Восстания способствовали усилению фактора иностранной интервенции в период Смуты. После поражения от правительственных войск мятежники, укрывшиеся в Туле, направили послание в Польшу к пану Мнишку, отцу жены Лжедмитрия I, с весьма оригинальной просьбой – прислать им «какого ни на есть человека с именем царевича Димитрия» [5, с. 37].

И новый самозванец достаточно быстро нашелся. В сопровождении польско-литовских войск, взявших после почти двухлетней осады Смоленск, Лжедмитрий II дошел до предместий Москвы и остановился вблизи

русской столицы в селе Тушино[2] [5, с. 38].

Не будучи в состоянии справиться с интервенцией Лжедмитрия II, и учитывая, что второго самозванца, хоть и негласно, но довольно субстантивно поддерживало польское правительство, В.Шуйский не нашел ничего лучшего как обратиться за помощью к шведскому королю. В результате подписанного абсолютно невыгодного для России Выборгского договора [15, с. 337], в страну был направлен шведский отряд, но за это царь Василий, бывший бездетным, обещал шведам предоставить после своей смерти московский трон для одного из шведских принцев [2], а также пошел на другие достаточно тяжелые для страны жертвы, в частности, отдал шведскому королю Великий Новгород [5, с. 38].

Более того, возревновав к популярности своего успешного в военном отношении племянника Михаила Скопина-Шуйского, царь воспользовался древнейшим способом устранения своих подозрений – он приказал отравить талантливого полководца, пользовавшегося на Москве уважением за ум и честность, желавшего и обладавшего способностями отразить польско-литовскую интервенцию, с которой сам царь Василий не мог совладать [6, 123].

На фоне происходивших весьма неблагоприятных событий Боярская дума и возглавившие ее семь виднейших бояр, сформировавших т.н. Семибоярщину[3], устроили в Москве переворот, сместили Василия Шуйского с престола и насильно постригли его в монахи. Два года Семибоярщина правила Россией без царя. Но в 1610 г. в Польшу этими правителями было направлено приглашение сыну польского короля Сигизмунда королевичу Владиславу занять русский трон.

Посол Безобразов, прибывший в Краков, сообщил там данное ему боярами поручение – попенять королю за то, что он дал им в цари человека низкого и легкомысленного (Лжедмитрия II – А.Д.), жестокого, распутного мота, недостойного занимать московский престол и не умеющего прилично обращаться с боярами. Они-де не знают, как от него отделаться, и уж лучше готовы признать своим царем королевича Владислава [5, с. 32].

В Кракове не замедлили воспользоваться столь щедрым предложением. Подошедшим к Москве польским войскам по приказу Семибоярщины были без помехи открыты ворота. После этого возглавлявшим польско-литовские войска гетманом Станиславом Жолкевским в русской столице был

2 По названию этого села самозванец получил в народе прозвище «Тушинский вор». – *Прим.автора.*

3 Семибоярщина – принятое название фактического правительства Русского царства, существовавшего в 1610 – 1612 гг. Состояла из семи бояр (князь Федор Мстиславский, князь Иван Воротынский, князь Андрей Трубецкой, князь Андрей Голицын, князь Борис Лыков-Оболенский, боярин Иван Романов, боярин Федор Шереметев). – *Прим.автора.*

установлен жесткий оккупационный режим. А Семибоярщина, присягнув Владиславу, разослала по России указания сдаваться полякам без боя.

Подобный разворот событий неоднократно вызывал народные волнения в самой столице и, в конечном итоге, к формированию в Нижнем Новгороде ополчения, изгнавшего в 1613 г. интервентов из Москвы.

* * *

В первой половине XVII века на Россию обрушилось неслыханное дотоле бедствие – Смутное время – вылившееся без преувеличения в гражданскую войну. И этим бедствием, ослабившим страну, поспешили воспользоваться ее внешние враги, дотоле терпевшие от России поражения.

Смутное время привело к тому, что Российскому государству пришлось повторно, как и во времена Ивана III приступать к собиранию русских земель [3, 2]. В результате Смуты было подорвано финансово-экономическое положение страны.

Столкновение интересов отдельных слоев населения по целому ряду направлений: - старомосковского служилого дворянства против титулованного княжеского боярства; - феодалов и дворян против закрепощенных крестьян, посадских людей, холопов и др., явились источником социального кризиса, породившего Смуту. Разорванное смутой российское общество стояло в одном шаге от национальной катастрофы.

Но главной причиной возникновения Смутного времени в России явилась продиктованная соображениями личной выгоды откровенно предательская линия верхушки российского общества – боярства. Именно бояре довели до того, что даже царский трон превратился в предмет торга.

Можно только согласиться с выдающимися русскими историками В.О.Ключевским и С.Ф.Платоновым в их мнении, что Смуту в России начали и всячески подпитывали в своих корыстных интересах именно русские бояре [8, с. 475-476].

Смутное время явственно доказало губительность социального эгоизма и пренебрежения элиты интересами основной массы народа нашей страны.

К сожалению, при более широком рассмотрении истории России мы вынуждены признавать, что действия высших правящих верхов не раз после 1613 г. приводили к повторению ситуаций, сходных со Смутой, ситуаций, сотрясавших российское государство до основания. Достаточно вспомнить, что уже в наше время страна, вследствие измены элиты, оказывалась на грани распада. Мы пережили губительные события, вызванные такими действиями правящих верхов как разрушение СССР, чеченские войны и… этот перечень можно было бы продолжить.

События, сопровождавшие Смутное время явственно высветили силу «земли», т.е. народа, способного и готового поддержать страну в бедствии

и победить ее врагов.

Очевидно, что именно в силе народа, в его единстве залог будущих побед Государства Российского.

© Демидов А.В.

Библиографический список:

1. Андреев И. Уроки Смутного времени. // Историк. № 11 (119). Ноябрь 2024.
2. Демидов А.В. Некоторые аспекты внешней политики России в период царствований первых русских царей династии Романовых. //Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 8 (113).
3. Демидов А.В. Европейский вектор внешней политики России в период правления Ивана III Васильевича. // Universum: Общественные науки. Февраль 2025.
4. Ключевский В.О. Русская история. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2013.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. Т. III. Лекция XLII. – М.: ОЛМА Медиа Групп. 2012.
6. Петрова Н. Г. Скопин-Шуйский. Из серии Жизнь замечательных людей. – М.: Молодая Гвардия, 2010.
7. Платонов С.Ф. Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия. // Статьи по русской истории. – СПб.: 1912.
8. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII веков. – М.: 1937.
9. Россия начала XVII века. Записки капитана Маржорета. – М. 1982.
10. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. – М.: «Наука». 1976.
11. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. «Смута». – М.: Мысль». 1988.
12. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – М.: «Мысль». 1980.
13. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. – Новосибирск. «Наука». 1987.
14. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Ленинград. Издательство Ленинградского университета. 1985.
15. Спицын Е.Ю. Полный курс истории России. Книга I. Древняя и Средневековая Русь. – М.: Концептуал. 2024.

Reference

1. Andreev I. Lessons of the Time of Troubles. // Historian. № 11 (119). November 2024.
2. Demidov AV Some aspects of Russia's foreign policy during the reign of the first Russian tsars of the Romanov dynasty. // Issues of national and federal relations. 2024. Vol. 14. № 8 (113).
3. Demidov AV The European vector of Russia's foreign policy during the reign of Ivan III Vasilyevich. // Universum: Social Sciences. February 2025.
4. Klyuchevsky VO Russian history. – M.: OLMA Media Group. 2013.
5. Klyuchevsky VO Course in Russian history. Works in nine volumes. Vol. III. Lecture XLII. – M.: OLMA Media Group. 2012.
6. Petrova N. G. Skopin-Shuisky. From the series Life of Remarkable People. – M.: Molodaya Gvardiya, 2010.
7. Platonov S.F. The Question of the Origin of the First False Dmitry. // Articles on Russian History. - St. Petersburg: 1912.
8. Platonov S.F. Essays on the History of the Time of Troubles in the Muscovite State of the 16th - 17th Centuries. – M.: 1937.
9. Russia at the Beginning of the 17th Century. Notes of Captain Marjoret. - M. 1982.
10. Skrynnikov R.G. Boris Godunov. – M.: "Nauka". 1976.
11. Skrynnikov R.G. Russia at the Beginning of the 17th Century. "Troubles". – M.: Mysl'. 1988.
12. Skrynnikov R.G. Russia on the Eve of the Time of Troubles. – M.: "Mysl". 1980.
13. Skrynnikov R.G. Impostors in Russia at the Beginning of the 17th Century. Grigory Otrepyev. – Novosibirsk. "Science". 1987.
14. Skrynnikov R.G. Social and Political Struggle in the Russian State at the Beginning of the 17th Century. – Leningrad. Leningrad University Publishing House. 1985.
15. Spitsyn E.Yu. Complete Course in the History of Russia. Book I. Ancient and Medieval Rus'. – M.: Conceptual. 2024.

Евдокимов И.Д.
Магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет.

«Пятилетка пышных похорон»: эпоха политических интриг*

Аннотация. В статье рассматривается политический контекст периода в истории СССР, известного как «пятилетка пышных похорон». Исследуется расстановка сил в высшем руководстве КПСС в последние месяцы жизни Л.И. Брежнева, а также в период пребывания у власти Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. Автор анализирует стратегию действий политических «кланов» и конкретных деятелей в Политбюро ЦК КПСС. Особое внимание автор уделяет такому феномену, как политическая интрига, проявление которого в различных формах неразрывно сопровождало внутрипартийную борьбу за власть, обусловленную постоянной сменой Генеральных секретарей ЦК КПСС. С опорой на историческую и мемуарную литературу описываются основные эпизоды этой борьбы и приводятся выводы, отражающие результаты попыток воплощения в жизнь политических интриг.

Ключевые слова: политическая интрига, политическая борьба, пятилетка пышных похорон, Генеральный секретарь, Политбюро, Пленум, Брежнев Л.И., Андропов Ю.В., Черненко К.У., Горбачев М.С., ЦК КПСС.

Evdokimov I.D.
Master's Degree Stundent. Saint Petersburg State University.

«The age of magnificent funerals»: the era of political intrigue

Abstract. The article examines the political context of the period in history of the USSR known as «The Age of Magnificent Funerals». The article describes the balance of power in the top leadership of the CPSU in the last months of Leonid Brezhnev's rule, as well as during the leadership of Yuri Andropov and Konstantin Chernenko. The author analyzes the strategy of actions of political «clans» and figures in the Politburo of the Central Committee of the CPSU. The author pays special attention to such a phenomenon as political intrigue, the manifestation of which in various forms inextricably accompanied the internal party struggle for power caused by the constant change of General Secretaries of the Central Committee of the CPSU. Based on historical and memoir literature, the main episodes of this struggle are described and conclusions are drawn reflecting the results of attempts to implement political intrigues.

* © Евдокимов И.Д., 2025.

Key words: political intrigue, political struggle, five-year plan of lavish funerals, General Secretary, Politburo, Plenum, Brezhnev L.I., Andropov Yu.V., Chernenko K.U., Gorbachev M.S., Central Committee of the CPSU.

Введение

Период советской истории, примерно совпадающий со сроками проведения одиннадцатого пятилетнего плана (1981 – 1985), известен в исторической литературе как «пятилетка пышных похорон». Появление такого клише связано с уходом из жизни ряда высокопоставленных советских руководителей в течение относительно небольшого промежутка времени. Начало «пятилетки», как правило, связывается с кончиной в декабре 1980 г. Председателя Совета министров СССР (1964 – 1980) А.Н. Косыгина, а ее окончание сопоставляется со смертью в марте 1985 г. Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР (1984 – 1985) К.У. Черненко.

Можно согласиться с петербургским профессором М.Ф. Полыновым, утверждающим, что «в историографии недостаточное внимание уделяется изучению периода 1982 – 1985 гг.» [10, с. 3], т.е. времени пребывания у власти Ю.В. Андропова и К.У. Черненко – деятелей, с именами которых «эпоха пышных похорон» ассоциируется наиболее прочно. Особенно справедливо данное суждение в отношении последнего из упомянутых руководителей. М.Ф. Полынов отмечает, что «специальных монографических исследований, посвященных его [Черненко] жизни и деятельности, в том числе и на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, до сих пор не существует» [9, с. 450].

Большинство исследований периода 1982 – 1985 гг. рассматривают преобразования Андропова и Черненко без изучения расстановки политических сил в руководстве страны. Более того, в научной литературе эти преобразования рассматриваются в контексте предпосылок «перестройки» 1985 – 1991 гг., что позиционирует период 1982 – 1985 гг. как «транзитный» между эпохами Л.И. Брежнева и М.С. Горбачева и в значительной степени лишает его исторической самодостаточности. Грядущее 40-летие завершения «эпохи пышных похорон» служит поводом для более детального изучения ее политического контекста, формирование которого во многом определялось воплощением в жизнь разного рода политических интриг.

Расстановка сил и политические интриги в последние месяцы жизни Л.И. Брежнева

Политическая интрига представляет собой итог «целенаправленных

усилий <…> политических сил и/или отдельных политических деятелей, ведущих течение событий к необходимым им результатам в условиях создания видимости вроде бы спонтанного <…> развития этих событий» [5, с. 450]. В контексте рассматриваемой нами исторической эпохи очень важно подчеркнуть, что интрига может быть направлена как против конкретного политического деятеля, так и против группы политических единомышленников. Исследователь Б. Хазан отмечает, что решения об избрании нового Генерального секретаря в 1982 – 1985 гг. во всех трех случаях «представляли собой результат политического маневрирования двух противостоящих фракций в Политбюро» [18, с. 8].

На рубеже 1970-1980-х гг. сформировалось два центра силы в высшем политическом руководстве СССР. Первый – так называемый «днепропетровско-молдавский клан», главная политическая опора Л.И. Брежнева, представленная его выдвиженцами со времен работы в Днепропетровском обкоме и Молдавской ССР [17, с. 173]. Перечислим наиболее влиятельных представителей этой фракции и укажем посты, которые они занимали к началу 1982 г.: Н.А. Тихонов (Председатель Совета министров), Н.А. Щелоков (министр внутренних дел), В.В. Щербицкий (первый секретарь ЦК КП Украины), К.У. Черненко (заведующий Общим отделом ЦК КПСС).

Второй центр силы – «триумвират» Ю.В. Андропова (председателя КГБ), Д.Ф. Устинова (министра обороны) и А.А. Громыко (министра иностранных дел). Будучи лояльными самому Л.И. Брежневу, они вступят в политическую борьбу с выдвиженцами генсека из первого «клана».

Событием, ставшим катализатором внутрипартийных интриг, стала неожиданная для многих смерть М.А. Суслова в январе 1982 г. Как отмечают Р.А. Медведев и Д.А. Ермаков, «в последние 17 лет своей жизни Суслов считался главным идеологом партии». Подчеркивается, что Михаил Андреевич ушел из жизни «облеченным огромной властью, занимающим, по существу, второе место в партийной иерархии. Поэтому смерть его вызвала многочисленные толкования и прогнозы» [4, с. 4]. Ключевое содержание таких прогнозов довольно точно сформулировал многолетний сотрудник ЦК КПСС А.С. Черняев: «все сейчас задаются вопросом – кто вместо?!» [16, с. 9 – 1982 год]. Сам Черняев называл очевидной кандидатуру К.У. Черненко, однако история распорядилась иначе.

В мае 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС новым секретарем ЦК был избран Ю.В. Андропов, занявший, таким образом, место покойного М.А. Суслова. Член ЦК КПСС, лечащий врач всех советских руководителей «эпохи пышных похорон» Е.И. Чазов писал, что «смерть Суслова впервые обозначила противостояние групп Андропова и Черненко», что стало началом не заметного для большинства раунда политической борьбы, причем Андропов «готовился заранее к такой борьбе» [15, с. 96]. Свою роль в

обострении этой борьбы сыграл и Л. И. Брежнев. По словам помощника Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александрова-Агентова, рассуждая о том, кто заменит М.А. Суслова, Брежнев в личной беседе произнес следующее: «Ведь, правда же, Юрка сильнее Черненко – эрудированный, творчески мыслящий человек?» [1, с. 267] Так, Ю.В. Андропов мог рассчитывать на поддержку самого Леонида Ильича, что сыграло роль в укреплении позиций новоизбранного секретаря ЦК КПСС.

Однако это укрепление усугублялось наличием недоброжелателей Юрия Владимировича в «силовом блоке». Во-первых, у Андропова были крайне враждебные взаимоотношения с главой МВД Н. А. Щелоковым. Во-вторых, на смену Андропову в КГБ пришел В.В. Федорчук, ранее возглавлявший украинскую госбезопасность. Историк А.В. Островский, ссылаясь на слова самого Федорчука, пишет, что новый и бывший председатели КГБ откровенно друг друга ненавидели [6, с. 86].

В описанных обстоятельствах Ю.В. Андропову требовалось искать союзников. По замечанию М.С. Горбачева, Андропов получил поддержку от соратника по «триумвирату» Д.Ф. Устинова. Дело в том, что в отсутствие Л.И. Брежнева заседания Секретариата и Политбюро ЦК КПСС продолжал вести К.У. Черненко, хотя по статусу эти полномочия, ранее возлагавшиеся на М.А. Суслова, должны были быть вверены Ю.В. Андропову. Отмечается, что только обладавший авторитетом в глазах генсека Д.Ф. Устинов мог убедить Л.И. Брежнева передать обязанности по ведению Секретариата и Политбюро ЦК Юрию Владимировичу [3, с. 213-214].

Одной из наиболее известных политических интриг эпохи, слухи о которой в моменте серьезно угрожали политической карьере Ю.В. Андропова, но которой так и не суждено было сбыться, является «план Брежнева – Щербицкого». Предполагалось, что Первый секретарь ЦК КП Украины на Ноябрьском Пленуме ЦК КПСС 1982 г. займет пост Генерального секретаря ЦК КПСС, а Л.И. Брежнев перейдет на церемониальную должность «председателя». Историк С.Н. Семанов, ссылаясь на воспоминания секретаря ЦК КПСС И.В. Капитонова, ответственного за кадровую политику, отмечает интересный факт. Брежнев в присутствии Капитонова, указывая на свое рабочее место, произнес: «Через месяц в нем будет сидеть Щербицкий. Все кадровые вопросы решай с учетом этого» [13, с. 257].

Ноябрьский Пленум ЦК действительно состоится, но на нем будут принимать решения уже совершенно другого характера и уже в отсутствие Леонида Ильича.

Изменение расстановки сил и политические интриги в период руководства страной Ю.В. Андропова

10 ноября 1982 года на своей даче в Заречье Л.И. Брежнев ушел из жиз-

ни. Контроль над ситуацией в первые часы после кончины генсека смог установить «триумвират» Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и А.А. Громыко. Как отмечает А.В. Островский, именно они стали первыми руководителями партии и государства, которые прибыли на дачу в Заречье и там же пришли к договоренности о том, что преемником Л.И. Брежнева станет Ю.В. Андропов [6, с. 113].

12 ноября состоялся внеочередной Пленум ЦК, на котором К.У. Черненко внес предложение об избрании Ю. В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС. Данное предложение Пленум одобрил единогласно. Важно подчеркнуть, что Андропов в долгу не остался и вскоре инициировал расширение полномочий Черненко на уровне курирования Секретариата и ряда Отделов ЦК. Как сообщает помощник Константина Устиновича В.В. Прибытков, «Андропову на первое время был нужен человек, который знал аппарат, который умел работать и смог бы управлять деятельностью ЦК. Хотя <…> Черненко не стал первым человеком в партии, но лишать его сразу же положения второго лица в Политбюро не имело смысла» [12, с. 118]. Вышло так, что Андропов, напротив, укрепил позиции Черненко как «второго секретаря ЦК», но при этом начал готовить почву для прихода во власть собственных выдвиженцев.

Некоторые исследователи считают, что к концу пребывания у власти Юрия Владимировича К.У. Черненко потерял статус «второго политика страны». Одним из главных итогов руководства страной Ю.В. Андропова, как подчеркивает И.Я. Фроянов, было то, что «Андропов усилил Горбачева, сделав его фактически вторым человеком в партийном руководстве» [14, с. 93]. Выдвижение на первые позиции М.С. Горбачева, как подчеркивает М.Ф. Полынов, проистекала из установки Андропова всерьез заняться вопросами экономики. При нем в декабре 1982 г. был создан Экономический отдел ЦК КПСС и появилась должность Секретаря ЦК КПСС по экономике, которую занял Н.И. Рыжков – будущий глава советского правительства. Он же возглавил упомянутый отдел. М.С. Горбачев, стремясь сформировать в Москве группу политических единомышленников, убедил Ю.В. Андропова назначить директором ИМЭМО РАН посла СССР в Канаде А.Н. Яковлева, которого нередко называют «архитектором “перестройки”». Также «по рекомендации Горбачева один из самых важных в ЦК отделов – организационно-партийной работы, являющийся фактически отделом кадров ЦК, в феврале 1983 г. возглавил Е.К. Лигачев» [11, с. 66]. Таким образом, де-факто с согласия Ю.В. Андропова, начинает формироваться политическое крыло в высшем руководстве страны, представители которого окажутся у власти в марте 1985 г.

Ситуация, при которой интенсивность противостояния между Ю.В. Ан-

дроповым и К.У. Черненко несколько снизилась после достижения своеобразного консенсуса, позволила Андропову разобраться с другим политическим оппонентом. В декабре 1982 г. с поста министра внутренних дел был снят Н.А. Щелоков, на эту должность перевели председателя КГБ В.В. Федорчука. Так, по мнению А.В. Островского, Андропов, во-первых, «начинал чистку одного из важнейших министерств» и, во-вторых, «освобождал место для назначения на пост председателя КГБ своего бывшего заместителя В.М. Чебрикова» [6, с. 159]. Вскоре против Н.А. Щелокова и его окружения будет развернуто одно из крупнейших антикоррупционных дел андроповской эпохи.

Уже в июне 1983 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС обозначился новый виток соперничества Андропова и Черненко. Интересны наблюдения М.С. Горбачева, которые приводит в своей работе Р.Г. Пихоя: на Пленуме К.У. Черненко выступил с докладом «Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии», который «был последовательно выдержан в брежневском духе» [7, с. 386-387]. Содержание доклада Ю.В. Андропову откровенно не понравилось, и вторую часть заседания Пленума вел уже М.С. Горбачев. Подобный жест свидетельствовал о том, что, пусть К.У. Черненко и обладал превосходящим «аппаратным весом», М.С. Горбачеву генсек доверял больше. Упомянем, что на этом же Пленуме в состав Политбюро ЦК КПСС был введен Г.В. Романов.

Со временем у Ю. В. Андропова становилось все меньше возможностей для участия в политической борьбе в связи с состоянием здоровья. Продвигая к власти М.С. Горбачева и других «молодых политиков», Андропов никак не мог обеспечить гарантии их победы во внутрипартийной борьбе в такое короткое время. Тем более, «старая гвардия» так просто отдавать власть не собиралась.

Последний раунд борьбы: политические интриги в период руководства страной К.У. Черненко

Как свидетельствует Е.И. Чазов, в первые дни после кончины Ю.В. Андропова в феврале 1984 г. он встретился с Д.Ф. Устиновым. Сам Дмитрий Федорович поведал Чазову о том, что переговорил с Н.А. Тихоновым, А.А. Громыко и К.У. Черненко: «я почувствовал, что на это место [Генерального секретаря] претендует Громыко, которого мог поддержать Тихонов. Ты сам понимаешь, что ставить его на это место нельзя. Знаешь его характер. Видя такую ситуацию, я предложил кандидатуру Черненко, и все со мной согласились. Выхода не было» [15, с. 113]. Эти слова подтверждают устоявшуюся в мемуарной и исторической литературе точку зрения, согласно которой избрание К.У. Черненко Генеральным секретарем ЦК

КПСС было компромиссным решением в условиях борьбы за власть различных политических группировок.

13 февраля 1984 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Н.А. Тихонов внес предложение об избрании К. У. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС, единогласно поддержанное руководителями партии и государства. Наличие компромиссной, но, очевидно, временной фигуры Черненко в качестве первого лица предрасполагало к новому витку противостояния в высших эшелонах власти. Отметим, что пространство политических интриг выстраивалось вокруг соперничества двух фракций. В первую входили старейшие члены высшего политического руководства СССР – собственно К.У. Черненко, Д.Ф. Устинов, А.А. Громыко, Н.А. Тихонов, В.В. Щербицкий и Д.А. Кунаев (Первый секретарь ЦК КП Казахстана). Второй «клан» состоял из выдвиженцев Ю.В. Андропова – М.С. Горбачева, Н.И. Рыжкова, Е.К. Лигачева, В.М. Чебрикова. Политическими амбициями обладали и некоторые другие представители советской элиты, не принадлежавшие к выше обозначенным фракциям. Таковыми представителями были Г.В. Романов и В.В. Гришин.

Последние два упомянутых деятеля не могли соперничать в политическом весе с «мастодонтами» из первой фракции, однако регулярно выступали на их стороне, стремясь подорвать позиции М.С. Горбачева и его команды. В частности, характерен эпизод с дискуссией на заседании Политбюро 23 февраля 1984 г. Рассматривался вопрос о том, кто будет вести заседания Секретариата ЦК КПСС, а в отсутствие К.У. Черненко – и Политбюро ЦК. Сам Черненко выдвинул кандидатуру М.С. Горбачева, однако ему возразил Н.А. Тихонов, аргументировав это якобы стремлением Горбачева продвигать на заседаниях первостепенное рассмотрение аграрных вопросов. Д.Ф. Устинов справедливо заметил, что подобных «перекосов» не было замечено в течение накопленного Горбачевым опыта ведения Секретариата ЦК. Однако позицию Председателя Совета министров фактически поддержали Г.В. Романов и В.В. Гришин. Однозначную поддержку Горбачева в данном вопросе не выразил и А.А. Громыко, дипломатично предложивший компромиссную стратегию: «С одной стороны, правы Тихонов и Романов. Можно, конечно, вести заседания по очереди. С другой – прав Константин Устинович, когда говорит, что у Горбачева был успешный опыт ведения секретариатов. Давайте поручим ему вести секретариаты временно. А там посмотрим» [8, с. 44]. Обстоятельства сложились в пользу Горбачева и вопрос «временного» ведения им партийных заседаний более не поднимался.

М.Ф. Полынов подчеркивает, что при всех амбициях Г.В. Романов имел куда меньше шансов на политический успех, чем М.С. Горбачев. Во-первых,

будучи выходцем из ленинградской партийной организации, он абсолютно не имел политической опоры в Москве. Во-вторых, авторитет Романова подрывали слухи о его разгульной деятельности в 1970-е гг., что якобы на свадьбе его дочери были побиты царские сервизы из хранилища Эрмитажа. В-третьих, успешно конструировался и продвигался образ Романова как антипода Горбачева: «Его воспринимали как очень жесткого, требовательного, бескомпромиссного и недемократичного человека. Его противники в формировании такого образа немало преуспели» [8, с. 45].

Тем не менее, были и другие попытки стратегически проработать вопрос отстранения «андроповских» выдвиженцев от власти. Интересные наблюдения на этот счет приводит член ЦК КПСС Г.А. Арбатов. Отмечается, что особо доверительные отношения К.У. Черненко выстраивал с главным редактором журнала «Коммунист» Р.И. Косолаповым, который фактически стал ключевым идеологом партии при Черненко. По инициативе Косолапова и ряда других представителей «ортодоксального» идеологического крыла была начата работа по организации XXVII съезда КПСС в более ранние сроки – не в феврале-марте 1986 г., а в октябре-ноябре 1985 г. Главной целью подобной инициативы было успеть при жизни К.У. Черненко изменить расстановку сил в высшем руководстве страны в пользу «консерваторов» путем принятия необходимых кадровых решений на уровне Секретариата и Политбюро в ходе партийного съезда [2, с. 413-414].

Попытки соперников Горбачева подорвать его политический авторитет успехом не увенчались. Напротив, Михаил Сергеевич становился все более очевидной сменой К.У. Черненко на высшем руководящем посту. Свою роль сыграла в этом поездка М.С. Горбачева в Великобританию в декабре 1984 г. Советолог Р. Митчелл описывает ее итоги так: «Визит Горбачева в Великобританию увенчался поразительным успехом, ознаменовавшись восторженными словами одобрения со стороны премьер-министра Маргарет Тэтчер» [19, с. 131]. Британский визит Горбачева в исторической литературе нередко характеризуется как «смотрины» будущего генсека.

Английский визит Горбачеву пришлось прервать на фоне известий о внезапной кончине Д.Ф. Устинова. Как уже подчеркивалось, Устинов поддерживал Горбачева в аппаратной борьбе, но сам активного участия в ней не принимал. Смерть Дмитрия Федоровича стала серьезным событием, способным поменять расстановку сил в Политбюро не в пользу Горбачева и вынудившим последнего искать иных союзников в среде «старой гвардии». Сделать это Горбачеву удалось – было заключено политическое соглашение с А.А. Громыко, которому был обещан пост юридического гла-

вы государства – Председателя Президиума Верховного Совета СССР [6, с. 311], который тот будет занимать в 1985 – 1988 гг. Свою часть сделки выполнил и А.А. Громыко – именно глава МИДа вынесет на рассмотрение кандидатуру М.С. Горбачева в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС на внеочередном Пленуме ЦК 11 марта 1985 г., которую поддержат «единодушно».

10 марта 1985 г. К.У. Черненко ушел из жизни. Поздним вечером того же дня состоялось заседание Политбюро ЦК, назначенное Горбачевым. Подобная спешка имела вполне понятное объяснение: «трех членов Политбюро, не лояльных ему [Горбачеву] – Кунаева, Романова, Щербицкого в Москве не было <…>. Поэтому противники Горбачева не имели возможности обменяться мнениями и тем самым вмешаться в ход событий» [8, с. 46]. Интересно, что от борьбы за пост генсека фактически отказался и В.В. Гришин. На вечернем заседании Политбюро именно он предложил назначить Горбачева председателем комиссии по организации похорон Черненко. По сложившейся политической традиции «этот шаг Гришина навстречу Горбачеву означал, что борьбы вокруг выборов Генерального секретаря не будет» [7, с. 403]. Более того, договоренности с А.А. Громыко минимизировали вероятность подобной борьбы.

Заключение

В условиях постоянной смены Генеральных секретарей «эпоха пышных похорон» не могла обойтись без многоэтапной политической борьбы, реализации политических интриг представителями соперничающих фракций. Резюмируя наблюдения о политической обстановке на «брежневском», «андроповском» и «черненковском» этапах внутрипартийной борьбы, отметим следующее:

1) Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропов в последние месяцы жизни постарались подготовить почву для прихода к власти собственных политических выдвиженцев, которым они доверяли. Итоги этих стремлений были разные: «плану Брежнева – Щербицкого» не суждено было воплотиться в жизнь, однако воля Андропова, пусть и с опозданием, была исполнена – в марте 1985 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев.

2) Наиболее активным участником политических интриг можно назвать Д.Ф. Устинова. В 1982 г. он сыграл решающую роль в принятии решения о назначении Ю. В. Андропова секретарем ЦК КПСС, а затем и поддержал его кандидатуру в качестве генсека. Именно Устинов активно посодействовал избранию Генеральным секретарем К. У. Черненко в качестве компромиссной фигуры. Симпатизируя Горбачеву, Устинов де-факто выиграл

для него время, в которое тот смог укрепить политические позиции. Сам министр обороны непосредственно содействовал в этом укреплении, например, поддержав инициативу К.У. Черненко поручить М.С. Горбачеву ведение Секретариата и Политбюро ЦК.

3) Основная составляющая политических интриг в 1982 – 1985 гг. – это принятие конкретных кадровых решений. Возвышению Андропова поспособствовал его перевод в Секретариат ЦК. «Андроповский клан» укрепился и расширил возможности для политической борьбы только после соответствующих назначений – к примеру, после избрания В.М. Чебрикова председателем КГБ. Фактическое руководство Горбачева работой Секретариата и Политбюро в правление Черненко делало его «вторым человеком» в стране и открывало дорогу на пост генсека. Не последнюю роль в интригах играли и личные договоренности, как в случае с Горбачевым и Громыко в марте 1985 г.

4) Такие участники внутрипартийной борьбы, как Н.А. Тихонов, Г.В. Романов и В. В. Гришин, не смогли продумать четкую стратегию действий для достижения власти и были заняты не столько воплощением в жизнь собственных интриг, сколько попытками нивелировать эффект от успешных политических шагов М.С. Горбачева.

Библиографический список:

1. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. – М.: Международные отношения, 1994. 299 с.
2. Арбатов Г.А. Человек системы. – М.: Издательство «ВАГРИУС», 2002. 416 с.
3. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. – М.: Издательство «Новости», 1995. 600 с.
4. Ермаков Д.А., Медведев Р.А. «Серый кардинал»: М.А. Суслов: политический портрет. – М.: Республика, 1992. 237 с.
5. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – М.: Академический проект, 2020. 576 с.
6. Островский А.В. Кто поставил Горбачева? – М.: Алисторус, 2010. 362 с.
7. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.
8. Полынов М.Ф. «Могли быть абсолютно другие решения…». Обстоятельства прихода к власти М.С. Горбачева // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 3 (32). С. 43-47.
9. Полынов М.Ф. Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и советского государства (1984-1985 годы) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 448-465.
10. Полынов М.Ф. Накануне Перестройки: СССР при Ю. В. Андропове и К. У. Черненко. 1982-1985 гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2022. № 2 (63). С. 3-15.
11. Полынов М.Ф. Юрий Владимирович Андропов на посту Генерального секретаря ЦК КПСС: основные направления преобразований // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. №2. С. 58-71.
12. Прибытков В.В. Черненко. – М.: Молодая гвардия, 2009. 218 с.
13. Семанов С.Н. Брежнев – правитель Золотого века. – М.: Вече, 2002. 397 с.
14. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 794 с.
15. Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. – М.: Центрполиграф, 2016. 244 с.
16. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. – М.: РОССПЭН, 2010. 1047 с.
17. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя СССР в 1975-1985 гг. – М.: Вече, 2007. 347 с.
18. Hazan B.A. From Brezhnev to Gorbachev: Infighting in the Kremlin. N.Y.: Routledge, 2018. 272 p.
19. Mitchell R.J. Getting to the Top in the USSR: Cyclical Patterns in the Leadership Succession Process. Stanford: Hoover Press, 1990. 237 p.

Reference

1. Aleksandrov-Agentov A.M. From Kollontai to Gorbachev. – M.: International Relations, 1994. 299 p.
2. Arbatov G.A. Man of the System. – M.: VAGRIUS Publishing House, 2002. 416 p.
3. Gorbachev M.S. Life and Reforms. Book 1. – M.: Novosti Publishing House, 1995. 600 p.
4. Ermakov D.A., Medvedev R.A. "The Gray Cardinal": M.A. Suslov: Political Portrait. – M.: Respublika, 1992. 237 p.
5. Olshansky D.V. Fundamentals of Political Psychology. – M.: Academic Project, 2020. 576 p.
6. Ostrovsky A.V. Who Put Gorbachev in Power? – Moscow: Alistorus, 2010. 362 p.
7. Pikhoya R.G. Soviet Union: History of Power. 1945-1991. – Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2000. 684 p.
8. Polynov M.F. "There Could Have Been Completely Different Decisions..." The Circumstances of M.S. Gorbachev's Coming to Power // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2014. № 3 (32). P. 43-47.
9. Polynov M.F. Konstantin Ustinovich Chernenko as the Leader of the CPSU and the Soviet State (1984-1985) // Scientific Dialogue. 2020. № 11. P. 448-465.
10. Polynov M.F. On the Eve of Perestroika: The USSR under Yu. V. Andropov and K.U. Chernenko. 1982-1985 // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2022. № 2 (63). P. 3-15.
11. Polynov M.F. Yuri Vladimirovich Andropov as General Secretary of the CPSU Central Committee: the Main Directions of Reforms // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2009. № 2. P. 58-71.
12. Pribytkov V.V. Chernenko. – M.: Molodaya Gvardiya, 2009. 218 p.
13. Semanov S.N. Brezhnev – the ruler of the Golden Age. – M.: Veche, 2002. 397 p.
14. Froyanov I. Ya. Plunging into the Abyss. Russia at the End of the Twentieth Century. – SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. 794 p.
15. Chazov E.I. Health and Power. Memories of a Kremlin Doctor. – M.: Centerpoligraf, 2016. 244 p.
16. Chernyaev A.S. Joint Exodus. Diary of Two Eras. 1972-1991. – M.: ROSSPEN, 2010. 1047 p.
17. Shubin A.V. Golden Autumn, or the Period of Stagnation of the USSR in 1975-1985. – M.: Veche, 2007. 347 p.
18. Hazan B.A. From Brezhnev to Gorbachev: Infighting in the Kremlin. N.Y.: Routledge, 2018. 272 p.
19. Mitchell R.J. Getting to the Top in the USSR: Cyclical Patterns in the Leadership Succession Process. Stanford: Hoover Press, 1990. 237 p.

Кураев А.М.
Кандидат исторических наук, доцент подполковник. Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск.

Самарец А.В.
Кандидат педагогических наук, доцент полковник. Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск.

Клепиковский А.А.
Преподаватель. Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Челябинске.

Идеологические основы воспитания офицеров на основе изучения военного опыта*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос развития идей профессионального воспитания офицера Вооруженных Сил СССР на опыте Великой Отечественной войны. Научное предположение исследования: развитие системы профессионального воспитания советских офицеров и окончательное становление идеологии Советской Армии. Методы исследования: анализ работ виднейших военных полководцев и военачальников И.Х. Баграмяна, П.И. Батова, А.М. Василевского, Л.А. Говорова, А.В. Горбатова, К.А. Вершинина, А.И. Еременко, Г.К. Жукова, М.Е. Катукова, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, К.К. Рокоссовского. Военные реформы и создание новой военной доктрины, опыт локальных войн и вооруженных конфликтов. На фоне конфликта мнений о характере войны и способах ее ведения, разворачивалась полемика о личности советского командира, о приоритетах в системе профессионально-личностных образований, свойств и качеств, о подходах к организации профессионального воспитания будущих командиров и развития системы профессионального воспитания советских офицеров и окончательное становление идеологии Советской Армии.

Ключевые слова: реформы, системы, идеология, советские офицеры, профессиональное воспитание, педагогика, полководцы.

Kuraev A.M.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel. Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk.

* © Кураев А.М., Самарец А.В., Клепиковский А.А., 2025.

Samarats A.V.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Colonel. Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk.

Klepikovsky A.A.
Lecturer of the Branch of the VUNC VVA "VVA named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin".

Ideological foundations of officers' training based on the study of military experience

Abstract. The article examines the development of ideas for the professional education of an officer of the USSR Armed Forces based on the experience of the Great Patriotic War. Scientific assumption of the study: the development of the system of professional education of Soviet officers and the final formation of the ideology of the Soviet Army. Research methods: analysis of the works of the most prominent military commanders and commanders I.Kh. Bagramyan, P.I. Batov, A.M. Vasilevsky, L.A. Govorov, A.V. Gorbatov, K.A. Vershinin, A.I. Eremenko, G.K. Zhukov, M.E. Katukov, I.S. Konev, R.Ya. Malinovsky, K.A. Meretskov, K.K. Rokossovsky. Military reforms and the creation of a new military doctrine, the experience of local wars and armed conflicts. Against the background of a conflict of opinions about the nature of war and the methods of waging it, a controversy unfolded about the personality of the Soviet commander, about priorities in the system of professional and personal formations, properties and qualities, about approaches to organizing the professional education of future commanders and the development of the system of professional education of Soviet officers and the final formation of the ideology of the Soviet Army.

Key words: reforms, systems, ideology, Soviet officers, professional education, pedagogy, commanders.

Строительство Вооружённых Сил СССР и РФ прошло ряд этапов, в ходе каждого из которых происходили радикальные, взаимообусловленные преобразования военной системы государства, непосредственно затрагивающие внутреннюю и внешнюю политику, экономическую, социальную и духовную жизнь страны.

Основным содержанием военной реформы стало создание механизмов обеспечения максимальной национальной безопасности и эффективного военного строительства, а также приведение всех компонентов военной системы, в частности вооруженных сил государства, в соответствие с реальным уровнем военной опасности и новой политической, экономической и социальной ситуацией. В основе военной реформы лежала реформа во-

оруженных сил, которая включала в себя ряд аспектов. Основными из них стали: совершенствование системы подготовки военных кадров и комплектования вооруженных сил; разработка перспективной военно-технической политики и оснащение вооруженных сил современным вооружением и военной техникой; совершенствование организационно-штатной структуры; оптимизация состава и численности вооруженных сил; реформирование системы военного образования и воспитания.

Развитие педагогической теории и системы профессионального образования в СССР шло по пути внедрения принципиально новых, новаторских представлений об армии и командовании. Однако эти теории корректировались и отбирались в ходе апробации в череде непрерывных войн и военных конфликтов, а сама советская военная педагогика полностью гарантировала продолжение дореволюционных традиций подготовки офицерских кадров, а также развитие продуктивных новаторских идей. В частности, этот процесс можно проследить на примере педагогических идей советских военачальников и военных теоретиков о профессиональной подготовке офицеров.

Действенность советской системы профессионального образования определялась многовековой военной историей и военной культурой, лучшие результаты которых были использованы после преемственности с дореволюционной системой подготовки офицерских кадров, а новаторские идеи сохранились и получили развитие в опыте Второй мировой войны.

«Советские офицеры, - писал А.М. Василевский[1*], – достойные наследники всего того ценного, что было накоплено передовыми офицерами русской армии. Они восприняли и умножили их военно-педагогические идеи, высокую культуру и образованность, положительный опыт обучения войск. Но они не просто усвоили какие-то ранее накопленные знания и опыт. Советские офицеры формировались и формируются на совершенно новой основе» [1, С. 38].

Под влиянием военного опыта: образ офицера, используемый военной педагогикой, представления о профессиональных и личностных качествах офицера, идеология профессионального образования, подход к организации и принципы профессионального образования…Педагогика стала законом, закрепляющим устойчивые связи между обществом и культурой». [2, С. 28-37].

«Война открыла глаза на многое: и на героическое, и на трагическое, выявила героев и обнажила омерзительное лицо паникера, труса, предателя. Она же безжалостно показала и просчеты в подготовке офицерских кадров» [3, С. 107]. Наряду с официальными документами и научными ра-

1 Маршал Советского Союза

ботами ценность в исследовании системы профессионального воспитания советских офицеров имеют субъективные переживания и рефлексия опыта Великой Отечественной войны ее непосредственными участниками, в силу своего положения и своей деятельности в Советской армии обладавшими высокими возможностями обобщения и анализа. Справедливым мы находим следующее мнение И.С. Конева[2*]: «Общая широкая картина войны может сложиться только из многих воспоминаний, её составят воспоминания командующих фронтами и армиями, командиров дивизий и полков, комбатов, командиров рот, младших командиров и солдат. Только все это, вместе взятое, может дать полное представление о войне, увиденной с разных точек. И едва ли стоит пытаться сводить в чьих бы то ни было воспоминаниях все эти точки в одну [4, С. 17]. Кроме того, в том, что касается принципиальных позиций, признания ошибок и определения потребностей профессионального воспитания воспоминания советских полководцев в большей степени, чем официальные документы свободны и от культа личности, и от «брежневской педагогики … стабильности, спокойствия и умиротворения» [5, С. 176].

Во-первых, тяжелые условия войны, необходимость самопожертвования и коллективного героизма солдат и офицеров, принципиальная потребность в единстве армии и народа (который вряд ли был един в классовом и политическом отношении) вновь подтвердили исторически значимые духовно-нравственные категории и ценность профессиональной подготовки офицеров – «Отечество». Отечество вновь стало главной категорией осмысления мировоззренческих основ военной службы офицера. «В отличие от Родины, существующей вне времени, Отечество всегда конкретно и исторично, в нём находит отражение идеи состояния космо-психо-логоса народа на том или ином этапе развития» [6, С. 46-52].

Искусственное исключение Отечества из профессионального воспитания командиров РККА после революции опиралось на тезис о том, что «… ценность Отечества имеет ограничения, (что она) тесно связана с культурно-политическим развитием и будет преодолена в связи с совершенствованием системы управления большими социальными группами»[3*]. На деле оказалось, что в критических для существования народа (далеко не полностью разделявшего идеи мировой революции и классовой борьбы), только ценность «Отечества» оказалась способна обеспечить каждому три ведущие мировоззренческие функции: отцовскую, гармонизирующую «эмоциональное и рациональное восприятие себя, общества, своей деятельности»; мобилизующую, необходимую для преодоления индиви-

2 Маршал Советского Союза

3 Предполагалось, что духовно-нравственные функции Отечество выполняет другое явление – «класс»

дуального в пользу других, стимулирования активности и поддержки волевых процессов; интеграционную, позволяющую ощущать себя частью большой социальной общности.

Во-вторых, в годы Великой Отечественной войны РККА из фундамента «… грядущей социалистической революции в Европе», которая должна быть рано или поздно заменена всенародным вооружением, становится нормальным государственным институтом со всеми атрибутами государственных военных организаций. Для офицерского корпуса это означало де-факто восстановление статуса социально-профессиональной группы, претендующей на собственную систему профессионального воспитания для людей, посвятивших военной службе всю свою жизнь.

Следует отметить, что процессы восстановления офицерского корпуса начались задолго до Великой Отечественной войны. «Вводились персональные воинские звания, совершенствовались с учетом накопленного опыта знаки отличия. Однако идеологические рамки мешали завершить в полном объеме возврат к славным традициям русского воинства. Понятия «офицер», «офицерская честь», «традиции русских офицеров» попрежнему находились под запретом. Более того, в результате их упоминания можно было попасть в маховик репрессий» [7, С. 131-136].

Наконец, в-третьих, как видно, в период Великой Отечественной войны в идеологии профессиональной подготовки советских офицеров завершился процесс выделения рациональных (осознанных) основ военной службы. Эти основы позволили провести научные исследования педагогических средств, технологизировать профессиональное образование и на следующем этапе выявить закономерности военно-педагогического процесса.

За годы Великой Отечественной войны в общественном сознании окончательно сформировался собирательный образ советского офицера, объединивший его основные личностные и профессиональные характеристики. Образ советского офицера стал основой для целеполагания в профессиональной подготовке и, что особенно важно, для самовоспитания и самосовершенствования настоящих и будущих офицеров.

Поскольку большинство личностных качеств мы уже затронули, выделим следующие позиции в группе качеств командира. Волевые и добровольные качества личности (от требовательности к подчиненным до личной дисциплины и организованности), профессиональный стиль и индивидуальность, творчество и инициатива. Из перечисленных качеств личности видно, что советское командование определяло советских офицеров как будущих командиров, а не как коллективных специалистов, выполняющих особую группу задач в соответствии со своей должностной инструкцией.

Таким образом, переживая опыт Великой Отечественной войны, советские полководцы в своем литературном наследии отразили перспективный

образ советского офицера и создали материал для формирования идеологии его профессионального воспитания.

Библиографический список:

1. Василевский А.М. О дисциплине и воинском воспитании / А.М. Василевский. – М.: Воениздат, 1987. 102 с., С. 38.
2. Вендеровская Р.Б. Традиции как аксиологическая проблема в истории образования // Аксиологические аспекты историко-педагогического обоснования, стратегии отечественного образования. – М.: Просвещение, 1994. № 12. С. 28-37.
3. Каменев А.И. История подготовки офицеров в Советском Союзе / А.И. Каменев. – Новосибирск: НВВПУ, 1991. С. 107.
4. Конев И.С. Сорок пятый. С. 17.
5. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в СССР (1917 - 1984 гг.) / А.И. Каменев. – Новосибирск: НВВПУ, 1991. С. 176.
6. Чикаева Т.А. Родина и отечество. функции отечества // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы V Международной научной конференции. – М.: 2021. С. 46-52.
7. Шемякин Г.П. От «господ офицеров» к «товарищам офицерам». К 75-летию возвращения офицерских званий в вооруженных силах советского союза // Вестник Санкт-петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 1 (2). С. 131-136.

Reference

1. Vasilevsky A.M. On discipline and military education / A.M. Vasilevsky. – M.: Voenizdat, 1987. 102 p., P. 38.
2. Venderovskaya R.B. Traditions as an axiological problem in the history of education // Axiological aspects of the historical and pedagogical justification, strategy of domestic education. – M.: Education, 1994. № 12. P. 28-37.
3. Kamenev A.I. History of officer training in the Soviet Union / A.I. Kamenev. – Novosibirsk: NVVPU, 1991. P. 107.
4. Konev I.S. Forty-fifth. P. 17.
5. Kamenev A.I. History of officer training in the USSR (1917 - 1984) / A.I. Kamenev. – Novosibirsk: NVVPU, 1991. P. 176.
6. Chikaeva T.A. Homeland and fatherland. functions of the fatherland // Image of the Motherland: content, formation, updating. Proceedings of the V International Scientific Conference. – M.: 2021. P. 46-52.
7. Shemyakin G.P. From “gentlemen officers” to “comrade officers”. On the 75th anniversary of the return of officer ranks in the armed forces of the Soviet Union // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2018. № 1 (2). P. 131-136.

Нусипбекова А.А.
Студент. Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк.

Липунова Л.В.
Кандидат наук, доцент. Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк. SPIN-код: 1714-4502

Проблема объективного анализа деятельности П.А. Столыпина, направленной на становление парламентаризма в России и укрепление взаимодействия между советом министров и государственной думой I и II созывов*

Аннотация. Статья посвящена проблеме объективного анализа деятельности П.А. Столыпина в Государственной думе I и II созывов. В ходе исследования данной проблемы автор производит анализ речей П.А. Столыпина, произнесённых им в Государственной думе в период с июня 1906 года по март 1907 года, и выделяет ряд принципов, как юридико-технических, так и теоретических, лежащих в основе политической стратегии П.А. Столыпина. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что развитие института парламентаризма путем построения и укрепления конструктивного взаимодействия между Советом министров и Государственной думой I и II созывов являло собой ядро преобразований государственного строя Российской империи на пути к становлению правового государства.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, Государственная дума, Совет министров, парламентаризм, русское народное представительство, правовое государство.

Nusipbekova A.A.
Student. Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", Novokuznetsk.

* © Нусипбекова А.А., Липунова Л.В., 2025.

Lipunova L.V.
Candidate of Sciences, Associate Professor. Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", Novokuznetsk.

The problem of objective analysis of P.A. Stolypin's policy aimed at establishing parliamentarism in Russia and strengthening cooperation between the council of ministers and the State Government of the first and second convocations

Abstract. The article is devoted to the problem of objective analysis of P.A. Stolypin's policy in the State Duma of the first and second convocations. In the course of studying the given problem, the author analyses the speeches of P.A. Stolypin delivered by him in the State Duma in the period from June 1906 to March 1907 and outlines a number of principles, both technical and theoretical, on which the political strategy of P.A. Stolypin is based. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the development of the institution of parliamentarism produced by building and strengthening constructive interaction between the Council of Ministers and the State Duma of the first and second convocations was the core of the transformation of the state system of the Russian Empire on the way to the establishment of legal state.

Key words: P.A. Stolypin, the State Duma, the Council of Ministers, parliamentarism, Russian people's representation, legal state.

Фигура Петра Аркадьевича Столыпина как главы Совета министров Российской Империи, чья деятельность была напрямую связана с необходимостью установления устойчивых отношений с новейшим, ранее не существовавшим в политической системе законодательным органом — Государственной думой, подвергается острой критике одних исследователей и восхваляется другими. Современники выражали подчас диаметрально противоположные друг другу взгляды по вопросу вклада Столыпина в становление парламентаризма в России. Так, бывший премьер-министр, предшественник Петра Аркадьевича С.Ю. Витте писал, что Столыпин «развратил и уничтожил всякое достоинство Государственной думы, обратив её в свой департамент» [1, С. 113]. С другой стороны, русский философ и писатель В.В. Розанов так характеризовал деятельность премьера в Думе: «Столыпин показал единственный возможный путь парламентаризма в России, которого ведь могло бы не быть очень долго, и может, даже никогда...» [2].

В связи с разноречивостью оценок представляется актуальным проведение объективного анализа речей П. А. Столыпина, произнесённых им в Государственной думе первого и второго созывов, во время неспокойное как в пределах Думы, так и в пределах всего государства. Данный анализ позволит выявить основные положения Столыпина касаемо идеи парламентаризма и её роли для развития Российского государства.

Исходя из анализа многочисленных речей Столыпина в Государственной думе, можно понять, что председатель объединённого Совета министров регулярно работал с депутатами, открыто полемизировал по разным вопросам, отстаивая законопроекты правительства, и стремился найти компромиссы между Советом министров и Государственной думой.

Будучи министром внутренних дел, Столыпин начал проводить последовательный курс с целью установления продуктивных отношений между правительством и Думой. Первое выступление министра требовало особого подхода к постановке вопроса, касающегося содержания речи, поскольку было связано с именем Антона Щербака – члена Всероссийского крестьянского союза (далее – ВКС), Московской судебной палатой преданный суду за второй съезд ВКС, прошедший в Москве с 6 по 11 ноября 1905 года. Ранее, в октябре – ноябре 1905 года, местный комитет Крестьянского союза под руководством А. Щербака создал народную милицию и установил контроль над Сумским уездом Харьковской губернии, где впоследствии было введено военное положение [3]. Революционные настроения в первой Думе и деликатность поставленного вопроса о Щербаке не оказали, однако, негативного влияния на избранный Столыпиным курс урегулирования отношений представительного органа и органа исполнительной власти в лице министерства внутренних дел. В ответе П.А. Столыпина, как министра внутренних дел, на запрос I Государственной думы о Щербаке, данный 8 июня 1906 года, содержатся принципы деятельности министра и установления прочных отношений с законодательным органом. Такими принципами являлись:

1. Технический принцип структурированности и чёткости изложения информации: приступая к разъяснениям, Столыпин выделил в запросе I Государственной думы о Щербаке 3 ключевых вопроса, свидетельствующих о наличии определенной структуры в речи министра и раскрывающих сущность самого запроса, для того чтобы исключить возможность возникновения каких-либо недоразумений, о чем в начале речи Столыпина было упомянуто: «... оговариваюсь вперед, что недомолвок не допускаю и полуправды не признаю» [4, С. 35]. Тем самым Столыпин указал на необходимость создания логичной и ясной всем присутствующим в Думе *формы* подачи информации, с помощью которой *содержание* раскрывалось бы наиболее исчерпывающим образом и не могло быть неправильно истолко-

вано. Выделенный технический принцип, таким образом, является базой для установления связи министерства внутренних дел и Думы;

2. Законность: в начале речи министр внутренних дел упомянул ст. 58 Учреждения Государственной думы, в соответствии с которой круг вопросов, на которые члены Думы имели установленное законом право требовать ответы и разъяснения от министерств, был ограничен: «…сведения и разъяснения со стороны министров могут касаться только незакономерных действий, возникших после учреждения Государственной думы, то есть после 27 апреля» [4, С. 34, 35]. Более того, в ст. 40 Учреждения Государственной Думы указано: «Государственная Дума может обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями за разъяснениями, непосредственно касающимися рассматриваемых ею дел. Министры и главноуправляющие имеют право отказаться от сообщения Думе разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению. Равным образом министры и главноуправляющие должны быть выслушаны в заседаниях Думы каждый раз, когда они о том заявят» [5]. Так в своей речи Столыпин заявил о неукоснительном исполнении законодательства со стороны министерства внутренних дел;

3. Целесообразность и практический характер работы: в своём ответе Столыпин обосновал необходимость введения чрезвычайных мер и исключительных законов, направленных на установление «порядка, необходимого для развития самых широких реформ» [4, С. 41]. Данный принцип подразумевает разграничение теоретических положений и практических действий, выбор которых напрямую зависит от конкретной внутриполитической обстановки. К этой мысли П. А. Столыпин вернулся в речи о временных законах, изданных в период между первой и второй Думами, произнесённой в Государственной думе 13 марта 1907 года: «Бывают, господа, роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества» [4, С. 74, 75];

4. Принцип разделения исполнительной и законодательной ветвей власти: уже в первой речи Столыпиным строго обозначились границы исполнительной власти и власти законодательной: «Согласно понятию здравого правосознания, мне надлежит справедливо и твёрдо охранять порядок в России... Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы» [4, С. 42].

Из последнего принципа вытекает особое отношение Столыпина к Государственной думе как к одному из инструментов обновления государственного строя Российской империи и дальнейшего становления правового государства.

Идея правового государства нашла отражение в первом выступлении П.А. Столыпина в качестве председателя Совета министров во II Государственной думе 6 марта 1907 года. Перед тем как представить Думе обширный ряд законопроектов, устанавливающих основы государственной и общественной жизни, П.А. Столыпин определил существо вносимых проектов, порядок их защиты правительством и отношение правительства к предлагаемым нововведениям. В этой связи, по мнению Столыпина, важно соответствие законодательства «выяснившейся жизненной правде», интересам населения. «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое...», — таковой была назначена цель рабочих отношений Государя, Совета министров, Государственного совета и Государственной думы [4, С. 51].

Следовательно, первоочередной задачей Совета министров было налаживание отношений с Государственной думой. Однако ни первая, ни вторая Думы не были настроены на работу с правительством. Несмотря на это, П.А. Столыпин неоднократно объявлял депутатам о готовности и желании правительства сотрудничать с Думой. Например, председатель Совета министров так окончил своё первое выступление во второй Думе 6 марта 1907 года: «... лишь обдуманное и твёрдое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведёт к успокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство...» [4, С. 62].

В тот же день после думских прений П.А. Столыпин вновь занял место на трибуне, чтобы повторить свою основную мысль, вероятно позабытую в ходе обсуждений депутатов: «... правительство... во всех своих заявлениях Государственной думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен. Я отдаю себе отчёт, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду» [4, С. 63].

Исходя из анализа содержания речей П.А. Столыпина, произнесенных им в Государственной думе в период с 1906 по 1907 гг., несомненно, можно сделать вывод: волевой характер личности премьера «первый дал в Государственной думе верный тон для взаимоотношений между исполнительной и законодательной властью» [4, С. 32] и тем самым оказал существенное воздействие на раннее становление парламентаризма в России. Строгое соблюдение принципов, выделенных в данной статье, позволило Столыпину сохранить и пронести через многочисленные выступления в

Думе главную мысль, которая, по мнению премьера, позволила бы России постепенно встать на путь правового государства: России необходимы порядок и реформы, среди которых особое место отведено налаживанию эффективной совместной работы Совета министров и Думы, призванной стать основой парламентаризма.

Библиографический список:

1. Лачаева М.Ю. Два премьера: С.Ю. Витте о П.А. Столыпине, Аграрной реформе и революции // Калининград: Северо-Запад в аграрной истории России (сборник). 2015. № 21. С. 111-121.
2. Розанов В.В. Историческая роль Столыпина // URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_ist_rol_stolypina.shtml (Дата обращения: 25.12.2024).
3. Стенограмма двадцать третьего заседания Первой Государственной Думы // URL:http://www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased23.htm/ (Дата обращения: 17.01.2025).
4. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацилло; Сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. – М.: Молодая гвардия, 1991. 411[5] с.
5. Учреждение Государственной думы. 20 февраля 1906 г. // URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/hist-sources1/ioio38/ (Дата обращения: 23.01.2025).

Reference

1. Lachaeva M.Yu. Two Prime Ministers: S.Yu. Witte about P.A. Stolypin, Agrarian Reform and Revolution // Kaliningrad: North-West in the Agrarian History of Russia (collection). 2015. № 21. P. 111-121.
2. Rozanov V.V. The Historical Role of Stolypin // URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1911_ist_rol_stolypina.shtml (25.12.2024).
3. Transcript of the twenty-third meeting of the First State Duma // URL: http://www.agitclub.ru/vybory/duma100/zased23.htm/ (17.01.2025).
4. Stolypin P.A. We need a Great Russia...: Complete collection of speeches in the State Duma and State Council. 1906-1911 / Preface by K.F. Shatsillo; Comp., comment. by Yu.G. Felshtinsky. – M.: Molodaya Gvardiya, 1991. 411[5] p.
5. Establishment of the State Duma. February 20, 1906 // URL: https://togudv.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/hist-sources1/ioio38/ (23.01.2025).

Шелудяков И.Ф.
Аспирант. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Торговля в калужской губернии в годы НЭПа (по материалам газеты «Коммуна»)*

Аннотация. Отдельные стороны развития государственной, кооперативной и частной торговли в годы нэпа, освещенные в ежедневной газете «Коммуна» в 1925-1926 году, становятся основой для авторского анализа изменения соотношения сил в секторах торговли Калужской губернии. Отмечается, как снижаются обороты частного сектора в связи с практическими задачами, поставленными перед губвнуторгами, за счёт чего растут показатели кооперации и государственных организаций.

Ключевые слова: частная торговля, кооперация, государственная торговля, оборот, губвнуторг.

Sheludyakov I.F.
Postgraduate Student. Tsiolkovsky Kaluga State University.

Trade in Kaluga province during the NEP years (based on the materials of the newspaper «Commune»)

Abstract. Separate aspects of the development of state, cooperative and private trade during the NEP years, highlighted in the daily newspaper «Commune» in 1925-1926, become the basis for the author's analysis of the changing balance of power in the trade sectors of Kaluga province. It is noted how the turnover of the private sector is decreasing in connection with the practical tasks set for gubvnutorgami, due to which the indicators of cooperation and government organizations are growing.

Key words: private trade, cooperation, state trade, turnover, gubvnutorg.

Введение

Как единственно возможная экономическая связь между землевладельцами и крупной промышленностью, торговля представляла собой

* © Шелудяков И.Ф., 2025.

значимое звено в годы нэпа. Без неё невозможно было создать общественно-политических отношений, по мнению руководства страны [1]. В связи с этим на X съезд партии ВКП(б) в 1921 г., во время которого были определены основные вехи новой экономической политики, особый акцент обозначался на потребительской кооперации как основном аппарате розничной торговли [2]. Чуть позже, в резолюции декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1923 г., вносились новые детали в дело развития торговой деятельности страны:

– перед торговлей ставилась задача связи национализированной промышленности и крестьянского рынка;

– приоритетом было признано усиление кооперации и государственной торговли и расширение поля их деятельности и соответственно борьба с частноторговым посредником за овладение рынка [2]. Та же идея освещалась на XIII партконференция в январе 1924 года: «…в этой области росту частного капитала должен быть поставлен предел путем усиления хозяйственной роли кооперации и государственной торговли и приспособление их к потребностям и условиям торгового оборота деревни» [3].

Данные задачи успешно реализовывались. Согласно исследованию розничного торгового оборота СССР с 1923-24 по 1932 г., до 1926-27 гг. частный сектор показывал относительный рост показателей (с 3116,0 млн. руб. в 1923-24 гг. до 5063,4 млн. руб. в 1926-27 гг.), а вот к 1928-29 гг. оборот упал до 2679,8 млн. руб., в то время как государственный и кооперативный сектора продемонстрировали рост соответственно с 846,0 и 1437,0 млн. руб. до 2206,8 и 8885,0 млн. руб. за те же годы. На фоне общего возрастания розничного товарооборота, в связи с установлением иного содержания и организационных форм товарооборота в процессе проведения нэпа, происходило вытеснение частного торгового посредничества. Если в начале нэпа последний сектор занимал господствующую позицию в строении розничного товарооборота – 88 % всего числа розничной торговой сети в 1923-24 году, при том что сеть частной торговли отличалась примитивными формами организации и состояла в основном из мелких торговых предприятий, то к концу установления нэпа число торговых розничных предприятий сократилось почти на 90 тыс. единиц [1].

Уменьшение доли частного сектора на рынке наблюдалось и в Калужской губернии.

Освещение торговой деятельности в Калужской губернии в 1923-1926 гг. (по материалам ежедневной газеты Калужского комитета и губернского бюро РСДРП «Коммуна»)

С 1922-23 по 1925-26 годы торговый оборот, включая частные предприятия и кооперацию от райсоюзов до низовой кооперации, в губернии на-

растал: 11.369.000 руб. в 1922-23 г., 34.106.800 руб. в 1923-24 г., 59.163.000 руб. в 1924-25 г., 87.570.000 руб. в 1925-26 г. [4].

Происходила планомерная ликвидация частной торговли, которая предполагала устранение капиталистического посредника между городом и деревней, усиление роста товарооборота в стране и последующий подъём благосостояния городского и сельского населения [5].

Данный процесс был отмечен в статьях ежедневной газеты «Коммуна», которая название получила газета «Рассвет», вышедшая в первый раз в 1917 году. Газета, являясь бюллетенем Калужского комитета и губернского бюро РСДРП, стала отражением событий XX века. В 1925-1926 году она достаточно часто поднимала проблемы развития торговли в губернии, давая анализ оборотов в её различных секторах, выявляя недостатки этой области экономики, комментируя отдельные процессы в районах губернии и др.

С 1924 года именно торговля, по мнению газеты «Коммуна», находится в центре пристального внимания государства, которое регулирует процессы через местные специальные органы. Если в самом начале внедрения нэпа продолжали действовать ранее созданные специальные комиссии при экономических собраниях, то развитие торговли, свободный товарооборот потребовали преобразований и создание самостоятельного органа Наркомторга в стране и губвнуторгов в губерниях [6, С. 7]. Руководство страны понимало, что без привлечения народа невозможно успешное строительство новой системы хозяйствования и регулирования торговли. В связи с этим, задачами внуторгов были обозначены:

– было проведено исследование емкостей рынка, которое показало рост покупательской способности на 25 %;

– начал разрабатываться план развития разных форм торговли, основанный на анализе необходимого количества товара, который следует вырабатывать промышленности, соотнесение этого количества с возможностями торговой сферы и спросом потребителя;

– было акцентировано внимание на снижении и удержании розничных цен на промтовары, регулировании заготовок и разработке мер изучения организации рынка и торговли и внедрении в торговлю принципов государственной торговой политики [6, С. 7].

Координация торговой деятельности в губернии проходила также благодаря созданию Потребсоюза, работа которого освещалась в периодическом издании в начале 1925 года. Обращалось внимание на то, что в июле 1924 года была произведена перестройка взаимоотношений Потребсоюза с потребобществами:

– пересмотрены основы калькуляции, по которым осуществляется расценка товаров;

– сокращены наложения на организационные расходы при отпуске оптом;

– определен ряд товаров и продуктов, отпускающихся практически по себестоимости (керосин, сахар) или ниже неё (мука ржаная);

– наложены ограничения на самостоятельное установление цен, которое переводит в ведение Торгового отдела Потребсоюза

Введенные периодические районные съезды позволили выстроить живую связь между потребобществами и работниками [7]. Очевидна эффективность деятельности нового органа. Неслучайно и в другом выпуске газеты «Коммуна» 1924 год был назван историческим для Калужской торгово-кооперативной практики, перешедшей на добровольное членство, наладившей работу райсоюза – Потребсоюза в условиях твердой валюты и проводимой ранее политики Губсоюза, по сравнению с которым трёхмесячный оборот новой структуры вырос почти в 1,5 раза, а связь с первичными кооперативами – в 2, 3 раза [8, С. 4]. Показателями успешной работы Потребсоюза были указаны также закупки (за 9 месяцев закуплено товаров на сумму 19.991.706 р. 70 коп., из которых 862.626 р. 81 коп. приходится на долю Потребсоюза), налаживание кооперативной хлебной торговли с сохранением ценообразования, несмотря на большой спрос; заключение договоров с госучреждениями с целью регулярного получения основных товаров (сольсиндикатом, Московской конторой нефтесиндиката, Сахаротрестом) [8, С. 4]. Усиление позиции Потребсоюза, как отмечалось, привело к ослаблению частной торговли и спаду продаж частным лицам: с 7,7 % в 1922 г. до 3,3 % в 1924 г. Потребсоюз активно поддерживал кооперативы: на 1 января 1925 года сумма кредитования низовых кооперативов составила 209.500 руб. [8, С. 4]. Более того, банковский кредит был дополнен кредитом солью и керосином.

Несмотря на качественное преобразование торговой деятельности в Калужской губернии, благодаря Потребсоюзу, остались проблемы, обусловленные перебойностью товара. Так, в августе-сентябре 1924 года наблюдался недостаток хлебных товаров, масла, махорки, мануфактуры. Причиной этого являлся недостаток товаров на рынке и недостаток оборотных средств. К началу 1925 года данная проблема в отношении товаров массового потребления практически была решена [8].

Чуть позже в газете достаточно подробна анализировалось состояние частной торговли по отношению к кооперациям и государственным организациям. Более того, эта тема надолго стала предметом обсуждения.

Так, отмечалось, что сумма торговых оборотов за 1923-24 гг. показала колоссальный отрыв между государственной (11,2 %) и частной (48,2 %) торговлей [9, С. 4]. Несмотря на неблагоприятные условия предшествующего года, сопряженные в первую очередь с недостачей основных товаров (мануфактура, кожа и т.д.), кооперация Калужской губернии отметила большие победы в области торговли и овладения местным рынком:

4.817.000 рублей (34, 4%) в первом полугодии и 829.000 (40,6 %) во втором. Первое же полугодие 1924-25 года показало значительный скачок: общий оборот кооперации поднялся до 52,6 %, а частной снизился до 31,9 %. Такой результат был усилен к концу года: кооперативный оборот вместе с государственной торговлей составил 76,5 %, оставив на долю частного сектора – 23,5 % [9, С. 4]. Очевидно прямо пропорциональное изменение показателей: резкое снижение позиций последнего, особенно если сравнить с 1922-23 гг., когда доля частного капитала равнялась 83 %, и увеличение оборотов государственной и кооперативной торговли с 18 % в 1922-1923 операционном году. Увеличение оборота в соответствующих областях производства, конечно, было обусловлено также тем, что за два года на 23,9 % выросло число государственных заведений и на 59,4 % - кооперативных [9, С. 4]. Ценность таких результатов тем выше, что начало 1924-25 года было отмечено недостатком товаров и недородом 1924 года и, как следствие повышением цен на отдельные товары, особенно частным сектором, – хлеб, к примеру. Правда, ситуация к концу четвертого квартала выправилась, а государство следило за регулированием цен. Так, если в 1923-24 году расхождение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары составляло 2,06, то в анализируемом периоде – 1,75 [9, С. 4].

В то же время, несмотря на меньшее количество товаров, оборот частной торговли пока ещё был выше в силу большей её приспособленности к требованиям покупателя, нацеленности на спрос. Если у частного торговца в наличии всегда имелись так называемые ходовые товары, то на уровне государственного и кооперативного сектора эта клиенториентированность пока не была достигнута. К примеру, учитывая, что кожевенно-обувной рынок Калужской губернии находился в ведении кустарей и частных торговцев, очевидно, что государственным и кооперативным организациям стоило обратить внимание на вопрос массового производства обуви. Ситуация создавалась неоднозначная. С одной стороны, из 32 предприятий данного профиля 3 % принадлежало госсектору, 19 % - кооперации, 6 % - артели и 72 % частным лицам; на первом месте по обороту стояли последние. С другой стороны, по наличию товаров частный сектор с его 22 % обгоняли кооперация (47 %) и госторговля (30 %) [10].

Кстати, Губком РКП(б) настаивал на том, что несмотря на первые достижения в области продвижения других форм торговой деятельности, «процесс оздоровления» идёт недостаточно быстро. В связи с этим на первый план предлагал ставить задачи сосредоточения внимания на государственной и кооперативной торговли; укреплении кооперации; удешевления товаров как способа достижения правильного товарообмена и расширения рынков; регулировании соотношения розничных и оптовых цен с вектором движения к ликвидированию отрыва между ними; оздоровле-

нии мясного рынка в губернии, находящегося почти полностью в введении частной торговли. Власти была очевидна тенденция к вытеснению с рынка частного торговца, из-за чего наблюдался ряд проблем, о которых, в свою очередь, писала «Коммуна» [11].

Одной из причин, влияющих на снижение позиций частной торговли, газета называла отсутствие снабжения частных розничников и закрытие так называемых палаточников. Прямую связь с такими фактами она видела в том числе с недостаточным количеством в губернии представительств государственных оптовых организаций. На начало 1926 года с розницей работали только Нефтесиндикат и Камвольный трест. В газете «Коммуна» не указывается место нахождения синдиката и треста, однако можно предположить, что имеется в виду Калужский губернский нефтяной склад Московского районного управления Всероссийского нефтяного торгового синдиката (Нефтесиндиката) и Московский или Брянский Камвольный трест. Последний имел оптово-розничный магазин, в котором, однако, наблюдалось отсутствие товаров. Магазины были также в ведении Винсиндиката, Центроспирта, Моссельпрома, ЯСПО (Ярославский оюз потребительных обществ), Оргума (Орловского государственного торгово-промышленного товарищества), представительства дрожжевой промышленности, «Госшвеймашины». Город нуждался в представительстве Текстильного синдиката, так как кооперация не в состоянии была удовлетворить спрос, а источника снабжения у частного розничника, который мог бы улучшить ситуацию, оказалось недостаточно. Отсюда ситуации спекуляции даже при наличии товара [12, С. 4].

Так, сапожная артель инвалидов «Взаимопомощь», получив от калужского профсоюза подошвенной кожи на сумму 663 рубля продала её частному торговцу Краснову [13, С. 4].

Частые случаи спекуляции привлекли внимание Калужского бюро ЦК РКП (б), которое, по утверждению периодического издания настаивало на строгом регулировании цен на промтовары посредством установления нормальных наценок и накладных расходов, а первоочередной задачей для губисполкома ставил усиление планового завоза таких товаров в губернию.

Высвечивались и другие проблемы. Например, недостаток сырья. Так, в январе 1926 года в силу того, что большая часть дрожжей отпускалась частным торговцам, которые, в свою очередь, завышали цену и перепродавали сырье кооперативам, на уровне государственной и кооперативной торговли ощущался недостаток этого продукта. Реакцией Губвнуторга стало указание ограничить обеспечение дрожжами частного сектора торговли и «усилить снабжение кооперации» [13, С. 4].

Также были очевидны проблемы, связанные с кооперативной торговлей. Так, в Юхновском уезде, где ежегодно проходит 6 ярмарок, оперирует

4 кооперативных организации и функционируют 44 ларька частных торговцев, а кооперативные служащие, пишет «Коммуна», не могут обслужить всех покупателей. Это обусловлено недостатком рабочих единиц, замедлением процесса в силу использования чековой системы и сложным порядком приобретения товара (приобретение чека на товар – очередь – оплата товара по чеку – очередь - получение товара) [14, С. 3].

Повторный анализ соотношения частной и государственной промышленности со стороны газеты «Коммуна» за первые месяцы 1923-24 гг. позволил увидеть усиление позиций первой: если оборот кооперации составил – 1.039 млн. рублей, государственной торговли – 1197 млн. рублей, то частной – 2.260 млн. рублей. Однако уже в 1924-25 гг. выработка продукции составила 9.520 млн. рублей, из которых только 1.970 млн. рублей пришлось на долю частных капиталистов. Подтвердил изменение ситуации в сторону государственного сектора и объём капитальных фондов: государству принадлежало около 11.700 млн. рублей, а частному хозяйству – 7.500 млн. рублей [15, С. 2]. Очевидно было, что элементы государства растут быстрее частного капитала. Способствовало этому и укрепление кооперации. Правительство было уверено, что, если отдать рынок в руки частного торговца, возникнут «смычки» между пролетариатом и крестьянством, чего нельзя допустить. Крупная промышленность, рудники, железные дороги – командующие хозяйственные позиции принадлежали государству, которые, однако, постепенно могли уступить частному капиталу.

Наличие свободных рабочих сил в деревне, достаточная обеспеченность сырьем (пенькой, кожей, овчиной), выстроенная связь кустарных промыслов с фабрично-заводской текстильной и кожевенной промышленностью, большой спрос населения на кустарные изделия высветили значение развития кустарных промыслов. В связи с этим на XI Губернском Съезде Советов постановили освободить кустарей от финансового закабаления частными перекупщиками и оказать денежную поддержку со стороны кредитных организаций; включить в план снабжения необходимые данному виду производства основные виды сырья, полуфабрикаты, инструменты; содействовать увязыванию кустарного производства с отдельными отраслями местной промышленности; оказать техническую помощь в деле улучшения кустарных изделий, благодаря выработке проектов упрощения общественных мастерских [15]. Таким образом, ослабление частной торговли сопровождалось, в свою очередь, развитием кустарной промышленности.

Данные ежедневной газеты «Коммуна» подтверждаются и другими источниками. Несмотря на то, что количество частных торговых заведений остаётся превалирующим: 69,1 % (2911) в противовес 23,8 % и 7,1 % кооперации и государству соответственно, другие показатели демонстрируют эффективность проводимой государством политики по снижению доли

частного сектора в торговой деятельности. Во-первых, внутренний товарооборот в губернии в 1926-27 г. на 74,6 % находится в ведении государственных и кооперативных организаций. Во-вторых, частный оборот снижается: за год его удельный вес составил 25,4 % (по сравнению с 1925-26 г. убыль составила 1,6 %). Средний оборот одного предприятия для государственной (60.000 руб.) и кооперативной (62.767 руб.) торговли превышает частный почти в 7 раз (частная торговля даёт только 9160 руб.). Такие данные позволяют заключить, что крупная торговля сосредоточена в обобществленном государственном торговом секторе, а мелкая – в частном [16].

Подобная ситуация обусловлена, в том числе, увеличением налогов для частной торговли: по сравнению с с1925-26 г. в 1926-27 г. прямые налоги выросли на 41,7 %, в том числе по промналогу – на 21,1 %, подоходному – на 62 %, на сверхприбыль – на 112,3 %, по квартирному налогу – на 33,3 %. Если процент изъятия по частным предприятиям составил 6,21 %, то для государственных 3,05 %, а кооперативных – 3,15 % - очевидны неравные условия для развития [17].

Заключение

Протоколы заседаний Регистрационного Бюро Калужской товарной биржи в регистрации биржевых сделок. 1925-26 гг. / ГАКО. Ф. Р-217. Оп.1. Ед. хр. 68.

Таким образом, очевидно, что во время нэпа, особенно в период с 1922-23 операционного года по 1925-26 о.г., усиливает свои позиции в торговой деятельности Калужской губернии кооперация и государственный сектор. Несмотря на то, что частная торговля также не сдаёт свои позиции: её оборот увеличился с 6.300.000 руб. до 24.450.000 руб., очевидно наметившееся отставание, так как показатели выросли практически в 4 раза, в то время как в кооперативном секторе почти в 10 раз (с 4.069.000 руб. до 39.750.000 руб.), а государственном в 23 раза: с 1000. 000 руб. до 23.370.000 руб. Политика государства и местных губвнуторгов, ориентированная на вытеснение частной торговли с рынка, оказалась эффективной, полностью изменив картину торговой деятельности к концу 1927-28 гг.

Библиографический список:

1. Ряузов Н.Н. Индустриализация / Народное хозяйство СССР. Экономико-статистический журнал. Партиздат. Москва. № 7-8. 1932. С. 155-174. // URL: https://istmat.org/node/27155?ysclid=m7c0hqbr29908443082.
2. Партия и Коминтерн. О «старой» и «новой» оппозиции: Сб. резолюций и постановлений / Агитпроп ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б). – М.: Л.: Госиздат, 1926. 136 с., С. 12-16.
3. Резолюция XIII партконференции, подтвержденная XIII съездом РКП(б), 31 мая 1924 г. О партстроительстве. Партия в условиях нэпа / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917-1928 гг. – М.: Политиздат, 1967. С. 433-435.
4. Протоколы заседаний Регистрационного Бюро Калужской товарной биржи в регистрации биржевых сделок. 1925-26 гг. / ГАКО. Ф. Р-217. Оп.1. Ед. хр. 68.
5. Развитие советской экономики: утв. ВКВШ при СНК СССР в качестве учебного пособия для экономиче-

ских вузов / под ред. А.А. Арутиняна и Б.Л. Маркуса; Академия наук СССР, Институт экономики. – Москва: Соцэкгиз, 1940. 664 с., С. 175.
6. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 3 января 1926. № 2. С. 7.
7. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». Приложение к газете: Кооперативный листок. – 21 февраля 1925. № 46.
8. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 13 февраля 1925. № 35. С.4.
9. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 7 января 1926. № 5. С.4.
10. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 8 февраля 1925. № 80.
11. Секретные циркуляры Губкома РКП(б) /Партийный архив Калужского Обкома КПСС. 4 января – 31 декабря 1924 г.Ф. П-1. Оп. 7. Ед.Хр. 12. Кор. 86. 79 л. Л. 8.
12. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 3 января 1926. № 2. С. 4.
13. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 9 февраля 1926. № 32. С. 4.
14. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 27 мая 1926. № 119. С. 3.
15. Ежедневная газета Губкома ВКП(б), Губисполкома и Губпрофсовета «Коммуна». – 14 января 1926. № 11. С 2.
16. Переписка с уполномоченным ОГПУ и обкомом ВКП(б) о засорённости соваппарата и учреждений уезда классово-чуждыми людьми. Январь – сентябрь 1927 г. / ГАДНИКО. Ф. 29. Оп. 5. Ед.хр. 19. к. 27. На 42 л..
17. Циркуляры и переписка по партпросвещению, антирелигиозной и прочей культурно-просветительной работе. 1926 г. / ГАДНИКО. Ф. 29. Оп. 4. Ед. хр. 169. к. 26. На 159 л.

Reference

1. Ryauzov N.N. Industrialization / National Economy of the USSR. Economic and Statistical Journal. Partizdat. Moscow. № 7-8. 1932. P. 155-174. // URL: https://istmat.org/node/27155?ysclid=m7c0hqbr29908443082.
2. The Party and the Comintern. On the "Old" and "New" Opposition: Collection of Resolutions and Resolutions / Agitation Propaganda of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Moscow Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). - Moscow: Leningrad: Gosizdat, 1926. 136 p., P. 12-16.
3. Resolution of the XIII Party Conference, confirmed by the XIII Congress of the RCP(b), May 31, 1924. On Party Building. The Party under the NEP / Decisions of the Party and the Government on Economic Issues. In 5 volumes: Coll. doc. for 50 years. Volume 1. 1917-1928. – Moscow: Politizdat, 1967. P. 433-435.
4. Minutes of meetings of the Registration Bureau of the Kaluga Commodity Exchange in the registration of exchange transactions. 1925-26. / GAKO. F. R-217. Op. 1. Unit of storage.
5. Development of the Soviet economy: approved by the Higher Commodity School under the Council of People's Commissars of the USSR as a teaching aid for economic universities / edited by A.A. Harutyunyan and B.L. Marcus; USSR Academy of Sciences, Institute of Economics. – Moscow: Sotsekgiz, 1940. 664 p., P. 175.
6. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – January 3, 1926. № 2. P. 7.
7. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". Supplement to the newspaper: Cooperative Leaflet. – February 21, 1925. № 46.
8. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – February 13, 1925. № 35. P. 4.
9. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – January 7, 1926. № 5. P. 4.
10. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – February 8, 1925. № 80.
11. Secret circulars of the Provincial Committee of the RCP(b) / Party archive of the Kaluga Regional Committee of the CPSU. January 4 – December 31, 1924. F. P-1. Op. 7. Unit. 12. Cor. 86. 79 p. L. 8.
12. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – January 3, 1926. № 2. P. 4.
13. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Provincial Executive Committee and Provincial Trade Union Council "Kommuna". – February 9, 1926. № 32. Page 4.
14. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Provincial Executive Committee and the Provincial Trade Union Council "Kommuna". – May 27, 1926. № 119. Page 3.
15. Daily newspaper of the Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Provincial Executive Committee and the Provincial Trade Union Council "Kommuna". – January 14, 1926. № 11. Page 2.
16. Correspondence with the authorized representative of the OGPU and the regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the infestation of the soviet apparatus and district institutions with class-alien people. January – September 1927 / GADNIKO. F. 29. Op. 5. Unit of storage 19. k. 27. On 42 p.
17. Circulars and correspondence on party education, anti-religious and other cultural and educational work. 1926 / GADNIKO. F. 29. Op. 4. Unit of storage 169. K. 26. On 159 p.

Чернова Л.М.
Аспирантка. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Заведующая Информационно-издательским отделом ФГБУК «ГИХиЛ Музей-заповедник «Абрамцево».

Ф.И. Тютчев как политический мыслитель: исследование взглядов поэта на ключевые события политической истории*

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов на политическую ситуацию своего времени философа, поэта и дипломата Ф.И. Тютчева, отраженных в его обширной переписке. Основные аспекты политической мысли Ф.И. Тютчева во второй половине XIX века сосредоточены на Востоке, Франции и Германии. Его выдающееся понимание политической обстановки, способность детально анализировать и точно описывать международные обстоятельства и общественное мнение придают историческую ценность письмам поэта.

Ключевые слова: дипломатия, XIX век, общественное мнение, политика, история России и Европы, Тютчев, поэзия, творчество Тютчева.

Chernova L.M.
Postgraduate student of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Head of Information and Publishing Department Federal State Budgetary Institution "GIHL Museum-Reserve "Abramtsevo".

F.I. Tyutchev as a political thinker: a study of the poet's views on the key events of political history

Abstract. The article is devoted to the analysis of the views on the political situation of his time of the philosopher, poet and diplomat F.I. Tyutchev, reflected in his extensive correspondence. The main aspects of F.I. Tyutchev's political thought in the second half of the 19th century are focused on the East, France and Germany. His outstanding understanding of the political situation, the ability to analyze in detail and accurately describe international circumstances and public opinion give historical value to the poet's letters.

Key words: diplomacy, 19th century, public opinion, politics, history of Russia and Europe, Tyutchev, poetry, Tyutchev's work.

* © Чернова Л.М., 2025.

Введение

Фёдор Иванович Тютчев, выдающийся русский поэт и дипломат, чутко воспринимал политическую динамику своего времени. Оценка им важнейших политических событий в Европе XIX века, таких, как «греческие дела», положение Германии после революции 1848-1849 годов, Восточный вопрос, Франко-прусская война и создание Третьей республики, представляет значительный интерес для исследователей.

В 1822 году Ф.И. Тютчев поступил на службу «сверх штата» в российскую дипломатическую миссию в Мюнхене. Бавария в это время не играет существенной роли в европейской политике. Собственно дипломатических задач у российских представителей в Мюнхене почти не было. Чрезвычайный посол и полномочный министр граф И.И. Воронцов-Дашков писал графу К.В. Нессельроде о Ф.И. Тютчеве: «Несмотря на малое количество дела, которое будет у этого чиновника на первых порах его пребывания здесь, я все же постараюсь, чтобы он не зря потерял время, столь драгоценное в его возрасте» [2, с. 41]. Тем не менее, за три первых года работы Федора Ивановича его рукой было написано всего 9 депеш. В 1828 году новым послом в Мюнхене был назначен И.А. Потемкин. В это же время камер-юнкер Тютчев был назначен вторым секретарем миссии. Потемкин начинает активнее задействовать Тютчева в делах миссии. В честь Адрианопольского мира король Баварии Людвиг написал на немецком языке стихотворение «Николаю I», которое посол направил императору именно в переводе Тютчева.

К 1829 году Ф.И. Тютчев принимает активное участие в европейской общественной жизни. И.С. Гагарин вспоминал: «В этом мире Тютчев был вполне на месте и встречал радушный прием; он вносил в гостиные свой пылкий ум, ум, скрывавшийся под небрежной внешностью, который, казалось прорывался помимо его воли ослепительными остротами: его находили оригинальным, остроумным, занимательным» [4, с. 60-61]. Карл Пфеффель писал сестре Эрнестине Дёрнберг из замка баронов Сетто: «На днях мы были приятно удивлены приездом г-на Тютчева; он направляется в Мариенбад, и г-жа Сетто, конечно, убедила его задержаться здесь. Он уезжает сегодня вечером» [12, с. 123]. И через несколько дней добавляет: «Мирное существование в Эглоффсхейме нарушено. Г-н Тютчев оказался камнем, брошенным в воду, и с тех пор здесь не прекращаются политические дискуссии, хотя главный возбудитель их уже отбыл» [13, с. 126]. Среди знакомых поэта было достаточно много известных людей: один из выдающихся государственных деятелей гр. Максимилиан Монжела, философ Фридрих Шеллинг, ректор Мюнхенского университета Фридрих Тирш и т.п.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ политических взглядов Ф.И. Тютчева, отраженных в его переписке, а также

выявление и систематизация его представлений о важнейших событиях и тенденциях политической истории XIX века.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и систематическом анализе политических взглядов Ф.И. Тютчева, основанном на широком круге источников, включая ранее малоизученную переписку поэта. Впервые предпринята попытка целостного осмысления его геополитических концепций и их влияния на формирование его художественного мира.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования используются, прежде всего, эпистолярное наследие Ф.И. Тютчева, опубликованное в различных собраниях сочинений и отдельных изданиях, а также его статьи и публицистические произведения. Кроме того, привлекаются работы ведущих исследователей творчества Тютчева, посвященные различным аспектам его биографии и интеллектуальной деятельности.

Результаты и обсуждения

1. Восточное направление мировой политики XIX века в переписке Ф.И. Тютчева

Фридрих Тирш, посвятив себя изучению языка и культуры Древней Греции, принимает близко к сердцу судьбы современных греков, вовлекает Ф.И. Тютчева в «греческие дела». С начала русско-турецкой войны Тирш видел в России освободительницу греков и вершительницу их судьбы. Когда победа в войне была предрешена, он начал обдумывать проблемы создания нового государства – освобожденной Греции.

Тирш считал, что это государство будет монархическим, и придавал первостепенное значение избранию будущего монарха. Естественно, короля следовало бы выбрать из видных деятелей греческого освободительного движения, но в этой среде не было согласия, она распадалась на враждующие группировки. Альтернативой было избрание иностранца, но это было опасно, так как чужестранец не знал языка и обычаев народа.

Оптимальным решением было бы избрание малолетнего принца из царствующих домов Европы, который к моменту совершеннолетия смог бы подготовиться к управлению. Тирш предложил кандидатуру 14-летнего принца Оттона, второго сына короля Баварии.

10 сентября, за несколько дней до заключения Адрианопольского мира, Тирш обратился к королю Людвигу с письмом, в котором изложил свой проект. Он также развил его в «записке» к известному эллинофилу Жану Габриэлю Эйнару [25, с. 310], датированной 10 ноября 1829 г. Хотя формально письмо адресовалось Эйнару, настоящим адресатом был император

Николай I, которого Тирш видел гарантом независимости Греции. Чтобы донести проект до Николая I, Тирш решил обратиться к Российскому посольству в Мюнхене. Он не знал главу миссии И.А. Потемкина, но был знаком с Тютчевым и передал ему письмо к Эйнару, копию отправив королю. Тирш также сообщил о своих попытках донести информацию до императора. Пакет с документами был отправлен через Тютчева, однако Потемкин отказался отправить его от имени миссии. Как бы то ни было, спустя два с половиной года принц Оттон был рекомендован на трон Греции на конференции держав-покровительниц.

Но в 1833 году «греческий вопрос» неожиданно вновь заявил о себе и потребовал от нового посла действий незамедлительных и решительных. 13 июля гр. Нессельроде направил Г.И. Гагарину секретную депешу с сообщением, что правительство Франции стремится упрочить свое влияние в Греции путем заключения брака короля Оттона с одной из принцесс Орлеанского дома, и поручило своему послу в Навплии барону Руану добиться согласия Регентства на этот союз. Необходимо было предотвратить осуществление планов французского правительства. Глава Мюнхенской миссии, кн. Г.И. Гагарин, получает указание императора «обратиться прямо к королю Баварии с целью убедить сего Государя воспользоваться своим родительским Авторитетом, дабы своевременно отклонить и предотвратить союз, который отнюдь не послужит к упрочению спокойствия и процветания Греции» [3, с. 240-241]. Король составляет письмо для сына, которое он должен был получить от русского посла Катакази, минуя руки Регентства. 17 сентября Тютчев прибыл в греческую столицу. Король Оттон в это время находился в длительной поездке по стране, и посол Катакази поручил Тютчеву разыскать короля и передать ему письмо. Правда, к тому моменту выяснилось, что в увещаниях короля Людвига сыну по поводу предполагаемого брака с французской принцессой уже не было необходимости [5, с. 400].

Ф.И. Тютчев продолжает интересоваться греческим и восточным направлением мировой политики. Связано это, в первую очередь, с охватившей Европу эпидемией революций и распространением там коммунистических идей, которые представляются поэту несущими для Европы гибель. Начало Крымской войны он воспринимает как начало исполнения его пророчества. Кажется, совсем скоро Греко-российская Восточная империя станет реальностью. «...Если бы Запад был един, мы – я полагаю – погибли бы. Но их два: Красный и тот, который должен им быть поглощен. Мы оспаривали его у него в продолжение сорока лет – и вот мы на краю бездны…».

2. Размышления Ф.И. Тютчева о политике Германии, ее внутренних противоречиях и будущем

В 1850 году злободневная тема европейской политики – ситуация в Германии после Прусской революции 1848-1849 гг. и принятия новой конституции 1850 г. Ф.И. Тютчев в своем письме К. Пфеффелю от 12 ноября 1850 г. [14, с. 110] отмечает, что император Николай I и российские дипломатические круги «успокоились относительно германских дел... В настоящее время общее мнение в Петербурге склоняется к тому, что междоусобная война в Германии на этот раз будет предотвращена, <…> подобного результата живейшим образом желает наш кабинет» [14, с. 112].

Вернуться к размышлениям о балансе сил в Европе Ф.И. Тютчева подвигает известие о начале франко-прусской войны, которое застает его в Варшаве, куда поэт выезжает для лечения: «По приезде моем сюда я узнал, что война объявлена. Это все равно, что начало конца света. Воздерживаюсь от размышлений, ибо ум человеческий приведен в замешательство и оцепенение ввиду подобных возможностей…» [20, с. 11]. Поэт считает, что все происходящее закономерно вытекает из логики развития Второй постреволюционной империи, которая должна привести к гибели Европы: «…Теперь мы положительно стоим перед лицом того европейского кризиса… предчувствие коего тяготело над миром, подобно кошмару, в течение двух поколений – той эпохи крови и разрушения, которая с 1851 года была предуказана мне в ближайшем будущем под страшным наименованием Великая Резня народов» [7, с. 190].

При этом нужно учитывать, что такого рода пророчества поэт адресует, как правило, своей дочери Анне, а через нее И.С. Аксакову и славянофилам, на тот момент близким ему по духу. Вскоре Федор Иванович пишет Анне Федоровне новое менее эмоциональное и взвешенное письмо. Ему уже не кажется, что этот конфликт неизбежно приведет к процветанию России, наоборот, он тревожно обдумывает опасности, с ним связанные. Дальнейшее развитие боевых действий подтверждает точность анализа поэта, уже 21 августа 1870 г. произошла знаменитая битва при Седане – французская армия была полностью разбита, император Наполеон III попал в плен, Вторая империя перестала существовать. Ей на смену пришла Третья республика.

Поражение Франции огорчает поэта – залогом счастливого будущего России он видит разобщенную Европу. В сложившейся ситуации Германия захватывает лидирующее положение и, по мнению Тютчева, будет стремиться к объединению, да еще и под флагом воинственной Пруссии: «Ведь падение Франции… было бы тем не менее огромным бедствием со всех точек зрения, особливо же с точки зрения нашей собственной будущности… Ибо насколько соперничество сил, образующих Западную Европу, составляет главнейшее условие этой будущности, настолько же окончательный перевес одной из них над другой явится страшным камнем преткновения

на открывшемся перед нами пути, и пуще всего на свете – неминуемое объединение Германии …» [7, с. 191]. «Если этой ужасной войне суждено будет завершиться полным торжеством Пруссии, то для нас создастся весьма опасное и угрожающее положение [8, с. 197].

При этом поражение, по мнению Ф.И. Тютчева, может неоспоримо улучшить французскую действительность, потому что приведет к «торжественному и бесповоротному отречению от бонапартизма» [15, с. 162].

3. Анализ политической жизни Франции в письмах Ф.И. Тютчева

Еще одно важное направление политических рассуждений Ф.И. Тютчева – Франция, к событиям в этой стране он обращается неоднократно на страницах своих писем: февральская революция 1848 г., захват власти Луи Бонапартом и создание Второй империи, франко-прусская война, создание Третьей республики – все это факторы, осложняющие и изменяющие политическую обстановку в Европе в целом.

Конечно, поэт хорошо осознает противоречивость политической ситуации в этом регионе. Даже в 1865 г. Ф.И. Тютчев все еще уверен, что революция до конца не завершилась, а политическая жизнь Франции – бесплодна. Между тем, в 1865 г. он находится в Париже в отпуске, встречается со многими высокопоставленными придворными Наполеона III, например, с родственниками императора, семьей Таше. Присутствует он и на заседаниях Законодательного корпуса [17, с. 66]. Отмечает поэт и нестабильность политики Наполеона III, его резкость по отношению даже к близким людям. В его представлении, это послужит причиной разрушения государственного строя Второй империи: «Но что скажете вы о наполеоновском désaveu (неудовольствии) по отношению к своему двоюродному братцу? (Речь идет о выступлении принца Наполеона Бонапарта (двоюродного брата Наполеона III) в Аяччо на открытии памятника семье Бонапарт. Политическая программа принца вступила в противоречие с внешней политикой императора, что вызвало негативную реакцию [10, с. 25].

Правильность мысли Ф.И. Тютчева подтвердится уже через 5 лет. По всей видимости, поэт вообще не верит в устойчивость Второй империи, и любые негативные события расценивает как признаки близкого и неминуемого конца. На его взгляд, на революционном фундаменте совершенно невозможно построить здание стабильной государственности.

Политические отношения России и Европы в это время метко описал французский поверенный в делах в Петербурге Габриак: «Россия нейтральна, но ее нейтралитет дружественен Франции, император нейтрален, но его нейтралитет благоприятен Пруссии» [1, с. 180]. Действительно, общественное мнение и внешнеполитический курс высших правительственных кругов диаметрально противоположны [21, с. 23]. Поэт утверждает, что такая

позиция очень раздражает императора, ведь его подданные не разделяют его чувства к Пруссии. Поэтому и прием Тьера петербургским двором был «очень учтивым» [22, с. 24]. Но и только.

Визит Тьера был только первым шагом французской дипломатии, которая с осени 1870 г. предпринимает усилия к тому, чтобы Российская империя вмешалась во франко-прусские отношения. Ф.И. Тютчев отмечает: «Распускают слухи об умиротворении, которое приписывают дружественному вмешательству российского императора, коему обе стороны расположены предложить роль посредника… Но я боюсь, увы! Что это слишком хорошо, чтобы быть верным…» [23, с. 38].

«Старой Франции, исторической Франции» больше нет, вместо нее «два народа, противопоставленных друг другу и воюющих друг с другом; из них один – деревенское население – желает лишь такого правительственного строя, который охранял бы его интересы, будь это правительственный строй Наполеона III или самого дьявола; другой – революционная Франция – жаждет только стряхнуть Бога и всякий закон, от него исходящий, дабы не чувствовать никаких стеснений» [16, с. 169].

Действительно, эта формулировка довольно точно описывает состояние Франции перед событиями Парижской коммуны.

Приблизительно с марта 1871 г. внешнеполитические симпатии императора начинают меняться в пользу Франции. Ф.И. Тютчев не в восторге от Третьей республики, как он ее называет, «республики господина Тьера» [9, с. 196-197]. Он предпочел бы возвращение династии Бурбонов, впрочем, не считает это действительно возможным. Тем не менее, поэт предпочитает Францию в противовес германскому милитаризму, он убежден в необходимости оборонительного союза против Германии: «Разгулявшемуся милитаризму стало душно в нынешней узенькой рамке, хотя на север, на юг и на запад она в последнее время порядочно-таки пораздвинулась; ему хотелось простора, и где же его искать, как не на Востоке» [11, с. 8]. При этом Федор Иванович связывает будущее Франции именно с дружбой с Россией: «Действительно, если у Франции есть еще будущее, то одно из самых важных для нее условий – это понять, что такое Россия в ее сущности, в ее исторической миссии, <…> предназначенной к тому, чтобы быть естественной союзницей латинских рас и, в особенности, Франции» [19, с. 103].

Выводы

В своём письме к А.Ф. Тютчевой Фёдор Иванович Тютчев ясно изложил свои основополагающие идеи относительно внешней политики России. Он допускает возможность краткосрочных союзов, но с твёрдым убеждением, что между Россией и Западом невозможен настоящий союз ни по вопросам интересов, ни по идеологическим принципам. По мнению Тютчева, все за-

падные государства, преследуя свои собственные цели, наносят ущерб России, особенно её будущему.

Поэтому, единственно верной политикой России по отношению к западным державам является политика «разделяй и властвуй», направленная на ослабление их единства. Лишь в условиях взаимной вражды и разделения Запад перестаёт представлять для России реальную угрозу.

Тютчев признаёт, что такая позиция может показаться жёсткой, но считает её неизбежным следствием исторической судьбы России как народа и как империи. Единственный способ изменить эту ситуацию – отказаться от своей русской идентичности [18, с. 35].

Основные направления политической мысли Ф.И. Тютчева – Восток, Франция, Германия. Необычайно тонкое чувство политической ситуации, умение точно анализировать и детально описывать международное положение и общественное мнение придают письмам поэта неоспоримое историческое значение, сам Тютчев отмечал: «Бывают минуты, когда я задыхаюсь от своей бессильной прозорливости, подобно заживо погребенному, который приходит в себя» [24, с. 50]. Кроме того, многие темы его размышлений не теряют своей актуальности и до сих пор. И.С. Аксаков писал о Тютчеве: «В сроке и способе разрешения поставленных Тютчевым вопросов ему приходилось нередко и ошибаться… Но время не упразднило самих вопросов, а многие из них поставило еще резче» [6, с. 129].

Таким образом, глубокие наблюдения Ф.И. Тютчева и критический анализ политической ситуации придают значимость его письмам как историческому источнику. Взгляды Тютчева остаются важным вкладом в изучение как российской, так и европейской исторической мысли и политики.

Библиографический список:

1. Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. – М.: 2010. 189 с.
2. Депеша без даты (№ 11); получена 28 июля / 9 августа 1828 г. // АВПРИ. Канцелярия МИД. № 8060. Л. 25 (на франц. яз.). Перевод К.В. Пигарева. Литературное наследство / РАПП и Институт ЛИЯ Комакадемии. № 2 (1932). Москва, 1932. 41 с.
3. Депеша АВПРИ. Канцелярия МИД. 1833. № 142. Л. 237-248.
4. Динесман Т.Г. Тютчев в Мюнхене (К истории дипломатческой карьеры) / Тютчевский сборник. 2. Ред. Киселева Любовь Николаевна, Лейбов Роман Григорьевич, Юнггрен Анна. – М.: 1999, С. 60, 61.
5. Копия депеши была передана И.С. Гагариным Анне Тютчевой и хранится в семейном архиве потомков Тютчева. Первая публикация - Известия АН СССР по русскому языку и словесности. 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 529 (на фр. яз.) и 533 (пер.).
6. Пигарёв К.В. Жизнь и творчество Ф.И. Тютчева. М., 1962., с. 129
7. Письмо А.Ф. Аксаковой, 31 июля / 12 августа 1870 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 190–191 об.
8. Письмо А.Ф. Аксаковой, 7 августа 1870, РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 197-198 об.
9. Письмо А.Ф. Аксаковой, 19 октября 1870 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 196–197 об.
10. Письмо А.И. Георгиевскому, 17 мая 1865 г., РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 25–26 об.
11. Письмо А.М. Горчакову, 3 ноября 1870 г., ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 8.
12. Письмо Карла фон Пфеффеля Эрнестине фон Дёрнберг. 21 июля 1834 г. // Архив Музея-заповедника «Усадьба Мураново» имени Ф.И. Тютчева. Ед. хр. 480. Л. 123-124.
13. Письмо К. Пфеффеля Эрнестине фон Дёрнберг. 26-27 июля 1834 г. // Мураново. Ед. хр. 480. Л. 126

14. Письмо Карлу фон Пфеффелю, 12 ноября 1850 г. Архив Музея-заповедника «Усадьба Мураново» имени Ф.И. Тютчева. Ед. хр. 472. Л. 110-112.
15. Письмо Карлу фон Пфеффелю, 9 сентября 1870. Архив Музея-заповедника «Усадьба Мураново» имени Ф.И. Тютчева. Оп.1. Ед. хр. 486, л. 162.
16. Письмо Карлу фон Пфеффелю, 25 октября 1870, Архив Музея-заповедника «Усадьба Мураново» имени Ф.И. Тютчева. Оп.1. Ед. хр. 487, л. 169.
17. Письмо А.Ф. Тютчевой, 17/29 марта 1865 г., РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 66–67 об.
18. Письмо А.Ф. Тютчевой 26 июня 1864 г. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 34–35 об.
19. Письмо Е.Ф. Тютчевой, 22 сентября 1871 г. РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 103–104 об.
20. Письмо Эрн. Ф. Тютчевой, 30 июля/11 августа 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 11–12 об.
21. Письмо Эрн. Ф. Тютчевой, 20 сентября 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 22-23 об.
22. Письмо Эрн. Ф. Тютчевой, 27 сентября 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 24-25.
23. Письмо Эрн. Ф. Тютчевой, 9 октября 1870 г., РГБ. Ф. 308. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 38-39.
24. Письмо Эрн. Ф. Тютчевой 9 июня 1854 г. РГБ. Ф. 308. К. 1. Ед. хр. 19. Л. 50-51 об.
25. Thiersch F. De l'état actuel de la Grece et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833. V. I. P. 308-313.

Reference

1. Grigoriev B.N. Everyday life of the tsarist diplomats in the 19th century. – Moscow: 2010. 189 p.
2. Dispatch undated (No. 11); received on July 28 / August 9, 1828 // AVPRI. Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs. No. 8060. L. 25 (in French). Translated by K.V. Pigarev. Literary heritage / RAPP and the Institute of Foreign Languages of the Communist Academy. No. 2 (1932). Moscow, 1932. 41 p.
3. Dispatch of AVPRI. Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs. 1833. No. 142. L. 237-248.
4. Dinesman T.G. Tyutchev in Munich (On the history of his diplomatic career) / Tyutchev's collection. 2. Ed. Kiseleva Lyubov Nikolaevna, Leibov Roman Grigorievich, Jungren Anna. - M .: 1999, pp. 60, 61.
5. A copy of the dispatch was given by I.S. Gagarin to Anna Tyutcheva and is kept in the family archive of Tyutchev's descendants. First published - Bulletin of the USSR Academy of Sciences on Russian Language and Literature. 1928. Vol. 1. Book 2. P. 529 (in French) and 533 (transl.).
6. Pigarev K.V. Life and Work of F.I. Tyutchev. M., 1962., p. 129
7. Letter to A.F. Aksakova, July 31 / August 12, 1870, RGALI. F. 10. Op. 2. Unit 37. L. 190–191 rev.
8. Letter to A.F. Aksakova, August 7, 1870, RGALI. F. 10. Op. 2. Unit 37. L. 197–198 rev.
9. Letter to A.F. Aksakova, October 19, 1870, RGALI. F. 10. Op. 2. Unit 37. L. 196–197 rev.
10. Letter to A.I. Georgievsky, May 17, 1865, RGALI. F. 505. Op. 2. Unit 2. L. 25–26 rev.
11. Letter to A.M. Gorchakov, November 3, 1870, GARF. F. 828. Op. 1. Item 726. Shelf 8.
12. Letter from Karl von Pfeffel to Ernestine von Dörnberg. July 21, 1834 // Archive of the F.I. Tyutchev Muranovo Estate Museum-Reserve. Item 480. Shelf 123-124.
13. Letter from K. Pfeffel to Ernestine von Dörnberg. July 26-27, 1834 // Muranovo. Item 480. Shelf 126
14. Letter to Karl von Pfeffel, November 12, 1850. Archives of the F.I. Tyutchev Muranovo Estate Museum-Reserve. Unit 472. Shelf 110-112.
15. Letter to Karl von Pfeffel, September 9, 1870. Archives of the F.I. Tyutchev Muranovo Estate Museum-Reserve. Op. 1. Unit 486, Shelf 162.
16. Letter to Karl von Pfeffel, October 25, 1870, Archives of the F.I. Tyutchev Muranovo Estate Museum-Reserve. Op. 1. Unit 487, Shelf 169.
17. Letter from A.F. Tyutcheva, March 17/29, 1865, RGALI. F. 10. Op. 2. Unit 37. L. 66–67 rev.
18. Letter from A.F. Tyutcheva, June 26, 1864, RGALI. F. 505. Op. 1. Unit 83. L. 34–35 rev.
19. Letter from E.F. Tyutcheva, September 22, 1871, RGALI. F. 505. Op. 1. Unit 74. L. 103–104 rev.
20. Letter from Ern. F. Tyutcheva, July 30/August 11, 1870, Russian State Library. F. 308. Op. 2. Unit 6. L. 11–12 rev.
21. Letter from Ern. F. Tyutcheva, September 20, 1870, Russian State Library. F. 308. Op. 2. Unit 69. L. 22–23 rev.
22. Letter from Ern. F. Tyutcheva, September 27, 1870, Russian State Library. F. 308. Op. 2. Unit 69. L. 24–25.
23. Letter from Ern. F. Tyutcheva, October 9, 1870, Russian State Library. F. 308. Op. 2. Unit 69. L. 38–39.
24. Letter from Ern. F. Tyutcheva June 9, 1854. Russian State Library. F. 308. K. 1. Unit of storage 19. L. 50-51 rev.
25. Thiersch F. De l'état actuel de la Grece et des moyens d'arriver à sa restauration. Leipzig, 1833. V. I. P. 308-313.

Черкасов А.В.
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова – филиала ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Козлов М.Н.
Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет.

Вариативность подходов к выделению ключевых факторов становления человека современного антропологического вида в работах крымских археологов XX в.*

Аннотация. Черкасов А.В., Козлов М.Н. Вариативность подходов к выделению ключевых факторов становления человека современного антропологического вила в работах крымских археологов XX в. В статье охарактеризованы взгляды ведущих ученых прошлого столетия по вопросу установления ключевых детерминант в процессе антропогенеза. В частности, модели немецкого антрополога Ф. Вейденрейха (морфологическо-церебральный) и советских исследователей Г.А. Бонч-Осмоловского (морфологическо-трудовой) и Я.Я Рогинского (морфологическо-социальный). Приводится современный подход к проблеме, основанный на интеграции указанных моделей.

Ключевые слова: первобытная история и археология Крыма, палеоантропы, антропогенез, историография каменного века.

Cherkasov A.V.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at the Vice Admiral V.A. Kornilov Maritime Institute– the branch of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University.

Kozlov M.N.
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and World Culture of Sevastopol State University.

* © Черкасов А.В., Козлов М.Н., 2025.

Variability of approaches to the identification of key factors in the formation of a modern anthropological person in the works of Crimean archaeologists of the twentieth century

Abstract. Cherkasov A.V., Kozlov M.N. Variability of approaches to the identification of key factors in the formation of a modern anthropological person in the works of Crimean archaeologists of the twentieth century. The article describes the views of the leading scientists of the last century on the issue of establishing key determinants in the process of anthropogenesis. In particular. the models of the German anthropologist F. Weidenreich (morphological-cerebral) and Soviet researchers G.A. Bonch-Osmolovsky (morphological-labor) and Ya.I am Roginsky (morphological and social). A modern approach to the problem based on the integration of these models is presented.

Key words: primitive history and archeology of Crimea, paleoanthropy, anthropogenesis, historiography of the Stone Age.

Среди приоритетных направлений изучения каменного века в отечественной науке отдельную позицию занимает вопрос обоснования факторов, детерминировавших качественный, поступательно направленный генезис морфологии древних людей. В отечественной литературе первой половины XX в., в контексте разработки трудовой теории антропогенеза, данный вопрос считался одним из ключевых. Планомерное археологическое исследование палеолитических памятников и местонахождений Крымского полуострова – важного в историческом отношении региона России, во многом способствовало материальному подтверждению выдвигаемых антропологических моделей и формированию новых методологических подходов. Их характеристика, как пример грамотной комплементарной научной дискуссии в обозначенном хронологическом диапазоне, является предметом настоящей публикации.

В первой половине прошлого века среди взглядов на приоритетные факторы становления человека современного вида, наиболее распространенными в ученой среде, стали гипотезы:

– Франца Вейденрейха (1873 – 1948);

– Г.А. Бонч-Осмоловского (1890 – 1943);

– Я.Я Рогинского (1895 – 1986).

Отметим, что предположения отечественных авторов основывались, в целом, на крымском полевом материале (в первую очередь, исследования антропологических останков стоянки Киик-Коба).

Гипотеза немецкого антрополога, автора теории гигантоидного происхождения человека, Франца Вайденрейха, преобладавшая в среде западно-

европейских специалистов, принимала в качестве основы совершенный по своей структуре мозг человека как наиболее показательное отличие Homo sapiens от других палеоантропов [5, с. 184-185]. Специфика строения человеческого черепа обуславливалась преимущественно увеличением относительной величины мозга и изменением общих параметров тела. То есть, при увеличении размеров мозгового отдела черепа, замедленно увеличивался и челюстной, и, в итоге, отношение челюстных диаметров к мозговым постепенно сокращалось. При уменьшении челюстей укорачивалась прецеребральная часть лобной кости, ослабевал выступ надглазничного края и разрастания костей в области прикрепления височной мышцы. Череп постепенно приобретал сферическую форму, область переносицы углублялась, а поверхность лобной кости круто поднималась кверху, приближаясь к современным параметрам [4, с. 252-256].

Таким образом, Ф. Вайденрейх акцентировал, что для человеческого мозга характерным является прямолинейное прогрессивное развитие, а основным показателем Homo sapiens есть развитое мышление. При всей логичности и аргументированности, утверждение автора не обозначало причин усовершенствования самого мозга, фактически констатируя факт. Кроме этого, подтверждений не было и в самих палеоантропологических материалах того времени [6].

Вторая гипотеза русского археолога Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского, оформление которой относиться к 1920-м гг., основывалась на полевых исследованиях ученого на территории Крыма. 15 сентября 1924 г. экспедицией под руководством Г.А. Бонч-Осмоловского в гроте Киик-Коба (к востоку от Симферополя в районе пгт Зуя) было открыто первое на полуострове документально зафиксированное захоронение первобытного человека (ребенка и взрослого). От взрослого палеоантропа в анатомическом порядке сохранились кости правой голени и полностью обеих стоп. Кроме этого, были найдены другие кости: два запястья, две пяточных кости, пять фаланг, восемнадцать костей кисти руки и один зуб [2, с. 7]. Кроме черепа и зубов у детского скелета, уцелели почти все части, однако по причине несовершенства метода закрепления костей (для начала XX в.), останки были извлечены с потерями Антропологическое открытие на стоянке Киик-Коба стало первой находкой костей мустьерского человека не только на территории Крыма, а всего СССР в целом (если не учитывать утерянные кости человека, найденные К.С. Мережковским в Качинском Навесе в 1879 г., и коренной зуб, обнаруженный Г.А. Бонч-Осмоловский на стоянке Сюрень I) [2, с. 13].

Последующее внимательное комплексное изучение останков, в том числе и найденной кисти, позволило установить, что конечность древнего человека отличалась от современной человеческой относительной шириной

и своеобразием строения. В связи с этим, Г.А. Бонч-Осмоловский предположил, что характерной чертой современного человека является именно совершенная кисть, способная выполнять вариативные трудовые операции [3]. Автор полагал, что все другие особенности морфологии жителя Киик-Кобы были связаны с корреляцией кисти и развивались вслед за её преобразованием.

Гипотеза Г.А. Бонч-Осмоловского, связывающая своеобразие Homo sapiens с развитием кисти в процессе овладения трудовыми операциями, была уточнена во второй половине XX в., в процессе дальнейших исследований в Крыму (А.А. Формозова – на стоянке Староселье (Салачик), Ю.Г. Колосова – на стоянках в Красной балке и Сары-Кая). Указанные авторы подчеркивали, что принципиальное усовершенствование строения человеческой кисти относится к более ранним стадиям антропогенеза, чем переход от палеоантропов к человеку современного физического типа. Кроме этого, при условии принятия факта, что качественные изменения человеческого мозга являются исключительным следствием эволюции кисти в процессе трудовой активности, первые изменения должны выражаться в развитии двигательных областей коры, а не в разрастании лобных долей, являющихся центрами ассоциативного мышления [12, с. 61-75].

Автор третьей гипотезы, один из основателей концепции «широкого моноцентризма» профессор Яков Яковлевич Рогинский, полемизируя с Ф. Ванденрейхом и Г.А. Бонч-Осмоловским, сомневался в том, что определяющим морфологическим отличием современных людей от поздних неандертальцев стало только лишь развитие мозга или совершенствование кисти. В 1936 г. на страницах «Антропологического журнала» автор выступил со статьей «К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции», в которой обозначил поступательный ход морфологических изменений, которые детерминировали возникновение современного человека. По мнению ученого ими объективно явилось развитие лобных долей мозга вследствие усовершенствования вариативного набора социальных функций: адаптации, целедостижения, интеграции, поддержания и другие [7; 8]. Я.Я. Рогинский отмечал, что разрастание лобных долей расширяло сферу высшего ассоциативного мышления у древнего человека, способствуя усложнению форм общественной жизни и разнообразию видов трудовой деятельности. И, таким образом, обуславливало изменения в строении тела, физиологических функциях и моторных навыках по сравнению с неандертальцем. [10].

Таким образом, к середине XX в. в исторической науке оформилось три основных подхода к решению вопроса о доминирующих факторах в процессе становления Homo sapiens:

Подход	Автор	Определяющий фактор
Морфологический (церебральный)	Ф. Вайденрейх	Поступательное развитие головного мозга
Морфологический (трудовой)	Г.А. Бонч-Осмоловский	Развитие кисти в процессе трудовой деятельности
Морфологический (социальный)	Я.Я. Рогинский	Формирование и совершенствование более высокой формы социальных связей

Археологические экспедиции 1950 – 1980-х гг. (под руководством А.А. Формозова, Е.А. Векиловой, Ю.Г. Колосова, В.Н. Степанчука, В.П. Чабая, А.А. Яневича и других) подтвердили значение социальных феноменов в процессе жизнедеятельности ранних человеческих коллективов. В процессе интерпретации, компаративистики и анализа гипотез Ф. Ванденрейха, Г.А. Бонч-Осмоловского и Я.Я. Рогинского, в теории антропогенеза утвердилось мнение, что определяющим фактором становления Homo sapiens явилось наличие общественных коммуникаций стало [11].

Таким образом, к концу прошлого столетия к ведущим факторам формировании человека современного типа стали относить:

1. Социальность как система общественных отношений, интегрированную в процессе совместной материальной и духовной деятельности индивидами или группами индивидов в условиях первобытного времени.

2. Адекватное приспособление к жизни в коллективе.

3. Как результат: создающийся новый морфологический и психологический тип [1; с. 291] в эволюции человека, как качественно нового, социального существа.

Библиографический список:

1. Алексеев В.П. Становление человечества / Валерий Павлович Алексеев. – М.: Политиздат. 1984. 462 с.
2. Бахолдина В.Ю. Ископаемые гоминины и их имена / Варвара Юрьевна Бахолдина. – М.: Товарищество научных изданий КМК. 2023. 141 с.
3. Бонч-Осмоловский, Г.А. Палеолит Крыма: в 3 вып. Вып. 1: Грот Киик-Коба. Вып. 2: Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. Вып. 3: Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. Под ред. и доп. В.В. Буняка. 1954. 399 с.
4. Бонч-Осмоловский Г.А. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба и ее значение в проблеме антропогенеза / Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский // КСИИМК. 1939. № 2. С. 6-8.
5. Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас / В.В. Бунак – Москва: Изд-во Акад. наук СССР 1959. 284 с.
6. Вейденрейх Ф. Раса и строение тела / проф. Ф. Вейденрейх; пер. с нем. Г.И. Петрова; с дополнительной статьей антрополога Акад. наук СССР Б.Н. Вишневского «Русские работы по конституции человека» / Ф. Венденрейх. – Москва; Ленинград: Госуд. изд-во. 1929. 271 с. 1 вклад. л. табл.
7. Левин М.Г. Новая теория антропогенеза Ф. Вейденрейха / Максим Григорьевич Левин // Советская этнография. 1946. № 1. С. 213-218.

8. Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму / Константин Сергеевич Мережковский. – СПБ. 1980. 43 с.
9. Рогинский Я.Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции / Яков Яковлевич Рогинский // Антропологический журнал. 1936. № 3. С. 346-361.
10. Рогинский Я.Я. Происхождение современного человека и теория «полиицентризма» / Яков Яковлевич Рогинский // Советская этнография. 1947. № 1. С. 3-12.
11. Рогинский Я.Я. К вопросу о переходе от неандертальца к человеку современного типа / Яков Яковлевич Рогинский // Советская этнография. 1954. № 1. С. 143-149.
12. Степанчук В.Н. Поздние неандертальцы Крыма. Киик-Кобинские памятники (история исследования, локализация, стратиграфия, хронология, фауна, каменный инвентарь, происхождение, судьбы) / Вадим Николаевич Степанчук. – К.: Стилос. 2002. 217 с.
13. Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите / Александр Александрович Формозов // МИА. 1958. № 71. 125 с.

Reference

1. Alekseev V.P. Formation of Humanity / Valery Pavlovich Alekseev. – M.: Politizdat. 1984. 462 p.
2. Bakholdina V.Yu. Fossil Hominins and Their Names / Varvara Yuryevna Bakholdina. – M.: KMK Scientific Publications Partnership. 2023. 141 p.
3. Bonch-Osmolovsky, G.A. Paleolithic of Crimea: in 3 issues. Issue 1: Kiik-Koba Grotto. Issue 2: Hand of a Fossil Man from the Kiik-Koba Grotto. Issue 3: Skeleton of the Foot and Shin of a Fossil Man from the Kiik-Koba Grotto / Gleb Anatolyevich Bonch-Osmolovsky. – M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Ed. and add. V.V. Bunyak. 1954. 399 p.
4. Bonch-Osmolovsky G.A. Hand of a Fossil Man from the Kiik-Koba Grotto and Its Significance in the Problem of Anthropogenesis / Gleb Anatolyevich Bonch-Osmolovsky // KSIIMK. 1939. № 2. P. 6-8.
5. Bunak V.V. Human Skull and Stages of Its Formation in Fossil Man and Modern Races / V.V. Bunak – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences 1959. 284 p.
6. Weidenreich F. Race and Body Structure / prof. F. Weidenreich; trans. from German by G.I. Petrov; with an additional article by anthropologist of the USSR Academy of Sciences B.N. Vishnevsky "Russian Works on the Human Constitution" / F. Wendenreich. – Moscow; Leningrad: State. Publishing house. 1929. 271 p. 1 contribution. sheet. table.
7. Levin M.G. New theory of anthropogenesis of F. Weidenreich / Maxim Grigorievich Levin // Soviet ethnography. 1946. № 1. P. 213-218.
8. Merezhkovsky K.S. Report on preliminary studies of the Stone Age in Crimea / Konstantin Sergeevich Merezhkovsky. – St. Petersburg. 1980. 43 p.
9. Roginsky Ya.Ya. On the issue of periodization of the process of human evolution / Yakov Yakovlevich Roginsky // Anthropological journal. 1936. № 3. Pp. 346-361.
10. Roginsky Ya.Ya. The origin of modern man and the theory of "polycentrism" / Yakov Yakovlevich Roginsky // Soviet ethnography. 1947. № 1. P. 3-12.
11. Roginsky Ya.Ya. On the transition from Neanderthal to modern man / Yakov Yakovlevich Roginsky // Soviet Ethnography. 1954. № 1. P. 143-149.
12. Stepanchuk V.N. Late Neanderthals of Crimea. Kiik-Kobinsky monuments (history of research, localization, stratigraphy, chronology, fauna, stone inventory, origin, destinies) / Vadim Nikolaevich Stepanchuk. – K.: Stylos. 2002. 217 p.
13. Formozov A.A. Cave site Staroselye and its place in the Paleolithic / Alexander Alexandrovich Formozov // MIA. 1958. № 71. 125 p.

Галаева З.С.-Г.
Аспирант Исторического факультета, Ингушский государственный университет.

Мотивы и проблемы миграции населения*

Аннотация. Миграция является неотъемлемой частью истории человечества, представляющей собой сложный социально-экономический процесс. В зависимости от признаков классификации миграция оказывает существенное влияние на жизнь общества, включая возникновение культурного и этнического разнообразия. Масштабы миграции стремительно возрастают с развитием промышленности, торговли, науки и техники. Столкновение разных культур, религиозных и национальных традиций, несомненно, является следствием миграции. В ходе проведенного анализа автору удалось раскрыть сущность основных мотивов и проблем миграционных процессов в религиозном, межнациональном, социально-экономическом аспектах.

Ключевые слова: миграция, мотивы миграции, проблемы миграции.

Galaeva Z.S.-G.
Graduate student of the historical faculty of The Ingush State University.

Motives and problems of population migration

Abstract. Migration is an integral part of human history, representing a complex socio-economic process. Depending on the attributes of classification, migration has a significant impact on the life of society, including the emergence of cultural and ethnic diversity. The scale of migration increases rapidly with the development of industry, trade, science and technology. The clash of different cultures, religious and national traditions is undoubtedly a consequence of migration. In the course of the analysis, the author managed to reveal the essence of the main motives and problems of migration processes in religious, interethnic, socio-economic aspects.

Key words: migration, motives for migration, migration problems.

* © Галаева З.С.-Г., 2025.

Миграция населения – извечное и повсеместное условие существования человека, характерное для любых более или менее значительных общественных образований в любые времена. Миграция – это глобальный процесс, следствием которого становятся количественные и качественные изменения в структуре населения того или иного государства. «Вся современная картина размещения населения по земному шару создана в ее определяющих чертах миграцией населения»[1]. Объектом исследования явились миграционные процессы в целом, мотивы их происхождения, а также возникающие впоследствии проблемы.

Вопросы, касающиеся миграции населения изучались многими учеными, такими как Э.Г. Равенштайн, М. Пиор, О. Старк, Э. Ли, Л.Л. Рыбаковский, Г.С. Вечканов, М.В. Дараган, А.В. Тополин, В.А. Туев и др. Ряд авторов равноценно используют понятия мотив и фактор, подменяя одно другим. Большинство ученых, анализирующих причины и мотивы миграции, опираются на работы британского ученого Э.Г. Равенштайна, который считал, что миграция населения – это «непрерывный процесс», обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов: действующих непосредственно в стране проживания мигранта; действующих на стадии перемещения мигранта; действующих в месте въезда мигранта и факторов системы личных предпочтений. Равенштайн также полагал, что миграционные процессы форсируются в результате роста промышленности, торговли и развития транспорта. Опираясь на концепцию Э.Г. Равенштайна, Э. Ли также сформулировал собственную теорию, согласно которой факторы, связанные с принятием решения о миграции, делятся на 4 категории: факторы, связанные с регионом происхождения; факторы, связанные с районом назначения, промежуточные препятствия; личностные факторы. Американский исследователь М. Пиор считал, что миграция не столько обусловлена факторами в странах выбытия, сколько потребностями более развитых принимающих стран[2]. Также имеет место быть теория О. Старка, который считал, что мотивом миграции является решение не одного конкретного человека, а группы людей, например, семьи[3]. С течением времени и по мере изучения исследователями данного вопроса, количество выдвигаемых ими факторов, побуждающих к миграции, увеличивалось. Экономические, социальные, политические, этнические, религиозные, культурные – эти и некоторые другие мотивы указывались как отечественными, так и зарубежными исследователями.

---

1 *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. – М.: 1975. С. 9.

2 См.: *Блинова М.С.* Социология миграции: история становления и перспективы развития (учебное пособие). – М.: 2009. С. 77.

3 См.: *Саманчина Ж.Б.* Обзор классических и современных западных теорий миграции. // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2012. № 6. 208 с.

Также рядом ученых были изучены и проблемы миграции. Наиболее углубленно они были рассмотрены в трудах зарубежных авторов: Д. Пападеметриу, Гая С. Гудвина-Гилла, А. Инкельса, Д. Левинсона и др. Значительный вклад в исследование данного вопроса внесли и российские ученые, такие как Л.Л. Рыбаковский, В.А. Тишков, Л.А. Кононов, В.Ю. Леденёва, В.А. Ионцев и др.

Исторически с миграцией связаны процессы развития родоплеменных отношений, освоения земель, образования языков и народов. К самым ранним и наиболее масштабным миграционным процессам следует отнести происходившее во IV–VII веках Великое переселение народов, которое носило политический, экономический, этнический, климатический характер. Упадок Римской империи, активные войны, высокий уровень плотности населения, изменение климата, нашествие гуннов – все это стало причинами, приведшими к переселению народов. Это лишний раз доказывает, что миграция формируется под воздействием экономических, географических, демографических и других факторов. Из всего многообразия мотивов миграции стоит выделить основные: религиозные, этнические, политические, социальные, экономические, экологические.

Религия, несомненно, влияет на миграционные процессы. К религиозным мотивам миграции, прежде всего, стоит отнести переселение в поисках свободы вероисповедания, а также по причине религиозных преследований. Зачастую не удается достигнуть мирного сосуществования разных конфессий внутри одного государства, что приводит к различным конфликтам. В исследовании, проведенном научными сотрудниками Исследовательского центра Пью, сказано, что «в целом мигранты стремятся переехать в регионы, где их религия распространена среди коренного населения. Это может быть связано с религиозным сходством в пределах регионов – многие мигранты переезжают в соседние страны – а также с привлекательностью переезда в религиозно знакомое общество»[4]. Ярким примером является миграция, произошедшая в 1947 году, когда индуисты переселялись в Индию, а мусульмане – в Пакистан и Бангладеш, что привело к распаду Британской Индии на два независимых государства – Индию и Пакистан, а позже – отделение Бангладеш. Кроме того, тесная взаимосвязь миграции и религии приводит к распространению религий по миру. «Действительно, международные потоки мигрантов способствуют перераспределению «мировых религий» по регионам земного шара»[5].

4 Pew Research Center. The Religious Composition of the World's Migrants. Christians are the largest migrant group, but Jews are most likely to have migrated. 2024. 13 p.

5 Pew Research Center (2015). The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking as a Share of

Известный исследователь в области социальной психологии Н.М. Лебедева определяет этническую миграцию как «случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынужденно покидают территорию места формирования этноса и переселяются в иное географическое или культурное пространство»[6]. Человек покидает ту или иную территорию в связи с национальной самоидентификацией, межнациональными отношениями, возникающими этническими конфликтами и т.п. Причем этническая миграция может быть добровольной, при которой решение о перемещении с одного места на другое принимается свободно, по собственной воле, вынужденной – с целью избежать притеснения, и принудительной – например, в случаях депортации. Часто миграция этнических групп является вынужденной. «Вынужденная миграция выполняет функцию защиты и облегчения страданий людей от притеснений и жестокого обращения на этнической родине. Вынужденная этническая миграция в современном мире вызвана затяжными этнонациональными конфликтами»[7].

Смена власти, военные действия, революции, неприятие государственного строя, политические преследования относятся к политическим мотивам миграции населения. На протяжении всей истории человечества люди, чьи взгляды не совпадали с политикой, проводимой тем или иным государством, стремились мигрировать в другие страны. Наиболее ярким примером является политическая миграция второй половины XX века, сразу после окончания Второй мировой войны. Этот период, отличившийся большим количеством конфликтов, повлек за собой масштабную миграцию народов, значительную часть которой составили беженцы и перемещенные лица.

Повествуя о социальных мотивах миграции, автор считает целесообразным затронуть проблему социальной стратификации, при которой люди разделены по условным качествам. Одним из типов такой стратификации является кастовая стратификация, основанная на этнических различиях, закрепляемых религиозным порядком и ритуалами. Главный минус такого разделения заключается в невозможности перехода из одной касты в другую. Ввиду отсутствия такой возможности люди стремятся в те страны, где нет подобного устройства. Получение образования и повышение уровня квалификации также следует отнести к социальным мотивам миграции. Молодежь в целях получения образования в наи-

the World's Population. 12 p.

6 *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М.: 1993. С. 5.

7 *Чернобровкин И.П.* Этнический вигилентный конфликт: стратегии конфликтного управления (Курс лекций. Учебное пособие). – Ростов-на-Дону, 2019. С. 25.

более престижных учебных заведениях зачастую покидает не только город, но и страну проживания, что в ряде случаев является временным явлением, а в других – влечет за собой пребывание в месте миграции на постоянной основе.

Рассмотрим экономический аспект миграции. Желание улучшить свое материальное положение побуждает человека к смене местонахождения. Социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в своей работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» выявили, что «…Несмотря на множество уже перечисленных причин миграции, основными среди них были все же экономические»[8]. В свою очередь В.А. Ионцев отмечает: «какие бы причины ни определяли современную миграцию населения, главенствующая роль среди них принадлежит экономическим. Миграция населения имеет ярко выраженный экономический характер, обусловленный, в первую очередь, поисками нового места приложения труда»[9]. Экономическая миграция представляет собой сложный процесс перемещения трудоспособного населения, цель которого состоит в получении материальной выгоды. К одной из главных причин миграции следует отнести различия в доходах между странами. Государства, которые в состоянии предоставить своему населению более комфортные условия жизни, возможности для развития, личностного роста, достойную заработную плату, безусловно, являются максимально привлекательными для мигрантов. В качестве примера служит устремление европейцев в период Великих географических открытий в Америку, экономическими мотивами которого стали желание обогащения путем захвата золота, а также установление прямой торговой связи с Востоком, откуда поток товаров резко сократился.

Экологическая миграция существовала почти с момента зарождения общества. Изменения климата, загрязнение окружающей среды, экологические катастрофы побуждают человека покинуть привычное место обитания. Например, климатические изменения в виде перемещения русел рек в Месопотамии привело к экологической миграции населения с целью продолжать традиционный образ жизни и хозяйственной деятельности. В настоящее время существует большое количество предпосылок того, что множество людей могут оказаться в нехарактерных и почти непригодных для жизни климатических условиях: загрязнение биосферы, извержение вулканов, засухи, возможный скачок среднегодовой температуры, повышение уровня моря и т.п.

---

8 См.: *Ганжа А.О.* К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 54.

9 Современная демография (Учеб. пособие / А.Я. Кваша и др.); под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1995. С. 160.

«Миграция способствует обмену трудовыми навыками и производственным опытом, содействует развитию личности, влияет на семейный состав и половозрастную структуру, ведет к обновлению кадров, непосредственно связана с социальной, отраслевой и профессиональной мобильностью населения»[10]. Миграция в целом, несомненно, улучшает показатели экономического роста и производительности в принимающих странах, однако существует также и ряд проблем, вызываемых ею.

Во-первых, потенциальная угроза возникновения безработицы, т.е. переизбыток рабочей силы при дефиците рабочих мест. Несмотря на то, что безработица в одном регионе может стать толчком к перемещению населения в другой, она также может стать и причиной избытка рабочей силы определенных профессий в принимающем регионе. Возникает такая проблема вследствие превышения спроса над предложением. Кроме того, возможно увеличение нагрузки на инфраструктуру принимающего государства: жилье, транспорт, образовательные учреждения, учреждения здравоохранения и т.п. Бюджетные места в образовательных организациях занимают иностранные граждане, повышается нагрузка на окружающую среду и т.п. Стоит отметить и то, что определенные государственные расходы уходят на содержание вынужденных мигрантов – беженцев.

Вследствие миграционных процессов структурные изменения претерпевает национальная идентичность государств. Возникает это в случае, когда социокультурная идентичность приезжих сильно разнится с социокультурной идентичностью коренного населения.

Возникновение конфликтов территориального характера также является проблемой миграции. «Происходит столкновение различных культур, ценностей, конфессий, что может привести к серьезным последствиям, таким как межнациональный конфликт, война»[11].

Распространение опасных заболеваний – проблема, которая занимает далеко не последнее по значимости рассмотрения место. Перемещение населения является причиной заражения людей инфекционными заюолеваниями.

Языковой барьер также является одной из проблем миграции. Незнание языка затрудняет интеграцию мигрантов в иную культурную среду.

Кроме того, стоит отметить, что проблемы, связанные с миграционными процессами, возникают не только в принимающих странах, но и в тех,

10 *Рыбаковский Л.Л.* Региональный анализ миграций. – М.: 1973. С.7.

11 *Римашевская Н.М.* Человек и реформы: Секреты выживания. – М.: ИСЭПН РАН, 2003. С. 373.

что мигранты покидают. Одной из таких проблем является так называемая «утечка умов», которая может, а в большинстве случаев и влечет за собой серьезные экономические последствия. Квалифицированные кадры ввиду низкой заработной платы, отсутствия надлежащих условий для работы и перспектив роста мигрируют в те страны, где такие условия предоставляются в необходимой мере.

Решение данных проблем требует разработки и реализации эффективной миграционной политики. Известный политолог Л.А. Кононов писал, что «миграционная политика – это деятельность международных организаций, государственных органов, политических партий, органов муниципальной власти, общественных движений и организаций и их лидеров по регулированию миграционных процессов и отношений, а также по миграционному обеспечению государственных, муниципальных и предпринимательских проектов и программ посредством использования политической власти или осуществления влияния на власть в интересах реализации наиболее значимых общественных потребностей»[12]. Регулирование миграционных процессов должно иметь правовую, психологическую, информационную, воспитательную формы, которые помогут мигрантам адаптироваться в новой для них среде и стать полноправными участниками общественных отношений.

Библиографический список:

1. Блинова М.С. Социология миграции: история становления и перспективы развития (учебное пособие). – М.: 2009. 190 с.
2. Ганжа А.О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 115-121.
3. Современная демография (Учеб. пособие / А.Я. Кваша и др.); под ред. А.Я. Кваши, В.А. Ионцева. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 267 с.
4. Кононов Л.А. Миграционная политика России: проблемы и пути их решения (Аналитические обзоры Института научных исследований и информации при Президенте Российской Федерации: периодическое издание (открытая серия). № 4 (14). 2010) / Л.А. Кононов. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010. 34 с.
5. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. – М.: 1993. 195 с.
6. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. – М.: 1975. 232 с.
7. Римашевская Н.М. Человек и реформы: Секреты выживания. – М.: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
8. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. – М.: 1973. 147 с.
9. Саманчина Ж.Б. Обзор классических и современных западных теорий миграции. // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2012. № 6. С. 207-211.
10. Чернобровкин И.П. Этнический вигилентный конфликт: стратегии конфликтного управления (Курс лекций. Учебное пособие). – Ростов-на-Дону, 2019.
11. Pew Research Center. The Religious Composition of the World's Migrants. Christians are the largest migrant group, but Jews are most likely to have migrated. 2024. 168 p.

12 *Кононов Л.А.* Миграционная политика России: проблемы и пути их решения (Аналитические обзоры Института научных исследований и информации при Президенте Российской Федерации: периодическое издание (открытая серия). №4(14). 2010) / Л.А. Кононов. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010. С. 8.

12. Pew Research Center. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking as a Share of the World's Population. 2015. 245 p.

Reference

1. Blinova M.S. Sociology of migration: history of formation and development prospects (study guide). – M.: 2009. 190 p.
2. Ganzha A.O. On the history of the creation of the work of W. Thomas and F. Znaniecki "Polish peasant in Europe and America" // Sociological studies. 2007. № 7. P. 115-121.
3. Modern demography (Study guide / A.Ya. Kvasha et al.); edited by A. Ya. Kvasha, V.A. Iontsev. – Moscow: Publishing house of Moscow University, 1995. 267 p.
4. Kononov L.A. Migration policy of Russia: problems and solutions (Analytical reviews of the Institute of Scientific Research and Information under the President of the Russian Federation: periodical publication (open series). № 4 (14). 2010) / L.A. Kononov. – M.: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2010. 34 p.
5. Lebedeva N.M. Social psychology of ethnic migrations. – M.: 1993. 195 p.
6. Perevedentsev V.I. Methods of studying population migration. – M.: 1975. 232 p.
7. Rimashevskaya N.M. Man and reforms: Secrets of survival. – M.: ISESP RAS, 2003. 392 p.
8. Rybakovsky L.L. Regional analysis of migrations. – M.: 1973. 147 p.
9. Samanchina Zh.B. Review of classical and modern Western theories of migration. // News of the Universities of Kyrgyzstan. 2012. № 6. P. 207-211.
10. Chernobrovkin I.P. Ethnic vigilant conflict: conflict management strategies (Lecture course. Tutorial). – Rostov-on-Don, 2019.
11. Pew Research Center. The Religious Composition of the World's Migrants. Christians are the largest migrant group, but Jews are most likely to have migrated. 2024. 168 p.
12. Pew Research Center. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Why Muslims Are Rising Fastest and the Unaffiliated Are Shrinking as a Share of the World's Population. 2015. 245 p.

Фельдман А.Л.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры топливообеспечения и горюче-смазочных материалов. Институт нефти и газа Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Роль императора Петра 1 в зарождении нефтяного дела в России*

Аннотация. Реформы царя Петра 1 и его личное участие и заинтересованность оказали большое воздействие на развитие нефтяного дела в нашей стране. Поискам источников нефти на территории России и за ее пределами уделялось большое внимание. Нефтяной промысел начинает рассматриваться императором Петром 1 как возможный значительный источник государственных доходов. Достичь их роста правительство планировало за счет роста внутреннего потребления нефтяных продуктов и через увеличение объемов внешней торговли этим продуктом со странами Западной Европы.

Ключевые слова: император Петр 1, источники нефти, ухтинская нефть, каспийская нефть, транзитная торговля нефтью, балтийско-волжско-каспийский торговый путь.

Feldman A.L.
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Fuel Supply and Lubricants Institute of Oil and Gas, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

The role of Emperor Peter I in the emergence of the oil business in Russia

Abstract. The reforms of Tsar Peter I and his personal participation and interest had a great impact on the development of the oil business in our country. Much attention was paid to the search for oil sources in Russia and beyond. Emperor Peter I began to consider oil production as a possible significant source of state revenue. The government planned to achieve their growth through the growth of domestic consumption of oil products and through an increase in the volume of foreign trade in this product with Western European countries.

Key words: Emperor Peter I, oil sources, ukhta oil, caspian oil, transit oil trade, Baltic-Volga-Caspian trade route.

* © Фельдман А.Л., 2025.

Начало 18 века – это время важнейших реформ, способствовавших становлению в нашей стране горного дела. Пётр 1, лично руководивший этими реформами, отлично осознавал, насколько важное значение имеет изучение и использование природных богатств страны для мощи и независимости Российского государства. Проводя в 1700 году реформу центрального управления, Пётр создал первый в России специальный государственный орган по управлению и развитию поиска полезных ископаемых - отдельный Приказ Рудокопных дел [1], к ведению которого относились и вопросы нефтедобычи. Когда приказы были преобразованы в коллегии, в 1718 году указом Петра была создана Берг-Коллегия. Согласно Указу Петра 1 от 2 ноября 1700 года предписывалось **«всякому, кто поведает, на чьей бы то ни было земле о каких рудах, объявлять»** в специальный орган - вышеназванный Приказ рудокопных дел, а впоследствии в Берг-Коллегию.

Указ вызвал широкий поток всякого рода донесений о находках всевозможных полезных ископаемых. Об одной из них сообщили в первой русской газете «Ведомости», созданной по указу Петра Первого от 16 декабря 1702 года. Издание ее было поручено Монастырскому Приказу, в ведении которого находился в то время печатный двор. «Ведомости» печатались в Москве до 1728 года, а дальнейшее их издание было передано Академии наук и перенесено в Петербург. И в первом же номере газеты была напечатана заметка о том, что недалеко от Казани, на реке Соку было найдено много нефти и медной руды [2]. Река Сок, левый приток Волги, берёт начало на западных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности и протекает по территории современных Оренбургской и Самарской областей. Таким образом, заметка в первом номере «Ведомостей» явилась не только первым печатным известием о месторождениях нефти в России, но и первым сообщением о нефти Урало-Волжского нефтяного района. Хотя в первую очередь Берг-Коллегия интересовалась поиском рудных месторождений, уделялось внимание и источникам нефти. В этом плане представляет интерес, известное в литературе донесение Григория Черепанова о найденных им в Мезенском и Пустозёрском уездах минеральных красках и нефтяном ключе. Информация поступила в Берг-Коллегию, которая не проявила интереса к пробам глины и «каменьев», так как хотя «и годные, но токмо простые, которые много и ближе тех стран находятся», а потому от них никакого «прибытку надеяться невозможно». Совершенно по-другому оценила Берг-Коллегия донесение Григория Черепанова о источнике нефти и об этой находке было доложено лично царю. Пётр1 проявил к находке живейший интерес и 5 мая 1721 года издал специальный указ о посылке на место находки из Архангельска аптекаря или любого другого человека, разбиравшегося в этом вопросе [3]. Он требовал немедленно обследовать нефтяной ключ и взять пробы. В случае подтверждения того, что найден-

ное вещество является нефтью, необходимо определить способ ее добычи и возможность получения прибыли от нового дела. Сведения должны были быть посланы на имя Петра лично. Хотя Указ требовал немедленных действий, в реальности разведка ухтинской нефти осуществлялась медленно. Первые данные о нефтяном источнике были получены Берг-коллегией только через два с половиной года после распоряжения Петра, который получив образцы нефти отправил их для исследования в Голландию. Самодержца интересовало качество нефти, возможные объёмы добычи и расположение источника. В ноябре 1723 года Берг-коллегия затребовала от Григория Черепанова и Архангельской губернской канцелярии новые, более подробные сведения о том, на каком расстоянии от реки Ухты находятся выходы нефти на поверхность, с водой эта нефть или без воды, имеется ли достаточно леса в округе и есть ли жилье недалеко от этого места.

В 1724 году русский экономист Иван Посошков в книге «О скудости и богатстве», предназначенной для российского императора, писал о своих успешных поисках асфальта и нефти. По мнению Константина Васильевича Кострина, это было первое известие о месторождениях асфальта в России и одно из первых – о волжской нефти [4].

Такой интерес Петра 1 к нефти весьма показателен и объясняется не только и не столько любознательностью царя, его интересом ко всему новому. Известно о том, что нефть издавна применяли на Руси в медицине, живописи, военном деле, освещении и других областях. Пётр имел представление о значимости нефти и хотел увеличить доходы казны за счёт добычи первичного сырья внутри страны с последующим расчётом на торговлю с Европой, а в дальнейшем и через стимулирование, расширение внутреннего потребления. Правительство Петра 1 было заинтересовано в увеличении доходов казны за счёт добычи первичного сырья внутри страны и с последующим вывозом нефти за границу. Рассматривалась и возможность получить доступ к источникам нефти, находящими в то время, за пределами нашей страны с целью организации выгодной посреднической торговли. В этом плане большой интерес для изучения представляет Каспийский регион. Еще во время длительной войны со

Рисунок 1. Ф.И. Соймонов (старинная гравюра).

Швецией, Петр1 отправил в 1719 году экспедицию для изучения побережья Каспийского моря и торговых путей, проходящих вдоль его берегов. Один из руководителей этой экспедиции лейтенант Ф.И. Соймонов (Рис. 1) в том же году написал подробное донесение о Баку и о нефтяных промыслах Апшеронского полуострова.

По его словам, перевозка нефти на бакинских промыслах от места добычи к нефтяным погребам или в город производилась на двухколесных арбах. Из Баку нефть вывозили главным образом на судах по Каспийскому морю. В своих последующих отчетах Ф.И. Соймонов, говоря о торговых судах, выходящих из Бакинской гавани, отмечал, что их груз состоял в основном из нефти. На некоторых судах находилось около 1000 тулуков с нефтью. Позднее, образцы этой нефти были доставлены в Россию для выяснения возможностей ее продажи в Европу.

По поручению Петра 1 врач Готлиб Шобер обследовал горячие минеральные источники Северного Кавказа в районе реки Терек (Рис. 2) [5]. В докладе, представленном императору по итогам этой поездки в виде книги, имелась карта схема местности, на которой помимо изображения гор, городов и рек были указаны и нефтяные источники.

В этой же книге Г. Шобер описал процесс разделения воды и нефти. Известно, что каспийская нефть, поступавшая из Персии, играла определенную роль во внешней торговле России с Европой до начала правления Петра1. В связи с этим обстоятельством царь с таким интересом относился к находкам нефти в Поволжье и на Севере России, а также активно интересовался источниками северокавказской и каспийской нефти.

Ценные сведенья о нефти и её использовании Пётр 1 мог получить и от господаря Молдавии Дмитрия Кантемира. Во время русско-турецкой войны и Прутского похода русских войск в 1711 году правитель Молдавии, выполняя данное ранее обещание, поддержал Россию. После ухода армии Петра 1 из Молдавии Кантемир переехал в нашу страну. В своей работе «Описание Молдавии» он сообщал и о добыче нефти в своей стра-

Рисунок 2. Карта местности между реками Тереком и Сунжей с указанием нефтяных источников, составленная Г. Шобером в 1718 году.

не и её использовании местными жителями в хозяйственных целях [6].

Но стремление русского правительства вывести нашу страну в ряд ведущих торговых держав, используя и торговлю нефтью сталкивалось с тем обстоятельством, что к началу 18 века монополия на торговлю Европы с Азией находилась в руках Англии, Голландии, которые вытесняли Португалию и Испанию. А Россия использовалась этими европейскими государствами и их купцами в качестве транзитного пути. Английские купцы имели со времён Ивана Грозного наибольшие привилегии в торговли с Россией, следом за англичанами шли голландцы. Альтернативный «морским державам» торговый маршрут через Турцию формировала Франция. В отличие от своих предшественников царю Петру удалось решить задачу приобретения выхода к Балтийскому морю. И у России появилась потенциальная возможность стать равноправной участницей посреднической торговли со странами Азии. Для решения этой задачи необходимо было контролировать побережье Каспийского моря, не допуская проникновения туда Турции, а вместе с ней и европейских держав. Укрепить и расширить существующие торговые пути с севера Каспия на Архангельск, а теперь и на Петербург с выходом через Балтику в Европу. В перспективе рассматривалась возможность установления торговых отношений через Иран с Индией. Можно утверждать, что эти планы русского правительства уже во время Северной войны России со Швецией столкнулись с сильным противодействием. Оно особенно возросло после 1713 года. В этом году был заключён Утрехтский мир, завершивший общеевропейскую войну за «испанское наследство». С этого момента европейские державы и в первую очередь Англия получили возможность активно заняться Россией и восточными делами [7].

Но несмотря на активное противодействие Англии 30 августа 1721 года Россия подписывает мир со Швецией и получает своё побережье на Балтике. Пётр 1 получил возможность в полную силу заняться экономикой своей державы. Резко активизировались его усилия по развитию горного дела, включая поиски нефти. В 1722 году за границу удачно была продана первая партия железа из России. Уральское железо стало пользоваться устойчивым спросом в Европе и к середине 18 века половина его производства шла на экспорт. Таким образом, металлургическая промышленность при создании помимо внутреннего изначально ориентировалась на внешний рынок (спрос). Не столько внутренним рынком, сколько заграничным спросом на парусину стимулировалось и развитие парусно-полотняного производства. Пётр 1 активно проводил политику меркантилизма, т.е. развитие отечественной промышленности и торговли, в первую очередь экспортной. Так в 1726 году уже после смерти императора экспорт превысил импорт в два раза. Представляется, что к металлургии и лёгкой промышленности,

максимально ориентированной на экспортную торговлю, Пётр 1 решил создать и присовокупить относительно новое для России нефтяное производство.

Петровское правительство вполне понимало значение нефти для освещения, изготовления лекарств и военного дела и рассчитывало на спрос в Европе и имеющиеся маршруты доставки. Как и в случае с металлургией и парусно-полотняным производством планировалось поощрять и внутренний спрос на нефть и продукты её возможной переработки. Этим и объясняются все вышеперечисленные действия правительства в отношении возможных источников нефти. Но эти планы оказались частью более широкой проблемы отстаивания военно-политических и экономических задач в Каспийском регионе.

Потерпев неудачу в недопущении России на Балтику, Англия удвоила усилия на южном направлении. С 1719 года обстановка в Иране осложнялась. Столица Ирана Исфаган была захвачена афганскими племенами, которые свергли шаха Хоссейна и заточили его в тюрьму. В Дагестане и Ширване начались восстания местной знати с поддержкой Турции, которую активно подстрекали западноевропейские державы. Россия и Иран заявили о том, что не допустят турецкой экспансии в сторону Каспийского моря. Две прикаспийские державы стремились заключить друг с другом союзный договор. Летом 1722 года начался поход 46 тысячной русской армии. Взят без боя Дербент, затем Баку и Решт на южном берегу Каспия. Весной 1723 года Турция объявила войну Ирану. Захвачен Тбилиси. Иран в лице сына Хоссейна, Тахмаспа заключает с Россией 12 сентября 1723 года договор о союзе против афганцев и турок. Иранское правительство передавало России западное и южное побережье Каспийского моря включая Баку и Решт [8].

Продвижение России вызвало реакцию Англии, посол которой в Константинополе (Стамбуле) попытался столкнуть Турцию с нашей страной. Однако правительству Петра 1 удалось урегулировать конфликт дипломатически. В июне 1724 года в Константинополе подписали русско-турецкий договор о разграничении владений России и Турции на Кавказе. За Россией – западное побережье Каспийского моря шириной от 43,5 до 119 вёрст. К западу от этой полосы все земли Закавказья отошли к Турции. Так Россия получила территорию с месторождениями нефти и газа. Они оставались в составе империи до 1735 года, когда, готовясь к войне с Турцией, русское правительство решило улучшить отношения с Ираном, временно усилившимся при Надир-Шахе. И было решено, что пришло время вернуть провинции, переданные Ираном Петру 1. В 1732 году по Рештскому договору Ирану возвращены провинции Мазандеран, Гилян, Астрабад. В 1735 году по Гянджинскому договору Баку и Дербент возвращались Ирану. В обмен

последний обязывался России «вечной дружбой», обещая не передавать указанные районы какой-либо другой стране и не заключать сепаратного мира с Турцией. Проявила ли Россия, русское правительство интерес к каспийской нефти в эти годы? Непосредственно сам Пётр 1 проявил к региону живейший экономический, финансовый и торговый интерес. В 1720 году Астраханский губернатор по указанию царя осмотрел нефтяной колодец в Гребенях. Лично участвуя в 1722 году в персидском походе, российский император осмотрел два нефтяных колодца недалеко от Дербента, принадлежащих одному из местных правителей. После взятия русскими войсками в 1723 году Баку в его окрестностях на расстоянии от 10 до 21 километра от города было обнаружено 88 нефтяных колодцев с черной и белой нефтью, а хранилась извлекаемая из колодцев нефть в 53 нефтяных амбарах.

Такие нефтяные богатства немедленно привлекли внимание царя. Он особенно заинтересовался белой нефтью, и **в сентябре 1723 года, вызывая в Петербург генерала Матюшкина,** Пётр 1 просил его прислать ее или самому привезти несколько пудов. В октябре 1723 года М.А. Матюшкин вместе с Ф.М. Соймоновым, выполняя приказ Петра 1, привез нефть из Баку в Астрахань. Эта нефть затем была доставлена в Петербург и в 1724 году находилась в доме Петра 1 в количестве 11 бутылей. А когда в том же 1724 году Матюшкин выехал из Петербурга на Каспий, то император приказал ему по приезде на место прислать в столицу тысячу пудов или сколько будет можно, белой нефти. В 1724 году три бутыли нефти, привезенной из Баку, были посланы в Голландию купцу Любсу, который должен был продать нефть и узнать ее цену. Спрос на нефть в Голландии был небольшой, а цены низкие, но несмотря на это обстоятельство, Сенат в 1726 году, уже после смерти российского императора, принял решение выслать за границу для продажи три бочки нефти. Для этой цели М.А. Матюшкин выслал из Баку 3,39 тонн нефти, а из этого объема в Астрахани было получено 2,46 тонн. Далее груз отправился до Саратова водным путем, а от Саратова до Петербурга зимой на подводах [9].

Можно предположить, что первое распоряжение Петра 1 было продиктовано желанием ознакомится со свойствами белой нефти. А вот второе его распоряжение говорит о том, что этой нефти было найдена возможность практического применения. И хотя остаются неизвестными конкретные обстоятельства, заставившие императора хлопотать о завозе в Петербург такого количества нефти, но не вызывает сомнения то, что решался вопрос о каком-то использовании ее в неких хозяйственных целях. Петр 1 собирал и получал информацию по этому вопросу на протяжении многих лет. К тому же принимая активное участие в подготовке и осуществлении персидских походов и лично знакомясь с нефтяным промыслом он не мог не обратить внимание на использование нефти местными жителями для

удовлетворения бытовых нужд, включая приготовление пищи, освещение жилищ и отопление. Его неоднократные поручения Матюшкину о необходимости изучения в Баку размеров пошлин и доходов в первую очередь от нефти говорят о его убежденности в перспективности нефтяного промысла с точки зрения роста государственных доходов. Российскому правительству была подготовлена справка о доходах двух, занятых русскими войсками персидских провинций, в которых наряду с общими доходами в 2250000 рублей, отдельно выделялся объем доходов от нефти, составлявший 150000 рублей [10].

Не вызывает сомнения тот факт, что Петр 1, присоединяя к России новые прикаспийские земли рассчитывал на увеличение государственных доходов. Интересно, что для достижения этой цели одним из важнейших средств должна была стать нефть, наряду с шелком и шафраном, сборы с которых, помимо пошлин с таких крупных торговых центров, как Решт, Шемаха, Баку и Дербент, и должны были стать основными источниками дохода от новых территорий для государственной казны.

Также правительство планировало максимально расширить через прикаспийские страны торговлю с Индией. Но России на этом пути пришлось столкнуться с Турцией и стоящими за ней ведущими европейскими державами. Большая часть товаров из стран Востока, включая шелк, кожи, хлопок, ткани, нефть и многие другие попадали в страны Европы в обход России Или через персидский порт Бендер-Аббас или через Турцию в Средиземное море с использованием в качестве транзитных центров городов Алеппо и Смирна.

Причем такое положение вещей было характерно не только для отдаленных от России регионов, таких как Индия и Китай, но и для стран и регионов, напрямую с ней граничащих, таких как Персия и Кавказ. Для примера, значительная часть персидской торговли находилась в руках португальцев, англичан, голландцев и французов. И одна из важнейших целей торговой политика Петра 1 заключалась в том, чтобы перенаправить торговлю со странами Востока по каспийско-волжскому пути и превратить Россию в главного посредника этой торговли. Предполагалось создать Балтийско-волжско-каспийский водный путь, и Петр Великий первым обратил внимание на роль нефти в решении вышеперечисленных вопросов. Однако планы императора мало интересовали его приемников, а для аптекарских нужд и устройства иллюминации для развлечений хватало и того, что добывали кустари или привозили торговцы из новых прикаспийских владений.

Как было сказано выше, Россия вернула Персии прикаспийские области, западное и южное побережье Каспийского моря по Рештскому и Гянджинскому договору. Но усилия императора Петра Великого не про-

пали даром. Началось обследование, изучение и описания существующих нефтяных районов и отдельных месторождений, естественных нефте-газопроявлений. Подробные и профессионально исполненные планы и описания Бакинского нефтяного района сделал российский гидрограф Фёдор Иванович Соймонов, обследовавший эти территории в 1728 году. Описание нефтяных колодцев и план месторождений нефтяных газов он выслал в Академию наук. Эти сведения стали основой статьи "О нефти", составленной в академии наук и напечатанной в "Примечаниях к С.П. Ведомостям" в 1739 году.

Заключение

Подводя итог вклада Петра 1 в становление и развитие нефтяного дела в России можно утверждать, что он осознавал потенциальную важность и перспективность нефтяной проблематики, предоставлявшиеся в связи с ней возможности для развития внутреннего рынка, потребления и роста внешнеторговых операций с этим товаром. В связи с этими обстоятельствами, император всегда проявлял личный интерес к любым возможностям по развитию нефтяного дела внутри страны и увеличению объемов внешней торговли с ближним и дальним зарубежьем.

Библиографический список:

1. Каменский А.Б. От Петра 1 до Павла 1: реформы в России 18 века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ. 2001. 575 с.
2. Ведомости. № 1. 1703.
3. Пробст А.Е. Из истории добычи и переработки нефти на Ухте // Летопись Севера. Т. 2. С. 176-187.
4. Кострин К.В. Почему нефть называется нефтью. – Москва. «Недра». 1967. С.132.
5. Кирилов И.К. Цветущее состояние всероссийского государства. Издательство «Наука». – Москва. 1977.
6. Раваш Г. Из истории румынской нефти. Пер. с румын. – М.: 1958.
7. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра 1. – М.: Международные отношения. 1986. 448 с.
8. История СССР. Т. 3. Издательство «Наука». – Москва. 1967.
9. Трошин А.К. История нефтяной техники в России (17 в. - вторая половина 19 века). – М.: Гостоптехиздат. 1958. 112с.
10. Лысцов В.П. Персидский поход Петра 1. Издательство Московского Университета. 1951.

Reference

1. Kamensky A.B. From Peter I to Paul I: reforms in Russia in the 18th century (an attempt at a holistic analysis). – Moscow: RSUH. 2001. 575 p.
2. Vedomosti. № 1. 1703.
3. Probst A.E. From the history of oil production and refining in Ukhta // Chronicle of the North. Vol. 2. P. 176-187.
4. Kostrin K.V. Why oil is called oil. – Moscow. "Nedra". 1967. P. 132.
5. Kirilov I.K. The flourishing state of the all-Russian state. Publishing house "Science". – Moscow. 1977.
6. Ravas G. From the history of Romanian oil. Translated from Romanian. – Moscow: 1958.
7. Molchanov N.N. Diplomacy of Peter I. – M.: International Relations. 1986. 448 p.
8. History of the USSR. Vol. 3. Nauka Publishing House. – Moscow. 1967.
9. Troshin A.K. History of Oil Technology in Russia (17th Century – Second Half of the 19th Century). – M.: Gostoptekhizdat. 1958. 112 p.
10. Lyscov V.P. Persian Campaign of Peter I. Moscow University Publishing House. 1951.

Попов А.В.
Кандидат военных наук. Председатель Научно-технического комитета (Департамента ресурсного обеспечения Минобороны России). Orcid: 0009-0008-6660-0531

Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии накануне и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

Аннотация. В статье на основании архивных документов освещается отдельный и самый тяжелый исторический период функционирования Технического комитета Главного интендантского управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как основного движителя научно-технического прогресса в вопросах продовольственного, вещевого и обозного снабжения военной организации отечественного государства. Приведены результаты анализа изменения организационно-штатной структуры, задач и функций, итогов работы основного объединенного инженерно-технического органа интендантской службы. Освещены персоналии руководителей и некоторых работников.

Ключевые слова: службы интендантского снабжения, организационно-штатные мероприятия, структурное подразделение, задачи и функции, интендантское имущество.

Popov A.V.
Candidate of Military Sciences. Chairman of the Scientific and Technical Committee (Department of Resource Provision of the Ministry of Defense of the Russian Federation). Orcid: 0009-0008-6660-0531

Technical Committee of the Main Quartermaster Directorate of the Red Army on the eve of and during the Great Patriotic War of 1941-1945

Abstract. The article, based on archival documents, highlights a separate and most difficult historical period in the functioning of the Technical Committee of the Main Quartermaster Directorate of the Workers' and Peasants' Red Army, as the main driving force of scientific and technical progress in matters of food, clothing and transport supplies of the military organization of the domestic state. The results of the analysis of

* © Попов А.В., 2025.

changes in the organizational and staff structure, tasks and functions, and the results of the work of the main united engineering and technical body of the quartermaster service are presented. The personalities of the leaders and some employees are highlighted.

Key words: quartermaster supply services, organizational and staffing activities, structural subdivision, tasks and functions, quartermaster property.

В советской и современной историографии достаточно глубоко отражены вопросы касающиеся развития в предвоенный период и период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тыла Рабоче-крестьянской Красной Армии (далее Красная Армия), изменений структуры, уточнения задач и функций органов военного управления ведавших снабжением войск продовольствием, фуражом, предметами военной формы одежды и обуви, людским и конским снаряжением, обозом, полевыми средствами приготовления пищи и полевого хлебопечения.

Между тем, в тени исторических исследований остается структурное подразделение Главного интендантского управления Красной Армии (далее ГИУ) на которое были возложены задачи разработки предметов снабжения, исследований и испытаний, проводимых в период кратного увеличения расхода материальных средств, массового наращивания производства продукции военного назначения и в тоже время практически повсеместного дефицита ресурсов – Технический комитет (далее Техком). Поэтому справедливо осветить структурно-функциональные особенности и задачи инженерно-технического органа ГИУ в общей военно-хозяйственной системе Красной Армии.

Техком являлся руководящим органом по разработке технических вопросов, относящихся к службе интендантского снабжения, формирование которого как самостоятельного структурного подразделения началось в августе 1940 года. Предшественниками Техкома являлись технические отделы управлений ГИУ по направлениям продовольственного, вещевого и обозно-хозяйственного снабжений, которые просуществовали вплоть до января 1941 года, но были упразднены ввиду очевидной невозможности соподчиненности между Техкомом и техническими отделами, возникающим параллелизмом в выполнении функций. Работники технических отделов управлений ГИУ в основном своем составе с документацией и архивами перешли в Техком.

Первоначальная структура (рис. 1) определялась штатом ГИУ № 1/121 (приказ Народного Комиссариата Обороны № 0435 от 14 февраля 1941 г.)[1].

1 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 87. О. 12410, Д. 9, К. 2191. Л. 36-41.

Рис. 1. Структура Техкома с февраля 1941 года.

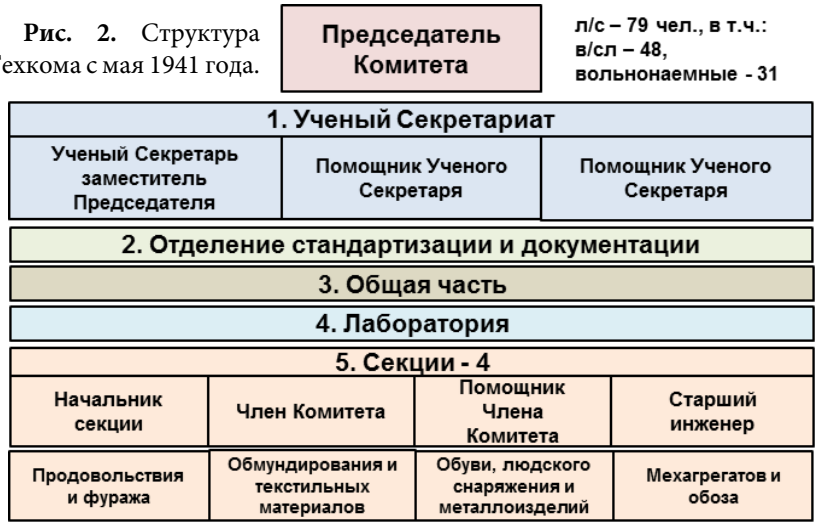
Техком возглавлял председатель, на должность которого назначен бригинтендант Карпухин Павел Васильевич, имеющий 4 заместителей, отвечающих за направления деятельности Техкома.

Секретариат Техкома ведал общими вопросами управления, изобретательской, рационализаторской и редакционно-издательской работами, технической документацией.

Рабочими органами Техкома являлись 8 секций, возглавляемые членами Техкома, на которых возлагалось непосредственное руководство секциями. Руководство отдельными группами вопросов в секциях возлагалось на помощников члена Техкома.

Техкому подчинена центральная научно-исследовательская лаборатория ГИУ с библиотекой, сформированная путем объединения лабораторий управлений вещевого и продовольственного снабжений ГИУ и библиотек тех же управлений. На лабораторию возлагается проведение текущих анализов и испытаний, экспериментальных изысканий, плановых научно-исследовательских работ, участие в войсковых и заводских испытаниях, хранение и снабжение ГИУ руководящими образцами, оформление, размножение и рассылка технической документации, содержание научно-технической библиотеки Техкома, а также изучение лучших образцов обмундирования, снаряжения и продовольствия иностранных армий, разработка

Рис. 2. Структура Техкома с мая 1941 года.



тактико-технических требований к предметам интендантского имущества[2].

Однако практическая деятельность созданной структуры Техкома показала свою громоздкость и нерациональность, потребовавшая упрощение штата, который изменен в мае 1941 года[3].

Вновь введенный штат предусматривает управление в лице председателя Техкома, ученый секретариат, возглавляемый ученым секретарем – заместителем председателя Техкома, отделение стандартизации и технической документации (созданное как самостоятельное подразделение за счет освобождения лаборатории от несвойственных ей функций), общую часть (общее и секретное делопроизводство), лабораторию Техкома и 4 секций (рис. 2). По этому штату Техком комплектовался к началу Великой Отечественной войны.

Для упорядочения функционирования Техкома 11 июня 1941 г. Главным интендантом Красной Армии генерал-лейтенантом интендантской службы Андреем Васильевичем Хрулевым утверждено временное положение о Техкоме ГИУ[4].

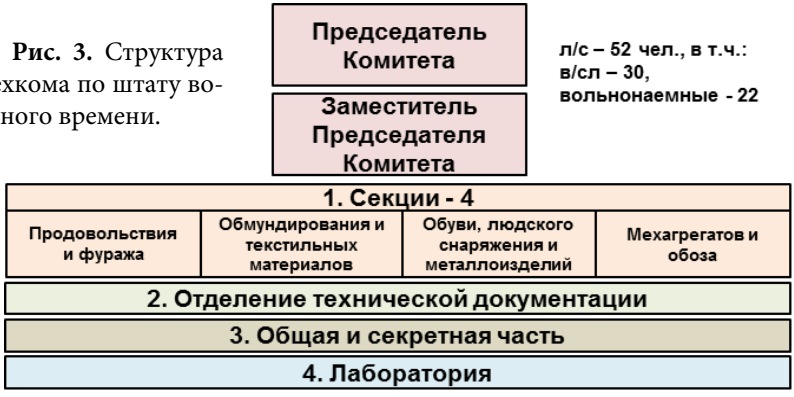
Временным положением были определены основные задачи, возложенные на Техком: разработка тактико-технических требований на пищевые средства и предметы вещевого и обозно-хозяйственного снабжений, разработка заданий на проектирование и изготовление новых образцов и сопровождение разработки до момента окончания их испытаний, планирование научно-исследовательских и опытных работ, изучение опыта зарубежных

2 Там же. Л. 63-65.

3 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 10, К. 2191. Л. 90, 91 об.

4 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 38, К. 2194. Л. 12-14 об.

Рис. 3. Структура Техкома по штату военного времени.



государств по интендантскому снабжению, разработка технической документации, планирование стандартизации по предметам интендантского имущества, рассмотрение и оценка изобретательских предложений поступающих в ГИУ, планирование редакционно-издательской деятельности и др.

Вся текущая работа по указанным вопросам осуществлялась секциями Техкома, поэтому на основании проекта временного положения о Техкоме еще 12 мая 1941 г. разработано и утверждено временное положение о секциях Техкома, которым секции и определены как основные рабочие органы Техкома по разработке научно-технических вопросов[5]. В разработанном положении председатель Техкома делегирует секциям предоставленные ему права по контролю за работой военных представителей ГИУ при приеме предметов интендантского снабжения, а также по контролю за условиями хранения и организацией ремонта материальных ценностей на интендантских складах и мастерских Народного Комиссариата Обороны (далее НКО)[6].

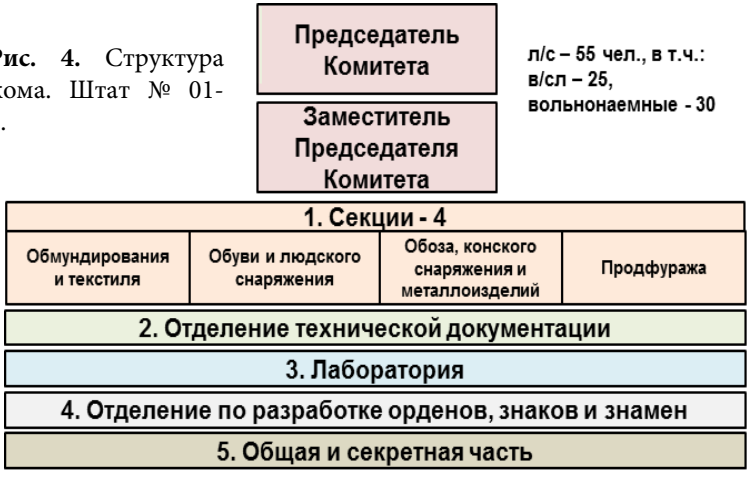
Великая Отечественная война застала Техком в момент реорганизации и внесла свои коррективы. Так, в августе 1941 года Техком перешел на штат военного времени (№ 1/190 от 7 августа 1941 г.) (рис. 3)[7].

Оптимизация штата позволила вывести рационализаторскую и изобретательскую работу из функций Техкома и передать в особое отделение изобретений ГИУ, причем контроль и общее руководство работой этого отделения сохранялись за председателем Техкома.

В то же время в связи с усложнением военной обстановки менялись не только штаты, но и пункты дислокации структурных подразделений Техкома[8]. По распоряжению Главного интенданта Красной Армии личный

5 Там же. Л. 5.
6 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 70, К. 2198. Л. 57-67.
7 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 57, К. 2196. Л. 38, 39.
8 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 10, К. 2191. Л. 189.

Рис. 4. Структура Техкома. Штат № 01-1936.



Генерал-майор и/с Агинский С.В.

состав, все основное оборудование и имущество лаборатории Техкома эвакуировано из г. Москвы в г. Казань на склад НКО № 180, а 16 октября 1941 г. Техком в составе ГИУ эвакуирован в г. Куйбышев, где на протяжении трех месяцев занимался вопросами изучения сырьевых и производственных возможностей восточных регионов страны, разработкой ряда допусков и др.

Перед эвакуацией Техкома на должность председателя назначен военинженер 1-го ранга Семен Владимирович Агинский (5 сентября 1941 г.), ранее занимавший должность научного секретаря-заместителя председателя Техкома. Семену Владимировичу, руководившему Техкомом вплоть до 1948 года, в последствии будет присвоено звание полковника интендантской службы (25 мая 1942 г.), а 17 ноября 1943 г. – генерал-майора интендантской службы. За самоотверженную работу награжден Орденом «Красной звезды» (1943 г.), Орденом «Красного знамени» (1944 г.), Орденом Ленина (1945 г.), Орденом «Чехословацкий военный крест» (1943 г.)[9].

В конце декабря 1941 года Техком возвращен в пункт постоянной дис-

9 Там же. Ф. 10000, Д. 0437062, К-366. 26 Л.

Рис. 5. Деятельность техкома.

локации г. Москву (выбытие из г. Куйбышева – 24 декабря 1941 г.), а в феврале 1942 года из его состава исключена секция (продовольствия и фуража) в связи с преобразованием Управления продовольственного снабжения ГИУ в самостоятельное Главное управление продовольственного снабжения Красной Армии (далее ГУПродснаб), выведенное из подчинения Главного интенданта Красной Армии. Причем личный состав данной секции в составе реорганизованного ГУПродснаб к концу августа 1942 года поступил на комплектование формируемого отдела войскового питания, а в ходе последующей реорганизации – в научно-технический отдел Управления войскового питания и хлебопечения ГУПродснаб.

В этот же период лауреатами Сталинской премии второй степени по итогам смотра достижений науки, техники и изобретательства в 1942 году за проведение научно-исследовательской работы в области кожевенных и шубных изделий становятся работники Техкома полковники интендантской службы Василий Васильевич Щеголев и Петр Иванович Белкин (постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 10 апреля 1942 г.). При непосредственном участии данных специалистов были комплексно решены вопросы замены кожаной подошвы военной обуви на резиновую и замены юфти на многослойную хлопчатобумажную ткань, известную под названием кирзы [Агинский: 1-2].

В связи с общим пересмотром штатов НКО в 1943 году организационно-штатные мероприятия коснулись и Техкома. Несколько изменилась его общая штатная численность и особенно структура, так как практика потребовала создания в составе Техкома специального подразделения по разработке образцов орденских знаков, знамен и штатной типографии. К концу

1943 года была восстановлена в составе Техкома секция продовольствия и фуража. Таким образом, штатом, утвержденным 12 декабря 1943 г. (№ 01-1936), предусмотрена структура и численность Техкома, которая и просуществовала вплоть до окончания Великой Отечественной войны (рис. 4)[10].

Исследования деятельности Техкома ГИУ КА и анализ имеющихся материалов показывает широкий спектр направлений деятельности, которые по блокам включают в себя (рис. 5):

1. Обмундирование и текстильные материалы.
2. Обувь и овчинно-шубные изделия.
3. Снаряжение людское и конское.
4. Обоз, материальная часть хлебопечения и механические агрегаты.
5. Продовольствие, фураж и вопросы питания.
6. Знаки отличия, ордена и медали.

Под каждым блоком прослеживается проработка многих вопросов, которых по сквозной нумерации Техкома за период Великой Отечественной войны учтено 1310 и, безусловно, сопровождение их проработки лабораторными исследованиями и испытаниями (выполнено свыше 2 тыс. лабораторных анализов и испытаний)[11].

Отдельно отмечается практическая работа в действующей армии специалистов Техкома и Интендантской академии Красной Армии им. В.М. Молотова, которыми не только проверялись вопросы организации обеспечения Красной Армии, но и проводился детальный анализ положения дел, представлялись выводы и предложения по совершенствованию обеспечения войск Главному интенданту Красной Армии[12].

В заключении необходимо подчеркнуть, что Техкомом в период Великой Отечественной войны выполнен колоссальный объем работы совместно с учеными и инженерами, предприятиями и фабриками страны, Управлением промкооперации, Райпромкомбинатами, Промартелями и кустарями, войсковыми изобретателями и рационализаторами, направленный на полное удовлетворение войск в качественном интендантском имуществе и приближении победы в Великой Отечественной войне.

Библиографический список:

1. Агинский С.В. Лауреаты Сталинской премии // Тыл и снабжение Красной Армии. 1942. № 8. С. 1-2.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 87. О. 12410, Д. 9, К. 2191. Л. 36-41.

Reference

1. Aginsky S.V. Laureates of the Stalin Prize // Rear and Supply of the Red Army. 1942. № 8. P. 1-2.
2. Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 87. O. 12410, D. 9, K. 2191. L. 36-41.

10 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 57, К. 2196. Л. 40, 41.

11 Там же. Л. 93-96.

12 Там же. Ф. 87. О. 12410, Д. 72, К. 2198. Л. 2-63.

Долгушина П.С.
Студент. *Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.*

Шостак В.А.
Студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Синегубов С.Н.
Доктор исторических наук, профессор, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Истоки толерантности к деятельности Адольфа Гитлера и направлениям нацизма в странах Европы. Генезис неонцизма*

Аннотация. В статье рассматривается проблематика исторического формирования толерантности в странах Европы по отношению к личности Адольфа Гитлера и его политико-управленческим решениям, а также проводится оценка влияния современных тенденций толерантности, ныне актуальных в Европейских странах, на восприятие феномена нацизма и неонацизма посредством анализа статистических данных. Актуальность данного вопроса неоспорима, поскольку тема Второй мировой войны, нацистской философии и деятельности предводителя национально-социалистической партии в лице Адольфа Гитлера, по сей день остаются спорной и неоднозначной. Проводится анализ относительно сохранности ценностного восприятия народами различных стран темы устойчивости мнений о нацизме, в связи с участившимися уклонами политической направленности в идеологической сфере в сторону изменения исторических фактов. Также в ходе исследования рассматривается феномен популяризации и поощрения неонацистских движений в Европейских странах; оценка взаимосвязи терминов нацизм и неонацизм; выяв-

* © Долгушина П.С., Шостак В.А., Синегубов С.Н., 2025.

ление степени угрозы, исходящей от последователей нацизма в рамках отдельных государств. Цель статьи заключается в исследовании влияния личности Адольфа Гитлера и созданной им идеологии на формирование либерального отношения к течениям нацизма в странах Европы.

Ключевые слова: история, толерантность, идеология, нацизм, влияние, личность, Европа, неонацизм.

Dolgushina P.S.

Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Shostak V.A.

Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Origins of tolerance to the activities of Adolf Hitler and the directions of Nazism in European countries. The genesis of neo-nazism

Abstract. The article examines the problems of the historical formation of tolerance in European countries in relation to the personality of Adolf Hitler and his political and managerial decisions, as well as assesses the impact of current trends in tolerance, currently relevant in European countries, on the perception of the phenomenon of Nazism and neo-Nazism through the analysis of statistical data. The relevance of this issue is indisputable, since the topic of World War II, Nazi philosophy and the activities of the leader of the National Socialist Party in the person of Adolf Hitler remain controversial and ambiguous to this day. The article analyzes the preservation of the value perception of the peoples of different countries of the topic of the stability of opinions about Nazism, due to the increasing political bias in the ideological sphere towards changing historical facts. The study also examines the phenomenon of popularization and encouragement of neo-Nazi movements in European countries; assessment of the relationship between the terms Nazism and neo-Nazism; identification of the degree of threat posed by followers of Nazism within individual states. The purpose of the article is to study the influence of Adolf Hitler's personality and the ideology he created on the formation of a liberal attitude towards the currents of Nazism in European countries.

Key words: history, tolerance, ideology, Nazism, influence, personality, Europe, neo-nazism.

Личность Адольфа Гитлера стала одной из самых обсуждаемых не только в XX, но и в начале XXI вв. Причины этого очевидны: развязанная им Вторая мировая война стала самой разрушительной, масштабной и трагичной по последствиям в истории человечества. Однако, если производственные, человеческие и другие, скажем так, материальные потери со временем можно восстановить, преодолеть все их негативные последствия то с идейными факторами, ставшими истоками мировой драмы, все обстоит несколько иначе. Они имеют свойство жить, видоизменяться, приспосабливаться к меняющимся внешним обстоятельствам жизни и при этом не терять своей опасной заразительной силы. Поэтому большую важность приобретает вопрос, связанный с зарождением нацистского мировоззрения, его широкого распространения и поддержки в так называемой «культурно-просвещенной Европе» в 20-30-е гг. XX столетия и живучести уже в новом тысячелетие.

Идеология нацизма в большей степени основывалась на работах Ф. Ницше, И. Канта, Г. Гегеля, однако стоит учесть, что многие идеи из работ философов были преобразованы согласно идеологической программе, строившейся на концепции превосходства арийской расы, фюрер в этом контексте рассматривался своими сторонниками [13] как «Мессия», способный привести в мир новый порядок и избавиться от «неверных» [7].

Появление нацизма и приобретение этим движением [12] значительного количества последователей историки связывают с несколькими причинами:

1. Плачевное состояние Германии по итогам Первой Мировой войны: обесценивание валюты, потеря работы трудящимися в связи с закрытием большого числа предприятий, а также политическое противоборство за власть [2].

2. Стремительные изменения в социальной и экономической сферах общества оказали значительное влияние на психологическое состояние общественных слоёв граждан Германии.

3. Личные качества Адольфа Гитлера, представляющего собой сильного лидера, который способен исправить положение дел в стране [5].

Однако феномен нацизма понимается представителями различных стран под определённым углом, учитывая специфику менталитета, а также восприятия политических явлений и процессов. Таким образом, в странах Европы основной упор в рассмотрении термина «нацизм» приходится именно на тоталитарный режим, что смещает акцент внимания с идеологического основания феномена, на режим, с помощью которого реализовывалась идеология. При этом отклонение от восприятия нацизма, в первую очередь, с точки зрения идеологии, способствует включению в термин всех разновидностей черт тоталитаризма, таких как культ вождя, подавление

оппозиции, репрессивная политика, подавление демократии, что может быть характерно не только для нацизма, но и для других видов тоталитаризма. В связи с этим восприятие феномена нацизма в странах Европы может искажаться и приобретать чужеродные черты [11].

Также в последнее время в европейских странах набирает оборот тенденция к разграничению терминов фашизм и нацизм [8]. Этот процесс предполагает собой кардинальное разделение терминов в связи с их неоднородностью: феномен фашизма в Европейских странах воспринимают как не представляющую опасности форму национализма, в то время как нацизм неотвратимо приводит к трагичным и ужасающим последствиям [6].

Бесспорно, понятия имеют некоторые различия, но нельзя отрицать их общую природу, поскольку оба термина можно назвать разновидностями единого проявления.

Основывающийся на расовой теории нацизм потерпел крах как идеология относительно правил ведения психологической войны в связи с несостоятельностью догмата об отвержении рас¸ находящихся на низшем уровне [9]. В последствие отсутствие должной оценки угрозы со стороны русского народа привело к тотальному сокрушению представителей нацизма [15].

Несмотря на результаты Нюрнбергского процесса, по которым идеология нацизма, его последователи и гестапо были признаны преступными, а действия которых были расценены как акт против человечества, спустя много лет течение нацизма начало трансформироваться и адаптироваться под современные реалии, сохраняя свою сущность и набирая число последователей. Касательно современного нацизма ученые используют новый термин – неонацизм [4].

Зачастую представители неонацизма выступают на основе либеральных идей, сущностью которых стал догмат об обогащении за счёт угнетения наименее развитых стран, неспособных противостоять государствам, занимающим главенствующее положение. В подобных идеях, далеко не всегда удаётся разглядеть коренной мотив, прикрывающийся, как может казаться, не представляющим опасности однополярным миром.

Изучив статистику, а также доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2022г., было выявлено, что наибольший уровень неонацистской угрозы представляют страны Европы, такие как Латвия, Украина, Польша, Эстония и Молдова, Болгария [3].

В ряде вышеперечисленных стран прослеживается тенденция фальсификации и искажения исторических фактов, а также приравнивание нацистской и коммунистической идеологий.

На территории Латвии фактически осуществляется посредством рас-

пространения в общественное сознание прививание в культуру идей радикального национализма, толерантного отношения к деятельности нацистов, а также отрицается роль Советского Союза в победе над нацистской Германией.

В Украинские общественные массы неонацистские идеи активно распространяются на государственном уровне, закрепившись в идеологической сфере государства.

В Польше неонацистские идеи пропагандируются на государственном уровне: нацистская Германия и Советский союз представляются как два государства – агрессора, посягнувшие на свободу Польского народа.

Многие из стран, ныне толерантно относящихся к деятельности нацизма, раньше находились в составе СССР и боролись против нацистской Германии. Однако на данный момент многие страны утратили былую политическую и идеологическую ориентацию, произошло множество изменений в экономической сфере жизни общества, поменялся менталитет и ценностное восприятие, что не могло не оказать влияние на отношение к нацизму и неонацизму. На примере стран Европы нагляден феномен изменения стран, принадлежавших к единой системе, которые в последствие под влиянием различных факторов сменили свою направленность, что привело к разнообразным последствиям в политической сфере [14].

Также в условиях активной демократизации Европейского общества, появления либеральных идей и гласности, стремительно развивается деятельность радикальных направлений и организаций правого спектра. К таким организациям относятся «Европейская синергия», целью которой стало формирование сети «новых правых» на территории Европы; Националистическое революционное движение, являвшееся правоцентристским объединением; ГРЕСЕ, лозунгом которой стало преодоление левого курса, путём прививания правой идеологии.

Тенденции либерального курса и демократии в странах Европы порождают терпимость по отношению к деятельности организаций правой направленности, что даёт импульс к стремительному увеличению числа представителей неонацизма [10].

Приобщение Европейских стран к терпимости и толерантности имеет двоякую роль: с одной стороны, вышеперечисленные качества создают условия для формирования более гуманного общества, но, с другой стороны, избыток толерантности отражается, в том числе, и на осмыслении тех или иных исторических событий, явлений и представителей [1].

Исторические факты должны оцениваться объективно, с позиции рационализма, однако их восприятие может в значительной степени искажаться из-за переизбытка лояльности. По отношению к феномену нацизма толерантность не может быть уместна, поскольку данное явление

стало историческим катаклизмом, который сломал жизни миллионов людей, оказал отрицательное влияние на политические отношения между странами, а также оставил после себя множество трагичных последствий. Феномен нацизма является полной противоположностью термина толерантность.

Существующие на данный момент и активно развивающиеся течения неонацизма необходимо расценивать объективно, опираясь на исторический опыт предшественников, с помощью такого подхода можно ликвидировать увеличение количества последователей этого движения, а также ограничить избыток толерантной оценки исторических событий.

Библиографический список:

1. Беляев Г.Ю. Неонацизм как модель социализации и воспитания: угроза государственной безопасности и глобальный вызов гуманистическим образовательным системам // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neonatsizm-kak-model-sotsializatsii-i-vospitaniya-ugroza-gosudarstvennoy-bezopasnosti-i-globalnyy-vyzov-gumanisticheskim/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
2. Вернигора О.А. Приход нацистов к власти в Германии в 1993 г. // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prihod-natsistov-k-vlasti-v-germanii-v-1933g/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
3. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. О ситуации с героизацией нацизма. – Москва. 2022 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/ (Дата обращения: 25.11.2024).
4. Кикнадзе В.Г., Илиевский Н.В. Что такое фашизм, нацизм и неонацизм? Генезис фашизма, механизмы его влияния на массы, взаимосвязи с нацизмом и тоталитаризмом: теория, история и современность // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-fashizm-natsizm-i-neonatsizm-genezis-fashizma-mehanizmy-ego-vliyaniya-na-massy-vzaimosvyazi-s-natsizmom-i-totalitarizmom/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
5. Паламарчук Е.А. Пропагандистский образ фюрера в восприятии немецкого общества (1933-1945) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskiy-obraz-fyurera-v-vospriyatii-nemetskogo-obschestva-1933-1945/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
6. Пленков О.Ю. Национальное покаяние за нацизм в Германии в контексте сегодняшней европейской интеграции // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-pokayanie-za-natsizm-v-germanii-v-kontekste-segodnyashney-evropeyskoy-integratsii (Дата обращения: 25.11.2024).
7. Рубцова А.А. Концепция сверхчеловека в философии Фридриха Ницше // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sverhcheloveka-v-filosofii-fridriha-nitsshe?ysclid=m20ggquuil611639966 (Дата обращения: 25.11.2024).
8. Рыжов П.С. Разграничение понятий фашизма и нацизма в отечественной правовой системе // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-ponyatiy-fashizma-i-natsizma-v-otechestvennoy-pravovoy-sisteme/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
9. Сургуладзе В.Ш. Идеология и практика немецкого национал-социализма: когда нация определяется по расовым признакам (1933-1945) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-praktika-nemetskogo-natsional-sotsializma-kogda-natsiya-opredelyaetsya-po-rasovym-priznakam (Дата обращения: 25.11.2024).
10. Урсул В.И. Неонацизм в глобальных процессах современности // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neonatsizm-v-globalnyh-protsessah-sovremennosti?ysclid=m41lzi81ff216297628 (Дата обращения: 25.11.2024).
11. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945. – Москва, 2009. // URL: https://vk.com/doc9295896_663006563?hash=yIdk2hZTQ92GdOt9KU1y9uc0NP70eDvkDg7wkIbu5zH&dl=ENpo1HkyxJPcLlBmvnmgRsL4k6kRo7Ox4JFUUKzTVj8 (Дата обращения: 25.11.2024).
12. Хавкин Б.Л. Германский национал – социализм // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/germanskiy-natsional-sotsializm/viewer (Дата обращения: 25.11.2024).
13. Чёрная Л. Коричневые диктаторы (Гитлер, Геринг, Гиммер, Геббельс, Борман, Риббентроп). – М.: Республика, 1992 // URL: https://vk.com/doc9295896_635902103?hash=9KPpko602DyzbAYFGYHeovqU8O7GgAlCgIvwsCDpAWw&dl=uyvvucDX899PsXiavoJ3cp3njvGgkdoPhOY8gA4eOkX (Дата обращения: 25.11.2024).
14. Чесноков Г.Д. Нацизм и неонацизм в Европе // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsizm-i-neonatsizm-v-evrope (Дата обращения: 25.11.2024).
15. Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. – М.: Наука, 1991 // URL: https://nitsolim.org/R/OrgR/Library/Shirer/Shirer.pdf?ysclid=m20hkl1juw563682222 (Дата обращения: 25.11.2024).

Reference

1. Belyaev G.Yu. Neo-Nazism as a Model of Socialization and Education: a Threat to State Security and a Global Challenge to Humanistic Educational Systems // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neonatsizm-kak-model-sotsializatsii-i-vospitaniya-ugroza-gosudarstvennoy-bezopasnosti-i-globalnyy-vyzov-gumanisticheskim/viewer (25.11.2024).
2. Vernigora O.A. The Nazis' Rise to Power in Germany in 1993 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prihod-natsistov-k-vlasti-v-germanii-v-1933g/viewer (25.11.2024).
3. Report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. On the situation with the glorification of Nazism. - Moscow. 2022 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/ (25.11.2024).
4. Kiknadze V.G., Ilievsky N.V. What is fascism, Nazism and neo-Nazism? The genesis of fascism, the mechanisms of its influence on the masses, the relationship with Nazism and totalitarianism: theory, history and modernity // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-fashizm-natsizm-i-neonatsizm-genezis-fashizma-mehanizmy-ego-vliyaniya-na-massy-vzaimosvyazi-s-natsizmom-i-totalitarizmom/viewer (25.11.2024).
5. Palamarchuk E.A. The Propaganda Image of the Fuhrer in the Perception of German Society (1933-1945) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskiy-obraz-fyurera-v-vospriyatii-nemetskogo-obschestva-1933-1945/viewer (25.11.2024).
6. Plenkov O.Yu. National Repentance for Nazism in Germany in the Context of Today's European Integration // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-pokayanie-za-natsizm-v-germanii-v-kontekste-segodnyashney-evropeyskoy-integratsii (25.11.2024).
7. Rubtsova A.A. The concept of the superman in the philosophy of Friedrich Nietzsche // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sverhcheloveka-v-filosofii-fridriha-nitsshe?ysclid=m20ggquuil611639966 (25.11.2024).
8. Ryzhov P.S. Distinction between the concepts of fascism and Nazism in the domestic legal system // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-ponyatiy-fashizma-i-natsizma-v-otechestvennoy-pravovoy-sisteme/viewer (25.11.2024).
9. Surguladze V.Sh. Ideology and Practice of German National Socialism: When a Nation is Defined by Race (1933-1945) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-i-praktika-nemetskogo-natsional-sotsializma-kogda-natsiya-opredelyaetsya-po-rasovym-priznakam (25.11.2024).
10. Ursul V.I. Neo-Nazism in Global Processes of Our Time // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neonatsizm-v-globalnyh-protsessah-sovremennosti?ysclid=m41lzi81ff216297628 (25.11.2024).
11. Frey N. The Fuhrer's State. National Socialists in Power: Germany, 1933-1945. – Moscow, 2009. // URL: https://vk.com/doc9295896_663006563?hash=yIdk2hZTQ92GdOt9KU1y9uc0NP70eDvkDg7wkIbu5zH&dl=ENpo1HkyxJPcLlBmvnmgRsL4k6kRo7Ox4JFUUKzTVj8 (25.11.2024).
12. Khavkin B.L. German National Socialism // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/germanskiy-natsional-sotsializm/viewer (25.11.2024).
13. Chernaya L. Brown dictators (Hitler, Goering, Himmer, Goebbels, Bormann, Ribbentrop). – M.: Respublika, 1992 // URL: https://vk.com/doc9295896_635902103?hash=9KPpko602DyzbAYFGYHeovqU8O7GgAlCgIvwsCDpAWw&dl=uyvvucDX899PsXiavoJ3cp3njvGgkdoPhOY8gA4eOkX (25.11.2024).
14. Chesnokov G.D. Nazism and Neo-Nazism in Europe // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsizm-i-neonatsizm-v-evrope (25.11.2024).
15. Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. – M.: Nauka, 1991 // URL: https://nitsolim.org/R/OrgR/Library/Shirer/Shirer.pdf?ysclid=m20hkl1juw563682222 (25.11.2024).

Штоль М.В.
Аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Арктический регион в политике циркумполярных стран в период разрядки в международных отношениях в 70-е годы XX века*

Аннотация. В статье исследована внешняя политика Северных стран в условиях «холодной войны», в рамках планов Североатлантического альянса и США, не допускающих размещение на своих территориях ядерного оружия и оружия массового поражения. Обобщены итоги выстраивания межгосударственных связей Европейскими северными странами с СССР, проявляющими волю к взаимовыгодному сотрудничеству и созданию добрососедских отношений, закрепленными договорами, соглашениями и коммюнике.

Ключевые слова: Арктический регион, милитаризация, ремилитаризация в Арктике, военная безопасность, Северные страны, «холодная война», циркумполярные страны, взаимовыгодное сотрудничество.

Shtol M.V.
Post-graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

The Arctic region in the politics of circumpolar countries during the period of detente in international relations in the 70-s of the twentieth century

Abstract. The article examines the foreign policy of the Nordic countries in the context of the “Cold War”, within the framework of the plans of the North Atlantic Alliance and the United States, which do not allow the deployment of nuclear weapons and weapons of mass destruction on their territories. The article summarizes the results of building interstate relations between the European Nordic countries and the USSR, which show the will to mutually beneficial cooperation and create good-neighborly relations, as stipulated in treaties, agreements and communiques.

Key words: Arctic region, militarization, remilitarization in the Arctic, military security, Northern countries, “cold war”, circumpolar countries, mutually beneficial cooperation.

* © Штоль М.В., 2025.

Введение

После Второй мировой войны межгосударственные отношения Северных стран Европы и СССР складывались в условиях создания системы международных отношений, сформулированной странами победительницами над гитлеровской Германией. Страны Северной Европы стремились наладить отношения с Советским Союзом. В 1946 году были продлены и подписаны вновь торговые отношения с СССР [1]. Но летом 1947 года эти государства (кроме Финляндии) приняли заокеанскую помощь - план Маршалла. А с началом «холодной войны» страны Северной Европы были поставлены перед необходимостью образования Западного союза и усиления антикоммунистической кампании. Вследствие чего три Скандинавских государства (Норвегия, Швеция, Дания) предприняли попытки создания тройственного оборонительного союза. Однако между Норвегией и Швецией существовали политические разногласия. Норвегия считала необходимым придерживаться проамериканской ориентации союза, а Швеция — нейтральной [1]. Начало «холодной войны» закономерным образом выдвинуло на повестку дня вопросы военной безопасности арктических государств, обладающих собственными территориями за полярным кругом и имеющих выход в Северный ледовитый океан (Норвегия, Дания, СССР, США, Канада), за исключением приарктических стран (Исландия, Финляндия, Швеция).

Анализ современных геополитических интересов циркумполярных стран [2, с. 80-91][1] дает основание полагать, что рост военно-стратегического значения Арктического региона в первой четверти XXI в. находится в высшей точке своего развития. На это обстоятельство однозначно указывают положения военной доктрины РФ, подчеркивающие тенденцию снижения вероятности развязывания против России крупномасштабной войны и в то же время – *усиления военных опасностей на ряде направлений* [3]. Признаки милитаризации и ремилитаризации в Арктике в современных условиях определяют контуры нового витка гонки вооружений – возможного предвестника конфликта, участвовать в котором будут не только арктические, но и внерегиональные страны [4]. Проблемы обеспечения военной безопасности в регионе ответственны, сложны и многообразны, поэтому невозможно представить их решение без всестороннего осмысления прошлого.

Межгосударственные отношения СССР и Северных стран

Норвегия. После освобождения Советской Армией части Северной

1 Циркумполярными принято называть страны, входящие в Арктический Совет. К ним относят Данию, Исландию, Канаду, Норвегию, Россию, США, Швецию и Финляндию. Согласно международному праву пять из восьми стран (Дания, Канада, Норвегия, Россия, США) имеют свои территориальные воды и исключительную экономическую зону в Северном Ледовитом океане [2].

Норвегии с октября 1944 г. было реализовано соглашение от 16 мая 1944 г. о гражданской администрации и юрисдикции на территории Норвегии после её освобождения. Вместе с тем, Норвегия стала членом НАТО в апреле 1949 г.[2] Несмотря на это, руководство страны не допускало постоянного базирования иностранных войск на своей территории (до тех пор, пока государство не подвергнется нападению или окажется под несомненной угрозой нападения). В целом, в связи со вступлением Норвегии в Североатлантический альянс, советско-норвежские отношения ухудшились. Однако, по мнению исследователей, отношения нормализовались благодаря усилиям со стороны СССР. В Коммюнике от 16 ноября 1955 г. отмечалось стремление сторон к развитию дружественных добрососедских отношений, экономических и культурных связей, к разрядке напряжённости; норвежское правительство заверило, что не предоставит другим государствам баз на своей территории, пока Норвегия не подвергнется нападению или угрозе нападения. Влияние «соседства» с СССР способствовало тому, что Норвегия отвергла идею о территориальном размещении ракет среднего радиуса действия и тактических боевых самолетов. Страна не сотрудничала со странами НАТО, имевшими ядерное оружие, в области подготовки к переброске такого оружия в Норвегию при возникновении чрезвычайных обстоятельств. При этом она в большей мере, чем остальные европейские государства, зависела от американских гарантий военной безопасности. Это во многом определялось спецификой географического расположения – Норвегия отделена от большей части Европы морем, и опять же являлась ближайшим соседом Советского Союза. В 1960 г. на территории Норвегии было запрещено размещение ядерного оружия. Учитывая специфическое положение северного района Норвегии, прилегающего к Советскому Заполярью, были установлены запреты на пролет военных самолетов НАТО над этой территорией, на заходы военных кораблей союзников в норвежские территориальные воды, на проведение совместных военных учений. Такая политика была направлена на укрепление доверия с СССР в Арктическом регионе.

В период разрядки в международных отношениях в 70-е годы XX века советско-норвежские отношения поднялись на более высокий уровень. Как следствие, в Коммюнике от 7 декабря 1971 г. отмечалось, что присутствует совпадение или близость позиций по многим международным вопросам. Стороны высказались за развитие отношений дружбы, договорились о регулярных консультациях. Норвежская сторона, проинформировав

2 Значение, придаваемое Норвегии руководителями Североатлантического альянса, подчеркивается тем исключительным вниманием, которое ей уделялось в первые послевоенные десятилетия: в Норвегии обосновался штаб главнокомандующего вооруженными силами НАТО на Северо-Европейском театре; только в 1951 г. Норвегию трижды посещал Д. Эйзенхауэр с рядом других крупных военных руководителей (***Прим.- авт.***).

о планах строительства гражданского аэродрома на о. Шпицберген, подтвердила, что остров не будет использоваться в военных целях и в ущерб безопасности какого-либо государства. Результаты обобщаемого материала показали, что советско-норвежские отношения в исследуемый период продолжили развиваться в соответствии с двусторонними договорами и соглашениями (табл. 1) [5].

Таблица 1. Документы, раскрывающие основное содержание дипломатических советско-норвежских отношений (1944-1975 гг.).

Наименование документа	Дата
Соглашение «Об установлении телеграфных и телефонных сношений»	11.02.1947
Соглашение «Об обмене почтовыми посылками»	11.02.1947
Договор о режиме границы и о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов	29.12.1949
Соглашение «О воздушном сообщении»	31.03.1956
Соглашение «О культурном сотрудничестве»	12.10.1956
Соглашение «О сотрудничестве при спасании и поиске людей на Баренцевом море»	19.10.1956
Соглашение «О морской границе в Варангер-фьорде»	15.02.1957
Соглашение «О мерах по регулированию промысла тюленей и охране запасов тюленей в северо-восточной части Атлантического океана»	22.11.1957
Соглашение «Об использовании гидроресурсов р. Патсойоки»	18.12.1957
Соглашение «О порядке урегулирования претензий, связанных с повреждением рыболовных снастей»	9.12. 1959
Соглашение «О рыболовстве»	16.04.1962
Соглашение «О платежах»	29.01.1965
Меморандум «О согласии по вопросам воздушного сообщения»	11.02.1971
Соглашение «О долгосрочной торговле»	18.06.1971
Соглашение «О регулировании и охране рыбных запасов в пограничных реках Вориема и Патсойоки»	7.12.1971
Консульская конвенция; Программа культурного и научного сотрудничества на 1972—1973 гг.	7.12.1971
Соглашение «Об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве». Главная особенность состояла в том, что предусматривалось создание Смешанной комиссии	19.05.1972

Соглашение «Об использовании советскими воздушными судами норвежского гражданского аэродрома на о. Шпицберген»	7.03.1974
Соглашение «О сотрудничестве в области радиовещания и телевидения»	25.04.1974
Коммюнике «О международном автомобильном сообщении» (13.12.1974). В документе было зафиксировано, что норвежское правительство неизменно проводит политику недопущения на территории Норвегии иностранных баз и ядерного оружия. Стороны отметили традиционно добрососедский характер отношений, выразили готовность активизировать разностороннее сотрудничество, в том числе в области защиты окружающей среды	26.03.1974
Соглашение «О сотрудничестве в области рыбного хозяйства»	11.04.1975

Швеция. Во время «холодной войны» Швеция, с одной стороны, представляла социал-демократический блок, с другой стороны, проводила политику нейтралитета, а с третьей стороны - сотрудничала с США, опасаясь различных угроз со стороны Советского Союза (например, подводных лодок или проникновения спецназа). Вместе с тем советско-шведские отношения продолжили развиваться, был заключен ряд соглашений (табл. 2) [5]. В Коммюнике от 3.04.1956 г. отношения характеризовались в духе дружбы и добрососедства, стороны высказались за развитие связей. В совместном коммюнике от 5.04.1973 г. стороны отмечали стабильность добрососедских отношений, высказались за расширение связей и сотрудничества.

Дания. Дипломатические советско-датские отношения[3] были восстановлены в период 10.05-16.05.1945 г. [6]. Но в связи со вступлением Дании в НАТО в 1949 г. советско-датские отношения ухудшились, но впоследствии нормализовались благодаря усилиям со стороны СССР. В Коммюнике от 6.03.1956 г. стороны подчеркивали, что «между нами нет вопросов, мешающих дружественному разностороннему сотрудничеству». Как следствие, в Коммюнике от 20.06.1964 г. было зафиксировано, что датское правительство не разместило и не намерено размещать на территории Дании ядерное оружие. Впоследствии двусторонние отношения продолжали развиваться с положительной динамикой. И уже в Коммюнике от 5.12.1971 г. ... стороны констатировали совпадение или близость позиций по многим международным вопросам; высказались за расширение взаимовыгодного сотрудничества. А уже в Коммюнике от 26.10.1973 г. ... стороны указали на возможность широкого сотрудничества прибалтийских стран. Результаты обобщаемого материала показали, что советско-датские

3 Отношения с антифашистским Датским советом свободы СССР установил в апреле 1944 г. (***Прим. – авт.***).

отношения продолжили развиваться в соответствии с двусторонними договорами и соглашениями (табл. 3) [5].

Таблица 2. Документы, раскрывающие основное содержание дипломатических советско-шведских отношений (1946-1975 гг.).

Наименование документа	Дата
Соглашение Кредитное и торговое	7.10.1946
Соглашение «О воздушном сообщении»	25.10.1946, заменено бессрочным 31.03.1956
Соглашение «О сотрудничестве при спасании человеческих жизней на Балтийском море»	29.09.1954
Соглашение «Об урегулировании взаимных финансовых претензий, относящихся к Литовской, Латвийской и Эстонской СССР»	11.05.1964
Соглашение «О сотрудничестве в области сельского хозяйства»	15.01.1965
Консульская конвенция	30.11.1967
Соглашение «Об экономическом и научно-техническом сотрудничестве». Особенность состоит в том, что предусматривалось создание Межправительственной комиссии	12.01.1970
«О сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях»	12.01.1970
«О сотрудничестве в области радиовещания и телевидения»	5.04.1970
Долгосрочное соглашение о торговле	8.07.1970
«О международном автомобильном сообщении»	25.11.1970
Меморандум «О согласии по вопросам воздушного сообщения»	8.02.1971
«О морском судоходстве»	1971
Протокол «О взаимном освобождении судоходных предприятий и их служащих от уплаты налогов»	5.04.1973
Протокол «О сотрудничестве в поиске и спасании экипажей и пассажиров воздушных судов в Балтийском море»	5.04.1973
Программа культурного и научного обмена на 1973-1974 гг.	5.04.1973
«Совместное коммюнике»	5.04.1973
Соглашение «О научном сотрудничестве и обмене учеными»	апрель 1975

Таблица 3. Документы, раскрывающие основное содержание дипломатических советско-датских отношений (1945-1975 гг.)

Наименование документа	Дата
Соглашение «О сотрудничестве при спасании человеческих жизней на Балтийском море»	06.03.1956
Соглашение «О воздушном сообщении»	31.03.1956
Соглашение «О платежах»	30.05.1959
Соглашение «О взаимном освобождении от налогов советских граждан в Дании и датских подданных в СССР, сотрудников предприятий и учреждений своих стран»	21.03-10.05.1960
Соглашение «О культурном сотрудничестве»	11.09.1962
Соглашение «Об урегулировании взаимных финансовых, имущественных и др. претензий, относящихся к Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, западным областям УССР и БССР и Калининградской обл. РСФСР»	27.02.1964
Коммюнике «… не разместило и не намерено размещать на территории Дании ядерное оружие»	20.06.1964
Соглашение «О производстве спасательных и судоподъёмных работ в советских и датских водах»	09.10.1965
Соглашение «О сотрудничестве в области научных с.-х. исследований»	09.10.1965
Соглашение «О сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях»	14.05.1968
Соглашение «Об организации телефонно-телеграфной связи между Европой и Японией транзитом через СССР»	08.08.1968
Соглашение Долгосрочное торговое	24.10.1969
Соглашение «Об экономическом и научно-техническом сотрудничестве». Особенность в том, что предусматривалось создание Межправительственной комиссии	17.07.1970
Соглашение «Об обменах в области телевидения и радиовещания»	14.10. 1970
Меморандум «О согласии по вопросам воздушного сообщения» (протокол)	09.02.1971
Соглашение «О взаимном освобождении авиапредприятий и их служащих от уплаты налогов» (протокол)	09.02.1971

Соглашение «О научно-техническом сотрудничестве в области архитектуры, жилищного и градостроительства» (протокол)	06.07.1971
Соглашение «О научном сотрудничестве и обмене учёными»	26.08.1971
Соглашение «О международном автомобильном сообщении»	03.12.1971
Коммюнике «стороны констатировали совпадение или близость позиций по многим международным вопросам»	05.12.1971
Соглашение «О морском судоходстве»	17.10.1973
Соглашение «О сотрудничестве в деле обеспечения безопасности мореплавания в районах Балтийского моря, балтийских проливов и Северного моря»	24.10.1973
Коммюнике - «стороны указали на возможность широкого сотрудничества прибалтийских стран»	26.10.1973
Соглашение «О развитии экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества на 10-летний период»	28.08.1975

Вместе с тем, с одной стороны, опыт Второй мировой войны, в ходе которой Финляндия использовалась как плацдарм против СССР, Норвегия находилась в оккупации войсками Вермахта, Исландия и Дания (Гренландия) были заняты войсками союзников по антигитлеровской коалиции, а Швеции удалось сохранить лишь видимость формального нейтралитета, свидетельствовал, что малые северные государства уязвимы. Поэтому Северный регион не мог оказаться вне гипотетического конфликта между сверхдержавами. С другой стороны, усиливающиеся противоречия в системе международных отношений в последней четверти 40-х годов XX века, обусловили стремление Исландии, Дании (Гренландии) и Швеции объединиться в Скандинавский оборонительный союз. А, с третьей стороны, попытки создания оборонительного союза, обусловленные различным историческим опытом двух мировых войн, экономической и политической ситуацией, а также геополитическим положением северных стран, не дали ожидаемого результата [7, с. 14–15]. Все это обусловило недостижимость взаимного соглашения, что было официально признано тремя скандинавскими странами в начале 1949 г. Швеция с ее 150-летним опытом неучастия в войнах подтвердила приверженность политике нейтралитета и свободы от союзов и блоков. Норвегия и Дания, больше нуждавшиеся в материальной помощи извне для своего военного строительства, а также учитывавшие условия недавней военной оккупации, были в меньшей степени привязаны к нейтральной традиции.

Скандинавские страны и НАТО

Альтернативой защиты от новой «советской угрозы», в условиях разрастающегося кризиса сверхдержав, для Норвегии, Дании и Исландии стало их вступление 4 апреля 1949 г. в Организацию Североатлантического договора наряду с Канадой и США[4]. В основу структуры военной организации и строительства ОВС НАТО был заложен принцип «интеграции», устанавливавший выделение в состав объединенных вооруженных сил от стран-участников блока контингента национальных войск уже в мирное время и их оперативное подчинение специально созданным натовским командованиям и штабам. Как правило, ключевые посты занимались американскими представителями, а функции национальных командований сводились к выполнению задач административного руководства выделенными для блока соединениями и частями и их материально-технического обеспечения. Так, в ОВС НАТО почти полностью вошли вооруженные силы Дании, Норвегии, частично – Канады и США[5]. Последние выделили 10 % свои вооруженных сил, **при этом объявив, что на службу интересам НАТО ставится весь ядерный потенциал государства** [8, с. 48].

Учитывая географическую специфику Североевропейского ТВД, он являлся важным сухопутным плацдармом для нападения на СССР в случае перерастания «холодной войны» в реальное военное столкновение. Однако противоречия между странами блока в рассматриваемом районе, в том числе ***особая позиция Норвегии и Дании, отказавшихся в мирное время размещать на своей территории ядерное оружие и иностранные военные контингенты***, придали структуре командований на севере специфический облик и незавершенный характер.

Исландия. Основой военной безопасности Исландии являлось ее членство в блоке НАТО с момента его основания в 1949 г. и соглашение об обороне, заключенное с США в 1961 г. Особенностью вхождения страны в Североатлантический альянс стала договоренность о том, что членство в этом союзе не должно быть связано с обязательством о создании собственных вооруженных сил. Стратегическая ценность Исландии для США определялась ее центральным географическим расположением в проходе между Гренландией и Великобританией, что позволяло силам ПЛО и ВВС покрывать с высокой эффективностью большие площади морей с целью наблюдения за движением сил советского Северного флота.

---

4 В короткие сроки была выстроена централизованная система управления объединенных вооруженных сил, тылового обеспечения войск на театрах военных действий, которые организационно были представлены тремя основными ТВД – Североевропейским, Центральноевропейским и Южноевропейским ***(Прим. – авт.)***.

5 Исландия выпала из этого перечня, так как являлась единственным государством-членом НАТО, не располагавшим национальными вооруженными силами ***(Прим. – авт.)***.

Основным требованием властей страны, начиная с 1964 г., являлся запрет на размещение ядерного оружия на своей территории, а с 1986 г. такой запрет был распространен и на химическое оружие. В то же время важно понимать, что наряду с Норвегией и Данией, Исландия приняла самостоятельный запрет на размещение ядерных сил союзников, но только в условиях мирного времени. В случае же возникновения кризиса или войны эти страны допускали возможность размещения на их территориях оружия массового поражения.

К середине 1970-х гг. американские ВМС в Исландии имели в своем составе базу, обеспечивавшую операции по противолодочной обороне; эскадрилью патрульных самолетов морской авиации; авиационную систему дальнего обнаружения; метеорологическую станцию для обслуживания ВМС и станцию дальней связи; подразделения, занимающиеся поисковыми и спасательными работами, а также материально-техническим обеспечением. Как показало исследование, Соединенные Штаты были крайне заинтересованы в «маленькой» Исландии, располагавшейся в важнейшей географической позиции на «линии»: Гренландия – Исландия – Англия. Именно здесь были сконцентрированы первостепенные усилия американцев по внедрению систем обнаружения советских подводных лодок.

Канада. В силу своего географического соседства Канады с США, в качестве консультативного органа военных ведомств двух государств с 1940 г. свою деятельность осуществляла региональная группа стратегического планирования. В строительстве вооруженных сил Канада делала ставку на создание небольших по численности, но профессиональных по составу высокомобильных соединений, готовых к дальним переброскам и участию совместно с вооруженными силами союзников по блоку НАТО в ведении боевых действий на удаленных ТВД.

Со странами Севера Европы Канада не имела военно-политических противоречий. ***С конца 1960-х гг. канадское правительство заявило о своей готовности послать морским путем в северную Норвегию легкую механизированную бригаду в случае возникновения военного конфликта.*** Но маневры 1986 г. показали невозможность переброски канадских подразделений в Норвегию за отведенный период времени. Поэтому в «Белой книге»[6] Министерства обороны было объявлено об отказе Канады от указанных обязательств. Это связано не с пересмотром своих отношений с северными странами, а со стремлением к более рациональному использованию своих вооруженных сил.

С целью предотвращения в будущем разрозненных действий ВМС США

6 Изложение официальной точки зрения военного ведомства государства относительно наличия, характера и качества военных опасностей, угроз и рисков для государственного суверенитета, территориальной целостности и национальных интересов (***Прим. – авт.***).

и Канады военно-политическое руководство страны прорабатывало планы создания совместного командования подводного флота США и Канады в Арктике по типу совместного командования в рамках NORAD. По двустороннему соглашению, заключенному между странами в январе 1988 г., была достигнута договоренность, что Береговая охрана Соединенных Штатов будет запрашивать разрешение у Канады на транзитный проход американских ледоколов по Северо-Западному проходу, однако в этом соглашении ничего не говорилось о транзитном плавании подводных лодок ВМС США.

Швеция, несмотря на то, что не имела выхода к Северному Ледовитому океану, претендовала на свое место и роль в Арктике, но придерживалась политики вооруженного нейтралитета и не входила ни в один из военных блоков, но имела свою армию. Королевство поддерживало боеспособность своих традиционно мощных военно-воздушных сил, стремясь тем самым устранить любые сомнения в возможности эффективно защищать нейтральный воздушный коридор на Севере Европы. Это единственная североевропейская страна, которая рассматривала возможность приобретения ядерного оружия. Тем не менее, именно Швеция затем взяла на себя роль по проведению активной политики его нераспространения, а в 1961 г. предложила создать «Клуб безъядерных государств». Наличием мощных вооруженных сил, которые особенно активно наращивались в период 1940–1960 гг., данное государство подкрепляло строгое соблюдение неприсоединения в мирное время и нейтралитета во время войны.

Швеция отвергла предложение о присоединении к НАТО, посчитав, что ее традиционная политика нейтралитета и «свобода от союзов»:

– положительно влияли на мир и безопасность в Северном регионе;

– предотвращали обострение реакции СССР на возрастающее присутствие сил НАТО возле его северо-западной границы;

– ослабляли давление на Финляндию и повышали шансы на успешное осуществление политики нейтралитета [9, с. 237].

Финляндия, занимая в годы «холодной войны» стратегическое положение в Северной Европе, представляла интерес как для непосредственно граничащего СССР – в роли буферной зоны, так и для США – в роли военной транзитной территории. В таких условиях военно-политическому руководству страны стоило больших усилий выстраивать собственную внешнеполитическую деятельность двустороннего характера, с одной стороны, «не выступать в роли форпоста Запада против Востока, так же, как и форпостом Востока против Запада» - с другой стороны.

Нейтральная зона, образуемая Финляндией совместно со Швецией, разделяла вооруженные силы НАТО и Варшавского договора и уменьшала напряженность политической ситуации в Северной Европе. На финских территориях также не располагалось ни ядерное оружие, ни контингенты

иностранных войск. Руководство Финляндии подчеркивало, что военная угроза для страны может реализоваться только в случае крупного конфликта между сверхдержавами, причем альтернатива косвенного вовлечения в ядерную войну рассматривалась как вполне реальная.

Важным элементом безопасности Финляндии являлся советско-финляндский договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, который имел оборонительный характер. Согласно договору, «Финляндия ни по своей собственной воле, ни на основе любого договора, который она подписала, не нападет на другую страну и не потерпит любого такого нападения со стороны другого государства через финскую территорию» [10, с. 4]. Во внешнеполитическом курсе Финляндии отчетливо проявлялась тенденция к уклонению от договорных обязательств с Советским Союзом. Политическая обстановка в этой стране оставалась неустойчивой – за период «холодной войны» там сменилось более 27 правительств. Поэтому не исключалось, что при определенных условиях и Швеция, и Финляндия под давлением внешних и внутренних реакционных сил могли быть вовлечены в военный конфликт на стороне НАТО [11, p. 972].

Результаты обобщаемого материала позволяют выделить следующие ***тенденции*** в политике мира арктических стран в исследуемый период.

1. Арктические страны проводили внешнюю и военную политику в увязке с планами Североатлантического альянса и США, но обеспечивающую мирное сосуществование двух непримиримых общественно-политических систем в Арктической зоне.

2. В сформированной модели биполярного мира политика циркумполярных стран исключила размещение на своих территориях ядерного оружия и оружия массового поражения.

Таким образом, результаты исследования политики Северных стран в Арктическом регионе в период разрядки в международных отношениях в 70-е годы XX века позволяют сделать следующие **выводы**.

1. Осложнение военно-политических отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции обусловило милитаризацию и новые направления противостояния в Арктическом регионе.

2. Вовлечение циркумполярных стран в Организацию Североатлантического договора позволило Соединенным Штатам осуществлять контроль над военной политикой Канады, Дании, Норвегии и Исландии, а также опосредованно влиять на военную политику «неприсоединившихся» – Финляндии и Швеции.

3. Европейские северные страны стремились выстраивать внешнюю политику с СССР с учетом взаимовыгодного сотрудничества и добрососедских отношений, закрепленными договорами, соглашениями и коммюнике.

Библиографический список:

1. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век // URL: https://history.wikireading.ru/h5HWwTmFcU (Дата просмотра: 10.01.2025)
2. Скрипнюк Д.Ф., Киккас К.Н. Концепция целевых субпространств в развитии Арктических территорий // Горизонты экономики. 2020. № 1 (54). С. 80-94.
3. Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации // Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.
4. Матвеев О.В. Российская Арктическая зона: история освоения, внешней политики и международных отношений в XX в. – начале XXI в.: учебное пособие по программе бакалавриата по направлению 41.03.05 Международные отношения / О.В. Матвеев. – М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025. 198 с.
5. Зайцев Е.М. Советско-шведские отношения // URL: https://gufo.me/dict/bse/Советско-шведские_соглашения (Дата просмотра: 10.01.2025).
6. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969-1978 // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133891/ (Дата просмотра: 10.01.2025).
7. Зарецкая О.В. Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции (1945–2000 гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Архангельск, 2008. С. 14-15.
8. Армии стран НАТО / Под ред. генерал-полковника А.М. Шевченко. – М.: 1974. С. 48.
9. Голошубов Ю.И. Скандинавия и проблемы послевоенной Европы. – М.: 1974. С. 237.
10. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой от 6 апреля 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 30 января 1949. № 6 (553). С. 4.
11. Virrankoski P. Suomen historia 1–2. Ensimmäinen osa. – Helsinki, 2009. P. 972.

Reference

1. The modern history of the countries of Europe and America. XX century // URL: https://history.wikireading.ru/h5HWwTmFcU (10.01.2025)
2. Skripnyuk D.F., Kikkas K.N. The concept of target subspaces in the development of the Arctic territories // Horizons of Economics. 2020. № 1 (54). P. 80-94.
3. Military dangers and military threats to the Russian Federation // Military doctrine of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on December 25, 2014 No. Pr-2976.
4. Matveev O.V. Russian Arctic zone: history of development, foreign policy and international relations in the twentieth century. – early XXI century: textbook on the bachelor's degree program in the direction 41.03.05 International relations / O.V. Matveev. – M.: FGBOU VO MGLU, 2025. 198 p.
5. Zaitsev E.M. Soviet-Swedish relations // URL: https://gufo.me/dict/bse/Советское-шведские_соглания (10.01.2025).
6. Great Soviet Encyclopedia. – M.: Soviet Encyclopedia. 1969-1978 // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/133891/ (10.01.2025).
7. Zaretskaya O.V. Regionalism in the Foreign Policy of Norway and Sweden (1945–2000): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. – Arkhangelsk, 2008. P. 14-15.
8. Armies of NATO Countries / Ed. by Colonel General A.M. Shevchenko. – Moscow: 1974. P. 48.
9. Goloshubov Yu.I. Scandinavia and the Problems of Post-War Europe. – Moscow: 1974. P. 237.
10. Treaty of Friendship, Cooperation, and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of Finland, April 6, 1948 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. January 30, 1949. № 6 (553). P. 4.
11. Virrankoski P. Suomen historia 1–2. Ensimmäinen osa. – Helsinki, 2009. P. 972.

Еэрфань Хайфэйцзы
Институт марксизма, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Синьцзян, Китай.

Пэйцян Ни
Институт марксизма, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Синьцзян, Китай.

Исследование личного обаяния Чжу Дэ с позиции теории харизматического лидерства*

Аннотация. Статья анализирует личную харизму Чжу Дэ с позиции теории харизматического лидерства. Автор рассматривает истоки и развитие теории харизматического лидерства, точки зрения различных ученых и аналитических измерений, исследует жизнь Чжу Дэ и его достижения как лидера в усилении контроля партии над армией, обеспечении внутреннего единства партии, мобилизации революционных сил и вовлечении общественных сил в производственную деятельность и строительство. В основе структуры проведенного анализа лежат пять измерений: единое широкое видение, высокие моральные качества, внешний образ, убедительная риторика и гармоничные межличностные отношения. Указанные аспекты харизмы Чжу Дэ являются ценными для современной теории и практики лидерства, а его личность представляет собой классический пример для изучения харизматического лидерства.

Ключевые слова: харизматическое лидерство, Чжу Дэ, личная харизма, современная теория лидерства, Макс Вебер, история китайской революции.

Yeerfan Haifeizi
Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Peiqiang Ni
Institute of Marxism, Xinjiang University, Urumqi, Xinjiang, China.

Research on Zhu De ‘s personal charm from the perspective of Charismatic leadership theory

* © Еэрфань Хайфэйцзы, Пэйцян Ни, 2025.

Abstract. This paper analyzes the personal charisma of Zhu De from the perspective of charismatic leadership theory. It begins by tracing the development of charismatic leadership theory, exploring its origins, various scholars' viewpoints, and analytical dimensions. Subsequently, it examines Zhu De's life and his leadership achievements in strengthening the Party's control over the military, ensuring internal Party unity, mobilizing revolutionary forces for the revolution, and engaging social forces in production and construction. The analysis is structured around five dimensions: a shared grand vision, high moral character, external image, compelling rhetoric, and harmonious interpersonal relationships. These aspects of Zhu De's charisma provide valuable insights for contemporary leadership theory and practice, establishing a classic example for the study of charismatic leadership.

Key words: Charismatic leadership, Zhu De, personal charisma, modern leadership theory, Max Weber, history of the Chinese revolution.

In the field of leadership studies, charismatic leadership theory is one of the significant research directions. From Max Weber's pioneering introduction of the concept of "charisma" to subsequent scholars' continuous exploration and expansion, this theory has gradually become more comprehensive and refined. However, the brilliance of theory must be reflected and validated in practice. Throughout the grand and tumultuous history of the Chinese Revolution, numerous outstanding leaders emerged, among whom Comrade Zhu De stands out as a representative figure. His life was dedicated to the selfless service of the Chinese revolutionary and construction efforts. Zhu De's leadership charisma has had a profound impact on the development of the Chinese Revolution and its subsequent construction endeavors. This paper aims to delve into Zhu De's personal charisma based on charismatic leadership theory, with the intention of drawing wisdom from his leadership practices to provide valuable insights for the development of modern leadership theory and practice.

1. Overview of Charismatic Leadership Theory

(1) Origins and Development of Charismatic Leadership Theory

In the early 20th century, the renowned German sociologist Max Weber pioneered the introduction of the term "charisma" into the field of leadership studies. Weber posited that "charisma" refers to a unique quality possessed by leaders that enables them to exert a significant influence over others, a quality that ordinary individuals do not possess. This foundational concept laid the groundwork for the development of charismatic leadership theory.

In the 1970s, Robert House formally introduced the concept of charismatic leadership theory in his work, "Theory of Charismatic Leadership." House provided a comprehensive explanation of the concept, defining charismatic leadership as the ability of leaders to generate a charisma effect through behaviors that distinguish them from other leadership styles. This influence leads subordinates

to identify with and comply with their leaders, imitating their values and behaviors while fostering a sense of confidence, mission, and responsibility towards achieving organizational goals [1].

House analyzed charismatic leadership from five dimensions: the ability to establish a strong role model, proficiency in image crafting, clear communication of moral ideals to subordinates, setting high expectations for followers, and the capability to inspire and motivate subordinates. In the 1980s, empirical research on charismatic leadership gained momentum, largely due to the efforts of Bernard Bass, who developed the Multifactor Leadership Questionnaire (MLQ) to measure transformational leadership. During this period, charismatic leadership was viewed as a component of transformational leadership, establishing a foundation for empirical studies in this area. Bass argued that the influence of charismatic leaders is not solely attributable to their personality traits and behaviors but is also related to the characteristics of their followers [2].

Bass identified six key aspects of charismatic leadership: adeptness in impression management, linking work to values, articulating an attractive vision for subordinates, serving as a positive role model, possessing eloquent communication skills, and exhibiting expressive behaviors. Additionally, during the same period, Conger and Kanungo developed the Conger-Kanungo Charismatic Leadership Scale (C-K), specifically designed to quantitatively assess the traits and behaviors of charismatic leaders. They defined charismatic leadership as the process by which leaders influence followers primarily through mobilizing their emotional commitment to a shared vision and a set of values [3].

Conger and Kanungo analyzed charismatic leadership across six dimensions: articulating a strategic vision clearly, willingness to take personal risks, exhibiting unconventional behaviors, sensitivity to environmental changes, responsiveness to the needs of organizational members, and employing an infectious behavioral style.

From the late 20th century to the present, research on charismatic leadership theory has entered a phase of in-depth exploration. A notable contributor to this discourse is Antonakis, who proposed a new definition of charismatic leadership based on signaling theory, addressing the issue of conceptual endogeneity. Antonakis defined charisma as "leadership signals that are value-based, symbolic, and emotionally charged." [4] Charismatic leaders, therefore, are those who utilize this signaling mechanism. He analyzed charismatic leadership through five dimensions: conveying values through moral beliefs, expressing collective emotions to foster connections, formulating grand plans, demonstrating confidence, and transmitting emotional value.

In summary, both the concepts of "charisma" and "charismatic leadership," along with their analytical dimensions, have yet to form a unified framework. Therefore, this paper seeks to analyze Zhu De's charismatic leadership by synthe-

sizing the aforementioned research, focusing on five key aspects: a shared grand vision, noble character, external image, infectious communication, and harmonious interpersonal relationships.

2. Zhu De's Life and Leadership Achievements

(1) Life of Zhu De

Zhu De was a great Marxist, a prominent proletarian revolutionary, politician, and military strategist. He was one of the principal founders of the People's Liberation Army and a key figure among the founding leaders of the People's Republic of China, serving as an important member of the first generation of the Party's Central Leadership Collective, with Comrade Mao Zedong at its core. Born into a peasant family in Yilong County, Sichuan Province, Zhu De joined the Tongmenghui (Chinese United League) in his early years. He participated in the Xinhai Revolution, the National Protection War, and the Constitutional Protection War, achieving numerous military successes.

In 1922, he went to Germany for further studies, during which he joined the Communist Party of China. In 1927, he played a leading role in the Nanchang Uprising on August 1st and subsequently joined forces with Mao Zedong's troops at Jinggangshan, establishing the Fourth Army of the Workers' and Peasants' Revolutionary Army. Thereafter, he, along with Mao Zedong, commanded the Red Army in multiple victories against the Nationalist forces during their encirclement campaigns.

During the Anti-Japanese War, Zhu De served as the commander-in-chief of the Eighth Route Army, leading the troops in their resistance against the Japanese invaders. In the subsequent Liberation War, he held the position of commander of the People's Liberation Army, assisting Mao Zedong in directing the nationwide liberation efforts. After the establishment of the People's Republic of China, Comrade Zhu De continued to contribute to the country's construction and development, serving in various capacities, including Vice Chairman of the Central People's Government and Chairman of the Standing Committee of the National People's Congress. His life was marked by indelible contributions to the Chinese revolutionary and construction endeavors.

(2) Leadership Achievements of Zhu De

As an outstanding leader of the Communist Party of China, Zhu De demonstrated exceptional leadership achievements across multiple dimensions. These accomplishments primarily focus on four key areas: strengthening the Party's leadership over the military, ensuring internal unity within the Party, mobilizing forces for revolutionary activities, and engaging resources in social production and construction. It is important to note that Zhu De's leadership achievements are not only evident in practical terms but also encompass significant theoretical contributions.

First, in the critical area of strengthening the Party's leadership over the military, Zhu De exhibited remarkable leadership capabilities and profound

influence. During the period of the Land Revolution, the Party embarked on a challenging journey of armed resistance against the reactionary rule of the Kuomintang (KMT). At that time, the military power was relatively weak, making the enhancement of the Party's leadership over the military a core task of this historical phase. The "Three Rectifications in Gannan" serves as a representative example, where Zhu De implemented a series of measures that effectively boosted the morale of the soldiers and played a crucial role in preserving revolutionary forces, thereby reinforcing the Party's leadership over the military from a practical standpoint. From a theoretical perspective, his 1931 publication, "How to Create an Iron Red Army," systematically articulated a series of viewpoints that provided a solid and highly instructive theoretical basis for the Party's leadership of the Red Army [5].

During the Second United Front, when Chiang Kai-shek proposed reactionary policies such as "limiting and dissolving the Communist Party," which severely threatened the Party's leadership over the military, Zhu De actively responded on both practical and theoretical fronts. Practically, he advocated for the restoration of political systems to ensure the Party's unshakeable leadership position within the military. Theoretically, his 1941 article, "The Party is the Absolute Leader of the Army," clearly and rigorously delineated the relationship between the Party and the military administration, providing a clear direction for addressing the leadership challenges faced by the Party in the military amid complex circumstances [6].

During the Liberation War, Zhu De, in his article "Current Situation and Military Construction," emphasized the necessity of continuously strengthening the Party's leadership over the military in the new context, thereby providing fundamental guidance for military construction and the implementation of military strategies [7]. After the establishment of the People's Republic of China, in the process of building modern military forces such as the Air Force and Navy, Zhu De consistently highlighted the significance of the Party's leadership in theoretical works such as "Building a Strong People's Air Force" [7, p. 274] and "Building the Navy to Defend Coastal Security," [7, p. 274] laying a theoretical foundation for the correct development of military construction in the new China. These practical actions and theoretical outputs collectively constitute Zhu De's outstanding contributions to strengthening the Party's leadership over the military, which have had a profound impact on China's military construction and development.

Second, ensuring internal unity within the Party is a key manifestation of Zhu De's leadership achievements, in which he made remarkable contributions. Throughout the Party's developmental history, it faced immense pressures, and internal unity was undoubtedly a crucial guarantee for achieving revolutionary victory. Practically, during the Long March, Zhu De firmly opposed the divisive actions of Zhang Guotao, maintaining the Party's unity and stability. At the

Zunyi Conference, he actively supported Mao Zedong's correct propositions, playing a significant role in the Party's critical turning point. After the establishment of the new China, Zhu De emphasized the importance of internal unity in various crucial occasions, including the senior cadres meeting of the national military system and the Fourth Plenary Session of the Seventh Central Committee, ensuring that the Party maintained a high degree of cohesion in the process of nation-building.

From a theoretical perspective, in important meetings such as the East China Field Army's senior cadres meeting in 1948 [8], the Second National Disciplinary Inspection Work Conference in 1953 [8, p. 1453], the Military Academy meeting in 1954 [7, p. 327], and the Eighth National Congress of the Communist Party in 1956 [7, p. 344], Zhu De delivered significant speeches. These addresses elaborated on the importance of internal unity from various angles, providing a solid theoretical foundation for fostering unity within the Party. They helped Party members deeply understand the significant value of unity for the development of the Party and the nation, promoting a high degree of ideological and operational consistency within the Party.

Third, Zhu De achieved significant success in mobilizing forces for revolutionary activities. In the early years, while serving in the armies of Yang Sen and Zhu Peide, he actively engaged in leadership work, communicating deeply with soldiers, disseminating revolutionary ideas, and igniting the revolutionary spirit among the troops, thereby accumulating latent strength for revolutionary development. After the failure of the Nanchang Uprising, faced with low morale and unstable military sentiment, Zhu De stabilized the situation through the "Three Rectifications in Gannan," conducted ideological and belief education at Tianxinwei, reorganized troops in Dayu, and implemented military and disciplinary education in Shangbao, transforming the troops with proletarian ideology and preserving the revolutionary flame.

During the Anti-Japanese War, he advocated for the principles of anti-Japanese national salvation among the masses, encouraging civilians to actively participate in the resistance, whether by providing supplies or conveying intelligence. He elucidated the righteousness of the cause to KMT officials and soldiers, fostering cooperation between the Communist and Nationalist forces. He promoted anti-war sentiments among Japanese soldiers to garner their internal justice forces, communicated with minority leaders to unite ethnic minorities, inspired patriotism among overseas Chinese by informing them of domestic conditions, and engaged with international friends to seek global support.

On the theoretical front, in 1930, he and Mao Zedong proposed seven guidelines for mobilization, emphasizing leading by example, engaging with the masses, caring for and understanding soldiers, encouraging self-education among soldiers, prioritizing persuasion over punishment, emphasizing propaganda over

directives, and ensuring clarity in rewards and punishments [8, p. 173]. In "On Guerrilla Warfare," he stressed the importance of broad mobilization, uniting all parties and classes to fight for the motherland [7, p. 50]. In "The Art of Propaganda Work in North China over Three Years," he highlighted the artistic aspects of mobilization, emphasizing the need to understand the target audience and balance the popularization of artistic works to enhance the effectiveness of mobilization [7, p. 75].

During the Liberation War, in 1947, at the senior cadres meeting of the Jin-Cha-Ji Military Region, Zhu De analyzed the weaknesses of Chiang Kai-shek's army, emphasized the need to boost revolutionary confidence among cadres, and inspired soldiers and civilians to fight for the overthrow of reactionary rule and the establishment of a new China, thereby consolidating forces to promote the success of the Liberation War [8, p. 1260].

Fourth, Zhu De's leadership role in mobilizing forces for social production and construction was also highly significant. For a long time, the Party faced challenges in production and construction, and Zhu De personally participated in labor, setting an example for soldiers by engaging in activities from harvesting wheat to reclaiming wasteland. His speeches in areas like Nanniwan motivated both military and civilian populations to engage in production. He conducted mobilization efforts targeting various groups, including workers, military personnel, and women, to promote production development [7, p. 164].

Theoretically, in "On the Battlefield of the Liberated Areas," he emphasized the production education of soldiers, enhancing their labor consciousness to promote production and construction. In summary, Zhu De played a proactive and effective leadership role in strengthening the Party's leadership over the military, ensuring internal unity, mobilizing forces for revolutionary activities, and engaging resources in social production and construction.

3. Personal Charisma of Zhu De

(1) The Charisma of a Shared Grand Vision

A shared grand vision refers to a lofty goal that both leaders and followers are willing to strive for over the long term. Such a vision provides leaders with a powerful allure, thereby enhancing team cohesion and driving continuous progress. Zhu De's charisma, stemming from a shared grand vision, is a prime example of this phenomenon. He positioned the realization of communism as the common grand vision guiding his leadership actions. This shared vision not only strengthened the internal cohesion of the Communist Party of China (CPC) but also attracted military personnel and the masses to rally around the Party, thereby enhancing the overall unity of the Chinese revolution.

Zhu De's charisma based on a shared grand vision is primarily reflected in three aspects: First, he embodied the grand vision of communism through concrete actions. Throughout his life, Zhu De exemplified the grand vision of

communism through his practical actions. This charisma, manifested through his commitment to the vision of communism, made his leadership more impactful. Zhu De's unwavering choice and steadfast actions in favor of the grand vision of communism illustrated this charisma. Faced with a chaotic landscape of warlords and widespread suffering among the populace, he experienced a state of doubt and despair, feeling "lost in the darkness, unable to find a true path forward [8, p. 385]." However, after encountering communism, Zhu De firmly believed that it was the correct path for national salvation. Consequently, he decisively abandoned a life of comfort and, at the age of 36, embarked on a journey to Germany to seek membership in the Communist Party, ultimately succeeding in his goal. This resolute choice exemplified his charisma grounded in the grand vision of communism.

In the aftermath of the Great Revolution's failure, when the morale of military personnel was low and revolutionary zeal waned, Zhu De emphasized: "Although the Great Revolution has failed, and our uprising army has also faced defeat, we must continue to fight for revolution. Those who wish to join me in this struggle may do so; those who do not wish to continue can return home! No coercion! As long as there are eight or ten rifles, I will still fight for revolution [8, p. 92]." Zhu De's steadfast commitment to the grand vision of communism was a testament to his charisma.

Second, Zhu De enhanced the theoretical persuasiveness of the grand vision of communism through theoretical exploration. Theory provides the correct direction for the grand vision of communism and lays a solid theoretical foundation for persuading followers. Therefore, since joining the Party, Zhu De has consistently pursued theoretical exploration, both during the revolutionary era and the socialist construction period. While studying in Germany, he placed great importance on theoretical learning, actively participating in weekly study sessions with the Chinese Communist Group in Göttingen. In these discussions, he often related the essence of capitalist society to China's realities, helping young Party members deepen their understanding and conviction that only Marxism could save China [8, p. 61].

During the arduous revolutionary years, Zhu De maintained a strong focus on theoretical exploration. On November 2, 1939, at a meeting of cadres at the Eighth Route Army headquarters in Wangjiayu, he delivered a report on "Learning Issues," urging comrades to strengthen their studies: "We must adhere to a daily learning system of two hours, emphasizing the integration of theory and practice, and strive to become exemplary cadres in learning [8, p. 916]." After the founding of the People's Republic of China, Zhu De continued his theoretical pursuits. On July 14, 1949, at a meeting of representatives of Chinese social science workers, he stated: "The victory of the Chinese revolution is the victory of Marxism-Leninism. Those who support the victory of the Chinese revolution

must acknowledge, heed, and study this truth. There are still many uncharted territories in Chinese society and history that require social sciences to cultivate, and scientific conclusions must be drawn from research. He called on social science workers to diligently study Marxism-Leninism, work hard, and achieve greater accomplishments [8, p. 1341]." Through this continuous theoretical exploration, Zhu De's grand vision of communism was further elevated and became increasingly persuasive.

Third, Zhu De inspired others with the grand vision of communism. In addition to his personal commitment to and exploration of the grand vision of communism, he actively motivated those around him. On May 3, 1940, Zhu De published an article in the "Xinhua Daily" (North China Edition) titled "The May Fourth Movement and Youth," emphasizing that youth must seek the correct political path. He asserted that, over the past twenty-one years since the May Fourth Movement, this path has been discovered by progressive youth: the path of communism. He proclaimed that the path of communism is the great road for Chinese youth [8, p. 961].

On November 13, 1942, in an article commemorating Dr. Norman Bethune published in "Liberation Daily," Zhu De noted that Bethune, as a Canadian communist doctor, traveled thousands of miles to China to save lives. He praised Bethune as a model of internationalist spirit and practical idealism, highlighting his noble communist qualities and boundless sense of responsibility, as well as his passion for the people. Zhu De urged everyone to actively learn from Bethune's exemplary spirit [8, p. 1116].

On October 13, 1972, during a visit to the Beijing Ferroalloy Plant, Zhu De emphasized in a speech to factory leaders: "Each of us must dedicate our lives to the struggle for socialism and communism. Cadres, Party members, and Youth League members must take the lead. Our struggle is for socialism and communism, not for money or personal gain [8, p. 1977]." In summary, Zhu De's shared grand vision centered on communism not only enhanced internal cohesion within the Communist Party of China but also galvanized military personnel and the masses to rally around the Party, thereby strengthening the unity of the Chinese revolution.

(2) The Charisma of Noble Character

Noble character is one of the essential traits of charismatic leadership. A leader's moral integrity serves as a spiritual force that can enhance followers' trust and confidence in their leader. Zhu De's charisma, derived from his noble character, similarly exerted a strong inspirational effect on his followers, facilitating the smooth execution of his leadership tasks. The essence of Zhu De's noble character charisma encompasses patriotism, love for the Party, a commitment to truth, inclusiveness and unity, resilience and courage, as well as frugality and thrift.

Patriotism and love for the Party form the core of Zhu De's noble character

charisma. Zhu De's patriotic sentiments were profoundly rooted from a young age. Upon learning of the invasion by the Eight-Nation Alliance, he was "deeply saddened and angered, which intensified his concern for the fate of the nation and its people [8, p. 10]." As an adult, faced with the chaos of warlords, Zhu De felt disheartened but remained committed to rescuing the people from despair. It was this strong sense of patriotism that led him to choose the path of communism, firmly believing that the Red Army of workers and peasants could only fulfill its historic mission under the correct leadership of the Communist Party. Thus, Zhu De's love for his country and his love for the Party were intrinsically aligned; love for the Party is a natural extension of love for the nation. Together, these sentiments form the core of Zhu De's noble character charisma.

The principle of seeking truth from facts emphasizes the importance of basing actions on objective realities. This principle is a vital aspect of Zhu De's character charisma and serves as a guarantee for the effectiveness of his leadership. Zhu De's commitment to seeking truth from facts is reflected in three primary dimensions. First, he adhered to scientific principles, guiding his leadership work with the scientific tenets of Marxism. Zhu De believed that "Marxism-Leninism itself represents the highest achievements of science. The philosophy of dialectical materialism is the crystallization of five thousand years of human scientific thought [7, p. 76]." Therefore, he consistently applied the principles of Marxism-Leninism to guide his leadership efforts.

Second, Zhu De led by example, inspiring his followers through his actions. He immersed himself in the lives of soldiers and the masses, using his commitment to his beliefs and his revolutionary integrity to motivate them. Third, he emphasized the importance of basing decisions on facts and used real-life examples to enlighten his followers. After the failure of the Nanchang Uprising, when revolutionary sentiments among soldiers were low, Zhu De drew inspiration from the success of the October Revolution, asserting: "The Chinese Revolution of 1927 is akin to the Russian Revolution of 1905. After the failure of the Russian Revolution in 1905, there was darkness, but that darkness was temporary. By 1917, the revolution finally succeeded. China will also have its own '1917.' As long as we preserve our strength, there will be a way for revolution. You must believe this [8, p. 92]." Zhu De's commitment to seeking truth from facts enhanced the effectiveness of his leadership.

The characteristic of inclusiveness and unity served as a lubricant for Zhu De's leadership efforts. Whether within the Party or externally, Zhu De consistently emphasized the importance of unity. Internally, he bravely confronted divisive actions. During the Long March, in response to Zhang Guotao's separatist behavior, Zhu De adhered to the principle of unity, patiently persuading and educating others to prevent internal divisions within the Red Army. Externally, he sought to unite all possible forces to advance revolutionary objectives. During

the Anti-Japanese War, Zhu De actively promoted and practiced the policy of a united front against Japanese aggression, rallying people from all ethnic backgrounds, overseas Chinese, and foreign friends to resist invasion. His charisma of inclusiveness and unity minimized friction in the leadership process, eased relationships with his followers, and enhanced the effectiveness of his leadership.

Frugality and thrift are a proud tradition of the Chinese nation and represent another important aspect of Zhu De's character charisma. During the Anti-Japanese War, there was an occasion when Zhu De observed a guard sewing a new patch onto an old one. He took the opportunity to impart a lesson: "There is a technique to patching clothes. You must first remove the old patch before sewing on the new one; this way, the repair will be neat and secure. The old patch can still be repurposed for other uses [9]." Zhu De's emphasis on frugality and thrift played a significant role in facilitating his leadership. During both the revolutionary era and the period of socialist construction, when resources were scarce and the living standards of the people were low, wastefulness was condemned by society. Frugality and thrift became key themes of the times. Zhu De's character charisma aligned with the spiritual needs of the masses and military personnel, thereby facilitating the smooth execution of his leadership.

In summary, whether during the revolutionary era or the construction period, Zhu De's noble character charisma—embodying patriotism, love for the Party, a commitment to truth, inclusiveness and unity, as well as frugality—effectively inspired his followers and enhanced the outcomes of his leadership efforts.

(3) The Charisma of External Image

The external image charisma of a leader can effectively attract followers, thereby enhancing their recognition of the leader and their leadership actions, which in turn improves the effectiveness of the leadership. A leader's external image charisma is a comprehensive manifestation of their appearance and lifestyle. Zhu De's external image charisma is established on the contrast between his high-ranking military and political positions and his simple attire and lifestyle. As a senior military and political figure in the Communist Party of China, Zhu De maintained a remarkably modest appearance and lifestyle. The patriotic general Xu Fan Ting once commented on Zhu De, stating: "At that time, people did not recognize the general's face; he appeared as simple as a farmer [10]." This external image charisma, rooted in the simplicity associated with high-ranking Communist Party officials, exerted a powerful attraction on followers, fostering their identification with his status and reinforcing their recognition of the value of his leadership actions.

Zhu De's external image charisma manifests primarily in three aspects: First, the reinforcement of identity recognition through a relatable image that attracts the peasant population. Mobilizing the masses to participate in revolutionary and socialist construction was a crucial task for Zhu De's leadership. Throughout both

the revolutionary era and the socialist construction period, China has remained an agrarian society, with the agricultural population constituting the vast majority and serving as a vital force in revolutionary and social development. Due to the low productivity of agriculture, the living standards of the agricultural population were correspondingly low. The harsh social environment shaped the simple image of Chinese farmers, which aligned well with Zhu De's own modest persona. This alignment strengthened the identity recognition of the predominantly peasant population toward Zhu De, allowing them to see him as "one of their own." This identity recognition further enhanced the peasant population's value recognition of Zhu De's leadership actions, thereby improving the effectiveness of his efforts to mobilize them for revolutionary and socialist construction.

Second, the reinforcement of identity recognition through an egalitarian image that attracts soldiers of the revolutionary army. During both the revolutionary era and the socialist construction period, the living conditions of revolutionary soldiers were extremely challenging, and most soldiers came from the peasant class. The shared class background and combat environment necessitated the adherence to the principle of equality among officers and soldiers in the revolutionary army. Consequently, the principle of equality became a cherished tradition within the revolutionary military. This equality was not only reflected in rank but also in attire and lifestyle. The commanders of the revolutionary army did not indulge in special treatment regarding food, clothing, and living conditions; they lived simply and shared the same hardships as their soldiers. As previously mentioned, Zhu De exemplified this principle. Therefore, the egalitarian image Zhu De projected reinforced the soldiers' identity recognition of him, allowing them to perceive him as a "comrade." This identity recognition further solidified the soldiers' value recognition of Zhu De's leadership actions, thereby strengthening his effectiveness in leading the military personnel.

Third, the reinforcement of identity recognition through comparative imagery that attracts enemy soldiers. The peasant population constituted a significant portion of both the Communist Party's army and the Nationalist army. However, unlike the egalitarian ethos of the Communist forces, the Nationalist army was marked by severe class stratification, with commanders displaying luxurious attire and lifestyles that created a stark contrast with the simplicity of the soldiers. This discrepancy between the humble image of the soldiers and the extravagant image of the commanders led to a lack of identity recognition among Nationalist soldiers, who did not view their commanders as "comrades," but rather as "taskmasters." This contrast between the "taskmaster" and the "comrade" imagery influenced Nationalist soldiers' decisions when confronted with Zhu De's efforts to persuade them to defect, as they chose to align with the "comrades" in the revolutionary cause. This ultimately enhanced Zhu De's effectiveness in persuading enemy soldiers to defect. For instance, in early January 1932, Zhu De and Mao

Zedong met with Ji Zhentong, the commander of the Fifth Army Corps of the Chinese Workers' and Peasants' Red Army, in Yeping, Ruijin. Through conversations, personal anecdotes, and site visits, they successfully convinced Ji and other comrades who had defected from the Nationalist army to believe that there was indeed equality between officers and soldiers in the Red Army [8, p. 256]. Shortly thereafter, Ji applied for membership in the Communist Party of China.

In conclusion, Zhu De's external image charisma significantly enhanced the attractiveness of his leadership efforts, thereby improving the overall effectiveness of his leadership.

(4) The Charisma of Persuasive Language

The charisma of a leader's language refers to their ability to captivate followers through the artful use of language during the leadership process. By employing persuasive language, a leader can enhance their appeal to followers. Zhu De exemplified this charisma through his ability to engage the hearts and minds of numerous followers across the party, government, military, and civilian sectors. The persuasive language charisma of Zhu De is founded on the scientific nature, artistic quality, and accessibility of his language.

First, the scientific nature of Zhu De's language expression is rooted in scientific theories. Marxism-Leninism served as the theoretical foundation for Zhu De's leadership work and provided the content for his language expression. Zhu De emphasized, "Marxism-Leninism itself represents the highest achievements of science [7, p. 76]." Scientific theories offer explanations of objective laws, which inherently possess the power to captivate audiences. By basing his language on scientific theories, Zhu De was able to effectively persuade and win over his followers.

Second, the artistic quality of Zhu De's language expression was characterized by its eloquence, making it easier to captivate his audience. This artistic quality is evident in the poetry he composed throughout his life. Zhu De began his literary education in a traditional school, studying classics such as the "Three Character Classic," "The Great Learning," "The Doctrine of the Mean," and portions of "The Analects," thereby acquiring a high level of literary cultivation [8, p. 4]. Throughout his life, he produced a substantial body of poetry, which served as an important medium for his leadership work during both the revolutionary era and the period of socialist construction. For example, his verses expressed his patriotism and readiness to sacrifice for the nation: "It is the responsibility of all to safeguard the nation; I will soar high like the flying phoenix." "I put down my pen to join the army, to renew the old national spirit." "A hundred battles, my new poetry instills fear in the enemy; three years of hardship, I dedicate my life." "The flames of war on both sides burn bright; this journey shall comfort our shared resentment." "The Long March has spanned over a decade; the scenery has changed dramatically, astonishing the world." Through such artistic expres-

sions, Zhu De inspired soldiers and united the people, providing vital spiritual support for the success of the revolution and socialist construction.

Third, the accessibility of Zhu De's language involved articulating complex ideas in a manner that was easily understood by the general populace. In his article "Artistic Work in the Three-Year Propaganda Campaign in North China," Zhu De emphasized the importance of popular forms of artistic expression, stating, "The issues of national and folk forms are fundamentally questions of popularization and accessibility. The significance of proposing national and folk forms lies in their ease of understanding by the masses [7, p. 74]." Although he did not explicitly address the accessibility of language expression in this context, it can be inferred that he placed considerable importance on making his language comprehensible. The issue of accessibility can be examined from two dimensions: first, tailoring language content to align with the preferences of the general populace; and second, expressing ideas in a straightforward manner that is easy for the public to grasp. Zhu De consistently adhered to these principles in both theoretical and practical aspects of his leadership. For instance, during the Anti-Japanese War, he authored the article "On Anti-Japanese Guerrilla Warfare," in which he provided a clear and concise explanation of the concept. He wrote, "Its essence is the highest and most widespread form of struggle taken by all compatriots unwilling to become slaves, aimed at saving lives in the face of death. Its enemy is Japanese imperialism [7, p. 31]." This simple expression succinctly clarified the subject, object, form, and objective of anti-Japanese guerrilla warfare.

In conclusion, the scientific nature, artistic quality, and accessibility of Zhu De's language expression contributed to its compelling charisma. This linguistic charisma enhanced Zhu De's ability to engage his followers, thereby improving the overall effectiveness of his leadership.

(5) Harmonious Interpersonal Relationships

The interpersonal charisma of a leader can bridge the gap between the leader and their followers, thereby fostering followers' recognition of the leader's actions and enhancing the effectiveness of the leadership. Interpersonal charisma refers to the leader's ability to increase interaction with followers based on their approachable personality, thereby enhancing the appeal of their leadership actions. Zhu De's interpersonal charisma was a significant factor in the success of his leadership. This charisma is primarily manifested in two aspects: his approachable personality and the interactive relationships formed through sports and labor activities. These two aspects are interrelated and mutually reinforcing, as his approachable nature encourages participation in sports and labor, while such participation further amplifies the charm of his personality.

First, Zhu De's approachable personality is at the core of his interpersonal charisma. Yang Dezhi recalled, "General Zhu De was always very kind to others, engaging in conversation and laughter, and I never saw him lose his temper or

scold anyone. Nothing seemed to bother him, and we all regarded him as a parental figure [11]." This approachable personality established a bridge for communication between Zhu De and both soldiers and the general populace, serving as a key to his deep engagement in their lives. His approachable nature enhanced the affinity of his leadership, achieving the effect of "loving the teacher leads to believing in the doctrine."

Second, active participation in sports and labor activities serves as a catalyst for Zhu De's approachable personality, allowing his personal charisma to be elevated through various leadership activities in different contexts. Sports activities enable participants to "share joy," enjoying the exhilaration that comes from physical exertion, while labor activities allow them to "share hardship," deriving satisfaction from the fruits of their labor. This shared experience of joy and fulfillment helps to narrow the interpersonal distance between participants, thereby enriching their relationships. Zhu De was particularly enthusiastic about participating in various sports and labor activities. For instance, during the Anti-Japanese War, he took the initiative to organize the first basketball team in the history of China's military—the Eighth Route Army Basketball Team [12]. In terms of labor activities, the article "Zhu De's Shoulder Pole" vividly illustrates his love for labor. As a senior official in the Communist Party of China, Zhu De did not adopt an aloof demeanor; rather, he participated in sports and labor activities as an ordinary person, sharing both joys and hardships with soldiers and the general populace. This approach further amplified and reinforced the charm of his approachable personality.

Thus, through the interaction of his approachable personality and participation in sports and labor activities, Zhu De's interpersonal charisma became increasingly pronounced. Consequently, this strong interpersonal charisma enhanced the affinity and effectiveness of Zhu De's leadership.

Conclusion

Zhu De's personal charisma has left a profound mark on the historical process, offering rich and valuable insights for modern leadership theory and practice. In today's complex and ever-changing leadership environment, leaders can draw on various aspects of Zhu De's charisma.

In terms of value guidance, leaders should embody the steadfast and noble ideals exemplified by Zhu De, integrating organizational objectives with broader social ideals to provide team members with a grand vision for which to strive. This vision serves not only as a directional guide but also as a source of spiritual motivation, inspiring members' inner sense of mission and responsibility, and encouraging them to transcend personal interests in pursuit of collective goals.

Regarding moral cultivation, Zhu De's noble qualities encompass patriotism, loyalty to the party, a commitment to seeking truth from facts, inclusiveness, and

frugality. Modern leaders should model these qualities, demonstrating loyalty to the nation and the organization, respecting facts in decision-making and actions, actively fostering a harmonious and united internal atmosphere, and adhering to the principle of efficient resource utilization. These virtues will form the foundation of leadership behavior, shaping the leader's personal charisma and earning the respect and trust of their members.

In terms of image building, Zhu De's simple and approachable demeanor serves as a reminder for leaders to avoid an aloof posture and to maintain closeness with members on both material and spiritual levels. Regardless of their leadership level, leaders should present themselves with equality and simplicity, allowing members to feel that the leader shares their breath and fate. This approach enhances organizational cohesion and unity.

In communication and interpersonal relationship maintenance, Zhu De's persuasive language and harmonious interpersonal practices provide vivid examples for leaders. Leaders should adeptly employ scientific, artistic, and accessible expressions to clearly convey complex strategies, objectives, and directives to their members. Additionally, by actively participating in team activities and demonstrating an approachable character, leaders can establish deep emotional connections with members, fostering positive interactions that enhance the affinity and effectiveness of their leadership, thereby guiding the team or organization toward its goals in a complex environment.

Zhu De's personal charisma also serves as a classic example for research related to charismatic leadership. It transcends different historical periods and cultural contexts, opening new avenues for understanding the manifestations and roles of leadership charisma in various situations, thereby significantly enriching and expanding the relevant content within the field of leadership studies.

Библиографический список / Reference

1. House R.J. A 176 theory of charismatic leadership [M] // HUNT J.G. LARSON L.L. Leadership: the cutting edge. Carbondale:Southern Illinois University Press, 1977.
2. Bass B.M. Leadership and performance beyond expectation [M]. New York: Free Press, 1985.
3. Conger J.A, Kanungo R.N. Charismatic leadership in organization: perceived behavioral attributes and their measurement [J]. Journal of Organizational Behavior. 1994. № 15 (5). P. 439-452.
4. Antonakis J., Bastardoz N., Jacquart P. et al. Charisma: an ill-defined and ill-measured gift [J]. Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior, 2016. № 3. P. 293-319.
5. Zhu De Selected Works [M]. Beijing: People's Publishing House, 1983. 1 p.
6. Zhu De Military Writings [M]. Beijing: PLA Publishing House, 1997. 409 p.
7. Zhu De Selected Works [M]. Beijing: People's Publishing House, 1983. p. 233.
8. Zhu De Chronology [M]. Beijing: Central Literature Publishing House, 2006, p. 1303.
9. The Story of Zhu De [M]. Shanxi People's Publishing House, 1998. 91 p.
10. Liu Zhihui. "Frugality Builds the Nation, a Permanent Truth" – The Frugality of Zhu De [J]. Party Literature, 2013. № 4. P. 114-117.
11. Shui Xinying. "The Relationship Between Yang Dezhi and Zhu De" [J]. Party History Review, 2021. № 3. P. 19-23.
12. Wang Xiaohong. "Zhu De and Basketball Sports in the Army" [J]. Lantai World, 2014. № 4. P. 10-11.

Карпук О.К.
Магистрант, Чунцинский педагогический университет, Китай, Чунцин.

Стратегическое сотрудничество между Китаем и Советским Союзом 1949-1955 гг.*

Аннотация. В статье анализируется важный исторический этап первых лет становления Китайской Народной Республики (КНР) и помощь Советского Союза (СССР) Китаю в период с 1949 по 1955 гг., когда КНР находилась на стадии формирования национальной инфраструктуры. Китай стремился к модернизации промышленности и усилению обороноспособности с помощью советского опыта и технологий. В статье рассматриваются ключевые аспекты этого сотрудничества: поставки Китаю современного вооружения, отправка военных экспертов и технических специалистов для помощи в создании промышленности и подготовки технических кадров; а также совместная разработка и производство военной техники.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Советский Союз, стратегическое сотрудничество, отправка экспертов, Китай, СССР, русско-китайские отношения, русско-китайское сотрудничество.

Karpuk O.K.
Master's Student, Chongqing Normal University, China, Chongqing.

Strategic cooperation between China and the Soviet Union 1949-1955

Abstract. The article analyzes an important historical stage in the early years of the formation of the People's Republic of China (PRC) and the assistance of the Soviet Union (USSR) to China in the period from 1949 to 1955, when the PRC was at the stage of forming a national infrastructure. China sought to modernize its industry and strengthen its defense capabilities with the help of Soviet experience and technology. The article examines the key aspects of this cooperation: the supply of modern weapons to China, the dispatch of military experts and technicians to help establish industry and train technical personnel, as well as the joint development and production of military equipment.

Key words: People's Republic of China, Soviet Union, strategic cooperation, dispatch of experts, China, USSR, Russian-Chinese relations, Russian-Chinese cooperation.

* © Карпук О.К., 2025.

Введение

Стратегическое сотрудничество между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом в период с 1949 по 1955 годы стало важной частью отношений двух стран на раннем этапе существования КНР. Этот период характеризовался активным обменом военной техникой, обучением китайских специалистов и поддержкой со стороны СССР в укреплении инфраструктуры нового социалистического государства. В условиях роста международной напряженности Советский Союз стремился укрепить позиции коммунизма, в то время как Китай нуждался в советской помощи для создания современной военной мощи.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ стратегического сотрудничества между Китаем и Советским Союзом в период с 1949 по 1955 гг. Исследование направлено на выявление ключевых факторов, обусловивших формирование союза, изучение механизмов реализации сотрудничества в различных сферах – политической, экономической, военной, технической и культурной, а также на анализ проблем и противоречий, возникавших в процессе взаимодействия двух государств.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном и всестороннем анализе раннего периода советско-китайского сотрудничества с привлечением широкого круга источников, включая ранее малоизученные архивные материалы. В работе предпринята попытка выйти за рамки традиционных идеологических оценок и рассмотреть сотрудничество между СССР и КНР как сложный и многогранный процесс, обусловленный как общими геополитическими интересами, так и внутренними факторами развития обеих стран.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а также опубликованные сборники документов и материалов, мемуары советских и китайских государственных деятелей, воспоминания советских специалистов, работавших в Китае в 1950-е годы. Методологической основой исследования является применение принципов историзма, объективности и системного анализа.

Результаты и обсуждения

1. Предыстория сотрудничества

После Октябрьской революции 1917 года и образования Советского Союза китайские революционеры начали искать союзников для борьбы с феодализмом и империализмом. Хотя Коммунистическая партия Китая

(КПК) и Гоминьдан временно сотрудничали в рамках единого фронта против внешних угроз, их отношения ухудшились в 1927 году, что привело к гражданской войне. Советский Союз продолжал оказывать поддержку КПК, усиливая её легитимность. Тем временем Соединенные Штаты и другие западные страны поддерживали Гоминьдан. С 1945 по 1949 год СССР получил возможность влиять на ход войны, и КПК одержала победу. 1 октября 1949 года Мао Цзэдун провозгласил победу КПК и официально объявил о создании Китайской Народной Республики. Советский Союз признал новое государство и установил с ним дипломатические отношения. Таким образом, между двумя странами начался этап стратегического партнерства. Основными причинами сотрудничества стали следующие факторы:

1. Геополитическое положение и стратегические интересы: Китай и Советский Союз являются крупнейшими территориальными соседями, с общей границей длиной более 4000 километров. Такое географическое соседство сыграло важную роль в установлении сотрудничества. Китай, как крупнейшая страна Азии, находился на пересечении важнейших геополитических интересов. Советский Союз стремился укрепить свои позиции в Азии и противостоять возможной агрессии со стороны США и их союзников в этом регионе. Новый социалистический Китай, в свою очередь, мог содействовать противодействию такой агрессии.

2. Единая идеология: Марксизм-ленинизм стал идеологической основой двух стран, связывая их тесными связями. Оба государства официально придерживались марксистской идеологии, целью которой было создание общества без эксплуатации через социалистическую революцию. В Советском Союзе марксистско-ленинская идеология была внедрена после Октябрьской революции 1917 года, в то время как коммунистическое движение в Китае основывалось на тех же принципах, но адаптировалось к местным реалиям, что также соответствовало идеологическим основам СССР.

3. Развитие экономических и торговых отношений: Китай и СССР были связаны важной железнодорожной сетью, что способствовало развитию экономических связей между двумя странами. Железные дороги значительно сокращали время и стоимость транспортировки грузов, что положительно влияло на двустороннюю торговлю. Это позволяло странам расширять рынки и стимулировать экономическое взаимодействие.

2. Процесс сотрудничества: сложности первых контактов

После завершения гражданской войны в 1949 году Коммунистическая партия Китая (КПК) установила контроль над материковым Китаем и провозгласила создание Китайской Народной Республики, в то время как силы Гоминьдана под руководством Чан Кайши отступили на Тайвань. Тайваньское правительство Гоминьдана продолжало считать себя единственным законным правительством Китая и отказывалось признавать власть КПК на материке. Чан Кайши, несмотря на потерю контроля над материком, пы-

тался вернуть утраченные позиции, восстановив республиканское правительство. Для КПК контроль над Тайванем был критически важен с точки зрения как политической легитимности (объединение Китая), так и стратегического контроля над важными морскими торговыми маршрутами в Тихом океане. Силы Гоминьдана продолжали активные боевые действия против КПК, включая воздушные атаки на материковый Китай. Целью этих нападений было подорвать экономическую инфраструктуру нового китайского правительства [4, с. 140]. Кроме того, для демонстрации своей легитимности и противодействия поддержке СССР Китаю Гоминьдан активно использовал авиацию для демонстрации своей силы, угрожая столице КНР. США, в свою очередь, поддерживали Чан Кайши, предоставляя Тайваню военную и экономическую помощь, что укрепляло сопротивление Гоминьдана усилиям КПК по объединению страны. В ответ на это Китай начал подготовку к освобождению Тайваня и при поддержке СССР быстро приступил к созданию военной авиации [15, с. 64].

14 января 1949 года на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) Иосиф Сталин обсудил просьбу Мао Цзэдуна о встрече, однако решил, что встреча с лидером КПК в тот момент была бы нецелесообразной [9, с. 531-533]. В ходе обсуждений Сталин отметил, что визит Мао Цзэдуна в СССР может усилить независимость Китая, что создавало бы сложности для Советского Союза. Сталин опасался, что после получения поддержки и признания со стороны СССР Мао Цзэдун может потребовать большей самостоятельности или даже отказаться от советской коммунистической модели, что усложнило бы дальнейшее сотрудничество. Эти опасения объяснялись также тем, что Сталин понимал, что китайская революция идёт своим собственным путём, отличным от советского. Поэтому, избегая чрезмерного вмешательства в китайские дела, Сталин, вероятно, хотел избежать осложнений в будущих отношениях двух стран.

Мао Цзэдун, тем не менее, планировал посетить Москву до официального провозглашения КНР. Китайская сторона рассчитывала на помощь Советского Союза для восстановления страны, пострадавшей от разрушений гражданской войны. СССР, обладая развитой промышленной базой, был готов предоставить такую помощь. Мао Цзэдун считал, что СССР может помочь Китаю в развитии ключевых отраслей, включая производство вооружений и создание инфраструктуры для долгосрочной обороноспособности. В январе 1949 года, чтобы решить вопрос о взаимодействии с КПК, Сталин отправил в Китай Анастаса Микояна, члена Политбюро и заместителя председателя Совета министров СССР. Он прибыл в Китай 30 января 1949 года и оставался там до 8 февраля, сопровождаемый двумя военными экспертами. Во время его визита обсуждались ключевые вопросы советско-китайского сотрудничества, включая военную и экономическую помощь. Среди них можно выделить следующие направления:

1. Хотя СССР признавал ведущую роль Коммунистической партии Китая (КПК), он допускал участие в политической жизни других социалистических и рабочих организаций в соответствии с марксистско-ленинской теорией. Кремль считал, что многопартийная система способствует лучшему отражению интересов всех слоев общества и помогает избежать внутренних конфликтов, а также критики со стороны других социалистических стран, таких как Югославия [3, с. 107].

2. Участие СССР в переговорах между КМТ и КПК с целью прекращения гражданского конфликта и достижения мира [8, с. 479].

Визит Микояна позволил уточнить детали будущего взаимодействия и подготовить почву для договоренностей, удовлетворяющих обе стороны. Мао Цзэдун остался доволен достигнутыми договорённостями, что отражено в отчётах Микояна [7, с. 253].

3. Поставки вооружений СССР Китаю, роль советских специалистов

После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 года отношения между СССР и Китаем перешли на новый этап углубленного сотрудничества. Сотрудничество охватывало несколько ключевых областей. Уже с начала 1949 года Китай начал получать помощь в рамках постановления Совета Министров СССР от 21 июля 1947 года.

7 ноября 1950 года Мао Цзэдун направил Сталину телеграмму с просьбой рассмотреть возможность поставок оружия для 36 дивизий китайской армии в январе и феврале 1951 года. Это было необходимо как для оснащения китайских войск, участвовавших в Корейской войне, так и для укрепления обороноспособности Китая на фоне роста напряженности в международной обстановке. 9 ноября Сталин согласился на этот запрос, заверив, что поставки будут выполнены в срок. Благодаря этой помощи китайские добровольческие войска, участвовавшие в Корейской войне, смогли переоснастить 34 дивизии, а также использовать оставшиеся ресурсы для обучения и усиления других подразделений. Однако стоит отметить, что большая часть поставляемого включала устаревшие модели вооружения [10, с. 89].

Решение советского руководства предоставлять устаревшее оружие имело несколько причин:

1. Экономические трудности. После Второй мировой войны Советский Союз находился в состоянии экономического восстановления. Ограниченные ресурсы не позволяли СССР выделять значительные средства на помощь Китаю, особенно в области современных вооружений.

2. Политические соображения. Советский Союз поддерживал китайскую коммунистическую революцию, но стремился контролировать отношения с КПК, избегая предоставления новейших систем вооружений, которые могли бы ослабить стратегическое преимущество СССР.

3. Производственные ограничения. Возможности советской промышленности не позволяли обеспечить массовые поставки современного

оружия в короткие сроки. Передача устаревшего вооружения, которое уже не использовалось в армии, была более экономически оправданной.

Несмотря на технические ограничения, такая помощь оказала значительное влияние на укрепление китайской армии.

В июле 1949 года китайский представитель Лю Шаоци тайно посетил Москву и попросил Сталина поддержать создание ВВС в Китае. Сталин принципиально согласился помочь, что положило начало масштабному сотрудничеству в этой сфере. В августе 1949 года китайская делегация под руководством Лю Ялоу (командующего ВВС), Ван Би и Лю Либиня прибыла в Москву для проведения переговоров. 9 августа во время встречи с советским маршалом Василевским китайская сторона представила свой план создания ВВС и запросила помощь в создании авиационных школ и формирования ВВС численностью 300–350 самолётов [9, с. 277]. После нескольких раундов переговоров стороны достигли соглашения:

- СССР обязался помочь создать шесть авиационных школ, включая две школы для подготовки экипажей бомбардировщиков и четыре школы для подготовки истребительных пилотов.
- Советский Союз предоставил 434 самолёта различных типов.
- В Китай должны были быть направлены 878 советских специалистов для помощи в создании и развитии ВВС.

Соглашение подписали маршал авиации СССР Вершинин и командующий ВВС НОАК Лю Ялоу. Первая партия самолётов прибыла в Китай уже в октябре 1949 года. Советское правительство в общей сложности приняло пять постановлений о поставках вооружения и техники, включая самолёты, Китаю. В 1951 году СССР только начинал процесс перевооружения своих ВВС на реактивные самолёты, но при этом передал Китаю сотни современных самолётов.

Западные источники, такие как исследования Ричарда М. Бушелла, указывают, что к июлю 1951 года Китай располагал примерно 1050 самолётами. К концу 1955 года эта цифра превысила 2000 самолётов, включая современные реактивные истребители МиГ-15, МиГ-17 и бомбардировщики Ил-28 [1, с. 145-147]. Китайские источники утверждают, что к 1955 году страна получила около 5000 самолётов различных моделей, из которых около 4400 были переданы ВВС, а около 500 – военно-морской авиации. Общие поставки самолётов от СССР за период с 1949 по 1955 годы составили 5882 единицы [2, с. 270].

Юридической основой для работы советских специалистов в Китае стал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 года. На основании этого документа 27 марта 1950 года было подписано Соглашение о рабочих условиях советских экспертов в Китае [12, с. 199]. Согласно нему порядок работы организовывался китайским правительством, распределяя новоприбывщих в нужные организации и предприятия. Среди специалистов

были эксперты в таких областях, как химическая промышленность, радиоэлектроника и военные технологии, что позволило Китаю заложить основу для создания передовых видов вооружений. К концу 1951 года ВВС Китая практически самостоятельно справлялись с теоретической и практической подготовкой пилотов, что подтверждает эффективность советской помощи [6, с. 377].

4. Проблемы и трудности при налаживании контактов

Работа советских специалистов в Китае не была лишена сложностей. В отчётах можно найти упоминания о том, что китайская сторона не всегда эффективно использовала ресурсы, предоставленные советскими экспертами. Также некоторые эксперты по прибытии в Китай не получали достаточной информации о своих задачах, что усложняло их работу. Иногда прибытие специалистов задерживалось, либо их квалификация не соответствовала заявленной. Культурные и языковые различия также временами сказывались на организации работы [13, с.196-197].

Сотрудничество между СССР и КНР в период 1949–1955 годов сыграло значительную роль в становлении и развитии мощи нового китайского государства. Оно включало широкий спектр направлений: от передачи военной техники и обучения специалистов до строительства оборонной инфраструктуры. Однако это сотрудничество имело как положительные стороны, так и определённо отрицательные.

1. Укрепление военной мощи Китая: На раннем этапе существования Китайской Народной Республики её силы были относительно слабыми, особенно на фоне угрозы со стороны Гоминьдана и его союзников. Советская помощь была необходима для Китая. Благодаря этому Китай смог быстро создать современную армию, а также укрепить свои оборонные рубежи.

2. Углубление стратегического союза: Сотрудничество стало частью более широкого стратегического альянса между СССР и КНР в рамках социалистического лагеря. Оба государства стремились противостоять давлению западных стран, в особенности США, в условиях Холодной войны [5, с. 402]. Их совместные усилия способствовали укреплению политической и военной стабильности в регионе. Советская помощь помогла китайским войскам, участвовавшим в войне на стороне Северной Кореи, противостоять силам ООН, возглавляемым США. Это способствовало укреплению позиций Китайской Народной Республики на международной арене.

3. Создание основы для китайской оборонной промышленности: Советская техническая помощь и передача технологий позволили Китаю заложить фундамент для развития собственной военной промышленности. Китай получил не только оборудование, но и знания, которые использовал для последующего создания своих собственных систем вооружений [14, с. 157].

Среди недостатков сложившегося сотрудничества можно выделить:

1. Экономическая зависимость: Китай сильно зависел от советской по-

мощи в обеспечении своей армии вооружением и технологиями. Это создавало дисбаланс в отношениях, поскольку СССР оставался доминирующим партнером.

2. Неравноправие в сотрудничестве: Несмотря на общую идеологию и союзнические отношения, СССР не всегда учитывал интересы Китая. Например, Советский Союз предоставлял устаревшие образцы вооружений, что вызывало недовольство со стороны китайского руководства. Некоторые новейшие технологии передавались в ограниченных количествах или не передавались вовсе.

3. Политические разногласия: Хотя обе страны разделяли марксистско-ленинскую идеологию, между ними существовали различия в её интерпретации. После смерти Сталина в 1953 году начались изменения в советской политике. Хрущёв, осудив культ личности Сталина, вызвал недовольство китайского руководства. Мао Цзэдун считал, что такие действия могут ослабить позиции коммунизма в мире [11, с. 345].

Ограничения в военной автономии Китая: Из-за зависимости от советских поставок Китай не мог полностью контролировать собственную оборонную политику. Важные решения в области безопасности, такие как проведение крупных операций или модернизация армии, требовали согласования с советским руководством.

Выводы

Несмотря на проблемы и ограничения, стратегическое сотрудничество с СССР сыграло важную роль в становлении Китайской Народной Республики. Оно позволило КНР создать основу для самостоятельного развития и стать ключевым игроком на международной арене.

К концу 1950-х годов разногласия между СССР и КНР углубились. Китайское руководство стремилось к большей самостоятельности, в то время как СССР пытался сохранить контроль над стратегическим союзом. В 1960 году Советский Союз отозвал всех своих военных специалистов из Китая и прекратил оказание помощи. Этот шаг стал началом разрыва в отношениях двух стран. Эта ситуация стала стимулом для Китая ускорить развитие собственных технологий. В долгосрочной перспективе опыт сотрудничества с Советским Союзом стал важным уроком для китайского руководства, что способствовало формированию политики самодостаточности.

Библиографический список:

1. Бушелл Ричард М. Воздушная мощь коммунистического Китая. Нью-Йорк; Вашингтон. – Лондон. 1968. С. 145-147.
2. Ван Динле. Линь Ху Современные китайские военно-воздушные силы. 1989. С. 255, 270.
3. Ван Ячжи. Воспоминания военного штаба Пэн Дэхуая: Свидетели китайско-советских военных отношений в 1950-х годах. 2009. С. 107.

4. Головатюк В.А. Россия и Китай: Четыре века взаимодействия. Издательство «Весь мир» – Москва. 2013. С. 137, 140.
5. Демин А.А. Авиация Великого соседа. Кн. 1: У истоков китайской авиации. – Москва: Фонд содействия авиации Москва: Фонд содействия авиации. «Русские витязи». 2008. С. 402.
6. Китайская народная республика в 1950-е годы. Сборник документов. Кн. 2 / под ред. В.С. Мясникова. Составители: Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 377.
7. Российско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Кн. 2, 1946 - февраль 1950. / Ин-т Дальнего Востока РАН, Ист.-док. департамент МИД РФ, Федер. архив. служба РФ; Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 253.
8. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина, – Москва: Весь Мир. 2013. С. 479.
9. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. / Ин-т Дальнего Востока РАН, Ист.-док. департамент МИД РФ, Федер. архив. служба РФ; Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 277.
10. Самохин А.В. Военно-экономическая помощь Советского Союза Коммунистической партии Китая в 1949 году. История и современность. Власть и управление на Востоке России. 2009. С. 89.
11. Сталин И.В. Сочинения.Том 18, Тверь: Информационно-издательский центр «Союз». 2006. С. 344-345, 385, 475, 531-533.
12. Сунь Вэйтао. Командующий ВВС Лю Ялоу. 2015. С. 199.
13. Турьян К.В. «Общие тенденции экономического развития постсоветских стран», Международная межвузовская научная конференция «Наука и практика в парадигме нового многополярного миропорядка», 9–10 июня 2023 г., г. Санкт-Петербург. – СПб.: Изд-во СПбЦСА, 2023. 218 с. С. 195-218.
14. Шэнь Чжихуа. Очерк истории советско-китайских отношений. 2007. С. 157.
15. Экономика и право: Монография / А.А. Ардизинба, В.В. Новиков, В. В. Новиков [и др.]; Гл. редактор Э.В. Фомин. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. 172 с.

Reference

1. Bushell Richard M. Air Power of Communist China. New York; Washington. – London. 1968. P. 145-147.
2. Wang Dinglie. Lin Hu. Modern Chinese Air Force. 1989. Pp. 255, 270.
3. Wang Yazhi. Memories of Peng Dehuai's Military Staff: Witnesses to Sino-Soviet Military Relations in the 1950s. 2009. P. 107.
4. Golovatyuk V.A. Russia and China: Four Centuries of Interaction. Ves Mir Publishing House – Moscow. 2013. P. 137, 140.
5. Demin A.A. Aviation of the Great Neighbor. Book 1: At the Origins of Chinese Aviation. – Moscow: Aviation Assistance Fund Moscow: Aviation Assistance Fund. "Russian Knights". 2008. Page 402.
6. The People's Republic of China in the 1950s. Collection of documents. Book 2 / edited by V.S. Myasnikov. Authors: E.R. Kurapova, V.S. Myasnikov, A.A. Chernobaev. – M.: Monuments of Historical Thought, 2010. Page 377.
7. Russian-Chinese relations in the 20th century. Documents and materials. Book 2, 1946 - February 1950. / Far East Institute of the Russian Academy of Sciences, Historical and Doc. Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Federal Archives Service of the Russian Federation; Responsible editor S.L. Tikhvinsky. – M.: Monuments of Historical Thought, 2005. Page 253.
8. Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State, and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations / Ed. A.V. Lukina, – Moscow: Ves Mir. 2013. Page 479.
9. Russo-Chinese relations in the 20th century: Materials and documents. Vol. IV. Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book 1. 1937-1944 / Institute of Far East of the Russian Academy of Sciences, Historical and Doc. Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Federal Archives. Service of the Russian Federation; Responsible. editor S.L. Tikhvinsky. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2000. Page 277.
10. Samokhin A. V. Military and economic assistance of the Soviet Union to the Communist Party of China in 1949. History and modernity. Power and administration in the East of Russia. 2009. Page 89.
11. Stalin I. V. Works. Volume 18, Tver: Information and Publishing Center "Soyuz". 2006. Pp. 344-345, 385, 475, 531-533.
12. Sun Weitao. Air Force Commander Liu Yalou. 2015. P. 199.
13. Turyan K.V. "General Trends of Economic Development of Post-Soviet Countries", International Interuniversity Scientific Conference "Science and Practice in the Paradigm of the New Multipolar World Order", June 9-10, 2023, St. Petersburg. - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg Center for Social Analysis and Strategic Studies, 2023. 218 p. Pp. 195-218.
14. Shen Zhihua. Essay on the History of Sino-Soviet Relations. 2007. P. 157.
15. Economics and law: Monograph / A.A. Ardizinba, V.V. Novikov, V.V. Novikov [and others]; Ch. editor E.V. Fomin. – Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House "Sreda", 2023. 172 p.

Аннотации

Мурашко С.Ф.
Рудакова С.В.

Типичные ошибки при образовании множественного числа имен существительных в английском языке

Статья посвящена одной из сложных категорий грамматики английского языка – образованию множественного числа существительных и наиболее частым ошибкам, которые допускают изучающие английский язык. В статье рассмотрены различные способы образования множественного числа, даны примеры как правильного, так и неправильного употребления форм множественного числа слов, представляющих трудности, а также рекомендации, как избежать ошибок в речи.

Ключевые слова: множественного числа имен существительных, грамматическая категория, морфологическая модель, суффикс, лексическое заимствование.

Унатлоков В.Х.
Мишин Д.А.
Куровский С.В.

Сравнительный анализ концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»)

В статье представлены результаты сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках. Научная проблема, затрагиваемая в данной работе, заключается в отсутствии единого подхода к прикладному, теоретическому, сопоставительному лингвистическому анализу концептов в научно-исследовательском сообществе. Цель научного исследования – осуществление сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках (на примере концептов «солдат», «успех», «учёба»). В статье приведены тенденции концептуальных специфических и общих характеристик картины русского и китайского мира, исходя из сопоставительного анализа выбранных концептов в русском и китайском сознании людей. Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности более глубокого понимания русского и китайского менталитетов, формирования эффективных взаимодействий и диалога между КНР и РФ.

Ключевые слова: концепты, сравнительный анализ, семантическое поле, сопоставительный анализ, русский и китайский язык, сознание людей, прикладной лингвистический анализ.

Кропта О.А.

Русская орфография: коммуникативный аспект

В статье предпринимается попытка рассмотрения русской орфографии с точки зрения коммуникативного аспекта. Даётся обоснование того, что понятие «орфография» является важнейшей составляющей в письменной презентации информации и определяется автором статьи как свод правил, которые регулируют правописание слов. В статье даётся обоснование изучения орфографии, повышения орфографической грамотности.

Автор статьи говорит о корректном написании слов как знании языковых особенностей, что свидетельствует об уровне образованности и образования, а также о наличии или отсутствии ответственности, уважительного отношения к языку.

В данном исследовании идёт речь о современных системах поиска информации при сортировке тех или иных страниц, их использование возможно при знании орфографических правил. Именно поэтому текст, в котором имеется значительное количество ошибок, влияет на поисковые результаты.

Ключевые слова: орфография, коммуникативный аспект, орфографическая ошибка, орфографические модели, коммуникативная модель, традиционный принцип орфографии, принципы орфографии, орфографическая грамотность.

Луговская М.Ю.

Лексико-синтаксические окказионализмы М.И. Цветаевой как яркая примета ее идиолекта

В исследовании описываются окказионализмы М.И. Цветаевой, образованные лексико-синтаксическим способом. Анализу подвергается природа, генезис и классификационные основания лексико-синтаксических окказионализмов поэта. В работе делаются выводы о большом влиянии иностранных языков (немецкого и французского) на языковое экспериментаторство М.И. Цветаевой, а также поэтики и словообразовательных моделей русского фольклора и словообразовательных образцов русского литературного языка в синхроническом и диахроническом аспекте. В статье приводится классификация лексико-синтаксических окказионализмов, рассматриваются наиболее наглядные структурные модели, а также присутствуют многочисленные примеры подобных единиц.

Ключевые слова: окказионализм, классификация окказионализмов, лексико-синтаксический окказионализм, теория окказиональности, неология, идиолект М.И. Цветаевой, трилингвизм, мультилингвизм.

Рябова Е.Л.

Терновая Л.О.

Драматическая история установления государственных границ

Несмотря на то, что государства возникли в глубокой древности, их границы установились намного позже. Первоначально границы отличались крайней нестабильностью, что во многом отражало слабость государств. В тот отрезок европейской средневековой истории, когда слабости государственной власти противопоставлялась сила католической церкви, ложившаяся на ее плечи ответственность за безопасность территории, пагубно сказывалась на непосредственных задачах церкви. С формированием централизованных суверенных государств власти озаботились укреплением государственных границ. Но по мере роста мощи государственной власти возрастали ее геополитические аппетиты. Это потребовало выработки строгих правил договорного взаимодействия по вопросам государственных границ.

Ключевые слова: история, государство, церковь, граница, договор, международное право.

Упоров И.В.

Территориальное устройство на местном уровне в истории России: основные тенденции развития

В статье представлен обзор развития территориального устройства на местном уровне в истории России. Хронологические рамки охватывают период от XVIII в. до рубежа 1990 г. Отмечается, что на системном уровне эти вопросы стали регулироваться, начиная с эпохи Петра I, когда были сформированы восемь губерний, состоявших из городов, разрядов и приказов. В дальнейшем на местном уровне появлялись другие территориальные единицы, в XIX в. такими были также города, уезды, округа, отделы, края, волости, станицы. При этом органы местного самоуправления в силу ограниченных полномочий не влияли на территориальное устройство. Аналогичным было и положение в советском государстве, где мнение населения не учитывалось в решении данных вопро-сов. Ситуация стала меняться накануне распада СССР, и далее в Конституции России 1993 г. была заложена правовая основа территори-альной организации местного самоуправления с учетом современных требований. Однако соответствующие нормы недостаточно конкретны, и, соответственно, требуется более развернутое развитие этих вопросов в текущем федеральном и региональном законодательстве.

Ключевые слова: территория, губернии, уезды, районы, империя, СССР, население, закон, власть.

Петрова С.И.

Петров И.Ф.

Экзистенциализм как символ культуры двадцатого столетия

Экзистенциальное мировоззрение с его акцентом на уникальность человеческого бытия,

на проблемах свободы, ответственности, одиночества, страдания и смерти пронизывает собой значительную часть философских и художественных исканий прошлого столетия. В статье показывается, что в целом экзистенциализм стал одним из магистральных течений культуры XX века, обогатившим ее новыми темами, образами и выразительными средствами. Экзистенциализм дал мощный импульс развитию модернистской литературы, театра абсурда, интеллектуального кинематографа, заставив людей иначе взглянуть на собственную жизнь.

Ключевые слова: экзистенциализм, философия, культура, искусство, литература, творчество, кинематограф, человек.

Напсо М.Б.
Агирбов Т.Р.

Информация, информационное воздействие в условиях особых свойств современной информационной среды

В статье проблематика информационного воздействия рассматривается в контексте основных свойств информационной среды, особенностей оборота информации, имеющих постоянно меняющийся характер. Исходя из этого, авторы делают акцент на таких особенностях современного оборота информации, как контролируемый характер информационно-коммуникационных технологий, используемых в том числе для сбора, анализа и использования больших данных; информационный переизбыток, рост объемов некачественной, синтезированной, преобразованной, фейковой информации, информации в стиле перформанса. Проблема противодействия информационному воздействию на индивидуальном и государственном уровне представляет сложность в силу всепронивающего характера технологий и сверхдоверия им, объемности информационных отношений, постоянного совершенствования технологий и изменения качества и условий функционирования информационной среды, количества и существа риск-факторов, а также догоняющего правового и социокультурного регулирования. В таких условиях особую актуальность приобретают безопасные стратегии информационного поведения, основанные на информационной культуре индивида и общества, развитых компетенциях в сфере информационной безопасности и устойчивом информационном иммунитете.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная культура, информационный иммунитет, информационный переизбыток, некачественная информация, искусственный интеллект, дипфейк.

Бобышев С.В.
Душкина Т.А.

Процесс трансформации человеческой деятельности в условиях цифровизации общества

В статье рассматривается проблема социальной трансформации деятельности человека в условиях цифровизации - как основном условии глубинной медиатизации социального пространства. Электронно-цифровое общества выступает в качестве культурно-исторического контекста, изменяющего деятельность человека: образование, труд, игру, коммуникацию.

Ключевые слова: информация, искусственный интеллект, медиа-пространство, трансформация, деятельность, сознание, труд.

Галаева З.С.-Г.

Методология исследования миграционных процессов

Изучение проблем миграции населения является одним из наиболее актуальных вопросов современной науки. В статье рассматриваются основы различных методов анализа миграционных процессов и их потенциальных направлений для улучшения исследовательской практики. Исследование показало эффективность использования многообразия подходов и методик для более точного описания миграционной ситуации.

Ключевые слова: миграция населения, методы исследования, мигранты, переселение, миграционные потоки, абсолютные показатели, относительные показатели.

Залюбовская В.В.
Буняева К.В.

Немецкий оккупационный режим на территории Курской области: силы, средства и методы утверждения (1941-1943 гг.) (по донесениям советской агентуры)

Немецко-фашистская оккупация Курской области в 1941-1943 годах занимают видное место в исторических исследования отечественных специалистов в силу важности развернувшихся там событий. Реконструкция происходивших в этой области Центрального Черноземья событий в годы Великой Отечественной войны осуществлена основании впервые водимых в научный оборот архивных материалов территориального управления НКВД СССР. Архивные документы, привлеченные для написания данной статьи, представляли донесения советской агентуры, поступавшие руководству УНКВД по Курской области из оккупированных немецкими войсками районов Курской области, обзоры профашистских печатных изданий, выходивших на захваченных вермахтом городов и районов этой области. Анализ исторических документов свидетельствует, что немецкие оккупанты для утверждения нацистского «нового порядка» использовали значительные силы и средства. Основными методами достижения поставленных целей на территории оккупированных районов Курской области немецкие захватчики избрали тотальный террор.

Ключевые слова: немецкая оккупация, Курская область, немецко-фашистский оккупационный режим, тотальный террор.

Дегтярев А.П.

Социальные вопросы воинских чинов и их семейств в решениях государственного совета России в последние десятилетия XIX - начале XX вв. (1881-1905 гг.)

Статья посвящена рассмотрению в высшем законосовещательном органе власти России – Государственном совете - вопросов социального обеспечения офицерского состава и нижних чинов в действующей регулярной армии и в отставке в конце XIX - начале XX вв. Анализу подвергнуто и социальное попечение их семейств, в том числе в условиях русско-японской войны 1904-1905 гг., первой русской революции. Динамика прохождения вопросов социальной тематики в отношении российских воинов в изучаемые периоды свидетельствует о росте внимания государственных инстанций к нуждам защитников Отечества в условиях военных действий и острой социальной напряженности в стране. Показан постепенный процесс унификации законодательства о специальных льготных условиях для гражданских специалистов и военных чинов в отдельных местностях их службы и работы.

Ключевые слова: Государственный совет, департаменты, Военное министерство, офицеры, нижние чины, военные ведомства, денежное содержание, социальное обеспечение семейств, война, расходы, пенсия.

Демидов А.В.

Истоки смутного времени в Российском государстве в конце XVI - начале XVII веков

В статье рассматриваются причины, приведшие к возникновению в Россию в конце XVI – начале XVII веков Смутного времени. Рассматривается роль высшего московского боярства в появлении феномена самозванчества и в провоцировании иностранной интервенции. Особое внимание обращается на роль таких видных представителей высших кругов тогдашнего российского общества, как князья Шуйские и бояре Романовы.

Ключевые слова: Смута, Смутное время, царь, Димитрий, Борис Годунов, самозванец, самозванчество, Польша, Литва, Григорий Отрепьев, бояре Романовы, Лжедмитрий, Земский собор, Василий Шуйский, Семибоярщина, королевич Владислав.

Евдокимов И.Д.

«Пятилетка пышных похорон»: эпоха политических интриг

В статье рассматривается политический контекст периода в истории СССР, известного как «пятилетка пышных похорон». Исследуется расстановка сил в высшем руководстве КПСС в последние месяцы жизни Л.И. Брежнева, а также в период пребывания у власти Ю.В. Андропова и К.У. Черненко. Автор анализирует стратегию действий политических «кланов» и

конкретных деятелей в Политбюро ЦК КПСС. Особое внимание автор уделяет такому феномену, как политическая интрига, проявление которого в различных формах неразрывно сопровождало внутрипартийную борьбу за власть, обусловленную постоянной сменой Генеральных секретарей ЦК КПСС. С опорой на историческую и мемуарную литературу описываются основные эпизоды этой борьбы и приводятся выводы, отражающие результаты попыток воплощения в жизнь политических интриг.

Ключевые слова: политическая интрига, политическая борьба, пятилетка пышных похорон, Генеральный секретарь, Политбюро, Пленум, Брежнев Л.И., Андропов Ю.В., Черненко К.У., Горбачев М.С., ЦК КПСС.

Кураев А.М.
Самарец А.В.
Клепиковский А.А.

Идеологические основы воспитания офицеров на основе изучения военного опыта

В статье рассматривается вопрос развития идей профессионального воспитания офицера Вооруженных Сил СССР на опыте Великой Отечественной войны. Научное предположение исследования: развитие системы профессионального воспитания советских офицеров и окончательное становление идеологии Советской Армии. Методы исследования: анализ работ виднейших военных полководцев и военачальников И.Х. Баграмяна, П.И. Батова, А.М. Василевского, Л.А. Говорова, А.В. Горбатова, К.А. Вершинина, А.И. Еременко, Г.К. Жукова, М.Е. Катукова, И.С. Конева, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, К.К. Рокоссовского. Военные реформы и создание новой военной доктрины, опыт локальных войн и вооруженных конфликтов. На фоне конфликта мнений о характере войны и способах ее ведения, разворачивалась полемика о личности советского командира, о приоритетах в системе профессионально-личностных образований, свойств и качеств, о подходах к организации профессионального воспитания будущих командиров и развития системы профессионального воспитания советских офицеров и окончательное становление идеологии Советской Армии.

Ключевые слова: реформы, системы, идеология, советские офицеры, профессиональное воспитание, педагогика, полководцы.

Нусипбекова А.А.
Липунова Л.В.

Проблема объективного анализа деятельности П.А. Столыпина, направленной на становление парламентаризма в России и укрепление взаимодействия между советом министров и государственной думой I и II созывов

Статья посвящена проблеме объективного анализа деятельности П.А. Столыпина в Государственной думе I и II созывов. В ходе исследования данной проблемы автор производит анализ речей П.А. Столыпина, произнесённых им в Государственной думе в период с июня 1906 года по март 1907 года, и выделяет ряд принципов, как юридико-технических, так и теоретических, лежащих в основе политической стратегии П.А. Столыпина. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что развитие института парламентаризма путем построения и укрепления конструктивного взаимодействия между Советом министров и Государственной думой I и II созывов являло собой ядро преобразований государственного строя Российской империи на пути к становлению правового государства.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, Государственная дума, Совет министров, парламентаризм, русское народное представительство, правовое государство.

Шелудяков И.Ф.

Торговля в калужской губернии в годы НЭПа (по материалам газеты «Коммуна»)

Отдельные стороны развития государственной, кооперативной и частной торговли в годы нэпа, освещенные в ежедневной газете «Коммуна» в 1925-1926 году, становятся основой для авторского анализа изменения соотношения сил в секторах торговли Калужской губернии. Отмечается, как снижаются обороты частного сектора в связи с практическими задачами, поставленными перед губвнуторгами, за счёт чего растут показатели кооперации и

государственных организаций.

Ключевые слова: частная торговля, кооперация, государственная торговля, оборот, губвнуторг.

Чернова Л.М.

Ф.И. Тютчев как политический мыслитель: исследование взглядов поэта на ключевые события политической истории

Статья посвящена анализу взглядов на политическую ситуацию своего времени философа, поэта и дипломата Ф.И. Тютчева, отраженных в его обширной переписке. Основные аспекты политической мысли Ф.И. Тютчева во второй половине XIX века сосредоточены на Востоке, Франции и Германии. Его выдающееся понимание политической обстановки, способность детально анализировать и точно описывать международные обстоятельства и общественное мнение придают историческую ценность письмам поэта.

Ключевые слова: дипломатия, XIX век, общественное мнение, политика, история России и Европы, Тютчев, поэзия, творчество Тютчева.

Черкасов А.В.
Козлов М.Н.

Вариативность подходов к выделению ключевых факторов становления человека современного антропологического вида в работах крымских археологов XX в.

Черкасов А.В., Козлов М.Н. Вариативность подходов к выделению ключевых факторов становления человека современного антропологического вила в работах крымских археологов XX в. В статье охарактеризованы взгляды ведущих ученых прошлого столетия по вопросу установления ключевых детерминант в процессе антропогенеза. В частности, модели немецкого антрополога Ф. Вейденрейха (морфологическо-церебральный) и советских исследователей Г.А. Бонч-Осмоловского (морфологическо-трудовой) и Я.Я Рогинского (морфологическо-социальный). Приводится современный подход к проблеме, основанный на интеграции указанных моделей.

Ключевые слова: первобытная история и археология Крыма, палеоантропы, антропогенез, историография каменного века.

Галаева З.С.-Г.

Мотивы и проблемы миграции населения

Миграция является неотъемлемой частью истории человечества, представляющей собой сложный социально-экономический процесс. В зависимости от признаков классификации миграция оказывает существенное влияние на жизнь общества, включая возникновение культурного и этнического разнообразия. Масштабы миграции стремительно возрастают с развитием промышленности, торговли, науки и техники. Столкновение разных культур, религиозных и национальных традиций, несомненно, является следствием миграции. В ходе проведенного анализа автору удалось раскрыть сущность основных мотивов и проблем миграционных процессов в религиозном, межнациональном, социально-экономическом аспектах.

Ключевые слова: миграция, мотивы миграции, проблемы миграции.

Фельдман А.Л.

Роль императора Петра 1 в зарождении нефтяного дела в России

Реформы царя Петра 1 и его личное участие и заинтересованность оказали большое воздействие на развитие нефтяного дела в нашей стране. Поискам источников нефти на территории России и за ее пределами уделялось большое внимание. Нефтяной промысел начинает рассматриваться императором Петром 1 как возможный значительный источник государственных доходов. Достичь их роста правительство планировало за счет роста внутреннего потребления нефтяных продуктов и через увеличение объемов внешней торговли этим продуктом со странами Западной Европы.

Ключевые слова: император Петр 1, источники нефти, ухтинская нефть, каспийская нефть, транзитная торговля нефтью, балтийско-волжско-каспийский торговый путь.

Попов А.В.

Технический комитет Главного интендантского управления Красной Армии накануне и в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В статье на основании архивных документов освещается отдельный и самый тяжелый исторический период функционирования Технического комитета Главного интендантского управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как основного движителя научно-технического прогресса в вопросах продовольственного, вещевого и обозного снабжения военной организации отечественного государства. Приведены результаты анализа изменения организационно-штатной структуры, задач и функций, итогов работы основного объединенного инженерно-технического органа интендантской службы. Освещены персоналии руководителей и некоторых работников.

Ключевые слова: службы интендантского снабжения, организационно-штатные мероприятия, структурное подразделение, задачи и функции, интендантское имущество.

Долгушина П.С.
Шостак В.А.
Синегубов С.Н.

Истоки толерантности к деятельности Адольфа Гитлера и направлениям нацизма в странах Европы. Генезис неонцизма

В статье рассматривается проблематика исторического формирования толерантности в странах Европы по отношению к личности Адольфа Гитлера и его политико-управленческим решениям, а также проводится оценка влияния современных тенденций толерантности, ныне актуальных в Европейских странах, на восприятие феномена нацизма и неонацизма посредством анализа статистических данных. Актуальность данного вопроса неоспорима, поскольку тема Второй мировой войны, нацистской философии и деятельности предводителя национально-социалистической партии в лице Адольфа Гитлера, по сей день остаются спорной и неоднозначной. Проводится анализ относительно сохранности ценностного восприятия народами различных стран темы устойчивости мнений о нацизме, в связи с участившимися уклонами политической направленности в идеологической сфере в сторону изменения исторических фактов. Также в ходе исследования рассматривается феномен популяризации и поощрения неонацистских движений в Европейских странах; оценка взаимосвязи терминов нацизм и неонацизм; выявление степени угрозы, исходящей от последователей нацизма в рамках отдельных государств. Цель статьи заключается в исследовании влияния личности Адольфа Гитлера и созданной им идеологии на формирование либерального отношения к течениям нацизма в странах Европы.

Ключевые слова: история, толерантность, идеология, нацизм, влияние, личность, Европа, неонацизм.

Штоль М.В.

Арктический регион в политике циркумполярных стран в период разрядки в международных отношениях в 70-е годы XX века

В статье исследована внешняя политика Северных стран в условиях «холодной войны», в рамках планов Североатлантического альянса и США, не допускающих размещение на своих территориях ядерного оружия и оружия массового поражения. Обобщены итоги выстраивания межгосударственных связей Европейскими северными странами с СССР, проявляющими волю к взаимовыгодному сотрудничеству и созданию добрососедских отношений, закрепленными договорами, соглашениями и коммюнике.

Ключевые слова: Арктический регион, милитаризация, ремилитаризация в Арктике, военная безопасность, Северные страны, «холодная война», циркумполярные страны, взаимовыгодное сотрудничество.

Еэрфань Хайфэйцзы
Пэйцян Ни

Исследование личного обаяния Чжу Дэ с позиции теории харизматического лидерства

Статья анализирует личную харизму Чжу Дэ с позиции теории харизматического лидерства. Автор рассматривает истоки и развитие теории харизматического лидерства, точки зрения различных ученых и аналитических измерений, исследует жизнь Чжу Дэ и его достижения как лидера в усилении контроля партии над армией, обеспечении внутреннего единства партии, мобилизации революционных сил и вовлечении общественных сил в производственную деятельность и строительство. В основе структуры проведенного анализа лежат пять измерений: единое широкое видение, высокие моральные качества, внешний образ, убедительная риторика и гармоничные межличностные отношения. Указанные аспекты харизмы Чжу Дэ являются ценными для современной теории и практики лидерства, а его личность представляет собой классический пример для изучения харизматического лидерства.

Ключевые слова: харизматическое лидерство, Чжу Дэ, личная харизма, современная теория лидерства, Макс Вебер, история китайской революции.

Карпук О.К.

Стратегическое сотрудничество между Китаем и Советским Союзом 1949-1955 гг.

В статье анализируется важный исторический этап первых лет становления Китайской Народной Республики (КНР) и помощь Советского Союза (СССР) Китаю в период с 1949 по 1955 гг., когда КНР находилась на стадии формирования национальной инфраструктуры. Китай стремился к модернизации промышленности и усилению обороноспособности с помощью советского опыта и технологий. В статье рассматриваются ключевые аспекты этого сотрудничества: поставки Китаю современного вооружения, отправка военных экспертов и технических специалистов для помощи в создании промышленности и подготовки технических кадров; а также совместная разработка и производство военной техники.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Советский Союз, стратегическое сотрудничество, отправка экспертов, Китай, СССР, русско-китайские отношения, русско-китайское сотрудничество.

Abstracts

Murashko S.F.
Rudakova S.V.

Typical mistakes in the formation of plural nouns in English

The article is devoted to one of the complex categories of English grammar – the formation of the plural of nouns in English and the most common mistakes made by English language learners. The article examines various ways of forming plurals, provides examples of both correct and incorrect use of plural forms of words that present difficulties, as well as recommendations on how to avoid mistakes in speech.

Key words: the plural of nouns, grammatical category, morphological model, suffix, lexical borrowing.

Unatlokov V.Kh.
Mishin D.A.
Kurovsky S.V.

Comparative analysis of concepts in Russian and Chinese languages (based on the example of the concepts «soldier», «success», «study»)

The article presents the results of a comparative analysis of concepts in the Russian and Chinese languages. The scientific problem addressed in this work is the lack of a unified approach to applied, theoretical, comparative linguistic analysis of concepts in the research community. The purpose of the scientific study is to carry out a comparative analysis of concepts in the Russian and Chinese languages (using the concepts of «soldier», «success», «study» as an example). The article presents the trends in conceptual specific and general characteristics of the picture of the Russian and Chinese world, based on a comparative analysis of the selected concepts in the Russian and Chinese consciousness of people. The practical significance of the study is the possibility of a deeper understanding of the Russian and Chinese mentalities, the formation of effective interactions and dialogue between the PRC and the Russian Federation.

Key words: concepts, comparative analysis, semantic field, comparative analysis, Russian and Chinese languages, human consciousness, applied linguistic analysis.

Kropta O.A.

Russian spelling: a communicative aspect

The article attempts to consider Russian spelling from the point of view of the communicative aspect. The rationale is given that the concept of «spelling» is the most important component in the written presentation of information and is defined by the author of the article as a set of rules that regulate the spelling of words. The article provides a rationale for studying spelling and improving spelling literacy.

The author of the article talks about the correct spelling of words as knowledge of linguistic features, which indicates the level of education and education, as well as the presence or absence of responsibility, respect for language.

In this study, we are talking about modern information search systems for sorting certain pages, their use is possible with knowledge of spelling rules. That is why the text, which has a significant number of errors, affects the search results.

Key words: spelling, communicative aspect, spelling error, spelling models, communicative model, traditional spelling principle, spelling principles, spelling literacy.

Lugovskaya M.Yu.

M.I. Tsvetaeva's lexical and syntactic occasionalisms as a vivid sign of her idiolect

The study describes the occasionalisms of M.I. Tsvetaeva, formed in a lexical and syntactic way. The nature, genesis and classification bases of the poet's lexico-syntactic accidents are analyzed. Russian Russian literature draws conclusions about the great influence of foreign languages (German and French) on the linguistic experimentation of M. I. Tsvetaeva, as well as poetics and word-for-

mation models of Russian folklore and word-formation patterns of the Russian literary language in a synchronic and diachronic aspect. The article provides a classification of lexical and syntactic occasionalisms, discusses the most obvious structural models, and also contains numerous examples of such units.

Key words: occasionalism, classification of occasionalisms, lexico-syntactic occasionalism, theory of occasionality, neology, idiolect of M.I. Tsvetaeva, trilingualism, multilingualism.

Ryabova E.L.
Ternovaya L.O.
The dramatic history of the establishment of state borders

Despite the fact that states emerged in ancient times, their borders were established much later. Initially, the borders were extremely unstable, which largely reflected the weakness of states. In that period of European medieval history, when the weakness of state power was opposed by the strength of the Catholic Church, the responsibility for the security of the territory that fell on its shoulders had a detrimental effect on the immediate tasks of the church. With the formation of centralized sovereign states, the authorities became concerned with strengthening state borders. But as the power of state power grew, its geopolitical appetites increased. This required the development of strict rules for contractual interaction on issues of state borders.

Key words: history, state, church, border, treaty, international law.

Uporov I.V.
Territorial structure at the local level in the history of Russia: main development trends

The article presents an overview of the development of territorial structure at the local level in the history of Russia. The chronological framework covers the period from the 18th century to the turn of 1990. It is noted that at the systemic level, these issues began to be regulated, starting from the era of Peter I, when eight provinces were formed, consisting of cities, categories and orders. Later, other territorial units appeared at the local level, in the 19th century such were also cities, counties, districts, departments, territories, volosts, stanitsas. At the same time, local government bodies, due to their limited powers, did not influence the territorial structure. The situation was similar in the Soviet state, where the opinion of the population was not taken into account in resolving these issues. The situation began to change on the eve of the collapse of the USSR, and then the 1993 Constitution of Russia laid the legal basis for the territorial organization of local government, taking into account modern requirements. However, the relevant norms are not specific enough, and, accordingly, more detailed development of these issues in the current federal and regional legislation is required.

Key words: territory, provinces, districts, regions, empire, USSR, population, law, power.

Petrova S.I.
Petrov I.F.
Existentialism as a symbol of twentieth-century culture

The existential worldview with its emphasis on the uniqueness of human existence, on the problems of freedom, responsibility, loneliness, suffering and death permeates a significant part of the philosophical and artistic searches of the last century. The article shows that, in general, existentialism has become one of the main currents of twentieth-century culture, enriching it with new themes, images and expressive means. Existentialism gave a powerful impetus to the development of modernist literature, theater of the absurd, and intellectual cinema, forcing people to look at their own lives differently.

Key words: existentialism, philosophy, culture, art, literature, creativity, cinema, man.

Napso M.B.
Agirbov T.R.
Information, information impact in the conditions of special properties of the modern information environment

The article examines the problems of information impact in the context of the basic properties of

the information environment, the features of information turnover, which are constantly changing. Based on this, the authors focus on such features of modern information turnover as the controlled nature of information and communication technologies, used, among other things, for the collection, analysis and use of big data; information oversupply, the growth of low-quality, synthesized, transformed, fake information, information in the style of performance. The problem of countering information influence at the individual and state levels is complex due to the pervasive nature of technology and the over-reliance on it, the volume of information relations, the constant improvement of technology and changes in the quality and conditions of the information environment, the number and nature of risk factors, as well as catching up legal and socio-cultural regulation. In such conditions, secure information behavior strategies based on the information culture of the individual and society, developed competencies in the field of information security and stable information immunity become particularly relevant.

Key words: information impact, information culture, information immunity, information overabundance, low-quality information, artificial intelligence, deepfake.

Bobyshev S.V.
Lushkina T.A.

The process of transformation of human activities in the conditions of digitalization of society

The article examines the problem of social transformation of human activity in the context of digitalization, stating the deep mediatization of social space. The emergence of an electronic-digital society as a cultural and historical context that changes human activity: education, work, play, communication.

Key words: information, artificial intelligence, media space, transformation, activity, consciousness, labor.

Galaeva Z.S.-G.

Methodology for the study of migration processes

The study of population migration problems is one of the most pressing issues of modern science. The article discusses the basics of various methods of analyzing migration processes and their potential directions for improving research practice. The research has shown the effectiveness of using a variety of approaches and methodologies for a more accurate description of the migration situation.

Key words: population migration, research methods, migrants, resettlement, migration flows, absolute indicators, relative indicators.

Zalyubovskaya V.V.
Bunyaeva K.V.

German occupation regime in the Kursk region: forces, means and methods of approval (1941-1943) (according to reports from soviet agents)

The Nazi occupation of the Kursk region in 1941-1943 occupies a prominent place in the historical studies of domestic specialists due to the importance of the events that unfolded there. The reconstruction of the events that took place in this area of the Central Black Earth Region during the Great Patriotic War was carried out on the basis of archival materials of the territorial administration of the NKVD of the USSR, which were brought into scientific circulation for the first time. The archival documents used to write this article represented reports from Soviet agents received by the leadership of the NKVD in the Kursk region from the areas of the Kursk region occupied by German troops, reviews of pro-fascist printed publications published in the cities and regions of this region captured by the Wehrmacht. An analysis of historical documents shows that the German occupiers used significant forces and means to establish the Nazi "new order". The German invaders chose total terror as the main methods of achieving their goals in the occupied areas of the Kursk region.

Key words: German occupation, Kursk region, Nazi occupation regime, total terror.

Degtyarev A.P.

Social issues of military ranks and their families in the decisions of the state council of Russia in the last decades of the XIX - early XX centuries (1881-1905)

The article is devoted to the consideration by the supreme legislative authority of Russia, the State Council, of issues of social security for officers and lower ranks in the active regular army and retired in the late 19th and early 20th centuries. Russian Russians also analyzed the social care of their families, including during the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the first Russian Revolution. The dynamics of the passage of social issues in relation to Russian soldiers during the studied periods indicates an increase in the attention of state authorities to the needs of defenders of the Fatherland in the context of military operations and acute social tension in the country. It shows the gradual process of unification of legislation on special preferential conditions for civilian specialists and military officials in certain areas of their service and work.

Key words: State Council, departments, War Ministry, officers, lower ranks, military departments, salaries, social security of families, war, expenses, pension.

Demidov A.V.

The origins of the time of troubles in the Russian State in the late XVI - early XVII centuries

The article examines the reasons that led to the emergence of the Time of Troubles in Russia in the late XVI – early XVII centuries. The role of the highest Moscow boyars in the emergence of the phenomenon of imposture and in provoking foreign intervention is considered. Special attention is paid to the role of such prominent representatives of the highest circles of the then Russian society as Princes Shuisky and boyars Romanov.

Key words: Troubles, Time of Troubles, tsar, Dimitri, Boris Godunov, impostor, phenomenon of impostor, Poland, Lithuania, Grigory Otrepyev, Romanov boyars, False Dmitry, Zemsky Sobor, Vasily Shuisky, Semiboyarschina, Prince Vladislav.

Evdokimov I.D.

«The age of magnificent funerals»: the era of political intrigue

The article examines the political context of the period in history of the USSR known as «The Age of Magnificent Funerals». The article describes the balance of power in the top leadership of the CPSU in the last months of Leonid Brezhnev's rule, as well as during the leadership of Yuri Andropov and Konstantin Chernenko. The author analyzes the strategy of actions of political «clans» and figures in the Politburo of the Central Committee of the CPSU. The author pays special attention to such a phenomenon as political intrigue, the manifestation of which in various forms inextricably accompanied the internal party struggle for power caused by the constant change of General Secretaries of the Central Committee of the CPSU. Based on historical and memoir literature, the main episodes of this struggle are described and conclusions are drawn reflecting the results of attempts to implement political intrigues.

Key words: political intrigue, political struggle, five-year plan of lavish funerals, General Secretary, Politburo, Plenum, Brezhnev L.I., Andropov Yu.V., Chernenko K.U., Gorbachev M.S., Central Committee of the CPSU.

Kuraev A.M.
Samarats A.V.
Klepikovsky A.A.

Ideological foundations of officers' training based on the study of military experience

The article examines the development of ideas for the professional education of an officer of the USSR Armed Forces based on the experience of the Great Patriotic War. Scientific assumption of the study: the development of the system of professional education of Soviet officers and the final formation of the ideology of the Soviet Army. Research methods: analysis of the works of the most prominent military commanders and commanders I.Kh. Bagramyan, P.I. Batov, A.M. Vasilevsky, L.A. Govorov, A.V. Gorbatov, K.A. Vershinin, A.I. Eremenko, G.K. Zhukov, M.E. Katukov, I.S. Konev, R.Ya. Malinovsky, K.A. Meretskov, K.K. Rokossovsky. Military reforms and the creation of a new military doctrine, the experience of local wars and armed conflicts. Against the background of a con-

flict of opinions about the nature of war and the methods of waging it, a controversy unfolded about the personality of the Soviet commander, about priorities in the system of professional and personal formations, properties and qualities, about approaches to organizing the professional education of future commanders and the development of the system of professional education of Soviet officers and the final formation of the ideology of the Soviet Army.

Key words: reforms, systems, ideology, Soviet officers, professional education, pedagogy, commanders.

Nusipbekova A.A.
Lipunova L.V.

The problem of objective analysis of P.A. Stolypin's policy aimed at establishing parliamentarism in Russia and strengthening cooperation between the council of ministers and the State Government of the first and second convocations

The article is devoted to the problem of objective analysis of P.A. Stolypin's policy in the State Duma of the first and second convocations. In the course of studying the given problem, the author analyses the speeches of P.A. Stolypin delivered by him in the State Duma in the period from June 1906 to March 1907 and outlines a number of principles, both technical and theoretical, on which the political strategy of P.A. Stolypin is based. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the development of the institution of parliamentarism produced by building and strengthening constructive interaction between the Council of Ministers and the State Duma of the first and second convocations was the core of the transformation of the state system of the Russian Empire on the way to the establishment of legal state.

Key words: P.A. Stolypin, the State Duma, the Council of Ministers, parliamentarism, Russian people's representation, legal state.

Sheludyakov I.F.

Trade in Kaluga province during the NEP years (based on the materials of the newspaper «Commune»)

Separate aspects of the development of state, cooperative and private trade during the NEP years, highlighted in the daily newspaper «Commune» in 1925-1926, become the basis for the author's analysis of the changing balance of power in the trade sectors of Kaluga province. It is noted how the turnover of the private sector is decreasing in connection with the practical tasks set for gubvnutorgami, due to which the indicators of cooperation and government organizations are growing.

Key words: private trade, cooperation, state trade, turnover, gubvnutorg.

Chernova L.M.

F.I. Tyutchev as a political thinker: a study of the poet's views on the key events of political history

The article is devoted to the analysis of the views on the political situation of his time of the philosopher, poet and diplomat F.I. Tyutchev, reflected in his extensive correspondence. The main aspects of F.I. Tyutchev's political thought in the second half of the 19th century are focused on the East, France and Germany. His outstanding understanding of the political situation, the ability to analyze in detail and accurately describe international circumstances and public opinion give historical value to the poet's letters.

Key words: diplomacy, 19th century, public opinion, politics, history of Russia and Europe, Tyutchev, poetry, Tyutchev's work.

Cherkasov A.V.
Kozlov M.N.

Variability of approaches to the identification of key factors in the formation of a modern anthropological person in the works of Crimean archaeologists of the twentieth century

Cherkasov A.V., Kozlov M.N. Variability of approaches to the identification of key factors in the formation of a modern anthropological person in the works of Crimean archaeologists of the twentieth century. The article describes the views of the leading scientists of the last century on the

issue of establishing key determinants in the process of anthropogenesis. In particular. the models of the German anthropologist F. Weidenreich (morphological-cerebral) and Soviet researchers G.A. Bonch-Osmolovsky (morphological-labor) and Ya.I am Roginsky (morphological and social). A modern approach to the problem based on the integration of these models is presented.

Key words: primitive history and archeology of Crimea, paleoanthropy, anthropogenesis, historiography of the Stone Age.

Galaeva Z.S.-G.

Motives and problems of population migration

Migration is an integral part of human history, representing a complex socio-economic process. Depending on the attributes of classification, migration has a significant impact on the life of society, including the emergence of cultural and ethnic diversity. The scale of migration increases rapidly with the development of industry, trade, science and technology. The clash of different cultures, religious and national traditions is undoubtedly a consequence of migration. In the course of the analysis, the author managed to reveal the essence of the main motives and problems of migration processes in religious, interethnic, socio-economic aspects.

Key words: migration, motives for migration, migration problems.

Feldman A.L.

The role of Emperor Peter I in the emergence of the oil business in Russia

The reforms of Tsar Peter I and his personal participation and interest had a great impact on the development of the oil business in our country. Much attention was paid to the search for oil sources in Russia and beyond. Emperor Peter I began to consider oil production as a possible significant source of state revenue. The government planned to achieve their growth through the growth of domestic consumption of oil products and through an increase in the volume of foreign trade in this product with Western European countries.

Key words: Emperor Peter I, oil sources, ukhta oil, caspian oil, transit oil trade, Baltic-Volga-Caspian trade route.

Popov A.V.

Technical Committee of the Main Quartermaster Directorate of the Red Army on the eve of and during the Great Patriotic War of 1941-1945

The article, based on archival documents, highlights a separate and most difficult historical period in the functioning of the Technical Committee of the Main Quartermaster Directorate of the Workers' and Peasants' Red Army, as the main driving force of scientific and technical progress in matters of food, clothing and transport supplies of the military organization of the domestic state. The results of the analysis of changes in the organizational and staff structure, tasks and functions, and the results of the work of the main united engineering and technical body of the quartermaster service are presented. The personalities of the leaders and some employees are highlighted.

Key words: quartermaster supply services, organizational and staffing activities, structural subdivision, tasks and functions, quartermaster property.

Dolgushina P.S.
Shostak V.A.
Sinegubov S.N.

Origins of tolerance to the activities of Adolf Hitler and the directions of Nazism in European countries. The genesis of neo-nazism

The article examines the problems of the historical formation of tolerance in European countries in relation to the personality of Adolf Hitler and his political and managerial decisions, as well as assesses the impact of current trends in tolerance, currently relevant in European countries, on the perception of the phenomenon of Nazism and neo-Nazism through the analysis of statistical data. The relevance of this issue is indisputable, since the topic of World War II, Nazi philosophy and the activities of the leader of the National Socialist Party in the person of Adolf Hitler remain controversial and ambiguous to this day. The article analyzes the preservation of the value perception of

the peoples of different countries of the topic of the stability of opinions about Nazism, due to the increasing political bias in the ideological sphere towards changing historical facts. The study also examines the phenomenon of popularization and encouragement of neo-Nazi movements in European countries; assessment of the relationship between the terms Nazism and neo-Nazism; identification of the degree of threat posed by followers of Nazism within individual states. The purpose of the article is to study the influence of Adolf Hitler's personality and the ideology he created on the formation of a liberal attitude towards the currents of Nazism in European countries.

Key words: history, tolerance, ideology, Nazism, influence, personality, Europe, neo-nazism.

Shtol M.V.

The Arctic region in the politics of circumpolar countries during the period of detente in international relations in the 70-s of the twentieth century

The article examines the foreign policy of the Nordic countries in the context of the «Cold War», within the framework of the plans of the North Atlantic Alliance and the United States, which do not allow the deployment of nuclear weapons and weapons of mass destruction on their territories. The article summarizes the results of building interstate relations between the European Nordic countries and the USSR, which show the will to mutually beneficial cooperation and create good-neighborly relations, as stipulated in treaties, agreements and communiques.

Key words: Arctic region, militarization, remilitarization in the Arctic, military security, Northern countries, «cold war», circumpolar countries, mutually beneficial cooperation.

Yeerfan Haifeizi
Peiqiang Ni

Research on Zhu De 's personal charm from the perspective of Charismatic leadership theory

This paper analyzes the personal charisma of Zhu De from the perspective of charismatic leadership theory. It begins by tracing the development of charismatic leadership theory, exploring its origins, various scholars' viewpoints, and analytical dimensions. Subsequently, it examines Zhu De's life and his leadership achievements in strengthening the Party's control over the military, ensuring internal Party unity, mobilizing revolutionary forces for the revolution, and engaging social forces in production and construction. The analysis is structured around five dimensions: a shared grand vision, high moral character, external image, compelling rhetoric, and harmonious interpersonal relationships. These aspects of Zhu De's charisma provide valuable insights for contemporary leadership theory and practice, establishing a classic example for the study of charismatic leadership.

Key words: Charismatic leadership, Zhu De, personal charisma, modern leadership theory, Max Weber, history of the Chinese revolution.

Karpuk O.K.

Strategic cooperation between China and the Soviet Union 1949-1955

The article analyzes an important historical stage in the early years of the formation of the People's Republic of China (PRC) and the assistance of the Soviet Union (USSR) to China in the period from 1949 to 1955, when the PRC was at the stage of forming a national infrastructure. China sought to modernize its industry and strengthen its defense capabilities with the help of Soviet experience and technology. The article examines the key aspects of this cooperation: the supply of modern weapons to China, the dispatch of military experts and technicians to help establish industry and train technical personnel, as well as the joint development and production of military equipment.

Key words: People's Republic of China, Soviet Union, strategic cooperation, dispatch of experts, China, USSR, Russian-Chinese relations, Russian-Chinese cooperation.

Авторы

Агирбов Т.Р. - студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Бобышев С.В. - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория, история государства и права». Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Буняева К.В. - кандидат юридических наук, доцент. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Галаева З.С.-Г. - аспирант Исторического факультета. Ингушский государственный университет.

Дегтярев А.П. - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации.

Демидов А.В. - кандидат политических наук, доцент. Московский гуманитарно-экономический университет.

Долгушина П.С. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Евдокимов И.Д. - магистрант. Санкт-Петербургский государственный университет.

Еэрфань Хайфэйцзы - Институт марксизма, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Синьцзян, Китай.

Залюбовская В.В. - преподаватель, аспирант. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Карпук О.К. - магистрант, Чунцинский педагогический университет, Китай, Чунцин.

Клепиковский А.А. - преподаватель. Филиал ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Челябинске.

Козлов М.Н. - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет.

Кропта О.А. - кандидат филологических наук, доцент кафедры «Педагогика и методика профессионального обучения». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный аграрный университет», г. Волгоград. SPIN-код: 7171-6756

Кураев А.М. - кандидат исторических наук, доцент подполковник. Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск.

Куровский С.В. - руководитель научно-исследовательского подразделения, ООО «Высшая Школа Образования».

Липунова Л.В. - кандидат наук, доцент. Кузбасский гуманитарно-педа-

гогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк. SPIN-код: 1714-4502

Луговская М.Ю. - кандидат филологических наук, доцент. Байкальский государственный университет, г. Иркутск. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Лушкина Т.А. - доцент кафедры «Философия, социология и право». Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Мишин Д.А. - руководитель редакционно-издательского отдела, ООО «Высшая Школа Образования».

Мурашко С.Ф. - кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Напсо М.Б. - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса. Северо-Кавказская государственная академия.

Нусипбекова А.А. - студент. Кузбасский гуманитарно-педагогический институт федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», г. Новокузнецк.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Петров И.Ф. - доктор философских наук, профессор. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Попов А.В. - кандидат военных наук. Председатель Научно-технического комитета (Департамента ресурсного обеспечения Минобороны России). Orcid: 0009-0008-6660-0531

Пэйцян Ни - Институт марксизма, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Синьцзян, Китай.

Рудакова С.В. - кандидат психологических наук, доцент, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева.

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, главный редактор журнала «Этносоциум и межнациональная культура».

Самарец А.В. - кандидат педагогических наук, доцент полковник. Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск.

Синегубов С.Н. - доктор исторических наук, профессор, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Унатлоков В.Х. - кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Упоров И.В. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Российская академия естествознания, г. Краснодар.

Фельдман А.Л. - кандидат экономических наук, доцент кафедры топливообеспечения и горюче-смазочных материалов. Институт нефти и газа Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Черкасов А.В. - кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. Морской институт имени вице-адмирала В.А. Корнилова – филиала ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

Чернова Л.М. - аспирантка. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Заведующая Информационно-издательским отделом ФГБУК «ГИХиЛ Музей-заповедник «Абрамцево».

Шелудяков И.Ф. - аспирант. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Шостак В.А. - студент. Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, г. Ишим.

Штоль М.В. - аспирант, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Authors

Agirbov T.R., Student of the North Caucasus State Academy.

Bobyshev S.V., Doctor of Historical Sciences, Professor. Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

Bunyaeva K.V., Candidate of Law, Associate Professor. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

Cherkasov A.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines at the Vice Admiral V.A. Kornilov Maritime Institute– the branch of Admiral F.F. Ushakov State Maritime University.

Chernova L.M., Postgraduate student of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Head of Information and Publishing Department Federal State Budgetary Institution "GIHL Museum-Reserve "Abramtsevo".

Degtyarev A.P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History. The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky.

Demidov A.V., PhD in Political Science, Associate Professor. Moscow Humanitarian and Economic University.

Dolgushina P.S., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Evdokimov I.D., Master's Degree Stundent. Saint Petersburg State University.

Feldman A.L., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Fuel Supply and Lubricants Institute of Oil and Gas, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Galaeva Z.S.-G., Graduate student of the historical faculty of The Ingush State University.

Karpuk O.K., Master's Student, Chongqing Normal University, China, Chongqing.

Klepikovsky A.A., Lecturer of the Branch of the VUNC VVA "VVA named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin".

Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and World Culture of Sevastopol State University.

Kropta O.A., PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Professional Education. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Volgograd State Agrarian University, Volgograd. SPIN-code: 7171-6756

Kuraev A.M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel. Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk.

Kurovsky S.V., Head of the Research Department of LLC "Higher School of Education".

Lipunova L.V., Candidate of Sciences, Associate Professor. Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", Novokuznetsk.

Lugovskaya M.Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Baikal State University, Irkutsk. ORCID: 0009-0000-1023-2559

Lushkina T.A., Associate Professor of the Department of Philosophy Sociology and Law. Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

Mishin D.A., Head of the Editorial and Publishing Department of LLC "Higher School of Education".

Murashko S.F., Candidate of Psychological Sciences, Professor of A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Napso M.B., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the North Caucasus State Academy.

Nusipbekova A.A., Student. Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University", Novokuznetsk.

Peiqiang Ni, Institute of Marxism, Xinjiang University, Urumqi, Xinjiang, China.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Petrov I.F., Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

Popov A.V., Candidate of Military Sciences. Chairman of the Scientific and Technical Committee (Department of Resource Provision of the Ministry of Defense of the Russian Federation). Orcid: 0009-0008-6660-0531

Rudakova S.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Ethnosociety and Interethnic Culture".

Samarats A.V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Colonel. Novosibirsk Higher Military Command School, Novosibirsk.

Sheludyakov I.F., Postgraduate Student. Tsiolkovsky Kaluga State University.

Shostak V.A., Student. Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Sinegubov S.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of Tyumen State University, Ishim.

Shtol M.V., Post-graduate Student, Diplomatic Academy of the Ministry of

Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Unatlokov V.Kh., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Kabardino-Circassian Language and Literature, Kabardino-Balkarian State University.

Uporov I.V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor. Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar.

Yeerfan Haifeizi, Institute of Marxism, Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China.

Zalyubovskaya V.V., Lecturer, postgraduate student. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭТНОСОЦИУМ»

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура» входит в Перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:
создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.
Редакционная подготовка
(литературное и техническое редактирование), дизайн.
Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.
Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

* допечатная доработка (по желанию автора);
* редактирование;
* корректура;
* подготовка электронного макета;
* присвоение ISBN;
* присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
* разработка дизайна обложки;
* печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
* передача 16 экземпляров в Книжную палату;
* рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 772-19-99
e-mail: etnosocium@mail.ru